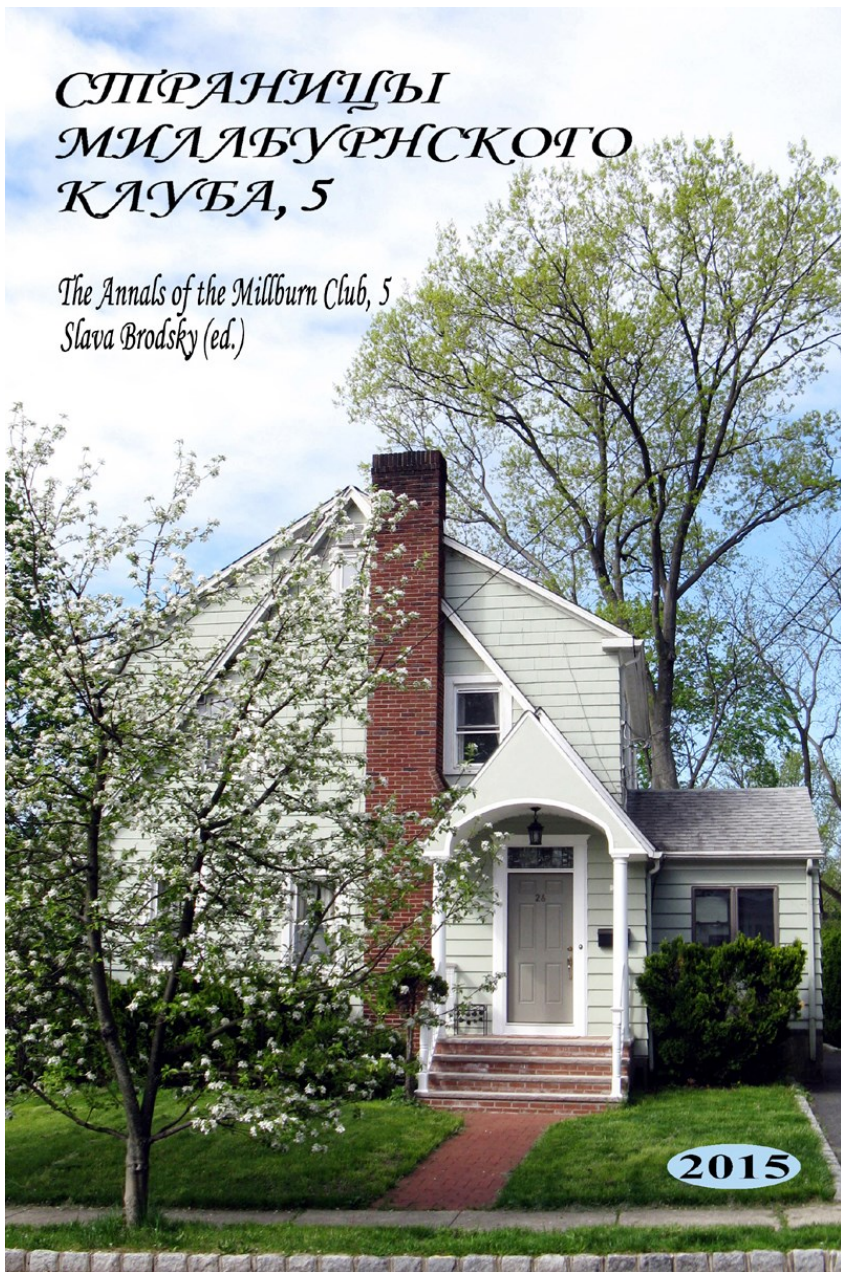

*СТРАНИЦЫ
МИЛБУРНСКОГО
КЛУБА, 5*

*The Annals of the Millburn Club, 5
Slava Brodsky (ed.)*

Слава
Бродский

Игорь
Ефимов

Петр
Ильинский

Зиновий
Кане

Яна
Кане

Мир
Каргер

Евгений
Любин

Юрий
Магаршак

Анна
Мазурова

Игорь
Мандель

Александр
Матлин

Юрий
Окунев

Зоя
Полевая

Юрий
Солодкин

Александр
Углов

Бен-
Эф

ISBN 978-1-936581-14-6

9 781936 581146

90000

*СТРАНИЦЫ
МИЛБУРНСКОГО
КЛУБА, 5*

*The Annals of the Millburn Club, 5
Slava Brodsky (ed.)*

*Под общей редакцией
Славы Бродского*

Manhattan Academia

Страницы Миллбурнского клуба, 5
Слава Бродский, ред.
Анастасия Мандель, рисунок на титульном листе

The Annals of the Millburn Club, 5
Slava Brodsky (ed.)
Stacy Mandel, drawing on the title page

Manhattan Academia, 2015
www.manhattanacademia.com
mail@manhattanacademia.com
ISBN: 978-1-936581-14-6
Copyright © 2015 by Manhattan Academia

В сборнике представлены произведения членов Миллбурнского литературного клуба. Его авторы - Слава Бродский, Игорь Ефимов, Петр Ильинский, Зиновий Кане, Яна Кане, Мир Каргер, Евгений Любин, Юрий Магаршак, Анна Мазурова, Игорь Мандель, Александр Матлин, Юрий Окунев, Зоя Полевая, Юрий Солодкин, Александр Углов и Бен-Эф.

This collection features works by members of the Millburn Literary Club: Slava Brodsky, Igor Efimov, Ben-Eph, Petr Ilyinskii, Zinovy Kane, Yana Kane-Esrig, Mir Karger, Yevoeny Lubin, Yuri Magarshak, Igor Mandel, Alexander Matlin, Anna Mazurova, Yuri Okunev, Zoya Polevaya, Yuri Solodkin, and Alexander Uglov.

Содержание

<i>Предисловие редактора</i>	4
СЛАВА БРОДСКИЙ	
<i>Смешные детские рассказы</i>	6
ИГОРЬ ЕФИМОВ	
<i>Крутые ступени цивилизации</i>	26
ПЕТР ИЛЬИНСКИЙ	
<i>Век просвещения</i>	38
ЗИНОВИЙ КАНЕ	
<i>Стихотворения</i>	67
ЯНА КАНЕ	
<i>О мутятах, монахах и богах</i>	72
МИР КАРГЕР	
<i>11 СД 163 СП РККА</i>	83
ЕВГЕНИЙ ЛЮБИН	
<i>Великое вторжение с Альдебарана</i>	111
ЮРИЙ МАГАРШАК	
<i>Театральная федерация Путина – наследница сталинских театральных процессов</i>	115
АННА МАЗУРОВА	
<i>Записная книжка</i>	121
ИГОРЬ МАНДЕЛЬ	
<i>Три культуры в двумерном пространстве</i>	162
АЛЕКСАНДР МАТЛИН	
<i>Рассказы</i>	194
ЮРИЙ ОКУНЕВ	
<i>Загадка янтарных бусинок</i>	208
ЗОЯ ПОЛЕВАЯ	
<i>Стихотворения</i>	242
ЮРИЙ СОЛОДКИН	
<i>Гаон</i>	245
АЛЕКСАНДР УГЛОВ	
<i>Формула Кардано</i>	266
БЕН-ЭФ	
<i>Стихотворения</i>	302

Предисловие редактора

Пятый выпуск «Страниц Миллбурнского клуба» собрал шестнадцать авторов, среди которых два новых имени – Юрий Магаршак и Анна Мазурова. Остальные авторы знакомы читателю по первым четырем выпускам. Сборник этого года сохраняет в основном направленность предыдущих выпусков, но отличается от них несколько бóльшим разнообразием жанров.

Петр Ильинский, Яна Кане и наш дебютант Анна Мазурова представили прозаические произведения – каждый в своем неповторимом стиле.

Сборник содержит историко-философское эссе Игоря Ефимова и культурологическую работу Игоря Мандела.

Я представил в выпуске этого года отрывки из своей книги рассказов от лица двенадцатилетнего мальчика о событиях более чем полувековой давности.

Евгений Любин и Юрий Окунев публикуют свои произведения в жанре фантастики: Евгений Любин – в стиле трагической сатиры, Юрий Окунев – с элементами детектива.

В сборник вернулись Александр Матлин, который представил два юмористических рассказа, и Александр Углов, который публикует у нас еще одну свою пьесу.

Мир Каргер, откликаясь на мой призыв писать об уникальном опыте жизни под прессом советского режима, продолжил серию своих публикаций. На этот раз свои воспоминания он пополняет историческими изысканиями о войне 1941 – 1945 гг., в частности, о судьбе 11-й стрелковой дивизии Красной Армии, где воевал и погиб его отец.

В сборник включены небольшие подборки стихотворений (очень разных по стилю) Зиновия Кане, Зои Полевой и Бен-Эфа.

Юрий Солодкин выступил с рассказом об одной человеческой судьбе. В сборник включено также политическое эссе нашего дебютанта Юрия Магаршака.

Как и в выпусках прошедших лет, в настоящем издании довольно много цитат. И они даются, как правило, без редакционной правки, поскольку наши авторы часто хотят сохранить цитируемый текст нетронутым. Не исключено поэтому, что иногда там можно найти стилистические или пунктуационные шероховатости, а порой и прямые грамматические несуразности.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить Рашель Миневич за большую помощь, которую она оказала мне в процессе подготовки сборника к публикации.

Слава Бродский
Миллбурн, Нью-Джерси
19 октября 2015 года

Слава Бродский – выпускник Московского университета (математического отделения мехмата). Автор многочисленных работ в области прикладной математической статистики. С 1991 года живет в Соединенных Штатах. Свою трудовую деятельность в Америке начал в небольшой компьютерной фирме штата Нью-Джерси, выполняющей заказы компаний Уолл-стрита. Через два года перешел в *Chase Manhattan Bank*. С тех пор работал в крупнейших финансовых компаниях Манхэттена. В 2004 году он начал

свою писательскую карьеру. Тогда была опубликована его первая повесть «Бредовый суп». Затем вышли и другие его книги. Он работает также в различных стилевых направлениях изобразительного искусства. Но особое место в его творчестве занимает керамика, над которой он трудится в керамической мастерской своего дома. Живет с женой в Миллбурне (штат Нью-Джерси). Его веб-сайт: www.slavabrodsky.com.

*Смешные детские рассказы**

Короткие рассказы от лица двенадцатилетнего мальчика относятся к событиям, происходившим в Москве в середине пятидесятих годов прошлого века, через десять лет после окончания Второй мировой войны. Все описываемое в рассказах имело место в Москве, неподалеку от площади трех вокзалов, там, где Большая Переяславская улица соединяется с Безбожным (ныне Протопоповским) переулком и Каланчевской улицей и где от Каланчевки отходит вверх Большой Балканский переулочек.

Дырка

Когда я стану большим, то у меня вся одежда будет красивая и без дырок. И я очень часто мечтаю, чтобы у меня нигде не было ни единой дырочки. Нигде, и ни одной.

А думал я сегодня о дырках, потому что мама заштопала мне штаны сзади. И когда мама штаны мои заштопала, то мы стали с ней смотреть, заметно это или не заметно, что штаны теперь мои – штопаные. Мама считала, что штопку совсем не видно. Но я не был с ней согласен. И мама сказала, что она сейчас поставит утюг на газ, все загладит, и тогда будет совсем незаметно.

И вот мама поставила утюг на газовую плиту. А когда она нагрела утюг и загладила штопку, то сказала мне, что, мол, видишь, штопка теперь совсем не заметна. И я с ней согласился. Но согласился я с мамой потому, что мне было жалко ее расстраивать и

* Отрывки из одноименной книги (*Manhattan Academia*, 2007).

говорить, что штопку, конечно, видно.

Да что там говорить: заштопанные брюки никогда уже не будут выглядеть как незаштопанные. И что самое главное во всей этой истории, так это то, что дырка была на заднем месте. А дырка на заднем месте – это самая позорная дырка на свете. Она не сравнится ни с какой другой дыркой.

Вот возьмем, к примеру, дырку на рукаве. О такой дырке можно только мечтать. Ну, конечно, на рукаве тоже разные места бывают. Если, скажем, дырка на локте, то это будет, безусловно, следующая дырка после дырки на заднем месте. Дырка на локте означает, что ты носишь свою куртку так долго, что локти протерлись. Гораздо лучше, если дырка будет на концах рукавов. Ну, вроде бы ты не очень аккуратно носил куртку, вот рукава и обтрепались. А куртка-то, мол, и не старая совсем.

Самая хорошая дырка – это дырка поближе к плечу. Это может означать, что вроде бы ты гвоздем где-то случайно зацепил свою куртку, вот и получилась дырка. А так – куртка у тебя еще почти что новая. То есть дырка эта уже и не дырка вообще.

А моя дырка, ну то есть которая сзади, она уже давно назревала. И я все следил за ней. И мама как-то заметила, что я ее разглядываю, и предложила еще тогда ее заштопать. Но я не дал маме этого сделать. Потому что когда дырка заштопана, то это уже значит совсем другое, чем когда она не заштопана. Если дырка не заштопана, то всегда можно сделать вид, что ты об этой дырке и не знаешь. А если кто-то заметит дырку и скажет тебе о ней, то тогда можно сделать вид, что это не имеет никакого значения, потому что тебе скоро должны купить новые штаны.

Если же дырка заштопана, то это уже значит, что все давным-давно об этой дырке знают. Это еще означает, что никакие новые штаны в ближайшем будущем тебе куплены не будут. Потому что, если тебе собираются покупать новые штаны в ближайшем будущем, то никто тогда эту дырку штопать не будет.

Вот из-за этой заштопанной дырки на заднем месте мне надо будет теперь все время думать, какой стороной и куда поворачиваться. И никогда нельзя будет забыть об этом.

Особенно обидно мне это было потому, что вот только совсем недавно мама купила мне новые ботинки. И я был ужасно доволен, когда мама купила мне новые ботинки. Потому что можно было не опасаться, как раньше со старыми ботинками, что кто-то увидит, что они протерлись до большущих дыр. Можно было бегать сколько угодно и задирать ноги, как хочешь.

И это было такое счастье, что трудно в него было даже поверить. И мне все время снились сны, что на самом деле у меня ботинки с дырками. А когда я просыпался, то было так здорово, что это был только дурной сон.

Сейчас у меня со снами все наоборот. Я просыпаюсь утром и сразу же начинаю думать: «А вдруг у меня штаны не заштопаны, и

это был просто дурной сон?» И, к сожалению, оказывается, что это совсем не сон.

И я часто лежу еще несколько минут с закрытыми глазами и думаю о том времени, когда я стану взрослым. Я не сомневаюсь в том, что дырок у меня тогда не будет. Но каким образом это все получится, что дырок у меня не будет, я пока еще не знаю.

Хоккейная клюшка

Сегодня мы играли в хоккей. Зимой мы очень часто в хоккей играем. Потому что зимой это самое интересное, что можно придумать. А зима у нас длинная. Почти полгода у нас зима. С ноября по март. Да и в октябре, и в апреле снег тоже может идти.

На самом-то деле, это, конечно, не совсем хоккей. Играем мы не на льду, а на снегу. Поэтому мы играем без коньков. Мы просто бегаем в ботинках, а чаще – в валенках. И если мы бегаем в валенках, то мы на них, конечно, калоши надеваем.

Иногда у нас заливают каток. Но, во-первых, это очень редко бывает, а во-вторых, мы все равно в валенках бегаем. А бегаем мы в валенках, потому что каток неровный. На коньках по нему трудно ездить. Да и коньки далеко не у каждого есть.

Сегодня каток у нас не был залит. Но все равно мы так затоптали снег, что шайба по нему шла нормально. Очень здорово она по нему шла. Почти что скользила. А скользила она по снегу потому, что шайба у нас очень хорошая.

Мы делаем ее из консервной банки. Но не из высокой банки, конечно. Мы делаем шайбу из плоской консервной банки. И самая лучшая консервная банка – это такая, которую открыли только на четверть или на треть, не больше. Если в нее натолкать что-нибудь для тяжести и жезть обратно загнуть, то получается совсем неплохая шайба. И возни с ней мало. Припрятываем мы ее прямо где-то во дворе. И никогда она у нас не пропадала. Наверное, потому что она больше никому не нужна.

И еще у нас есть одно отличие от хоккея. Мы играем без клюшек. Но не потому, что у нас их нет. Кое у кого клюшки есть. Мы жезтью прикрепляем к палке продолговатый кусок фанеры. И получается канадская клюшка. Но клюшки такие есть не у всех. А когда кто-то с клюшкой, а кто-то без клюшки, то для клюшки это очень плохо заканчивается. Когда она встречается с валенком, то сразу же ломается. По этой причине мы и опасаемся играть клюшками. Хотя тот, у кого клюшка есть, все-таки выносит ее во двор. Но выносит он ее во двор только для того, чтобы потренироваться. А когда мы на счет начинаем играть, то тогда каждый уже знает, что клюшку лучше в сторонку отложить.

А вот ворота у нас – настоящие. Ну, почти настоящие. Мы забиваем голы под скамейку. Шайба должна пройти между ножками скамейки под ее сиденьем. Вот это как раз то самое место,

где клюшки чаще всего и ломаются. Потому что, когда ты пропихиваешь шайбу под скамейку своим валенком, ни одна клюшка устоять не может. К концу декабря скамейку уже заносит снегом. Тогда мы что-то другое придумываем.

А сегодня один мальчик из нашего двора решил клюшкой на счет играть. Ну и мой друг Глеб Парамонов, с которым мы с первого класса за одной партой сидим, тут же ему клюшку и сломал.

Беда еще состояла в том, что клюшка была не самодельная. Это была настоящая покупная клюшка. Я такую клюшку первый раз в жизни видел. Тот, кто ее принес, сказал, что эта клюшка – для русского хоккея. Внизу она была не прямой и тонкой, как канадская клюшка, а была она изогнутой и толстой. И она казалась такой прочной, что никто не думал, что она сломается, да еще так быстро.

Ну и тот, кто принес эту клюшку, в драку полез на Глеба. А когда он полез на Глеба в драку, пришлось мне напомнить, какие у нас тут правила. У нас их все знают. Если ты решил играть клюшкой, а я твою клюшку сломал, то я за нее не отвечаю. Ну, конечно, я за нее не отвечаю, если я сделал это не нарочно. Это у нас такой закон. А то, что Глеб сделал это не нарочно, это все видели.

Ну и, конечно, домой я после этого хоккея сегодня пришел весь мокрый. И мама была очень недовольна. Мама вообще всегда недовольна, когда я прихожу мокрый. А после хоккея не мокрым быть нельзя. А поскольку после хоккея не мокрым быть не получается, мама не любит, когда я в хоккей играю. Она все хочет меня на что-нибудь другое переключить.

В прошлом году мама повела меня в бассейн – в секцию плавания записать. Но в бассейне сказали, что она меня очень поздно привела. Тогда мама спросила, а в котором же часу надо приходить. И ей ответили, что они имели в виду совсем другое. Они имели в виду, что олимпийский чемпион из меня уже не получится. Надо гораздо раньше начинать. И сказали маме, что надо приводить ребенка, когда ему пять лет.

Мама с ними заспорила и попросила записать меня в секцию для начинающих. Но маме ответили, что начинающих у них нет. А когда мама стала настаивать, ей сказали: «Ладно, оставляйте ребенка. Но если он у нас утонет, мы за это отвечать не будем». Ну и мы тогда ушли отсюда.

Я продолжал играть в хоккей. А мама все сердилась, когда я приходил мокрый. И сегодня мама тоже была недовольна, что я пришел мокрый. Она сказала мне, что сегодня еще вторник, а я выгляжу таким грязным, как будто сегодня уже суббота. И в самую пору уже разжигать колонку, чтобы меня мыть. А мое постельное белье теперь придется, наверное, менять каждую неделю – как за границей в лучших гостиницах. И что она еще посмотрит сейчас, высохла ли моя вчерашняя майка. Еще мама сказала, что если меня вовремя не позвать домой, то я могу, наверное, там во дворе прямо

над консервной банкой умереть.

Вчерашняя майка оказалась сухой. Но мама все еще не могла успокоиться. И она мне сказала, что надеется, что я не буду раздеваться в подъезде, чтобы просушить свою мокрую одежду. А если я буду делать такую глупость, то запросто могу простудиться.

Когда же я призадумался над ответом, мама пришла в ужас и сказала, что теперь она просто не знает, что ей делать. И, наверное, ей не надо меня ругать за мокрую спину. Потому что при таком неразумном моем поведении я могу подхватить воспаление легких. Ну и мне пришлось пообещать маме, что я не буду доводить дело до того, чтобы приходиться домой с мокрой спиной. Тогда мама наконец успокоилась, а я засел за уроки.

А когда я делал уроки, то перед глазами у меня все стояла эта поломанная клюшка. Еще до того, как она сломалась, я подержал ее немного в руках. Конечно, она была ужасно красивая. Края у нее не были острыми. Они были закруглены. И клюшка вся была покрыта каким-то чудесным лаком. А изгибы у нее были такими, что у меня все холодило внутри. И я подумал, что мне очень повезло в том, что у нас есть двор, где можно поиграть в хоккей. И что мне повезло, что у нас многим нравится эта игра. И я подумал, что все это очень здорово.

А мамина идея насчет мокрой спины, ну насчет того, чтобы раздеваться в подъезде и сушить свою мокрую одежду, мне очень понравилась.

Американская тушенка

Война уже давно закончилась, а взрослые всё про нее вспоминают. Как соберутся у нас, так сразу начинают вспоминать, как было во время войны. И всё говорят и говорят об одном и том же.

На самом-то деле, про саму войну никто не рассказывает. Все только вспоминают о том, как они жили во время войны. А не рассказывает никто про саму войну, потому что некому про нее рассказывать: одни еще были слишком молодыми, а другие уже старыми для фронта. Тех же, которые по возрасту подходили бы для фронта, я у нас в гостях не видел.

Только мой папа мог бы рассказать, что там было на войне. Но он гостям нашим ничего не рассказывает. А когда я как-то попросил его рассказать, то он сказал, что там было совсем не так, как в кино показывают.

Еще папа сказал мне, что каждый боялся, что его убьют. Все думали только об этом: убьют или не убьют. И вообще там было страшно. А когда я спросил у папы, боялся ли он, что его убьют, то он сказал, что ему тоже было страшно. Но он сказал, что всем поразному было страшно. Например, ему как-то поручили проводить куда-то одного офицера из штаба. И вот когда папа его повел, то офицер лег на живот и всю дорогу полз. И папа сказал, что ему

было очень неловко за этого офицера.

А еще я как-то спросил, было ли такое, чтобы папа убил кого-то. И папа сказал, что один раз у него был такой случай, что он мог кого-то убить. В те дни никто не знал толком, в каком доме наши, а в каком доме немцы. И папа как-то из окна дома увидел во дворе немцев. Они были очень близко. Тогда папа схватил винтовку. Но она оказалась в песке, и у папы ничего не получилось. Тогда папа схватил другую винтовку, но она тоже оказалась в песке.

А еще папа рассказывал, как он тащил в госпиталь своего раненого командира. Папе показалось тогда, что командира еще раз ранило, пока папа тащил его. Но папа не был в этом уверен.

Когда папа дотащил своего командира, то папу похвалили и сказали, что представят к награде. Потому что за такое дело полагался орден. Но почему-то ему орден так и не дали.

Мама говорит, что папа родился в рубашке. А говорит она так потому, что мы не слышали, чтобы из Сталинграда кто-то живым вернулся. А папа вернулся из Сталинграда. Но потом его опять на фронт забрали.

Я слышал, как мама как-то рассказывала нашим гостям, что перед самым концом войны от папы несколько месяцев не было писем. Мама не знала, что ей и думать. И вот уже был май сорок пятого, а от папы так ничего и не было. А восьмого мая наш сосед сказал маме, что война закончилась. Он очень возмущался, что всему миру об этом известно, а нам – нет. И мама не знала, верить ему или не верить, и пошла спать.

А рано утром ее разбудили три звонка в дверь. Три звонка означали, что это к нам кто-то идет. Но мама не пошла открывать дверь, потому что было еще очень рано. Так рано могла прийти только молочница, которая нам молоко продавала. Тут мама услышала, что наш сосед пошел открывать дверь. И вдруг сосед закричал: «Оо-оо!» И мама, сказала, что она тогда все поняла и пулей выскочила в коридор. Мама так и сказала: «Я пулей выскочила в коридор». И это был мой папа.

Есть еще одна история, которую мама рассказывает гостям иногда. Она рассказывает, как она пошла на рынок продавать папино пальто. А продавать папино пальто она пошла потому, что есть было совсем нечего. Это случилось в первый раз, что мама пошла что-то продавать. И она очень боялась чего-то. Хотя все ей говорили, не бойся, мол, так все делают – ничего такого.

Вот мама пошла продавать пальто. Она долго стояла на рынке и не решалась никому это пальто предложить. И она все говорила сама себе, что надо быть посмелее, потому что вон, мол, все продают и никого не боятся.

Потом мама увидела одного молодого человека. И этот молодой человек показался ей очень симпатичным. Мама осмелела, подошла к этому человеку и сказала: «Молодой человек, вам не нужно пальто? Я могу вам продать».

И тут этот молодой человек вынул из кармана свое удостоверение и показал его маме. Когда он это сделал, у мамы от страха ноги подкосились и в глазах потемнело. Но она даже не поняла, что это было за удостоверение.

Молодой человек строго спросил у мамы, откуда у нее это пальто. И мама ответила, что это пальто ее мужа и что муж – на фронте. А молодой человек сказал, что он для того здесь и поставлен, чтобы ловить всяких бандюг и спекулянтов вроде моей мамы. И он спросил у мамы, а что она скажет своему мужу про пальто, когда он с фронта вернется. Тут мама не выдержала и заплакала. И когда она заплакала, то сказала молодому человеку, что с мужем она как-нибудь уж разберется. И этот молодой человек все-таки отпустил маму.

Мама потом все удивлялась, что на рынке действительно все продают всё что угодно. Но поймали почему-то только ее. И она больше уже никогда на рынке ничего даже и не пыталась продавать.

А пальто папино, которое мама хотела продать на рынке, еще долго у нас висело в шкафу без дела. И только недавно мама его перелицевала и что-то еще сделала, и получилось отличное и модное пальто для мамы. И все ее только спрашивали, где она взяла такое хорошее сукно.

Еще мама рассказывала, что в войну ей выдавали два куса чёрного хлеба на день. Она один кусок съедала, а второй оставляла на завтра. И в этот момент своего рассказа мама делала небольшую паузу. Потому что она знала, что сейчас ее обязательно должны спросить, а почему же ей давали два куса хлеба. И действительно, ее об этом спрашивали, и она отвечала, что один кусок хлеба давали ей, а другой – на ребенка. А ребенку хлеб-то был ни к чему, потому что я, мол (это моя мама про себя так говорила), потому что я, мол, его (меня то есть) молоком кормила.

И вот она прятала второй кусок хлеба в шкаф, чтобы назавтра устроить пир, то есть съесть сразу три куса хлеба. Но когда мама прятала хлеб в шкаф, то она все время о нем думала. Она все время думала о том куске хлеба, который у нее был отложен на завтра. И она доставала его из шкафа и смотрела на него. Когда она смотрела на него, ей казалось, что он неровный. Тогда мама его подрезала, чтобы он ровным был. То, что она от него отрезала, она съедала, а ровный кусок прятала обратно в шкаф.

Потом мама снова доставала то, что положила в шкаф. Ей казалось опять, что она не совсем хорошо подровняла кусок хлеба. И она снова подрезала его. Так продолжалось до тех пор, пока мама весь свой завтрашний кусок не съедала.

Есть еще одна история, которую мама как-то рассказала. Когда мы вернулись в нашу квартиру после эвакуации, то оказалось, что все замки на дверях были сломаны. А когда мама открыла дверь нашей комнаты, то она увидела, что в ней ничего нет. Не было даже ни одного стула.

И мама заплакала, потому что она не знала, что ей теперь делать. Тогда ее кто-то научил, что надо пройти по всем подъездам дома и посмотреть у всех соседей, нет ли у них нашей мебели.

Мама сначала засомневалась, что ее пустят в чужую квартиру. Она говорила: «Что же я скажу, когда мне откроют дверь? Простите, дескать, я хочу проверить, не украли ли вы что-то у меня?» Но маме сказали, чтобы она не переживала так сильно, что именно она должна сказать. И что сейчас, мол, все так делают.

И вот мама пошла по подъездам. Она стучала в квартиры и просила хозяев пустить ее посмотреть, не попала ли туда случайно наша мебель. Кажется, в первой же квартире мама увидела наш шкаф. Она спросила хозяйку, чей это шкаф. А хозяйка ответила: «Откуда же я знаю, чей это шкаф». Тогда мама сказала, что это наш шкаф. И хозяйка сказала: «Если это твой шкаф, то забирай его».

В другой квартире маме открыла дверь пожилая женщина. Мама сразу увидела на ней свою кофточку. И мама сказала, что это ее кофточка. Тогда эта женщина сняла с себя кофточку и отдала ее маме. Таким вот образом мама многое смогла вернуть. Только мама сказала, что ей было очень неудобно и стыдно ходить по квартирам. Особенно ей было неудобно, когда она что-нибудь свое находила.

Все наши гости тоже много всякого вспоминают. Вспоминают они, как буржуйку топили дровами. А трубу от нее вставляли в форточку. Вспоминают, где и как они дрова доставали. И как они не только дровами, а всем чем можно, эту буржуйку топили.

Кто-то вспомнит обязательно, как воду кипятили в стакане с помощью двух бритвенных лезвий. А поскольку после войны более десяти лет прошло, то этот «кто-то» уже начинает забывать, когда лезвиями кипятили – во время войны или после. А один раз кто-то рассказал, как его учили электричество воровать. Надо один провод к батарее парового отопления подсоединить. И тогда на счетчик ничего не пойдет.

Обязательно говорят о том, какие немцы жестокие и какие они гадости делали. И, конечно, вспоминают, как немцы из людей мыло варили и прямо на мыле писали, что это мыло сварено из людей. А мамин брат как-то усмехнулся и спросил, кто же такое мыло покупал, если на нем было написано, что оно сварено из людей. И ему сразу же все стали говорить: «Что ты имеешь в виду? Что ты имеешь в виду?» А брат моей мамы ответил, что он ничего не имел в виду.

Могут гости немного позавидовать тем, кто ранение небольшое на войне получил, потому что за это льготы всякие обещали. А если кто-то позавидует инвалидам войны, то ему тогда скажут, что лучше уж без всяких льгот жить, чем так. А мамин брат как-то сказал, что всех инвалидов войны потихоньку стали из Москвы выселять, чтобы они вида столицы не портили. А кто-то ему возразил, что инвалидов выселять стали не вообще из Москвы, а только из центра Москвы.

Иногда кто-нибудь скажет, что вот, мол, союзники у нас были ненадежные. И начнут все вспоминать о том, когда они обещали открыть второй фронт и когда они на самом деле его открыли. После этого обычно все замолкают ненадолго. И я даже знаю, о чем все думают в это время. Потому что кто-то обязательно скажет что-то про союзников хорошее. А как только кто-то это скажет, так все начинают сразу говорить всякое хорошее про союзников. О ленд-лизе, конечно, много говорят. И в конце концов все сойдутся на том, что без американской тушенки мы все бы тут померли от голода.

Обязательно кто-нибудь вспомнит про блокаду. И скажет, что в блокаду кошек и крыс ели. Хотя никто из наших гостей никогда ни одного блокадника в глаза не видел. А кто-то однажды сказал, что в блокаду были случаи, когда матери своих детей ели. И брат моей мамы сказал тогда, что это было не в блокаду, а в двадцать девятом году, а потом еще в сорок шестом. И тут на него все зашикали. Что ты, мол, такое говоришь. А мама ему сказала: «Не говори так громко. Соседи могут услышать».

И вот я думаю, почему же это так: война уже давно закончилась, а взрослые всё про нее вспоминают и вспоминают? Почему они, как соберутся у нас, так сразу начинают вспоминать, как было во время войны? И почему они всё говорят, говорят и говорят об одном и том же?

И мне вот еще что непонятно. Я как-то попробовал американскую тушенку. Она, конечно, очень вкусная была. И мясо это тушеное на мясо даже не было похоже. Оно было в десять раз вкуснее обычного мяса. И я подумал, почему же американцы посылали нам такое вкусное мясо. Ведь во время войны можно было что угодно нам посылать. Почему же они нам посылали самое вкусное, что у них было? Можно ведь было нам посылать то, что американцы сами есть не любят. Мы бы все равно это съели.

Старые ботинки

Лето наше короткое. Настоящее лето всего два-три месяца. И летом мы часто играем в футбол. Весной и осенью, когда у нас во дворе грязи по колено, в футбол не поиграешь. Поэтому летом, когда дождя нет, мы стараемся почаще в футбол играть.

В футбол мы играем на том же самом месте, где зимой в хоккей играем. И мы ту же самую консервную банку пытаемся забить под ту же самую скамейку. Но все равно мы не говорим, что мы играем в хоккей. Летом мы говорим, что мы играем в футбол.

Вместо шайбы летом лучше было бы играть мячом. Но футбольного мяча у нас ни у кого никогда не было. Поэтому мы всегда играем консервной банкой. И то ли от консервной банки, то ли от чего другого ботинки наши очень сильно страдают. У всех с родителями из-за этого большие неприятности получаются. Меня мама за ботинки тоже ругает. Она мне говорит, что ботинки на мне просто горят.

Мой друг Глеб Парамонов, когда ему купили новые ботинки в конце прошлого года, не стал выбрасывать старые. Он сказал мне, что если он будет играть в футбол в новых ботинках, мама его убьет.

Когда ему покупали новые ботинки, нога у него была тридцать шестого размера. А ботинки ему купили на вырост. То есть тридцать восьмого размера. Старые его ботинки ему покупали тоже на вырост. Но тогда у него нога была тридцать четвертого размера. А ботинки ему купили тридцать пятого размера. Сейчас, когда его нога подросла за зиму, наверное, на полразмера, он надевает в школу ботинки на полтора размера больше, а в футбол он играет в ботинках на полтора размера меньше.

Сегодня Глеб, конечно же, вышел во двор в старых ботинках. Он мне сказал, что поскольку ботинки эти уже хорошо разношены, то они ему почти и не жмут. Но вот только на пятке сади у него появились какие-то твердые шарики под кожей. И он сказал, что он боится, что шарики эти могут у него на всю жизнь остаться.

А мы всегда во дворе обсуждаем, если у кого какая рана бывает, останется что-то на всю жизнь или не останется. Я сказал Глебу, что у меня была точно такая же история. И я знаю на своем собственном опыте, что это совсем не страшно. Эти шарики, если не надевать тесные ботинки, должны через год исчезнуть сами собой. И еще кто-то из наших подтвердил, что это все должно пройти само собой. Если не через год, то через два или три года – обязательно должно все пройти.

Но больше мы с Глебом про его пятки не успели тогда поговорить. Потому что совершенно для всех неожиданно один из наших вынес во двор настоящий волейбольный мяч.

Откуда у него появился волейбольный мяч, он нам не сказал. Он только сидел на лавочке со своим мячом и из рук его не выпускал. Ему жалко было свой мяч. Он боялся, что мяч его может попортиться. Мы долго его уговаривали дать нам поиграть этим мячом. И в конце концов он согласился. И мы весь день играли в футбол не консервной банкой, а настоящим волейбольным мячом.

Правда, когда мы начали играть этим мячом, он все время куда-то улетал. И надо было все время ждать, когда он к нам обратно вернется. Мы больше стояли, чем бегали. И поскольку мы не бегали, а стояли, это получалась не игра, а просто какой-то дом отдыха.

И мы все стали вспоминать, как мы один раз играли небольшим резиновым мячом. Наверное, в нем где-то была маленькая дырочка. Потому что он был все время полуспушенный. По этой причине нам и удалось тогда выпросить его у одной девчонки. И по этой же причине мяч никуда после удара не улетал, а шмякался на землю, как калоша. Вот это был самый подходящий мяч для нашего футбола. Но потом девчонка эта забрала свой мяч. И мы продолжали играть консервной банкой.

А сегодня нам пришлось поставить вокруг нас малышню, чтобы

они нам мяч подавали. Но от малышни мало помощи. Если, например, кто-то из них бежит за мячом и ловит его, то он сразу бросать нам мяч не будет. Потому что знает, что издалека он его не добросит. И он пыхтит и бежит к нам с мячом. И когда подбегает поближе, то он тоже мяч не бросает. Потому что тогда получится, что он, как девчонка, ногой не может ударить. А он не хочет, чтобы все думали, что он, как девчонка, ногой не может ударить. Поэтому этот малыш ставит мяч на землю. Но сразу он ударить мяч не может. Ему надо сделать хотя бы два шага назад для разбега. И вот он делает два шага назад. И мяч в это время начинает катиться куда-то. А мы всё стоим и ждем. И теперь он соображает, как мяч надо поставить, чтобы он не катился. И он опять разбегается и бьет. Ну а когда кто-то из малышни бьет по мячу, то мяч может полететь в любую сторону.

Короче, получается, что быстрее было бы самим сбегать. Но мы все-таки ждали, когда малышня с этим делом справится. Потому что, во-первых, нам ужасно смешно было на них смотреть. А во-вторых, пусть малышня тоже к мячу привыкает. Нам не жалко.

Когда вечером я стал рассказывать родителям, как смешно один малыш пытался ударить ногой по мячу, мама сказала мне, что, может быть, он первый раз в жизни по мячу бил. А папа на это заметил, что главное, чтобы он не в последний раз по мячу бил.

И я видел, что маме не понравилось это папино замечание. И она посмотрела на него выразительно и сказала мне, что папа надеется, что отец малыша когда-нибудь купит ему мяч. И папа согласился, что он действительно очень и очень надеется, что отец малыша сможет купить ему мяч. И мне показалось, что мама все еще была недовольна папой.

И она сказала: «Тебя за твой длинный эзопов язык...» И замолчала.

А я продолжил за нее: «...когда-нибудь все-таки посадят».

И мама с папой засмеялись. Потому что это было очень смешно.

Мой друг Глеб Парамонов

Мой друг Глеб Парамонов учится не очень-то хорошо. Но и не плохо. Хотя, я думаю, он мог бы быть одним из лучших у нас. Но ему в школе ничего не интересно. И он часто мне на это жалуется.

И вот только сегодня он вдруг признался мне, что ему нравятся уроки физики. Он сказал, что он любит рассказы нашего физика про разные изобретения и открытия. Глебу очень нравится, как физик объясняет, каким образом изобретателям приходят в голову интересные мысли.

И мы с Глебом стали вспоминать, как физик рассказывал нам о русских ученых и изобретателях. Он говорил, что они очень наблюдательны. И это, мол, позволило именно русским сделать все важнейшие открытия и изобретения.

Физик рассказал нам, как однажды братья Черепановы сидели на кухне, где варилось что-то в большой кастрюле под тяжелой крышкой. И когда в кастрюле все сильно прогрелось, то крышку выбило паром. И кто-то на кухне сказал: «Ух ты, сила!»

И Черепановы подумали, что пар – это действительно большая сила. И они вскоре после этого изобрели паровоз.

А еще физик рассказывал, как Попов сидел однажды на берегу реки и бросал в воду камешки. Он смотрел, как расходятся круги от камешков, и думал, что так же могут распространяться и всякие другие волны. И после этого он изобрел радио. И потом его изобретение стали называть по имени изобретателя – радио Попова.

И физик спросил у нас, знаем ли мы, что еще изобрели русские. И один мальчик поднял руку и сказал, что русские изобрели все. И физик его похвалил за очень хороший ответ, но сказал, что он ожидал какие-то конкретные примеры.

Тогда еще один мальчик поднял руку и сказал, что русские изобрели лошадь. И что потом лошадь стали называть по имени ее изобретателя – лошадь Пржевальского.

Тут физик сказал, что он имел в виду совсем не то. Он думал, что кто-нибудь из нас вспомнит про Можайского. И физик стал рассказывать, как Можайский наблюдал, как птицы летают. Он не смотрел на тех птиц, которые машут крыльями. Он смотрел на тех, которые парят с неподвижными крыльями. И вот он изобрел самолет...

И Глеб сказал мне, что это здорово, что русские ученые и изобретатели очень наблюдательны. Очень здорово, что братья Черепановы обратили внимание на кастрюлю, Попов смотрел на круги на воде, а Можайский наблюдал птиц.

И я сказал, что хорошо было бы спросить нашего физика, как изобрели электричество. Потому что я подозреваю, что того, кто изобрел электричество, наверное, ударило молнией. И я только боялся, что Глеб может на меня обидеться за это.

Но Глеб не обиделся на меня, а засмеялся и сказал, что он тоже так думает. И добавил, что тот, кто изобрел электричество, был очень наблюдателен. Потому что, если бы он не был наблюдателен, то он мог бы и не заметить, что его ударило молнией. И тогда он ни за что не изобрел бы электричество.

Коган

Я всегда мечтал о велосипеде. Но мне никто не собирался его покупать. И я это знал.

Но как-то папа пришел с работы и сказал маме, что какой-то человек по фамилии Коган, с которым папа работает, продает велосипед. И продает его очень дешево.

Мама стала папу расспрашивать, что это за Коган и почему он продает велосипед. И папа сказал, что они с Коганом работают в

одном и том же институте уже много лет. И что это очень хороший человек. И что он купил велосипед для своего сына. А потом Коган сидел. (То есть я так понял, что Коган сидел в тюрьме). И сын его поэтому велосипедом совсем не пользовался. А когда Коган перестал сидеть, то сын уже вырос, и велосипед ему стал не нужен.

И мама сказала, что теперь все, мол, ясно. А я очень удивился, что маме стало все ясно. Ну, то, что Коган сидел в тюрьме и был хорошим человеком – меня этим не удивишь. Я такое уже не в первый раз слышу. И к этому я уже давно привык. А вот почему сын Когана не пользовался велосипедом, когда сам Коган сидел? Это было совсем не ясно. И в этом я, конечно, очень сильно засомневался. Ну, в том, что велосипед у них где-то там новехонький стоит.

Но это было не самое главное, что меня удивило. А что меня больше всего удивило, так это то, что Коган почти все время сидел в тюрьме, а мой папа в тюрьме не сидел, но тем не менее они с Коганом работали в одном и том же институте много лет. А каким образом они умудрились работать вместе много лет, я в тот момент еще не знал.

Ну что мне было делать? Задавать все эти вопросы моим родителям?

На самом деле, они не очень-то любят всякие такие вопросы, но, с другой стороны, и не скрывают особенно от меня ничего. Поэтому мне проще самому обо всем догадываться. Да еще мне не хотелось, чтобы мама напоминала мне, что совсем не обязательно рассказывать кому бы то ни было, о чем говорят в семье и чтобы я, лучше всего, помалкивал. И я не стал задавать никаких вопросов.

Я только сказал, что если велосипед совсем новехонький и продается дешево, то, как мне кажется, – и если, конечно, мама с папой не возражают, и если я на улицу на велосипеде выезжать не буду, а буду кататься только во дворе и буду отлично учиться и хорошо себя вести и в школе, и вообще везде, – велосипед этот, наверное, надо купить как можно быстрее и, лучше всего, немедленно.

Дальше все было как во сне. Папа с мамой купить велосипед согласились. Через три дня велосипед уже стоял у нас в коридоре. И я прямо в коридоре на него уселся. И слезать с него мне не хотелось.

А с Коганом все оказалось абсолютной правдой. Действительно, он и мой папа работали в одном и том же институте. Коган прямо там же и сидел. То есть, он сидел там же, где он работал. А может быть, лучше сказать, что он работал там, где сидел. Но пока он сидел, мой папа его не видел, но знал, что Коган где-то рядом сидит и работает.

А его сын велосипедом не пользовался, потому что и он, и его мама вообще ничего не делали и только ждали, когда их тоже посадят. И велосипед оказался без единой царапины. Новехонький.

Этюд Крейсlera

Когда я беру скрипку в руки, мне всегда хочется пойти в туалет. Но не потому, что мне не нравится играть на скрипке. Мне нравится играть на скрипке. Очень нравится. Ну, то есть моя мама считает, что мне очень нравится играть на скрипке. Она говорит, что это большое, огромное удовольствие.

Ну, на самом-то деле – это большое удовольствие, когда человек хорошо играет. А у меня пока еще не очень хорошо получается. То есть, конечно, гораздо лучше, чем когда я по пустым струнам смычком водил. У меня тогда голова начинала кружиться. Меня тошнило, и я даже как-то в обморок упал. А сейчас уже не так противно получается.

Но почему-то никто не понимает, как люди учатся играть. Когда к нам гости приходят, то каждый раз кто-нибудь из них обязательно обо мне вспомнит и попросит сыграть на скрипке. Они, наверное, думают, что я им «Цыганские напевы» или «Чардаш» Монти должен сыграть. А я не могу им сыграть «Цыганские напевы» и не могу сыграть «Чардаш». Я могу только принести пюпитр, поставить на него ноты и сыграть что-нибудь скучное.

Сейчас, например, я могу им сыграть этюд Крейсlera. И все наши гости тогда сразу же со своих стульев попадают. А попадают со стульев они потому, что сыграть этюд по-человечески у меня не получится. Я этот этюд еще только разучиваю. А то, что я играл в прошлом году на экзамене, я уже забыл. Хотя, честно говоря, я бы мог по нотам сыграть то, что играл в прошлом году. Но где эти ноты найти, никто не знает.

Ну и, конечно, я не могу все это объяснять гостям. Раньше я пытался что-то им объяснить. Но они тогда говорили, что я веду себя, как настоящий артист. И это было очень обидно и смешно одновременно. И я, на самом-то деле, не понимаю, при чем тут настоящий артист.

А теперь я даже не пытаюсь нашим гостям ничего объяснять. Я просто говорю, что играть не хочу. Когда же они начинают настаивать, я говорю, что хочу пойти в туалет. И это всегда – правда. Потому что, как только первый гость вспоминает про меня и про скрипку, мне сразу же хочется в туалет.

И я иногда думаю, почему мне сразу хочется пойти в туалет, когда я играю на скрипке. Почему мне не хочется в туалет, когда я ем мороженое. Мне даже в голову такое не может прийти, когда я ем мороженое. Неужели мне просто не нравится играть на скрипке? Нет, конечно же, мне нравится играть на скрипке. Моя мама права, что это большое счастье, что я учусь играть на скрипке.

На самом-то деле, это только у меня такое счастье. Во всем нашем дворе никто не играет на скрипке. И не только на скрипке. У нас никто ни на чем не играет. В то время как я играю, все остальные ребята из нашего двора гуляют. А я даже не знаю, почему

у нас никто не играет на скрипке. Может быть, ни у кого в нашем дворе слуха нет? Нет, такое вряд ли может быть. Наверное, родители других ребят просто не догадались вовремя, что это большое счастье, когда ты играешь на скрипке. Вот в этом все дело, наверное. Поэтому все наши ребята и гуляют, пока я учусь играть. Наверное, это только мои родители догадались вовремя, что играть на скрипке – это большое счастье. И большое, огромное удовольствие.

Рододендрон

Я получил двойку по ботанике. Ботанику у нас ведет завуч. И вот она недавно вызвала меня отвечать урок про рододендрон. И когда она меня вызвала, она сказала «рододердон». Она всегда говорит «рододердон». И мне всегда хочется засмеяться, когда она так говорит. Но я себя сдерживаю. Потому что я знаю, что если я засмеюсь, то она меня выгонит из школы.

Ботаничка много чего говорит смешно, не как все. Она делает неправильное ударение в слове «Израиль». И само слово это звучит у нее очень обидно.

Еще обиднее она говорит про американцев. У нас в школе почти все говорят про американцев всегда только плохое. Но у ботанички это получается очень смешно. Она проглатывает первую букву в слове «американцы». И у нее получается – «мериканцы». Мой друг Глеб Парамонов часто ее передразнивает и говорит: «Мериканцы с голоду пухнут, а в это время их мериканский президент пьет кока-колу и играет в гольф». И это всегда бывает очень смешно.

И вот ботаничка вызвала меня отвечать урок про рододендрон. Я стал рисовать на правой половине доски рододендрон. А кто-то из наших уже закончил рисунок на левой половине и стал рассказывать про то, что он там нарисовал. Когда он все рассказал, я уже закончил рисовать свой рододендрон.

И тут все произошло очень быстро. Ботаничка наша повернулась ко мне и спросила, о чем я буду рассказывать. И я сказал, что буду рассказывать про рододендрон. Я произнес это слово обычным образом. И посмотрел на нее. Она тоже посмотрела на меня и сказала: «Садись, два».

Когда я пришел из школы домой и сообщил маме, что получил двойку по ботанике, она не могла поверить. Мама стала меня расспрашивать, что я отвечал. И я сказал, что отвечал урок про «рододердон» – я сказал это так, как говорит наша ботаничка. Тут мама попросила меня не кривляться. А я сказал, что я не кривляюсь и что так наша ботаничка говорит. Тогда мама стала выспрашивать у меня все подробности. И в конце концов она сказала, что она в это не верит.

Когда мама сказала, что она в это не верит, у меня слезы брызнули из глаз. Они действительно не потекли – я увидел, как

они брызнули из глаз. И тогда мама сказала, что я неправильно ее понял. Когда она сказала, что она в это не верит, это не означало, что она не верит мне. Она, конечно же, мне верит. Но ей просто не верится, что такое могло произойти.

И я сказал, что это одно и то же – не верить мне или не верить, что такое могло произойти. Но мама мне объяснила, что когда люди говорят, что им во что-то не верится, они часто имеют в виду то, что им трудно в это поверить. И мама сказала, что она имела в виду то, что ей трудно поверить, что такое могло произойти. И она добавила, что завтра она пойдет в школу разбираться.

Назавтра мама действительно пошла разбираться в школу. Когда она вернулась домой, я стал у нее спрашивать, что там было и как. А мама отвечала что-то очень непонятное.

Потом пришел папа. И мама папе стала что-то рассказывать тихо. Но я все-таки услышал, что мама спросила нашего завуча: «А почему вы на меня кричите?» В конце концов мама сказала папе, что наша завуч – дура. А папа добавил, что дура – это еще ничего. Хуже всего то, что она – стерва и кагэбэшница. И мама посмотрела на меня испуганно. И поскольку она поняла, что я это слышал, она сказала папе: «Зачем ты употребляешь такие грубые слова?» Но папа ничего ей не отвечал и смотрел в стенку. «Зачем ты говоришь все это при ребенке?» – добавила мама.

И тут папа стал говорить маме уже так, что я все слышал. Он сказал, что ботаничка наша выживает Марию Львовну из школы и уже давно бы ее съела, если бы не директор. И мама опять сказала папе: «Зачем ты говоришь все это при ребенке?» Но сказала она это не так, как в первый раз. Она сказала это очень неуверенно. И тут папа встал со стула и уже совсем громко сказал маме: «А пусть ребенок знает, что завуч – стерва и кагэбэшница». И вышел из комнаты.

Я очень удивился, когда услышал от папы все эти слова. Потому что раньше я только слышал что-то подобное, когда папа перешептывался с кем-то. А теперь он произнес это вслух, да еще как бы для меня. И я только удивился, что никто мне в этот раз не напомнил, чтобы я помалкивал.

Но тут мама подняла глаза на меня и сказала: «Ты знаешь...» И я, конечно, подтвердил, что все знаю. Я знаю, что совсем не обязательно всем рассказывать, о чем говорят в семье. И еще я сказал, что хочу пойти во двор погулять. И мама мне ответила: «Да, я знаю, что ты уже совсем большой стал. Иди погуляй, конечно».

Когда я скатывался вниз по ступенькам нашей лестницы, я думал, какое же это счастье, что моими мамой и папой являются мои мама и папа. И когда я вылетал из нашего подъезда, я забыл о том, что мама мне говорила, чтобы я не хлопал дверью так, чтобы слышали все жильцы нашего дома. И дверь, конечно, хлопнула. И, наверное, жильцы нашего дома услышали это. И я думаю, что жильцы соседнего дома услышали это тоже.

Черный день

Наши соседи купили телевизор. Телевизор их выглядит, как какое-то чудо. У него не очень большой экран: десять на четырнадцать сантиметров. Но когда нет помех, то видно все просто прекрасно. Конечно, нам очень повезло, что соседи купили телевизор. Теперь они иногда приглашают нас к себе, если по телевизору какой-нибудь фильм показывают.

Вот и вчера они нас пригласили посмотреть кинофильм «Цирк». А папе очень хотелось его посмотреть. И я даже знаю, почему. Я услышал один разговор между папой и мамой. И понял из этого разговора, что в фильме была какая-то сцена, которую вырезали. И папа очень надеялся, что сейчас ее должны были обратно вставить.

Но загвоздка была в том, что этот фильм не разрешалось смотреть детям до четырнадцати лет. И если бы я не пошел его смотреть, то мама тоже не пошла бы. И тогда бы получилось, что и папа вроде бы не должен был идти его смотреть.

Ну и папа стал маму спрашивать, а с какой, мол, стати этот фильм не разрешается детям до четырнадцати лет смотреть. И мама папе сказала сквозь зубы и негромко, что там ничего такого особенного нет. А поскольку, мол, ребенок вообще еще ничего не понимает, она не возражает, чтобы я этот фильм посмотрел. И так как мама говорила очень невнятно, папа стал переспрашивать, что ему такое мама сказала. А я спросил у мамы, почему она меня все еще ребенком считает. И тут мама посмотрела на папу очень и очень выразительно. Вот, мол, ты все переспрашиваешь, что я сказала, а ребенок уже все понял.

И мы все-таки пошли к соседям этот фильм смотреть. Мама взяла с собой кусок пирога, который она испекла вчера. А пирог она испекла, потому что у нас деньги кончились. Когда у нас деньги кончаются, мама объявляет черный день и печет пироги.

Черный день она объявляет как бы в шутку. Но деньги-то у нас на самом деле кончаются. Не в шутку. Но поскольку пироги у мамы очень вкусные, то мне нравятся мамины черные дни. И мамины черные дни получаются, на самом-то деле, не такими уж и черными.

Мы с папой еще позавчера знали, что черный день намечается. Позавчера мама нам сказала, что деньги у нас кончились. И она собирается занять у нашей соседки двадцать пять рублей до получки.

Ну, конечно, мама собиралась занимать деньги не у той соседки, у которой комната рядом с нашей. Мама собиралась занимать деньги у тех, кто купил телевизор. А у соседки, которая рядом с нами живет, денег, я думаю, нет. И я думаю так вот почему. Как-то моя мама чистила на кухне картошку. И эта соседка спросила маму, выбрасывает ли она очистки. Когда же мама сказала, что она

выбрасывает очистки, соседка попросила отдавать ей эту кожуру. И мама стала отдавать ей картофельные очистки. А соседка говорила, что картофельная кожура не хуже самой картошки и даже, может быть, полезнее.

И вот моя мама собиралась занять у другой нашей соседки двадцать пять рублей до получки. Но когда мама увиделась с ней на кухне, то соседка сама попросила у мамы до получки двадцать пять рублей. Ну, после этого мама и объявила нам с папой, что у нас все-таки будет черный день.

И тут папа спросил у мамы, как могло случиться, что у Гоголя деньги кончились. А про Гоголя папа вспомнил вот почему. В день получки мама делит все деньги на еду на равные части и прячет их в томике Гоголя. Деньги на первое число она прячет на десятой странице. Деньги на второе число – на двадцатой странице. И так далее. Поскольку вчера было седьмое число, то папа и удивился, куда девались деньги с семидесятой страницы томика Гоголя.

И мама объяснила папе, что у нее нет ни времени, ни желания ходить каждый день в магазин за одним и тем же. Поэтому она покупает часто что-то на несколько дней. И поэтому ей приходится иногда брать деньги у Гоголя со следующего числа.

Пока папа собирался что-то маме возразить, мама спросила у него, знает ли он, сколько стоит килограмм мяса. И папа ответил, что он знает. А мама сказала, что она сомневается, что папа это знает. А сомневается она потому, что, если бы он знал, сколько стоит килограмм мяса, он бы тогда не спрашивал, почему у нас деньги кончились.

Папа ничего на это не ответил. Но стало ясно, что он с мамой абсолютно и полностью согласен. И мама это, конечно, поняла. И папа понял, что мама поняла все, что он не сказал. И я, конечно, понял все, что не сказал мой папа, и что поняла моя мама.

И вот мы пошли к соседям смотреть фильм. К концу фильма папа увидел то, что хотел увидеть. И он был страшно доволен. Он смотрел на экран телевизора и шептал: «Михоэлс, Михоэлс».

Я тоже был доволен, что фильм посмотрел. И я тоже увидел то, что хотел, – ну, из-за чего этот фильм детям до четырнадцати лет смотреть не разрешается.

Жаркие страны

Сегодня уже настоящая зима и очень холодно. А я не люблю, когда холодно на улице. Особенно я не люблю, когда холодно и дует ветер. Зимой, когда я только еще просыпаюсь, я уже знаю, что за окном ветер и холодно. Поэтому зимой мне особенно не хочется просыпаться. А когда я просыпаюсь, я думаю только о том, что очень скоро мне надо будет выйти на улицу, где холодно и дует ветер. И я не могу думать больше ни о чем другом.

Я выпиваю утром чашку чая и съедаю то, что дает мне мама. Я

слушаю, как она меня торопит и говорит, что я опять опоздаю в школу, и удивляется, почему я медленно двигаюсь. И она часто говорит мне, что ей кажется, что я совсем застыл.

И вот я выхожу на лестницу, сползаю вниз с нашего четвертого этажа и подхожу к дверям подъезда. Я открываю внутреннюю дверь и сразу начинаю слышать, как воет ветер. И когда я вхожу в тамбур между внутренними и внешними дверями, я почти всегда удивляюсь, как там холодно. И мне только страшно представить себе, как холодно там, за дверями нашего подъезда.

На внешнюю дверь надо налегать всем телом. То ли потому, что на ней пружина жесткая, то ли потому, что ветер дует, а может быть, потому, что пружина и ветер в одну и ту же сторону действуют. И потом, когда я в дверь уже прогиснулся, надо еще ее ногой придержать. А когда я ногу отпустил, мне надо еще от двери увернуться, чтобы она меня не прихлопнула. И когда дверь закрывается, то в этот самый момент я только окончательно понимаю, как все плохо.

И самое плохое, это то, что еще очень темно. А когда холодно и темно, это гораздо хуже, чем когда холодно и светло. И когда я иду еще внутри нашего двора, то тогда мне не так холодно. Потому что я еще тепло свое не растерял. А когда я выхожу на улицу, ветер начинает дуть в лицо очень сильно и, главное, без перерыва.

Конечно, я опускаю уши своей шапки и поднимаю воротник. Но это не спасает. Ветер все дует и дует в лицо, и нос начинает мерзнуть. А потом начинают мерзнуть щеки. И жесткий колючий снег бьет в глаза. И я уже забываю, что вокруг темно. Я только уже думаю о ветре и снеге и уже плохо соображаю, куда иду. Но поскольку я иду туда почти каждый день, то ноги сами знают, куда надо идти. И я иногда только спрашиваю кого-то, есть ли на свете что-нибудь хуже, чем когда темно, холодно, снег, ветер, тебе двенадцать лет, и ты идешь рано утром в школу.

А сегодня, когда я шел в школу, мне вдруг вспомнились лето и речка. И вспомнилось мне, как я лежу на теплом песке. Я лежу на животе. Голова – на моих руках. И мне немного холодно, потому что я плавал очень долго, а вода в речке холодная. И с носа капает вода. А потом с носа перестает капать. Я весь просыхаю от воды. И мне становится совсем тепло. А потом все жарче и жарче. И когда мне становится совсем жарко, я встаю и бегу опять к реке.

Когда я об этом вспоминал сегодня по дороге в школу, я решил, что в следующий раз я не побегу к реке, даже когда мне будет совсем жарко. Я буду лежать на теплом песке под жарким солнцем долго-долго. И пусть это солнце пропечет меня всего насквозь. Пусть его жар заполнит меня всего. И я буду лежать столько, сколько смогу вытерпеть. А когда я почувствую, что не могу уже впитать больше никакого тепла, я полежу еще немного. Потому что я хочу, чтобы мне было жарко. И я очень хочу, чтобы мне было жарко всегда.

Еще я стал думать сегодня о далеких жарких странах, где не бывает зимы и где всегда тепло. И, главное, нам говорили в школе, что такие жаркие страны есть. Нам в школе говорили, что там никогда не бывает холодно, только жизнь там не такая счастливая.

А я бы все равно туда поехал. Мне ничего. Потому что я не могу себе представить, как может быть плохо там, где никогда не бывает холодно. Ну, а то, что там жизнь не такая счастливая, так я бы потерпел.

Игорь Ефимов - (1937 г.р., Москва) - писатель, философ, издатель. Эмигрировал в 1978 году, живет с семьей в Америке, в Пенсильвании. Автор двенадцати романов, среди которых «Зрелища», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», «Пелагий Британец», «Суд да дело», «Новгородский толмач», «Неверная», «Обвиняемый», а также философских трудов «Практическая метафизика», «Метаполитика», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Аттила» и

книг о русских писателях: «Время добра» и «Двойные портреты». В 1981 году основал издательство «Эрмитаж», которое за 27 лет существования выпустило 250 книг на русском и английском языках. Преподавал в американских университетах и выступал с лекциями о русской истории и литературе. Почти все книги Ефимова, написанные в эмиграции, были переизданы в России после падения коммунизма. В 2012 году в Москве были опубликованы его воспоминания в двух томах: «Связь времен». Более подробную информацию можно получить на сайте www.igor-efimov.com.

Крутые ступени цивилизации

*Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим...*

Владимир Соловьев

Вглядываясь в туман грядущего, великий русский «дозорный» Федор Михайлович Достоевский так описал, каким ему представляется 20-й век:

«Раскольникову грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии уже в походе вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстреливались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга» [1, с. 45].

Сегодня мы можем составить длинный список названий, под

которыми «новые трихины» прокатились и продолжают катиться по земле: анархисты, эсеры, большевики, нацисты, фашисты, хунвейбины, черные пантеры, красные кхмеры, талибы, ХАМАС, Хезболла, Аль-Каида, Боко Харам, ИГИЛ. Все они в какой-то момент, как и предсказывал Достоевский, начинали резать и убивать друг друга. Но тем не менее успели произвести опустошения, которые превзошли опустошения, принесенные эпидемиями чумы, холеры, желтой лихорадки, малярии, испанки.

Многие мыслители считают, что человеческой душе одинаково присуща и жажда свободы, и жажда справедливости. Мы не устаем восхвалять порыв к свободе и склонны забывать, какую высокую цену приходится платить за нее в реальной жизни. Свобода моего ближнего не только облегчает для него возможность напасть на меня, ограбить, унижить, убить. Она также дает ему возможность превзойти меня во всех жизненных начинаниях, обнаружить мою слабость, ограниченность, бедность ума и чувства, наполнить душу завистливой тоской, от которой я буду искать спасения в равенстве всеобщего рабства.

Именно на страхе миллионов людей перед последствиями свободы и держится могущество старых и новых «трихинов». Под их тоталитарной властью неравенство сохраняется, но оно обезличено. Мой ближний, поставленный на высокий пост, занимает его не потому, что он лучше меня, а потому, что господствующая партия или мусульманская улема поставили его туда. Регулярные чистки правящего аппарата, уничтожение верхнего слоя только укрепляют рядового человека в преданности режиму.

Другое благо тоталитаризма – он дарует подданным сознание непогрешимости. До тех пор, пока я разделяю догматы марксизма, нацизма, Красного цитатника Мао, Корана, душа моя защищена от микроба сомнений. Я упиваюсь своей гарантированной правотой во всем, цельностью картины мира и готов растерзать всякого, кто посмеет покуситься на нее.

Американцы воображают, будто тоталитаризм рождается там, где группа злых заговорщиков прорывается к власти и подчиняет себе благонамеренное большинство. Они не замечают, как легко метаастазы деспотизма возникают в их собственной среде в виде всевозможных культов. Харизматический проповедник обращается к своим слушателем с простым призывом: «Отдайте мне свою свободу, подчинитесь моим заповедям и правилам жизни, и я вознагражу вас сознанием исключительности и непогрешимости». Именно на это откликнулись последователи Рона Хаббарда, создавшего учение и Церковь саентологии; адепты Джима Джонса, увлекшего тысячу своих приверженцев в Гайану, где они отравили себя и своих детей; паства Дэвида Кореша, закончившая самосожжением в своем лагере в Вэйко (штат Техас). Если подобные массовые добровольные отказы от личной свободы возможны в стабильной структуре цивилизованного государства, мы не должны

удивляться тому, что целые народы совершают их после революций, разрушивших социальный порядок.

Порыв к свободе порождает революции, как правило, сопровождающиеся кровавыми раздорами, от которых люди ищут спасения у сильной государственной власти. В междоусобной послереволюционной борьбе Сталин, Муссолини, Гитлер, Ататюрк, Франко, Мао Цзедун, Ким Ир Сен, Кастро продемонстрировали наибольшую силу и вознеслись на вершину абсолютной власти над своей нацией. Но выстраивали свои культы они на том же фундаменте: на отказе миллионов людей от бремени опасной свободы.

Наши мыслители, философы, социологи, аналитики, ученые играют роль дозорных на мачтах государственного корабля, всматривающихся в туман грядущего и в тайны мироздания. Но есть среди них и очень важный отряд тех, чей взор обращен не вперед, а назад. Мы называем их историками. И за последние столетия им удалось необычайно расширить наши представления о пути, пройденном человечеством за обозримые пять-шесть тысячелетий. Они открыли для нас дела, обычаи, верования, семейный уклад, военные столкновения «племен минувших», которые не были известны Локку, Монтескье, Адаму Смиту, Жан Жаку Руссо, Гегелю, Марксу, Шпенглеру и другим политическим философам прошлого.

Картина, открываемая для нас новыми поколениями историков, опровергает убеждение Экклезиаста в том, что «нет ничего нового под солнцем». Повсюду мы видим, как медленно, но неуклонно менялась жизнь народов, населяющих землю. Почти каждый из них проходил разные стадии овладения силами природы. Сегодня уже с уверенностью можно выделить четыре ступени цивилизации, через которые проходит каждый народ: народ-охотник, народ-кочевник и скотовод, народ-земледелец, народ-машиностроитель. (Подробнее см. [2]).

Примечательно, что рудиментарные остатки даже первых двух ступеней существуют и в наши дни. Охотой и рыболовством продолжают жить племена в верховьях Амазонки, на некоторых островах Гвинеи, отдельные группы австралийских аборигенов. Кочевниками-скотоводами остались многие семейные кланы в Монголии, бедуины на Синайском полуострове и в Израиле, масаи в Кении, ненцы, пасущие оленей на Севере России. Но основная территория земной суши поделена – захвачена – земледельцами и машиностроителями.

Самыми драматичными и трудными в истории народов являются периоды перехода с одной ступени цивилизации на следующую, которые растягиваются на десятилетия и века. В эти периоды особенно стущаются военные конфликты, кровавые раздоры, социальные потрясения.

Вглядимся сначала в феномен военного противоборства. Для упрощения разобьем известные нам войны на три типа.

Первый тип: противники говорят на разных языках, но обладают почти одинаковым вооружением. Примеры – войны между племенами американских индейцев, войны Древнего Рима с Карфагеном и Персией, Наполеоновские войны в Европе, две мировые войны в 20-м веке.

Второй тип: противники одинаково вооружены и говорят на одном языке. Примеры – любая гражданская война на любой ступени цивилизации.

Третий тип: противники говорят на разных языках и находятся на разных ступенях, поэтому один сильно уступает другому в качестве и количестве вооружений. Примеры – колониальные захваты, нашествия кочевников-скотоводов на земледельческие страны, экспансия викингов-норманнов, войны американцев с индейцами, войны США против Вьетнама и Афганистана.

То, что мы расплывчато называем сегодня странами третьего мира, это на самом деле страны, народы которых стоят перед необходимостью перехода со ступени земледельческой на ступень индустриальную. В их городах уже есть электричество, радио, асфальтированные улицы, заполненные автомобилями, есть аэродромы, шахты, нефтяные вышки и прочие достижения технического прогресса, но нет одного: собственного машиностроения. Почти всю технику и все современное вооружение они должны покупать в индустриальных странах.

В течение всего 20-го века переход на индустриальную ступень совершали Россия, Испания, Турция, Мексика, Китай, Индия и многие другие страны. Эта трансформация влекла за собой такие огромные социальные сдвиги, что каждая страна расплачивалась за них тяжелейшими гражданскими войнами и революционными взрывами. Но и страны, обогнавшие их, в свое время заплатили за переход такую же кровавую цену.

17-й век. Голландия завоевывает независимость от Испании; на территории Германии полыхает Тридцатилетняя война; гражданская война в Англии и свержение короля; религиозные войны и Фронда во Франции.

18-й век. Война за независимость в Америке; революция и гражданская война во Франции.

19-й век. Революции в Германии, Франции, Венгрии; гражданские войны в Италии, Соединенных Штатах; революция Мэйдзи в Японии, Парижская коммуна во Франции, революции в Южной Америке.

20-й век. Примечательно, что в 20-м веке одна за другой распались великие многонациональные империи: Испанская, Австрийская, Турецкая, Британская, Российская. Одновременно многие европейские страны – Франция, Бельгия, Португалия, Голландия – предоставили независимость своим колониям. И то, и другое произошло потому, что после вступления народов в индустриальную стадию земля перестает быть главным источником

богатства и народы начинают усиленно развивать свои промышленные и технологические потенциалы.

Проступающую здесь закономерность можно сформулировать так: в истории человечества народы проходят разные ступени освоения сил природы, и каждый переход с одной ступени на другую чреват социальными и военными потрясениями огромной силы.

Опираясь на этот постулат, мы можем по-новому взглянуть в судьбы народов прошлого, открывшиеся для нас в новейших исследованиях дозорных-историков. Изучение процессов перехода кочевников к оседлому земледелию позволяет нам лучше понять и даже предсказать пути, по которым будут двигаться народы Третьего мира, пытающиеся в наши дни достичь индустриальной ступени. И в первую очередь нас будет интересовать феномен иррациональной враждебности отставших народов по отношению к ушедшим вперед.

Параллельно с войнами Первого и Второго типов войны Третьего типа стущаются в период трех тысяч лет, разделенных посредине датой рождения Иисуса Христа. И главная черта этих войн: безжалостность нападающих к обороняющимся.

Уже в Книге Бытия мы находим свидетельства того, как жестоко обходились кочевники-иудеи с земледельческим населением покоряемых территорий:

«И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стоначальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: "Для чего вы оставили в живых всех женщин?.. Убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя"» (Числа, 31:14-17).

Это поголовное истребление местного населения продолжается и в Земле Ханаанской. При взятии Иерихона иудеи «предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Иисус Навин, 6:20).

Вот в 390 году до Р.Х. кельты врываются в Рим. *«Стоны женщин, плач детей, рев огня, треск рушащихся зданий терзали сердца воинов на стенах Капитолия... Толпы вооруженных варваров носились по знакомым улицам, неся гибель и разрушение. Никогда еще люди с оружием в руках не были в таком жалком положении – запертые в крепости, они должны были смотреть, как все, что было им дорого, гибло под мечами врагов» [3, с. 388].*

Арабы, начавшие в 7-м веке после Р.Х. нападения на близилежащие страны, часто поголовно вырезали захваченные селения, если их жители отказывались принять мусульманство. *«Семьсот мужчин были перебиты в захваченном после осады еврейском городке. Им связывали руки, обезглавливали и сбрасывали в вырытый заранее ров» [4, с. 207].*

Особую свирепость демонстрировали монголы. *«При осаде в 1221*

году персидского города Нишапура (родина Омара Хайяма) зять Чингисхана был убит стрелой со стены. Чингисхан предложил своей овдовевшей дочери, беременной к тому времени, выбрать наказание для города. Она приказала перебить всех жителей и сложить отрубленные головы в три пирамиды: одну из мужских голов, другую – из женских, третью – из детских. Ее пожелание было выполнено» [5, с. 73].

Киевская Русь долго отбивалась от кочевников – печенегов, половцев, хазар, болгар, – но монголо-татарское нашествие сломило ее и пронизало страхом народное сознание на три века вперед. При взятии Рязани «князь Юрий, его семья и все приближенные были перебиты. Рязанцев расстреливали на улицах, насаживали на кол, сдирали кожу, сжигали живьем в пылающих домах... Монахи и жители, запершиеся в храмах, могли лишь беспомощно взирать, как насильовали молодых женщин и монахинь... Потом и они погибли в подожженных церквях» [6, с. 73].

Князь Владимира тоже был сожжен в храме вместе с женой, дочерьми и внуками, «и их обугленные тела валялись на полу среди других трупов и растоптанной знаменитой иконы Богородицы, которая в прошлом одарила жителей Владимира столь многими чудесами» [6, с. 73].

«6 декабря 1240 года Киев был взят улица за улицей. Последним оплотом сопротивления был храм Богородицы... но так много перепуганных горожан вскарабкалось на крышу и в колокольню, что здание рухнуло, погребая не только беженцев, но и защитников... Город, который когда-то правил Россией, был полностью разрушен и разграблен, могилы святых осквернены, их мощи разбросаны» [6, с. 80].

Тщетно рациональный ум будет искать причины или мотивы этих зверств. Здесь явно демонстрирует себя та же иррациональная злоба отставших по отношению к ушедшим вперед, которую мы в таком изобилии наблюдаем в наши дни. Только «смерть большому сатане – Соединенным Штатам», только полное уничтожение индустриального Израиля видит своей целью земледельческий мир Ислама. «Джихад – это только Коран и автомат», – утверждал Осам бен Ладен. Аль-Каида, Боко Харам, ИГИЛ, йеменские хуситы обуреваемы теми же страстями, что и кочевники древнего мира. Как те атаковали Египет, Рим, Китай, Индию, Византию, Русь, так эти будут продолжать свои атаки на индустриальный мир, не считаясь с реальным соотношением сил.

Иррациональность этой ненависти высвечивается тем фактом, что не только отдельные воины часто идут на верную смерть, но и целые народы пускаются в самоубийственное противоборство с более сильным противником. Когда в 102 году до Р.Х. племена кимвров и тевтонов напали на Римскую республику, превосходство римских легионов было настолько очевидным, что кимвры были уничтожены полностью и исчезли из мировой истории. Сегодня Израиль настолько сильнее сектора Газы, что мог бы стереть его с лица земли за неделю. Тем не менее ХАМАС снова и снова провоцирует израильтян ракетными обстрелами и подземными туннелями для заброса террористов, навлекая на бедных жителей

анклава сокрушительные ответные удары.

В арсенале приемов террористов все чаще встречается такой: деятелям культуры индустриального мира выносится смертный приговор якобы за оскорбление Корана и пророка Мухаммеда, а приведение его в исполнение оставляется на долю фанатиков ислама, которые уже живут на Западе и имеют возможность свободно перемещаться там. (Последний пример – убийства членов редакции сатирического Парижского журнала «Шарли».) Однако недавно этот прием был расширен: джихадистам удается узнавать имена и адреса летчиков, бомбивших их базы, и командиров подразделений, ведущих антитеррористические операции, и они размещают в интернете угрозы расправиться с семьями своих врагов. По сути это равносильно захвату заложников и может приводить такой же парализующий эффект.

Выше я перечислил гражданские войны, полыхавшие в странах, переходивших с земледельческой ступени развития на индустриальную в 17-20 веках. Но такие же кровавые междоусобия окрашивали и жизнь кочевников накануне скачка в сторону оседания.

Свирепо враждовали между собой колена Израилевы в течение двух веков, предшествовавших созданию их собственного земледельческого государства.

То же самое – персидские племена накануне их броска на завоевание Вавилона, Двуречья, Малой Азии под водительством царя Кира.

То же самое – гунны, которые разделились на южных, ассимилировавшихся в земледельческом Китае, и северных, ушедших на Запад, на завоевание Европы.

Война между племенами, населявшими Аравийский полуостров, предшествовала объединению их под знаменем пророка.

Первую половину своей жизни Чингисхан участвовал только в междоусобных войнах монгольских племен.

Следует ожидать, что эта закономерность будет соблюдаться и в странах Третьего мира в наши дни. Никакой народ не может перейти на следующую ступень цивилизации единодушным и единовременным скачком. Раскол Кореи, Китая, Вьетнама отражал разную степень готовности их населения к переменам. Там, где более готовым не удавалось отвоевать для себя территорию, происходило массовое бегство – как, например, бегство кубинцев во Флориду или «лодочных людей» из Индокитая.

Гражданские войны, раздирающие сегодня Ирак, Ливию, Сирию, Ливан, Египет, Судан, Нигерию, Руанду, Сомали и другие земледельческие страны, многими чертами похожи на междоусобия кочевников, переходивших на земледельческую ступень цивилизации. Поэтому индустриальному миру необходимо готовиться к тому моменту, когда в каком-то из народов появится

лидер, способный объединить враждующих и обратить их военную энергию вовне. (Подробнее см. [7]). Тогда тлеющие сегодня войны Третьего типа перерастут в полномасштабное нашествие, последствия которого будут опустошительными.

Осама бен Ладен был близок к тому, чтобы продолжить линию знаменитых завоевателей прошлого – персидского Кира, гуннского Аттилы, арабского Мухаммеда, монгольского Чингисхана, тюркского Тамерлана. Но он не смог вырваться из рамок своих суннитско-вахабских верований и традиций и призвать под свои знамена всех мусульман без различий. Когда на сцене появится лидер, которому удастся объединить суннитов и шиитов, это может высвободить энергию такой же силы, какая высвобождается при соединении двух половинок атомной бомбы.

Индустриальный мир убаюкан сознанием своего технического превосходства, его правительства видят главную опасность в усилении той или другой термоядерной державы – России, Китая, Индии, Пакистана. Но точно так же в 7-м веке после Р.Х. Византия и Персия изматывали друг друга бесплодными войнами, не замечая того, что происходило у них под боком на Аравийском полуострове. Нашествие кочевников-арабов застало обе земледельческие державы врасплох, и они потерпели полное поражение.

Арабский военачальник Халид, вторгшийся в персидскую провинцию в 634 году, отправил ее губернатору послание, предлагавшее жителям выбор: принять мусульманство, стать вассалами и данниками арабов или готовиться к смерти. В конце послания была фраза: «Пришли люди, для которых смерть за веру так же желанна, как для тебя жизнь». Персы попробовали сопротивляться, но были разбиты, губернатор убит, и вскоре страна стала частью Арабского халифата [8, с. 151-152].

Ту же самую тему готовности к смерти поднимает Осама бен Ладен в своем призыве, написанном в декабре 2001 года: *«Если мусульманин спросит себя, почему наши братья по вере достигли такой степени унижения и разгрома, ответ очевиден: потому что они безумно рванулись к наслаждениям жизни и забросили книгу Аллаха. Евреи и христиане соблазнили нас дешевыми удовольствиями и жизненным комфортом, они сначала наводнили наши души тягой к материальным благам и лишь потом вторглись со своими армиями... А мы стояли, как женщины, и ничего не предпринимали, потому что жажда смерти за дело Аллаха покинула наши сердца. О, юноша-мусульманин! Возжаждай смерти, и жизнь будет дарована тебе»* [9, с. 369-370].

Одиннадцатое сентября 2001 года показало всему миру, какие страшные удары могут наносить индустриальным странам войны, «возжаждавшие смерти за веру». Их воспаленная гордость не может смириться со статусом второсортности, в который ставит их принадлежность к земледельческой ступени. И какую альтернативу может предложить им индустриальный мир? Демократию, права человека, мультикультурализм, отделение церкви от государства? Алкоголь, карикатуры на пророка, женщины, разгуливающие

гольшом по пляжам или, еще хуже, – восседающие в судейских креслах? Не напоминает ли это попытки христианских священнослужителей обороняться от монголов при помощи икон и святых мощей, выносимых в крестном ходе перед воротами крепости?

Все вышесказанное можно свести к нескольким постулатам.

1. Переход любого племени и народа с одной хозяйственно-технологической ступени цивилизации на следующую чреват необычайным внутренним напряжением, которое может привести и к расколу. (Недавние примеры: Корея, Вьетнам, Судан, Китай – Тайвань, Индия – Пакистан – Бангладеш, Эфиопия – Эритрея и т.д.)

2. Переход этот не сводится к овладению трудовыми приемами и навыками новой ступени, но связан с глубинными переменами в моральном и психологическом строе народа, которые растягиваются на жизнь многих поколений.

3. Враждебность отставших народов к народам, ушедшим вперед, имеет иррациональный характер и не поддается объяснениям в категориях причиненного вреда или ожидаемой выгоды.

4. Кочевники-иудеи, кочевники-арабы, кочевники-монголы часто поголовно уничтожали население покоряемых земледельческих стран без всякой видимой пользы для себя. И точно так же в наши дни мусульмане, застрявшие на ступени земледелия, считают заранее оправданным убийство любого американца, россиянина, израильянина – вообще, «неверного гяура».

5. Уступая земледельцам в вооружении и численности, кочевники компенсировали это необычайной сплоченностью в бою. В 21-м веке сплоченность наступающих будет выражаться в том, что любой приказ, отправленный по интернету из какой-нибудь горной пещеры, будет безоговорочно выполнен отрядами террористов, разбросанными в городах индустриального мира.

Мне бы очень хотелось заинтересовать постулатами, сформулированными выше, «дозорных» индустриального мира. Но еще больше мне бы хотелось, чтобы они расстались с сочиненным Жан Жаком Руссо образом доброго и разумного «естественного» человека, права которого необходимо защищать во все времена и во всех странах.

Любой человек есть клубок страстей, среди которых полыхают и созидательные, и разрушительные. Как сказал Экклезиаст, «всему свое время: время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Эккл., 3:1-8). В одной и той же душе могут уживаться страсти творить, любить, спасать с не менее сильными страстями – разрушать, мучить, убивать.

С особенно пугающей наглядностью проявляет себя в наши времена последняя страсть – убивать. Никакие «новые трихины» не могли бы вербовать себе миллионы соучастников и сторонников, если бы в человеческом сердце не таился микроб душегубства. Благодатная среда для его размножения – ненависть, гноящаяся в душах народов, отставших на переходе в индустриальную стадию. Я рискну высказать предположение, что и традиционная враждебность ирландцев к англичанам, басков – к испанцам, северокавказцев – к россиянам, черных американцев – к белым, скорее всего, имеет ту же природу.

Противоборство Древнего Рима с наступающими кочевниками длилось тысячелетие. Когда империя распалась, на ее территории образовались земледельческие государства, сохранившие в своих названиях отзвук имен тех народов, которые мечами прокладывали здесь себе путь к оседанию. Франция напоминает нам о франках, Германия – о германцах, Бельгия – о бельгах, Шотландия (*Scotland*) – о скоттах, Венгрия (*Hungary*) – о гуннах (*Hunny*), Саксония – о саксах, Болгария – о булгарах.

Можно ли по аналогии предсказать распад Америки на независимые государства? На какую-нибудь Мексифлориду, Кубофлориду, Пуэрторикию, Исламофарраханию? Думается, до этого еще слишком далеко. Гораздо более вероятным представляется повторение другого момента античной истории: перерождения Римской республики в Римскую империю в 1-м веке до Р.Х. Это произошло не потому, что Сулла, Помпей, Катилина, Антоний, Юлий Цезарь, Октавиан Август были какими-то неукротимыми честолюбцами, жадными до власти. Просто и сенату, и всадникам, и легионерам, и рядовым гражданам в какой-то момент стало ясно, что сохранить государственный порядок в гигантской многонациональной стране будет невозможно без перехода к единовластию. Так и в сегодняшней Америке – патовая ситуация в противоборстве президента и конгресса парализует все законодательные и административные инициативы.

История великих империй длилась тысячелетия. История великих республик, вступавших на путь экспансии, расширения, открытия своих границ миллионам инородцев, до сих пор не превысила 250 лет. (Примеры: Афины, Карфаген, Венеция, Флоренция, Генуя, Новгород, Псков и так далее.) Если эта закономерность сохранится, нам следует ожидать кризисной точки для Американской республики в 2025 году. Недаром пронциательный американский политик и мыслитель Патрик Бьюкенен включил эту дату в название своей книги: «Самоубийство сверхдержавы. Просушествует ли Америка до 2025 года?» [10].

Стремительный технический прогресс наших дней может привести к тому, что человечество окажется перед лицом нового скачка: с индустриальной ступени – на пятую ступень; назовем ее предположительно электронно-космической. Если это будет сопряжено с такими же социальными и военными катаклизмами,

какие сопровождали предыдущие скачки, разрушительные последствия их предсказать невозможно. Нужно считать чудом, что за 70 лет, прошедших со дня атомной бомбардировки Хиросимы, человечество проявляло достаточную сдержанность, чтобы не использовать термоядерное оружие в своих непрекращающихся войнах. Но вечно это длиться не может. Рано или поздно «новые трихины» доберутся до бомбы и используют ее для утоления своей иррациональной ненависти.

Модель ступенчатого развития мировой цивилизации разрабатывает и известный американский политолог Чарльз Купчан. Он считает, что народы, пережившие в свое время охотничью, скотоводческую, земледельческую, индустриальную стадии, оказались сегодня на входе в следующую ступень, которую он назвал *digital era* [11]. Необычайные возможности эффективного обмена информацией, предоставляемые компьютером и интернетом, в огромной степени влияют на все производственные процессы, повышая их эффективность. Такую же роль в свое время сыграла письменность для народов, поднявшихся с кочевой ступени на земледельческую, или телеграф, телефон, радио – для народов, входивших в индустриальную эру. В отличие от Фрэнсиса Фукуямы, Купчан считает, что мы достигли не конца истории, а начала следующей технологической эры, и что на этой новой ступени США утратят свою доминирующую роль в мире.

В своей книге «Без буржуев», вышедшей в 1979 году [12], я описал кризисное состояние СССР, но и представить себе не мог, что двенадцать лет спустя советская империя развалится. Сегодня я тоже не имею в виду пророчить гибель США. Страна выживет, может быть даже усилится в военном и экономическом отношении при укреплении исполнительной ветви власти за счет трех других ветвей, как усилился Древний Рим во 2-м веке после Р.Х. при императоре Траяне. Но это будет закат и перерождение той страны, которую мы знаем и любим сегодня.

Одно ясно: в ситуации противостояния с бурлящим и непредсказуемым Третьим миром искусственное раздувание враждебности со стабильной индустриальной Россией является ничем иным, как проявлением величайшей безответственности и близорукости американских политиков обеих партий. В привычной погоне за голосами избирателей они состязаются друг с другом в обвинениях в адрес Кремля, не утруждая себя анализом конкретных историко-политических ситуаций. При этом собственные акты попрания международного права полностью игнорируются. Попытки «ракетно-бомбовой демократизации» делались уже в отношении Боснии, Сербии, Афганистана, Ирака, Ливии, Йемена и унесли сотни тысяч жизней. В результате волна ненависти к индустриальному миру вздымается все выше и выше и поставляет тысячи мстителей в ряды ИГИЛа.

Сегодня долг «дозорных» индустриального мира – американских, российских, британских, немецких, французских –

вглядеться в туман ближайших десятилетий, вслушаться в гул волн Океана Истории, разбивающихся о грозные утесы. Избежать вступления на новую ступень цивилизации невозможно. Опять какие-то народы перейдут на нее первыми, и на них обрушится враждебность отставших. Но, как сказал Шекспир, «готовность – это все». Если мы осознаем историческую неизбежность противоборства между народами, находящимися на разных ступенях, мы сможем встретить очередную волну «новых трихинов» во всеоружии.

Литература

1. Достоевский Ф. М. (1973). Преступление и наказание./Собр. соч. Л.: Наука, т. 6.
2. Ефимов И. (1991). Мегаполитика. Л.: Лениздат.
3. Livy. (1960). The Early History of Rome. Baltimore: Penguin Books.
4. Armstrong Karen. (1992). Muhammad. San Francisco: Harper Collins Publishers.
5. Weatherford Jack. (2003). Genghis Khan. New York: Free Rivers Press.
6. Chambers James. (1979). The Devil's Horsemen. New York: Atheneum Books.
7. Ефимов И. (2008). Грядущий Аттила. Ст.-Петербург: Азбука.
8. Durant Will. (1950). The Age of Faith. New York: Simon & Schuster.
9. Bergen Peter. (2006). The Osama Bin Laden I Know. New York: Free Press.
10. Buchanan Patrick J. (2011). Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025? New York: St. Martin Press.
11. Kupchan, Charles A. (2002). The End of the American Era. New York: Vintage Books.
12. Ефимов И. (1979). Без буржуев. Франкфурт: Посев.

Петр Ильинский – прозаик,

поэт, эссеист. Родился в 1965 году в Ленинграде, выпускник МГУ, научный работник, в 1991 – 1998 и 2001 – 2003 годах – сотрудник Гарвардского университета. Книги: «Перемены цвета» (Эдинбург, 2001), «Резьба по камню» (СПб., 2002), «Долгий миг рождения. Опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.» (М., 2004) и «Легенда о Вавилоне» (СПб., 2007). Статьи и рассказы публиковались в российской и зарубежной периодике («Отечественные записки», «Время и место», «Русский журнал», «Зарубежные записки», «Северная Аврора»). Живет в

Кембридже (США), работает по специальности в частном секторе, преподает в Бостонском университете.

Век просвещения

Трехчастное повествование о самом лучшем столетии, основанное на известных и не очень известных документах из российских, а также иностранных библиотек и расцветенное некоторой долей авторского домысла (Отрывок из романа)

Авторское пояснение

Три предмета, без которых не обходится история великого государства: война, государственный переворот и повальная эпидемия. Первая часть романа, окончание которой приводится ниже, – военная, и ее центральным эпизодом (гл. 18–26) является самое знаменитое сражение Семилетней войны, которое русская армия должна была неминуемо проиграть. Но вышло совсем по-другому. Почему?

На этот и остальные вопросы будут отвечать читатели. Насколько слеп или проницателен очевидец? Всегда ли честен мемуарист, стоящий на пороге смерти (главный герой, от имени которого ведется большая часть повествования)? Зачем приукрашивать реальность его российскому современнику – сочинителю потаенного дневника, который он будет прятать даже от своих близких? И есть ли самая малая крупинка правды в политических документах любой эпохи?

Основные герои: врач-француз на службе в австрийской, а потом в российской армии, искатель приключений и неудачливый агент версальской разведки; русский чиновник, резонер и карьерист (оба рассказывают о себе сами); британский коммерсант-резидент с Английской набережной и фабричный подмастерье-москвич (за них и за кое-кого еще говорит автор, а также некоторые старинные бумаги).

Главная тема: столкновение, взаимодействие, соперничество и

сотрудничество России и Запада.

Чем дальше автор писал роман, тем современнее он становился...

18. В лесу (убористо, строчки загибаются вверх)

Против ожидания, наш переход не был трудным или опасным. Корпус двигался вдоль реки, потом по хорошим, давно проложенным дорогам, какие я, признаюсь, не предполагал встретить в столь отдаленных местах. Однако мы часто стояли под открытым небом – командуящий, в отличие от остальных имперских генералов, не был озабочен поисками удобных для ночлега мест. Дважды или трижды лазарету все же удалось остановиться в небольших силезских деревеньках, и везде я убеждался, что нас, несмотря на форму, путают с пруссаками. И еще: из общения с тамошними жителями, пусть совершенно непродолжительного, мне стало ясно – почти никто из них не знает, что именно из-за их земель началась война, постепенно становящаяся длинной и знаменитой. Более того, на все мои расспросы – а я постепенно начинал интересоваться бытом и жизнью народностей европейского востока – ни один не мог внятно объяснить, есть ли разница между властью королевской и императорской и каковы его, обитателя сих пределов, сердечные чаяния? В какой стране хочет он существовать, чьим подданным являться? Не исключаю, что мои собеседники просто опасались говорить правду. Мундир на мне был австрийский, белый, хоть и грязный, с желто-черным офицерским шарфом (несмотря на это, интенданты по-прежнему ставили меня в самый хвост любой очереди – мерзавцы не считали меня настоящим служакой и, наверно, были правы). Оружия я не носил, а говорил по-немецки с неслыханным в тамошних краях акцентом. Может быть, меня принимали за шпиона?

Добавлю еще, что любой незнакомец в тех местностях, особенно глухих, вызывает подозрения. Не раз я узнавал о заблудившихся коммерсантах, путешественниках, даже паломниках, которых забрасывали камнями, не пускали на ночлег, гнали собаками. Я поделился своими мыслями с начальником лазарета, который приблизил меня с самого начала знакомства и оказался, кстати, дельным и знающим врачом – скажу даже, что в эти недолгие месяцы он стал для меня учителем, с чьей помощью я наверстал многие пробелы в своем образовании. Как часто бывало, мы сидели на передке аптечного фургона и искоса следили за тем, чтобы лошади не потеряли проторенную колею.

«Что вы хотите? – сразу ответил он. – Вы думаете, эти люди по доброй воле живут в непроходимой чащобе? Мостят хлипкие гати, тонут в болотах, едят траву вперемешку с кореньями. Вы думаете, они довольны своей жизнью, потому что не знают другой? Нет, их

или их предков загнали сюда опасности да горести: разбойники, инквизиторы, налоговые сборщики, орды захватчиков, которые здесь проходили не раз, – совсем как мы.

Сами понимаете, какая тут может быть доверчивость и любовь к ближнему. Теперь они – наполовину животные, всего боятся и на все огрызаются, верят не глазам, а ушам и ноздрям. Любой незнакомый мужчина – скорее всего, насильник и грабитель, если не хуже. Пусть лучше убивается подальше, или, в крайнем случае, к соседу. Только не ко мне, ведь стоит только открыть дверь или калитку, как ты беззащитен. А вдруг за тем деревом спрятался еще десяток веселых ребят с кольями? И что тогда? Вас искалечат, над женой и детьми надругаются или, в лучшем случае, уведут в полон, скотину перережут, а дом на прощание сожгут.

Удивительно, как эта шваль любит все поджигать. Казалось бы, обобрали дочиста, насытились, позабавились... Имей страх, уйди, брось людям хотя бы кость... Нет, обязательно сожгут, а несчастных добьют. По-видимому, разбой опьяняет. Многие, что эти шайки делают по пьяному угару, в чаду безнаказанности, – себе во вред. Я пару раз видел, как патрульные разъезды обнаруживали мерзавцев рядом со свежим пожарищем совершенно случайно, так сказать, *in flagranti delicto*, только из-за дыма. И тогда – никакой пощады. Когда я первый раз оказался свидетелем такой незамедлительной казни, то долго мучился. У бандитов был затравленный, я бы даже сказал пришибленный, взгляд, словно они не понимают, что происходит, да и среди них попались двое мальчишек, совсем безусых. Я тогда не знал, что малолетки-то – самые жестокие, больше других пальцы отрезать любят, крики слушать... У них еще нет чувства смерти, понимания боли, они забавляются, играют. Потом мне выпало увидеть тех, кто попал им в руки...

Дело было очень давно, во время предыдущей войны. Тоже ведь за Силезию схватились с Его Величеством. Забавно, не находите ли, что и у ныне царствующих особ бывают любимые занозы, не только у античных владык? Нет, знаете, ошибаюсь, это случилось много раньше, я только поступил в службу. Тогда державы – ваша, наша и русская – никак не могли договориться, кого сделать королем польским. Когда именно? Отступите от сего дня лет так, наверно, на двадцать. Неужели вы об этом не слышали? А впрочем, я не удивлен. Думаете, про эту войну будут лучше и дольше помнить?

Так вот, в этих самых краях – отчего и всплыло в памяти – я случайно попал на хутор, который только что подвергся нападению, даже не знаю, чьему. Скорее всего, это были обычные бандиты. Только какие во время войны «обычные бандиты»? Среди них всегда полно дезертиров, наемников, различного сброда, которому в такое время легко раздобыть оружие. Да и солдаты регулярной армии рыскают по соседству с лагерем, ищут, чем бы поживиться.

Признаюсь вам, я долго не вспоминал эту историю, да сейчас к слову пришлось. Я был в сражениях, наверно, двадцати, отрезал

многие десятки конечностей, не раз с головы до ног покрывался чужой кровью и слизью, закрыл глаза тысячам почерневших людей, которые иногда уже походили на обрубки, а не на творение божие... Но тогда на хуторе... Дом был отстроен хорошо, крепко – наверно, поэтому бандиты решили, что там есть несметные для тамошних мест богатства.

Хозяин висел на дереве, недалеко от колодца, мы заметили его, когда подошли совсем близко. Его долго пытали, жгли, кололи глаза... Потом, судя по всему, взялись за детей... Нет, давайте сменим тему. Извините, я сам начал, и вот... Одно скажу: с тех пор я стал понимать, почему в военное время взятых на месте преступления разбойников расстреливают без суда. Среди них нет людей – только звери или страшные звери. Даже те, кто на вид – чистые дети, уже пропали, они выжжены дочерна и дотла, навсегда поступили в услужение дьяволу. Легче – не размышляя, убить всех, чем помиловать кого-то и потом страшно ошибиться. За них можно молиться, но нельзя простить».

Некоторое время мы ехали в молчании, глядя по разные стороны дороги. Тишину прерывало лишь чавканье копыт да скрип колесных ободьев. Постепенно от головы колонны до нас стал доноситься kloкочущий шум. Он неуклонно крепчал, приобретал членораздельность. Что-то важное – но нет, не опасное – произошло там, впереди. Звук был, прошу прощения за неуместное употребление этого слова, теплым, чуть не радостным. Мы в недоумении переглянулись. Я натянул поводья. Лошади тихо заржали и остановились. Тут нас одновременно осенило, и мы сразу вскочили на ноги.

Произошло соединение нашего корпуса с основными силами русской армии.

19. Битва (без исправлений)

Признаюсь, уже долго я не видел у солдат такого приподнятого настроения. Вроде бы, чего примечательного: выступили почти в срок, не встречая помех со стороны противника, без боев преодолели не такую уж сложную местность и вовремя разглядели передовые разъезды союзников – почти в том самом месте, где планировали столичные штабисты. Бывали переделки и поважнее.

Конечно, я был неправ – мне показалось, что на войне ничего особенного не случилось, потому что ничего не случилось со мной, с нашим отрядом. Но война-то не останавливается от того, что по тебе не стреляют, тебе только кажется, что она приутихла. И в то же самое время стреляют и убивают кого-то другого. Солдаты чувствовали это гораздо лучше меня.

Очень скоро я узнал, что всего за несколько дней до успешного соединения союзных сил произошло крупное сражение. Прусские генералы то ли потеряли из виду наш корпус, то ли не считали его

движение особенно важным и, не заботясь о безопасности тылов, дали русской армии бой на правом берегу реки, именуемой Одером, – я уже о ней упоминал. Эта водная преграда, по мнению многих географов, служит естественной границей между Западной Европой и Восточной. Именно успех русских – а они отбили пруссаков за реку и даже захватили несколько пушек – обеспечил столь безболезненное для нас окончание перехода с одного фронта на другой. К тому же нам повезло дважды: баталия случилась одновременно с заключительными стадиями нашего рейда, которые, как я позже понял, почитались командованием наиболее опасными. И справедливо – прусская армия просто не успела перегруппироваться и перехватить корпус на марше, когда мы были наиболее уязвимы. Не удалось противнику и обескровить основные силы наших союзников. Однако теперь, когда мы совокупно представляли немалую угрозу для бранденбургских земель, на нас неминуемо должен был двинуться сам король.

Таким образом, радость моих сослуживцев объяснялась еще и тем, что обласкавшая нас удача куплена чужой кровью – скоро я узнал, что сражение было жарким и тяжелым, хотя и победным для русских. Так часто бывает на войне – твоя личная фортуна означает смерть или увечье ближнего. Но пока что мы пребывали на седьмом небе, и от каждого костра неслись здравицы русской императрице. Тем не менее главное было впереди, и никто не собирался наслаждаться прелестями большого купеческого города, называемого Франкфурт, который объединенная армия заняла без проволочек, успев потешить свое тщеславие во время церемониального выноса ключей на широком позолоченном подносе. Освященное древней традицией действо не без изящества провел дородный бургомистр в отменно напудренном парике (легко же они сдаются, успел подумать я).

Через несколько дней мы выдвинулись на более удобные позиции и вскоре оказались на склонах нескольких холмов, выстроившихся в почти правильную цепочку и примыкавших к правому берегу Одера. Город остался за рекой, совсем недалеко, говорили, что его даже видно с нашего левого фланга. Человеческого жилья вокруг почти не было, не считая небольшой деревеньки, вытянувшейся по берегу тонкого озера где-то в тыловой низине.

Лагерь разбивали долго и не без суматохи, еще более усугубленной тем, что приходилось все действия согласовывать с русскими. Впрочем, большинство их офицеров на удивление сносно понимали немецкий и часто французский, поэтому меня то и дело командировали в разные стороны, требовали, просили, грозилась, отчего я к вечеру совершенно валялся с ног. А ведь нужно было привести в порядок свой собственный лазарет, ибо без работы он остаться не мог. Наоборот, надвигалась гроза.

Король не только не был разбит, но, скорее всего, именно сейчас подкрадывался к нашим силам, дабы нанести противнику

решительное поражение и окончательно склонить ход войны в свою пользу. И все-таки никто из моих сослуживцев не думал о предстоящем бое, об опасности и смерти. К плохому легко привыкаешь, поэтому так радуешься, когда оно позабудет случиться. К тому же мы по-прежнему испытывали подъем духа из-за столь успешно выполненного марш-броска, хотя нашему соединению удалось взять лишь первый промежуточный рубеж, и очевидно, что самый легкий. Не желавшие идти с нами – так ли они были несообразительны?

Через какое-то время начальник лазарета уговорил меня съездить в русский лагерь, встретиться с коллегами, но делать это, не уведомив командование, было нежелательно. Поэтому мой наставник отправился в штаб и на удивление легко получил разрешение. На следующий день нам с вестовым передали пароль и инструкции. Мы привели в порядок обмундирование (мое прохунилось до неприличия), приказали распрячь из повозок и оседлать по уставной форме пару тягловых лошадей, приготовили подарки. Я понимал, что у русских должна быть нехватка перевязочного материала, и поколебавшись, совершил изъятие казенной собственности из интендантской повозки. Совесть меня, если вправду, довольно-таки мучила. Они, небось, не разберутся, не поймут и сразу по нашему отъезду все выбросят в мусор. «Но ведь это союзники», – не переставал я шептать почти вслух, словно оправдываясь перед кем-то.

В полевом госпитале русской армии нас ожидал главный военный лекарь Штокман – носатый, сухой, чисто, но не без порезов выбритый человек с впавшими щеками и крупным кадыком – по моему, из остзейских немцев. Вообще, среди врачей в стане войск петербургской императрицы лиц неевропейской народности почти не было. Поэтому наше общение шло довольно непринужденно (ничуть не хуже, чем с русским офицерским корпусом), несмотря на то, что я с трудом разбирал путаную вереницу акцентов подданных ее величества.

Доктор Штокман, как и весь его госпиталь, произвел на меня странное, если не сказать двойственное, впечатление. Во-первых, сам лекарь был не очень-то похож на немца – нет, не внешне, а по своему поведению. В нем не водилось ни капли чопорности, не было и, прошу прощения, никакой германской основательности. Честь он нам так и не отдал, хотя был в мундире – впрочем, грязном и основательно изодранном. Подарки наши – ведь и мой начальник по секрету от меня кое-чем запасся – он быстро, одним взмахом костлявых пальцев, спрятал, поблагодарив союзных коллег чуть не сквозь зубы. Без пояснений подвел нас к ближайшим палаткам, откуда доносились гулкие стоны, – тут мы поняли, что у русских много раненых. Зачем-то размахивал руками, треща суставами, и то говорил без устали, то замолкал на полуслове и косо поглядывал в нашу сторону.

Еще доктор Штокман постоянно жаловался на недостатку

припасов и вороватость интендантов, поминутно прихлебывал из плоской фляжки, которую держал за пазухой, не думая с нами поделиться или хотя бы предложить глоток-другой, пускался в пространные рассказы, не имевшие никакого отношения к войне или нашей профессии, прилюдно и громко поносил своих помощников за нерадивость, не знаю уж, истинную ли. Меня не отпускало ощущение, что одновременно с явным неудовлетворением, которое он испытывал от своей должности и может быть даже, от нашего визита, ему необходимо было показать, что он здесь все-таки командир и распорядитель, что по его слову могут делаться какие-то важные или почитаемые важными вещи, что его упреки должны слушать с виноватым лицом десятка два утомленных и, в отличие от него, заросших двухнедельной щетиной людей. Теперь, по прошествии лет, мне кажется, что я был не вполне справедлив. Да, старикан действительно боялся себя уронить – тоже мне важный упрек. Хотя, поймаю себя на слове, он, наверно, был заметно моложе меня сегодняшнего. Что ж, ныне и я, пожалуй, стал порядочным брюзгой и отменным причиталой.

Тогда же оставалось лишь молчать и делать вид, что киваешь хозяину с пониманием. Окончив визит, мы раскланялись с господином Штокманом, испытав взаимное облегчение, и возвращаясь к нашему бивуаку, не обменялись ни единым словом. На полдороге нас нагнал кто-то из санитаров, с трудом объяснивший на ломаном немецком, что их высокородие просит господина доктора принять этот скромный дар. Едва успев вручить мне небольшой узелок, он тут же испарился в темноте. Внутри был отменный китель – не слишком заношенный и, скорее всего, недавно снятый с русского мертвеца. Побуждаемый неясным чувством, я не преминул продемонстрировать начальнику плоды великодушия союзников и, сравнив австрийские дыры с русскими потертостями, театрально высказался в пользу последних. «Пусть смотрят, скопидомы паршивые», – почему-то подумал я, переодеваясь. Вскоре мы увидели наши костры.

Я засыпал со странным чувством. Почему-то до сих я пор никогда не испытывал волнения в преддверии битвы. Может быть, только в первый раз, когда я еще не знал, чего ожидать. Но теперь – и я постепенно стал в этом убеждаться – война стала моей профессией. Я сроднился с лазаретом, кровавыми тряпками, затихающими стопами раненых и синими трупами, которые санитары складывали неподалеку и покрывали рогожей. До первого выстрела и почти сразу после наступления затишья я мог с легкостью заниматься своими делами: чинить мундир, шупать маркитанток, читать подвернувшийся роман.

Конечно, это не относится к серьезным баталиям – тогда до боя надо было готовить лазарет, а после... Я уже рассказывал, что для врачей сражение кончается в последнюю очередь, и не стану повторяться. Но как до битвы меня волновало только расположение носилок да наличное количество корпии, а не предстоящая

опасность, так и после нее мысли мои были заняты чем угодно, но не благодарственной молитвой за спасение от смерти или увечья. Да и во время сражения – то же самое. Рвались снаряды, трещали ружья, чавкающими криками отдавалась в ушах рукопашная, к госпиталю, шатаясь, плелись белолицые солдаты, но я оставался бесчувствен, ни за что не переживал и никого не жалел. Я был слишком занят: через меня непрерывным потоком шли раненные, и отнюдь не всем из них было суждено дожить до утра. Руки делали перевязку, а глаза отбирали следующего кандидата на спасение. И душа моя оставалась в полном молчании.

Так было. Но в этот вечер я заснул с ощущением надвигающейся грозы. И почти сразу проснулся. Мне вдруг стало ясно, что происходит. На удивление, я неожиданно оказался стратегом не хуже штабных. Во-первых, налицо лучшие силы союзников: вся русская армия и самая боеспособная часть имперских войск – большая часть кавалерии под командованием лучшего из австрийских генералов. Если королю удастся с нами расправиться – можно считать, он выиграл войну. И если это осознаю я, лежа на дурном деревянном топчане, то тем более это понимает тот, кто уже не раз удивил Европу быстротой своей мысли. Почему-то мне представился король за картой в беловерхом шатре, в окружении затянутых в мерцающие мундиры приближенных. Он что-то втолковывал им, водя шпагой в воздухе, они дружно кивали в ответ и разевали немые рты, словно хор разукрашенных рыб. Значит, подумал я, завтрашняя атака пруссаков будет продуманна, страшна и безостановочна.

Во-вторых, местность здесь для нас неизвестная, и в ходе сражения с нашей стороны неизбежны ошибки при маневрировании. Это мне стало понятно, когда я давеча проехал через все расположение союзников, неуклюже раскинутое по холмам и перерезанное оврагами, открытое сразу с трех сторон, за исключением примкнувшего к реке фланга, обреченного – я это тоже понял – в любом случае стать тылом. В-третьих, нам некуда отступать – по сторонам болотные низины, сзади река. В случае неудачи даже ночь не принесет спасения. Выбраться с топкого берега некуда – нас добьют наутро. Строй разорван, глубины фронта никакой, боеприпасы истрачены. Утопят или отстреляют, сопротивляться мы не сможем, как афиняне при бегстве из-под Сиракуз. А ведь у них была хорошая армия.

К тому времени я уяснил несколько главных батальных законов, и среди них был такой: своевременно поданный сигнал к отступлению сводит на нет даже самые блистательные победы противника. В таком случае потрепанная армия уходит, не теряя строя, а преследовать ее ночью, не подвергаясь жестокой опасности, невозможно. В темноте враг становится страшнее, а управление войсками – зыбче. Да, не спорю, теперь я по-другому оценивал поведение наших командиров, не раз трубивших отбой, когда перевес пруссаков на поле боя еще не был решающим. Они знали,

что отход – это не разгром, и совершенно не стыдясь первого, панически боялись второго. Настолько он был тогда редок и так наверняка с позором завершал карьеру любого высокопоставленного офицера. Теперь же – и я с ужасом осознавал это все отчетливее – нас ожидал неперемный разгром.

Подразделения союзников были разбросаны по отдельным, nasкоро возведенным укреплениям, солдаты не успели отойти от изматывающего марша и не понимали друг друга. К тому же позиция наша оказалась уязвимой сразу во многих местах: холмы прикрывали армию только с одной стороны – там, где последний из них защищала река. Король мог ударить во фронт, в тыл или с узкого фланга, мог варьировать степень натиска на разных участках и одновременно координировать действия своих сил, идущих по плоской равнине и легкодоступных для вестовых. Мы же стояли близко, но порознь друг от друга, любое сообщение между союзными частями прерывалось одним удачным выстрелом. Не говоря уж о языке – русские могли запросто перепутать нас с пруссаками, даже несмотря на мундиры, – ведь до сих пор мы никогда не сражались рука об руку. Любая случайность могла привести к катастрофе. Значит, ее не избежать.

Я вдруг воочию увидел, как сброшенные со своих линий части собьются в центр, в то самое место, где находился мой госпиталь, и как паника неминуемо перейдет в бойню. Еще успел подумать: а войска, стоящие ближе к реке, в битве даже не поучаствуют, в лучшем случае им придется смотреть на мучения умирающих раненых и подписывать почетную капитуляцию. Деться-то некуда: две трети армии уничтожены, сзади вода, а по всему периметру – прусские гренадеры, с каждым часом всё крепче сжимающие стальное кольцо. Король еще сообразит закатить наверх фальконеты и устроить небольшую канонаду для пушного внушения упрямам, желающим красиво умереть. Дабы показать, что песенной баярдовой гибели не будет – только кровавая пыль и дерьмо человеческое. Так сказать, военно-полевое рагу.

Тут ваш покорный слуга прервался на мгновение и поразился ходу своих мыслей. Господи, что это? Неужели я действительно стал настоящим военным, способным по небольшим деталям подробно предсказать ход будущего сражения? И здесь великий стратег без маршальской палочки вдруг заснул, чтобы проснуться с первыми прусскими залпами, доносившимися с крайнего, самого восточного холма.

Король решил ударить во фланг, чтобы, смяв его, мгновенно внести раздор во все наши позиции. Одна бегущая часть нарушит строй другой, и сразу пойдет всеобщая свалка, а за ней паника. «Все угадал, – почему-то твердил я про себя, – я все угадал». К тому же острие прусских штыков оказалось направлено не с той стороны, где стояла союзная конница, – тыл и фронт поменялись местами, и этот выбор был сделан не нами.

Судя по крикам и интенсивной перестрелке, на крайнем,

восточном холме шел жаркий бой. Мы все стояли, вытянув шеи: врачи, санитары, носильщики. Прошел час. Шум не смолкал, но раненых почему-то не было. Да, я знал, что сначала они пойдут в ближайший перевязочный пункт, потом в собственно лазарет, располагавшийся, скорее всего, на том же самом фланговом холме, но те, для кого там не хватило бы места (а его скоро должно было не хватить), были обречены скатиться по склону прямо в наши объятия. Не один я – все работники госпиталя застыли на месте и смотрели в одну и ту же сторону. Стрельба становилось все громче, придвигалась ближе и ближе. «Где же раненые? – думал я, – где же раненые?» Бегущих тоже не было, и резервы беспрепятственно шли мимо нас с ружьями наперевес. Мы следили за ними со смесью страха и надежды. Грохочущая пустота продолжала пожирать осмелившихся приблизиться к ней. Отчаянно и неустанно дробили барабаны. Одна за другой русские части двигались навстречу врагу и исчезали в сизой пороховой пелерине, постепенно наползавшей на наши позиции.

Скоро мои опасения подтвердились. Сражение явно складывалось в пользу противника. Укрепления на холме держались из последних сил – союзные флаги колыхались, но пока не падали. Вверх по склону устремились последние подкрепления. Блеснули на солнце штыки, взметнулось одинокое знамя на самом краю, и вскоре перечерченные ремнями русские мундиры скрылись в яркой пыли. Последним промелькнул опоздавший взвод кое-как одетых солдат – они судорожно взбежали по тропинке и исчезли, покрытые неожиданно налетевшим дымом. Им навстречу никто не шел. Раненых по-прежнему не было.

Я не выдержал, и зачем-то махнув рукой недоуменно глядевшим на меня санитарам, начал взбираться на возвышающийся за лазаретом холм в самом центре нашего лагеря. Крутой склон поддавался медленно и предательски осыпался под ногами. Где-то в ста шагах стояла первая из запасных линий русской пехоты. Меня пропускали – скорее всего, подаренный мне вчера мундир был офицерским. Так и не отдавая себе отчета в собственных действиях, я продолжал карабкаться вверх, но, наконец, остановился и оглянулся. Я был в самой гуще русских солдат, не обращавших на меня внимания. Раздалась какая-то команда. Войска занимали круговую оборону. Я заметил, что вдали, там, где по фронту, оказавшемуся теперь тылом, стояла растерявшаяся конница союзников, весь горизонт был закрыт густыми бурыми клочьями невиданного движущегося тумана. «Кавалерийская атака», – словно проговорил кто-то у меня над ухом.

Ничего больше я разобрать не мог, как ни вглядывался в непроницаемые облака пляшущего дыма. Вдруг из пылевого омота над крайним холмом вниз по глинистому откосу гурьбой посыпались русские солдаты. Я понял, что позиции потеряны. Сейчас пруссаки прорвутся с тыла, и начнется резня. «Конец.

Бежать некуда. И к тому же я в русском мундире. Меня ничто не спасет», – еще мгновение назад я бы не поверил, что мне в голову может прийти такая мысль.

Я даже не успел устыдиться. Не верьте тому, кто скажет вам о моральных соображениях, об угрызениях различного рода, испытанных во время битвы, – тогда царят совсем другие эмоции. Тут же затараторили фузеи, и несколько человек неподалеку завертелись в предсмертной агонии. Стало темно. Моя жизнь заканчивалась. Я ударил себя по вискам, чтобы привести в чувство, – и вдруг очнулся. Время суток не поддавалось определению, но света чуть прибавилось, хотя солнце по-прежнему было скрыто покрывалом артиллерийского пота и ружейной одышки. Русские линии стояли на месте – на лицах солдат застыл какой-то жесткий оскал. Они тоже ни о чем не думали. Чуть выше я увидел ошестинившиеся жерла русской батареи. Зачем-то я два раза пересчитал пушки – справа налево и слева направо: ровно шесть. Расширенные дула выглядели немного необычно, казенная часть почему-то была конической формы. Копошившиеся вокруг грязные русские артиллеристы заряжали их далеко не в один присест, суетливо, несуразно и бесконечно медленно. Неожиданно для себя я развернулся и стремглав понесся вниз, к госпиталю. «Там же раненые, там же раненые», – твердил я на бегу, пытаюсь убедить кого-то в правильности своего поступка.

На мое отсутствие никто не обратил внимания, да и продолжалось оно ничуть не более получаса. Или часа? Но за это время все успело измениться. Обливающиеся потом изможденные солдаты шли через лазарет не разбирая дороги. Многие падали. Я приказал санитарам подхватывать ближайших, давать воды, осматривать и сразу же отпускать тех, кто не нуждался в помощи, – я знал, что мертвенная бледность отнюдь не всегда равняется потере крови. Большинство были с колотыми ранами в руки, грудь, туловище. Как в тумане промелькнули несколько задетых лиц, развороченных челюстей, но я уже научился мгновенно вычеркивать из памяти самые тяжелые увечья.

Все мои суставы функционировали помимо меня; автоматичность – лучший рецепт от безумия, имя которому война. Не жалея зубов, я рвал ими бинты и непрерывно накладывал перевязки, особенно тем, у кого были поражены конечности и кто потому мог надеяться на лучшее. Но кровь останавливалась плохо – стояла ужасная жара. Два рослых гренадера один за другим умерли у меня на руках. Времени раздумывать не было, я скинул трупы в сторону и продолжал отдавать команды, непрерывно резать окровавленную одежду, вязать крестообразные узлы, снова рвать и резать. Краем уха я различал разрывы, шедшие с противоположной стороны, – вчера там был наш тыл, теперь обернувшийся фронтом. «Похоже, мы окружены», – почему-то по-французски сказал я санитару, щекастому, но расторопному Алоизию. Он послушно кивнул и протянул мне ровный лоскут сероватой ткани. Я обратил

внимание, что перевязываемый солдат со страхом смотрит мне за спину, в направлении крайнего холма. Приказав себе не оборачиваться, я закончил повязку, дернул головой в направлении санитаров, и сделав вид, что ищу инструмент, бросил быстрый взгляд туда, откуда должна была прийти моя смерть.

Прусские ряды двигались прямо на нас. Шеренги смешались совсем немного, и только из-за помех, которые доставлял лучшей пехоте мира упрямый пересеченный ландшафт их же собственной страны. Мундиры солдат были на удивление опрятны, а сапоги начищены. «Почему так медленно? – подумал я, и сразу же, без перерыва, – а их не так много, где же остальные?» Снова забили барабаны, я не понял, чьи. Показалось, что в паузах ровного маршевого дребезга я различил неожиданную тишину на наших центральных позициях. Неужели все кончено? Тогда почему неприятель продолжает атаку? Не знает, что мы уже капитулировали?

Противник ровными рядами шел мимо лазарета, не отвлекаясь на легкую добычу. К тому же наши повозки, носилки, весь этот до безобразия неправильно раскиданный госпитальный скарб мог легко сбить строго вычерченный и оттого вдвойне убийственный боевой строй. Я вдруг забыл о разлитом вокруг меня кровавом озере и перевел взгляд вверх. Русские ряды в сердце укреплений продолжали недвижно стоять. Раздался залп, еще и еще. Ответный. Противники как будто перебрасывались пригоршнями дробных звуков, имевших силу повергать людей наземь. Несколько пруссаков покатались вниз по склону, но порядка это не нарушило. Русские отстреливались, но как-то неохотно, вразнобой. Им было не под силу задержать неизбежность, но почему-то они оставались на месте. Легкий ружейный дым быстро иссяк. Русские по-прежнему не двигались. Скоро их первая линия исчезла под накатом прусского моря.

Все застыли. Я понял, что не только я, но и все мои коллеги никогда не видели ничего подобного. Снова залп, ему опять ответила рассыпчатая трещотка русских выстрелов. Я внезапно осознал, что вокруг меня скопилось десятка два раненых, но никто из них не требовал помощи. Все мы согласнo глядели на гибель главных сил русской армии. Зачем-то я перевел взгляд на склон крайнего холма – там никого не было. Где же основные силы пруссаков? – еще успел подумать я, когда сверху ударила артиллерия.

Залпы били густо и ровно, но не по нам и не по прусским линиям, все так же плотными рядами шедшим мимо нас к неминуемой победе. Я поймал себя на мысли, что могу определить местонахождение батарей и направление стрельбы – она шла по всему поперечному фронту наших позиций. По-видимому, именно туда король решил нанести главный удар. Еще я успел подумать, что в этом бою от конницы не будет никакого толка – слишком пересеченная местность: холмы, ручьи, болота. И прикинул, что

тогда у нас есть шанс. Ведь мы обороняемся, и если сумеем удержать большую часть позиций... Здесь я опять бросил взгляд наверх и понял, что надежды мои тщетны. Прусская пехота продвинулась еще немного, и русских линий уже не было видно. Мы оказались в тылу неприятеля. Так иногда случается – в самом кровопролитном сражении есть островки спокойствия.

После битвы мы будем в плену. Но почему-то я не почувствовал облегчения при мысли, что опять уцелел. «Зачем? – несколько раз повторил кто-то у меня в голове, – зачем?» Стряхнув с себя оцепенение, я снова принялся за раненых. Пруссаки куда-то исчезли – наверно, брали русские позиции там, на центральном холме. Но где же их резервы?

Вдруг с северной стороны показался небольшой конный отряд – несколько эскадронов, не больше. Сначала скакали имперцы, за ними русские, с длинными пиками, перепачканные и, подобно доброму доктору Штокману, одетые бог знает во что. По сравнению с австрийцами их было немного, и почему-то они располагались на флангах – наверно, из-за слабой ездовой выучки. Не осознавая опасности, я бросился наперерез, скатился в канаву, выбрался из нее и оказался почти на пути разгоряченных всадников. «Скажите, майор, каково положение?» – запыхавшись, крикнул я первому же офицеру, едва успев разглядеть его знаки различия.

– С утра нас атаковали кирасиры, – прокричал он, быстрым взглядом оценив мой рваный русский мундир и не успев удивиться моей немецкой речи, – но мы их отбили. Что на другой стороне, я не знаю. Нас послали выяснить обстановку. Где противник? – В ожидании моего ответа он на мгновение придержал возбужденно дышавшую лошадь.

– Пруссаки взяли Мюльберг в штъки, потом прошли мимо лазарета и штурмуют центр наших позиций с того же направления. У тех и других большие потери. Резервов неприятеля я не видел, – на удивление, это звучало как настоящий боевой рапорт. Я даже вспомнил, как называется крайний холм, оказавшийся на правом фланге наших боевых порядков и принявший первый удар королевской армии. Майор отсалютовал мне саблей и бросился за эскадрон. Лошади с трудом шли по глинистой почве. «Вроде бы, это был русский, – подумал я. – Каков акцент, ничего не разобрать. И мы с ним говорили по-немецки, и воюем тоже с немцами».

Опять канавы, снова наверх, на этот раз ноги меня плохо слушались. Уже оказавшись неподалеку от лазарета, я заметил, что пухлый Алоизий отчаянно машет в мою сторону. Я попытался ускорить шаг и сделал ему ответный знак. Вдруг он замер, присел на одно колено и начал падать. Театрально, даже по-клоунски, с распростертыми ко всему миру руками и с вытаращившимися во все стороны розовыми внутренностями. Полшага – и жизнь схлынула с лица, сначала густо посеревшего и тут же выбеленного смертью. Выстрела я не слышал, но все равно инстинктивно обернулся. Неподалеку разорвалась шальная граната и меня

отбросило в сторону. Санитары припали к земле. От неожиданности я чуть не задохнулся, но сумел устоять на ногах. Из расступающегося дыма показались королевские мундиры. Прусская пехота возвращалась, не держа боевой порядок и нестройно паля во все стороны. Мне показалось, что я разглядел матовые, липкие штucky. Разгоряченные, черные от пороха солдаты шли прямо на госпиталь, глядя вбок и вниз. Я поискал глазами офицера, но не увидел. Из канавы показались гренадерские треуголки. Лиц было не разобрать, а взглянуть в глаза – некому.

– Смирно! – неожиданно вырвалось у меня. – На месте шагом марш! – я выпятил грудь, стал во фронт и отдал честь.

Треуголки неуверенно заколебались.

– Приказом Его Величества короля все лечебницы и лазареты враждующих сторон велено считать объектами военной экстерриториальности, подлежащими охране по законам Божеским и Человеческим, – я и не знал, что обучен таким немецким словам, сложившимся в моих губах чудовищной, но впечатляющей невнятицей. – Левое плечо вперед! Госпиталь обойти! – и жестом балаганного фигляра, не имеющим ничего общего с офицерским артикулом, я указал куда-то в сторону.

Спасло меня то, что сверху и слева прыгнула еще одна масса пруссаков – нет, они не бежали, но все-таки, понял я, отступали. Стоявшие передо мной в легкой растерянности гренадеры тут же нашли ответ на неожиданную задачу – подчиниться ли странному приказу, отданному безоружным человеком. Добавлю – человеком в русском мундире, но сославшимся на прусского короля, чьи распоряжения, даже самые безумные, эти люди привыкли исполнять не размышляя. Нет, левое плечо вперед никто, конечно, не сделал, но парной поток черной пехоты вдруг внес поправку в свой смертельный маршрут и проложил новое русло – совсем рядом, но не по нам. Не по нашим телам.

Гренадеры шли мимо, а я все так же по-дурацки стоял с вытянутой рукой, подобно деревянному дорожному указателю, которые встречаются на развилках грязных, изрытых лужами дорог на восточном краю Европы. Наконец передо мной больше никого не было. Я повернулся и побрел к лазарету. До него было не больше полусотни шагов. Подходя, я заметил, что санитары смотрят на меня немного странно. «Кажется, с ними неладно», – подумал я. Из толпы выбрался мой начальник, почему-то показавшийся мне необычно багровым с лица, одетый в одну нижнюю рубаху.

– Вы живы? – донеслось до меня, и сразу же, вдогонку: – Что вы им сказали?

«Кому?» – успел изумиться я, даже не оценив глупость первого вопроса, и с внезапной усталостью опустил на небольшой пенек. Теперь крики приближались с другой стороны – судя по всему, от центрального холма. Артиллерийские разрывы начали отдаляться. Совсем краткая пауза – и неразборчивый шум хлестнул сверху, как

водопад, – я увидел русские линии, бегущие по направлению к нам, со штыками наперевес. Сопротивления не было – пруссаки успели отойти назад. Почему? – и я тут же понял: у них не было поддержки, что-то случилось, и передняя линия наступающих осталась без резервов. И без боеприпасов.

Один за другим русские батальоны бежали мимо нас на старый фланг, туда, откуда в начале битвы их выбили части наступавшего короля. Бой за Мюльберг – теперь я уже всю оставшуюся жизнь не мог забыть названия крайнего холма – должен был оказаться упорным. Я поднялся и принялся за работу. Как ни странно, у конопатого Франца все оказалось наготове, и он только успевал подавать мне лоскуты ткани – сначала жирные от масла, потом сухие, опять жирные, и так много раз подряд. Раненые теперь шли с нового фронта, но, на удивление, их было немного. К сожалению, подробно распросить русских солдат я не мог, хотя становилось ясно, что битва, казавшаяся проигранной, теперь закончится ближе к закату, скорее всего, вничью. Снова покореженные штыками руки, распотрошенные животы – эти уже не жильцы.

«Теперь понятно, почему королю ни разу не удалось их окончательно разбить», – вдруг сказал я вслух и тут же осекся: слова вырвались помимо моей воли, и именно потому, что я ничего не понимал. Почему русская армия не разбежалась? Что натворили пруссаки, какая ошибка погубила их победу? Тут я заметил, что выстрелы наверху уже заглохли; заметил и то, что, как в самом начале сражения, уже давно перевязываю одни только колотые раны. Сказав санитарам, что ненадолго отлучусь, я, почему-то шатаясь, прошел в одну сторону, потом в другую, и вдруг – не верьте тому, кто вам скажет, что на войне не бывает чудес – увидел внизу, шагах в пятидесяти, давешнего русского немца. Он шел неровно, не разбирая дороги, и почему-то держал в руках окровавленное седло. Опять-таки неожиданно для самого себя я подобрался к нему на достаточное расстояние и прокричал: «Ради бога, дорогой друг, скажите, что происходит?».

Услышав меня, офицер поднял голову и удивительным образом приосанился. Опустил седло на землю, расправил плечи и приложил руку к краю кивера.

– На нашем фланге полная победа, – как мне показалось, не без гордости отозвался он. – Противник отбит с большими потерями. Мы вышли на исходные позиции и продолжаем преследование. Там дальше пруды и болота, двигаемся с трудом. Да еще дым от этой деревни, никак догореть не может. Что в центре – непонятно, но, надеюсь, наши остолопы не настолько глупы, чтобы позволить себе погоню на фланге, пока фронтальная атака еще не закончилась. Честь имею.

Он снова поднял седло. Я благодарно махнул ему рукой и потащился назад. Каждый шаг давался мне очень тяжело. Подходя к палатке, я во второй раз увидел странно смотревших на меня санитаров. Заострившийся, как перышко, Франц вдруг выскользнул

из толпы, пятнистые полы его халата уморительно топорщились на ветру. Поскользнувшись, он извилисто покатился по склону, словно дурно пущенный игральный шар, тут же встал, обнял меня за талию и громко зашептал на ухо: «Герр доктор должен немедленно лечь! Все в порядке, больше раненых нет». «Чего ты врешь, мошенник», – хотел было закричать я и даже непроизвольно поднял руку для оплеухи, но неожиданно понял, что он прав, совершенно прав: надо лечь, и поскорее. И это именно то, что мне сейчас хочется сделать. Немедленно, без отлагательств. Тут я потерял сознание.

20. Радость

- Тю-тю-тю, – напевал сэр Генри какую-то давнишнюю мелодию, принесенную с еще довоенного бала, – трам-та-рам-та-там.

Скажем здесь, что с музыкальным слухом у почтенного коммерсанта были нелады, и будучи человеком в высшей степени реалистичным, он отдавал себе в том полнейший отчет и обычно воздерживался от воспроизведения каких-либо песенок, даже с самым примитивным мотивом. Но сейчас сэр Генри собой владел не вполне, ибо новости с батальных полей принесли ему приятный сюрприз. Было ясно, что теперь войне конец – мир, скорее всего, заключат еще до холодов. И какой удачный мир! В корне меняющий хитросплетения торговых путей и вытекающие из этого коммерческие возможности.

«Скорее всего, Россия получит Кенигсберг, а тамошний порт, как известно, зимой не встает. Давняя мечта здешних кесарей, между прочим, – незамерзающая гавань на Балтике. Тут нам, питерским сидельцам, опасаться нечего, даже наоборот. Это, в первую очередь, удар по Риге, хотя сидеть сложа руки нельзя. Необходимо, конечно, открыть в Ливонии филиал и попытаться наладить торговлю с западными губерниями империи, особенно балтийскими, но теперь-то оттуда будет прямая дорога на Киев и даже дальше, к милым и симпатичным османам. Как говорится, от моря до моря. Нельзя исключить, что Петербург будет частично получать восточные товары из Кенигсберга, особенно весной и осенью. Дороги-то здесь полгода совершенно непроходимы, и это никогда не изменится.

Впрочем, важнее вот что: теперь Россия станет гораздо ближе к Европе и самими границами, и с точки зрения сугубо политической. Следует ожидать оживления дипломатии, больших посольств, может быть, даже конференций, непрерывных приемов, балов, раутов. Значит, будет спрос на предметы роскоши. Вообще, после победы цены должны вырасти, поэтому кое-какие товары следует попридержать, не торопиться. Еще вот какой оборот: в связи с коренным изменением державного баланса петербургское представительство фирмы должно быть повышено в статусе. Надо

обязательно упомянуть об этом в следующем же письме в штаб-квартиру.

Далее мыслим таким образом: сейчас между Зимним дворцом и Вестминстером пробежала кошка. Серенькая, ушастик-мордастик. Но долго оно продолжаться не может, к тому же причин для вражды – никаких. Все высосано из пальца, придумано дипломатическими интриганами, двигающими свои карьеры, или, еще хуже – просто-напросто купленными известными державами, якобы пекущимися об общем благе союзников. А так – делить нам нечего, совсем как сладким друзьям. Ни границ, ни борьбы за сферы влияния: всякие там рынки сбыта, коммерческие пути, сырьевые базы.

На самом деле, мы с русскими чуть не идеальная пара. Ладком бы сидеть надобно, подливать друг другу чай да варенье подкладывать. Редко так бывает, чтобы в одной стране производили кучу добра, потребного для другой, и наоборот. Вся эта пенька, лес, парусина, перья, деготь, воск да самоцветы дешевы тут необыкновенно, и с руками отрываются в родимой метрополии, не говоря уж об американских колониях. Ну а британскому товару на здешних равнинах никаких конкурентов и вовсе нет.

Слов нет, голландцы молодцы, да и шведы не промах, а в кружевных завитушках мы с галлами даже соперничать не будем, только вот спросим: настоящий товар, первоклассные фабричные изделия на все случаи жизни и в каких угодно количествах – кто это производит, кроме Британии? И кто сможет их доставить по морю столь скоро и пройти русскую таможеню столь безболезненно, кроме как фирма «Сазерби, Брекенридж и Уилсон»? Или, скорее, теперь – «Сазерби, Уилсон и Брекенридж». Или даже – «Уилсон, Сазерби и Брекенридж». Кстати, последнее звучит лучше всего и по-русски, и по-английски. Потому – мириться надо срочно, и даже дружиться. Тем более что войны не было, а одно недоразумение. С французами мы воевали, с французами, а русские – с пруссаками. Параллельно, значит, не пересекаясь. А меж нами – ни-ни, ни кошки, ни котеночка не бегало. Вот тебе и весь сказ, а кто старое помянет, тому глаз вон».

Любил сэр Генри русские пословицы, еще не зная, насколько типично это станет в будущем для любого прикипевшего к российскому бездорожью образованного иностранца. Хотя, надо признать, смотрел далеко, не то что некоторые его современники.

21. Победа (углы надорваны, не без конъектур)

Ну что сказать, радостные други? Одни только ахи да охи, неизбывные вздохи. Такой фук, что хоть в задницу крюк. И не опростоволосились, и не опозорились даже, а на весь мир прославились, только потом прослабились, и вместо виктории да прекрасной истории получилась тухлая коврижка да пивная

отрыжка. Кто бы сказал, что оно так выйдет, – поверил бы, но что в именности через оную дырку, никогда бы ума не хватило. Граф-то наш, слава ландмилиции, ясен свет Петр Семенович, словно какой Цезарь али Аннибал, промысла не испугался, на немца пошел и, не чая страха, в первом же бою его разгромил. Да так потрепал, а к тому ж инда далеко продвинулся, что сподобил австрияков идти к нему на соединение, а самого короля – на решительную битву.

И надо же! Союзнички наши любезные по первости все выполнили, что обещали. Веры им не было, а зряшно, – пусть народ до срамоты греховный, но страшную клятву, пред образами данную, блюдет, как честное слово. Не соврал венский гофкригсрат – непонятно кому, кроме черта, брат. Прислали конницу, да не одну, а с ладным командиром и всякими прочими важностями фуражирскими да провиантскими. Тут, конечно, пришло известие страшнее страшного, а иначе на войне не бывает: король близится, идет галопом, аллором и всяческой иноходью, чтобы всех своих ворогов заодно перемолоть и навсегда полонить. Это, значит, мы сюда на прогулку зашли ненароком, никого обидеть не хотели, только парочку городков случайно сожгли, а здесь, оказывается, смертная битва по нашу голову, сюрприза горькая.

Тогда вздохнули ахово наши сударики и стали окапываться, горочки стройные рядком нашли, на них повыше забрались и ну за работу! Засеки строить, окопы рыть, со всех сторон частоколы, а с дальнего краю – река, и не подойдешь. Ну а с другой стороны коли посмотреть, то и отступать некуда, только тонуть в случае конфузии или со всей головой сдаваться, как швед под Полтавой. Не станем, впрочем, графа упрекать, вышло-то у него все в наилучшем виде, опять-таки хотя только по первости. Но вышло ведь, ядрена кочерыжка!

И отнюдь не бежал с поля боя наш геройский Петр Семеныч. Не то что англичан-проглотил-аршин, с первым выстрелом пропавший, а с последним – назад объявившийся. Правда, злые языки говорят, некуда бежать-то было, ежели только в реку бултых. На это я строго отвечаю: а резервы кто в пекло направлял, кто боем руководствовал, вовремя контратаку приказал? Ага! Молчок у вас выйдет, завистников. Что делать, не вы короля побиили, а самолично граф, и сие деяние с ним завсегда пребудет. И может так выйти, что никто пруссака больше не прижмет, оставят исторические анналы господина российского главнокомандующего в гордом одиночестве. Особливо поскольку королю бегать по своей земле куда как сподручней. Двигается быстро, уклоняется гибко, проворством изрядным несомненно велик. Не захочет – ни одна живая душа шустрилу не догонит, даже если с кавалерией. Но не об этом я сейчас, погрязши в косноязычии, глаголать пытаюсь. Что нам тот король, мы себя сами лучше всех победить сможем.

Конечно, по всем письмам и релизам выходит, что никаких чудес Петр наш свет Семенович во время преславнейшей после изничтожения шведского Карлы расейской баталии не делал.

Точка. И подчерк. Не делал. Повторяюсь вовсе не без резону. Поскольку, однако же, и наоборот – не растерялся и в аккурат выполнял офицерский долг, отцами подробно написанный, а великим Государем проштемцелеванный. Безо всяких хрюков и глупых ремизов. Образовалась брешь – послать из резерва. Патроны кончились – поднести зарядные ящики. Противник в замешательстве – картечью по нему и гранатами, а потом кавалерией. Орудия по науке расставлены, бьют поверх собственных линий, вражью пехоту накрывают кучно, кони свежие, скачут быстро. Азбучное дело, а почему-то больше ни у кого не сладилось.

Плохо, плохо у нашего начальственного брата получается исполнение долга и даже присяги в самых простых, что называется, проявлениях. Чтобы без геройства, а по малостям. Не бежать перед шеренгой на верную смерть, пусть даже со знаменем, не гарцевать поперек строя, подставляя гордый профиль стрелкам неприятельским, а сидеть за штабным столом с утра до утра и вести обыкновенную работу. Вестовых принимать и выслушивать, писать обратные депеши с ответом по каждому пункту, в трубу смотреть подозрную, хоть и не видно ничего, а все ж для собственного и остального приближенного офицерства успокоения. И в ночь перед баталией, добавлю, составлять диспозицию, да не дурачки подробную, и не шалый-валяй какой, а разумную, без излишних процедур, и простому солдату понятную.

Вот и весь сказ – никаких чудес, а родное отечество в дамках. Доносят, правда, что чудесил больше всех наш король сверхгениальный, цельной Европы победитель и огнедышащее страшилище многоглавое, до обсеру наших славных союзничков испужавшее. Только сам же себя в дурочку и загнал. То он с одной стороны появляется, то с другой, то во фланг всею силой упирается, то гренадер в обход посылает, то конницу туда-сюда по оврагам водит. Удивительный, скажу я, феатр. И кончилось-то все, как и положено, по-феатральному, когда сам потсдамский гений общеизвестный, Александров и Цезарев, вестимо, младший ненамного брат, в своих перестроениях запутался и кувыркром перемариновался. Получился бах-трах и громкий фук. Рокот царский, да побег татарский. Полный полевой разгром и невиданное изничтожение маленьких кочерыжкиных. Пушечки все полированные побросали и разбежались нежно хваленые прусские солдаттики, двадцать лет муштрованные, атаке с ходу многократно обученные и любого неприятеля, кроме нашего брата-русака, двоенажды побивавшие. Ура, ура! Славься, славься! Ну а после этого начался великий позор – уже, исполать вам на все стороны, наш собственный, родимей родимого, скажу больше – исконный.

Поначалу, видать, и не поняли, что король-то бежал в одном исподнем, готовились к продолжению баталии. Ближе к ночи и особливо наутро разъяснилось – победа незнаемая, враг остался без штанов и артиллерии, к сопротивлению непригоден. Вот тут-то

сели в кружок и стали думать глубокую думу. Куда идти – то ли на запад, брать ихнюю столицу и с войной оканчивать, то ли подождать союзного друга-австрийца, дабы все вышло без обид, а, насупротив, в великом дружелюбном согласии. А друг-то пишет реляцию длинную, с завитками да финтифлюшками, – не пойду к тебе, милоч, далеко да боязно, приходи ко мне сам в силезскую мою возлюбленную местность, ради которой вы только что кровь пролили, и помоги мне в ней обстоятельно на постой встать. Поскольку, видать, мы Пруссию не одолевать собираемся, а по кусочкам ее растаскивать. И война нам бесславная никакого урона пока не наносит – ведь это вы за нас воюете, а мы репку хряпаем да жар загребаем.

Ну, наш брат вежливо в ответ – извольте мнение ваше переменить и срочно выступать в указанном азимуте, ибо имеем раненых без счета, а гужевого транспорта кот наплакал. Подпись: жду бестрепетно, вся твоя Маруся. И так цельная неделя проходит в высоких дискуссиях, потом другая... Вестовые уже тропку между армиями в коренной шлях растоптали, но двигаться никто не желает. Зато удивительно сладкие пишут в обе стороны грамоты: одна другой куртуазней и заковыристее. Потихоньку больных всех подсчитали да раненых. И известия пришли дополнительные через месячишко-другой. Король-то, проныра, вместо того, чтобы голову пеплом обсыпать и слезные просьбы слать о милости и почетном ремизе, в три счета новые войска подсобрал и ровно построил, да еще из старых к нему кое-кто прибился. Посему стоит знатный воротила ныне по-прежнему ухватисто, защищает свой головной город Берлин с великою ратью. Поневоле занедужишь, задумаешься. Одно дело – держаться крепко, когда враг наваливает на упертый фланг и по холмистой полоске, через овраги да засеки, а совсем другое – в незнаемой местности против короля маневрировать да ловко хвост подбирать, не то защемят.

Легким дуновением ушло остатнее лето – и подобно первым двум генеральским раскорякам, наш великий победитель тем же макарком побрел, откуда пришел. С гордостью, да без профиту. Печку топить да чужие раны зализывать. А имперцы, в верности вечной, душераздирающей, на крови замешенной, тоекратно поклявшиеся, так с места и не сдвинулись. Но кружевных депеш написали огромную кипу – будет чем зад подтирать на зимних квартирах. И остались мы со славой, но подпорченной, с победой, да не урожайной. И к чему такая война знатная? И союзники чрезмерно знаменитые? Воевать, братцы мои, надо не за них, а за себя, и только, крамолу скажу, по страшной и неизбывной нужде. Уж больно затратная вещь, война эта.

Спрашивается: чего мы от короля хотим? Непонятно. Наказать за нарушение крестного целования – оно прекрасно, но только королей не другие короли наказывают, а Господь Бог. Читайте Писание, там это разъяснено преподобнейше. У нашей же матушки да ее многомудрых советников свой народ есть – вот пусть

они его пестуют, жалеют. От того, слышь, и польза может выйти, и самое прямое Божье благоволение. Свят-свят, никто меня не слышал, не видел, вот написал кое-что черным по белому, тут же пересмотрел, а потом и в иной раз перечитал, так боязно – до животной жути. Вычеркнул тоекратно, но в мысли самой не раскаиваюсь, Господи помилуй!

И после такой суммации только одно могу добавить: аминь. Прямо перед образом. Спаси и прonesи. Все, пошел Василий Гаврилович спать-почивать, видеть сны о пришествии жаркой весны. Камзол на стуле, а свечку задули. Ночь жгуча, как тот арап, раздается громкий храп.

22. Дозорные

Караульные кирасиры Третьего кирасирского Ее Императорского Величества полка Куликов Яков и Кузнецов Семен собирались ночью в близлежащую деревеньку – разжиться, или, как говорил Яков, маленько пощупать пруссака. Дело это было строжайше запрещено, да не одним, а целой вереницей громогласных приказов, но, по утверждению Якова, не содержало совершенно никакой опасности. Верилось ему тем паче, поскольку, во-первых, имелся у него здесь кое-какой опыт, а во-вторых, добыча, что называется, шла прямо в руки.

Недели с три тому назад Яков, бедовая голова, уже успел поживиться точно в такой же деревушке, зайдя чуть не при свете дня в стоявший на окраине дом и унеся с полки над камином заводные часы с боем и еще два-три полновесных предмета из желтоватого металла, которые предусмотрительно завернул в свежесодранную коричневую занавеску. Действовал Яков спор, и никто ему в доме не встретился до тех пор, пока он не собрался ретироваться, но он и тут не растерялся, а грозно потряс походным тесаком перед лицом обомлевшей пожилой пруссачки и быстро поспешил в направлении армейского обоза, который стоял в небольшом леске сразу за деревенским пастбищем. Там он выгодно продал свою добычу какому-то интенданту и даже не пропил все полученные деньги, а отдал половину на сохранение полковому казначею, сказав, что се есть остаток от последнего жалования. Надеялся опосля истратить их чуть повыгоднее, особливо если они опять зайдут в богатый город и можно будет сходно прикупить какой отважный трофей.

Семен страшно завидовал, но согласия пока не выказывал. «Сейчас, – думал он, – скажу: ладно, пойду, прикрою, только ты все сам сделаешь, а деньги поровну». Однако Куликова слегка побаивался, оттого и молчал в некоторой нерешительности, которую умный сослуживец принимал за жестокий торг с многократным повышением ставок.

– У каждого унтера – вот такая телега, – горячился Яков, – а всё тащат и тащат. – Что ж нам отставать? Я десять годочков уже в

беспримерной службе без всякого взыскания, и малости еще никакой не сберег. А как случится, упаси Господи, увече какое, или война закончится? Опять на копейку жить до самой старости. Зазря в могилу нищими сойдем. Локти до костей искусаем, а поздно будет. Нам в такие изобильные места более никогда не прийти, особенно если без надзора.

И ведь было чем, давно успели солдаты заметить, здесь разжиться, большим достатком лоснились тутошние земли, роскошеством явственным, никем из них не виденным, даже стариком Мезенцевым, который служил уже без малого тридцать лет и от костра слушал яростное перешептывание Семена с Яковым, отошедших в сторону якобы по нужде. Но ближе пока не подбирался, поскольку тоже еще никакого решения принять не мог.

- Да вот, если не хочешь, я Ивана возьму, - раздавалось из-под ближайшей сосны. - Посмотри на него, едва шевелится, скоро на покой - небось, последний поход, а много он нажил?

Тут Мезенцев поежился.

- А если, не дай бог, придерется кто при отставке и не дадут беспорочную, то пенсия-то будет с гулькин нос.

Мезенцеву страсть как захотелось попеременно прочистить обе ноздри, но он сдержался и продолжал слушать. Однако здесь кирасиры и вправду начали обильно мочиться на богатую прусскую почву.

- Ты чё, - продолжал между тем Яков. - Чтобы так еще раз выпало? Сам пришел, объявился, да когда, (как) кроме нас, на часах никого не было. Дескать, желаю, чтобы казенные деньги были поставлены под охрану, о чем господина офицера Ее Величества почтеннейше прошу. Имею о них попечение по прежней должности, кою продолжаю исполнять при новой власти, согласно чему присягу торжественную имел уже честь принести. Посему желаю вверить себя заботе победоносных войск. Дом мой находится там-то и там-то, и не соблаговолит ли господин офицер установить при нем небольшой караул, содержание которого, разумеется, я готов взять на себя?

- Доктор ему складно переводил, я все запомнил. А господин поручик в ответ: дескать, от имени Ее Величества премного благодарен за вашу изрядную службу, но солдат выделить, в соответствии с уставом полевым и походным, не могу. Искренне сожалею, но прошу понять. О чем, впрочем, вы вовсе не беспокоитесь, поскольку именным Ее Величества рескриптом, а также сиятельным вышестоящим командованием приказано всем солдатам вести себя доблестно - и ни в коем случае, а также никогда. И вижу я, просто связываться ему не хочется с этой вошью акцизной - еще отвечать, если пропадет что. Тем паче, нам сниматься через день-два, а деньги, если под охрану взять, то передавать придется при свидетелях, морока изрядная, а что потом этот мытарь выдумает, какую ябеду сочинит, никому неизвестно.

– В общем, так: не хочешь, Семен, – неволить не стану. Сиди, тетеря, считай грош ломаный. Иван-то, небось, не откажется. Прямо как из наряда в лагерь пойдем, то ружья составим, будто все ко сну, и мимо палатки – в деревню, тут тропка верная. До утра все состряпаем. Ты только попробуй нас выдать, я тебе горло перегрызу, вот крест истинный.

«Я сейчас сам подойду, – исступленно думал о ту пору Мезенцев, – и скажу: значит, слушай сюда, ребята, без меня – ни ногой. Знаю я, о чем вы тут балакали, глаза ваши бесстыжие. Так что или вместе по дрова, сразу же в ночь, как из караула распустят, или никак не можно, сидите дома. Уж не обессудьте, соколики, заложу вас, еще рассвести не успеет».

Он оглянулся. В двух шагах от костра спал самый младший из караула, Арсений, кому как раз пристало бы ноне бодрствовать, службу нести. Чувствовал Мезенцев, что неспроста разрешили Куликов с Кузнецовым прикорнуть молодому в неурочный час, оттого и настраивал ухо остро. «Эх, – вдруг обожгло старого кирасира, – а ведь не выйдет без Арсения-то. Заметит он, что мы в палатку не добрались, удивится, и даже по самой простой глупости может сморозить ненужное. Так, придется, значит, и Арсения брать, на четверых делиться. Ладно, чего уж, где три, там и четыре. Сейчас сговорюсь с братками и сразу его разбудим, малолетка, и скажем, что, как и куда, чтобы на всех полная порука и без обратной дороги. Он и не пикнет, Степанов-то, он смирный, из московских».

23. Инструкция

«...Особенно обращаю Ваше внимание на то, что цели, нами открыто декларируемые, пусть даже и в официальных договорах, не всегда совпадают с магистральными направлениями политики Его Величества. Остановлюсь на наиболее важных пунктах, имеющих прямое отношение к Вашей миссии, как ее понимают в Версале.

Здравый смысл не позволяет допустить того, чтобы петербургский двор воспользовался всеми преимуществами его нынешнего авантажного положения для увеличения своего могущества и расширения границ империи. Располагая территорией, почти столь же обширной, как земли всех великих государей Европы, вместе взятые, и не нуждаясь в большом количестве людей ради поддержания собственной безопасности, сия страна способна выставить за своими пределами грозные армии; торговля ее простирается до границ Китая, и с легкостью, как и за короткое время, она может получать оттуда товары, кои другие нации добывают лишь посредством длительных и опасных плаваний. Благодаря последним кампаниям русские войска ныне уже закалились в битвах с лучшими европейскими армиями. Абсолютное и почти деспотическое правительство России вполне

основательно внушает опасения своим соседям и тем народам, кои могут подпасть под таковой же гнет после ее завоеваний.

Когда московитские армии впервые явились в Германии, все просвещенные дворы почувствовали, сколь важно внимательно следить за видами и демаршами сей державы, чье могущество уже тогда становилось угрожающим. Своевременная смерть ее тогдашнего владыки и последовавшие за тем раздоры дали Европе передышку, истекшую на наших глазах. Да, больше нельзя было наблюдать за усилением мощи Берлина, но было ли найденное лекарство наилучшим? Кто знает, не расклется ли еще Хофбург за выбор такого союзника?

Зверства русских в сопредельных землях и вмешательство во внутренние дела пограничных с Россией государств, высокомерные требования для своих государей императорского титула, виды, провозглашенные относительно разграничения Российской империи и Польши; наконец, все устройство и сами действия России, форма ее правления и состояние войска, – суммация означенных резоннов, как и любой из них в отдельности, заставляет каждого государя, заботящегося о безопасности и общественном спокойствии не только своей страны, но и всей Европы, опасаться усиления сей державы.

Вышеизложенного более чем достаточно, чтобы король полагал весьма желательным отказ российской императрицы от герцогской Пруссии».

24. Приговор (печать сохранилась, подписи разборчивы)

«По указу Ее Императорского Величества главнокомандующий армией, генерал-аншеф, королевства Прусского генерал-губернатор, орденов обоих российских и Белого Орла кавалер и рейхс-граф слушал произведенное следствие Третьего кирасирского полка над кирасирами Яковом Куликовым, Артемием Степановым, Семеном Кузнецовым и Иваном Мезенцевым, которые в службе состоят: Куликов с сорок девятого года, Степанов с пятьдесят третьего, Кузнецов с сорок второго, Мезенцев с тридцать первого; от роду им: Куликову тридцать, Степанову двадцать семь, Кузнецову тридцать шесть, Мезенцеву шестьдесят лет, на пред сего под судом и в штрафах ни за что не бывали.

Сего года, сентября восемнадцатого числа, в ночь по подговору из них Куликова, они от роты отлучились самовольно и в местечко Ризенбург к живущему тут акцизному, Вдоау, тою же ночью взошли воровски. Как оный сборщик их услышал, и в тот час с постели схватил Куликова, то Кузнецов ударил его, сборщика, поленом, от которого удара тот упал на пол; а они между тем жену его и служащую девку били дубьем и взяли ящик со сборными

казенными деньгами.

Вышед из местечка в лес, оный разломали и, вынув деньги, разделили каждому по пятьдесят пять рублёв; а потом, по принесенной просьбе чрез оказавшееся в них подозрение в том преступлении обличены, и при следствии те ограбленные от них деньги отобраны и в акциз возвращены, а только еще по поданному регистру недостало трех талеров, двадцати семи грошей и шести фенингов. За что, в силу вышеписанных в деле воинских прав от присутствующих сентенциею приговорено учинить им смертную казнь – колесовать.

И хотя оные кирасиры упомянутой смертной казни и подлежат, только на деле явствует, что в сию предерзость впали они еще впервые, а до сего немаловременно службу свою продолжали добропорядочно, пограбленными же деньгами не корыстовались, ибо те по-прежнему в казну возвращены, да и остальные, неотысканные три талера, двадцать семь грошей, шесть фенингов можно при первой выдаче заслуженного жалованья вычесть (и потому уже ни малейшего в казну ущерб не последует), а сборщик и домашние его от побоев дальнего увечья не понесли. Они ж, кирасиры, все лет не престарелых, по коим вперед, поправя состояние вины своей, искупление заслужить могут.

И для того, особливо для многолетнего Ея Императорского Величества и членов Высочайших фамилий здоровья, приказал: их, кирасиров, от приговоренной смертной казни, как то и мнениями от господ генералитета представлено, избавить; а дабы они от таковых важных преступлений и пьянства воздержались, паче же другим в страх, – прогнать шпицрутенами сквозь строй через тысячу человек: Куликова, яко зачинщика к сему злодейству, двенадцать, а Степанова да Кузнецова с Мезенцевым, также каждого, по десяти раз.

А коли по докторскому свидетельству после трех, шести или девяти раз все приговоренное сразу перенести не смогут, то прекратить, а после излечения наказание докончить. И из Третьего кирасирского полка выключить и причислить в Рязанский конно-гренадерский полк гренадерами; а упоминаемые достальные по взыскании деньги – три талера, двадцать семь грошей, шесть фенингов возвратить в казну вычетом из заслуженного ими поныне денежного жалования».

25. Вечер предпраздничный

Хорош выдался Ерёмкин день, лучше не придумаешь. Для начала, от валянья да перебора шерсти его отставили, а отправили с подводой на соседнюю мануфактуру. Легок такой урок. Груз совсем небольшой, за ним Бориска колченогий приглядеть может. Но Бориска-то, знамо дело, на поднеси-подай-добрось некрепок, пробил ему ногу злобный пруссак, далёко в краю чужом, еще при

начале войны.

Вроде, до сих пор шла оная война, несмотря на славные и беспеременные победы православного воинства, может, и наш Артемка доселе тамо обретается, хоть и не ведаем о сем и ведать не можем, а только молиться. Письмо означенное, что от него было – полносветное чудо расчудесное. Иные так ничего о своей кровиночке за всю жисть и не знают: ушел – и в воду канул. Давно, лет эдак пять али шесть, забрали в солдаты Артема, как сына тогда второго, а потому не кормильца, к тому ж холостого гулену. И сам он, деньги изрядные получив, не противился, хоть и не было ему от армейской лямки знатной выгоды. Это люди помещичьи в рекруты зело желают – им от того большая достача: выход из крепости, почет общий и пенсия по выслуге, а то даже земля на прокорм. Да и, сказывали не раз, нет от офицеров армейских особого зверства, к тому ж над ними закон стоит царский, а над помещиком – один Бог.

И хоть умер с тех вёсен Семен, старшой да любезный, и родители тоже вслед за ним преставились от жгучей лихорадки, а не вернуть Артема со службы государевой, пусть и есть на этот счет правильный именной указ, насчет чего часто толковал сестрице отец Иннокентий. Но куда писать, кому поклониться, того мы, простые люди, не знаем, да и отец Иннокентий, видать, тоже разведать не может.

Ну да сейчас речь не об этакой неизбывной грусти, а о том, что весь день проваландался Ерёмка с Бориской, сначала туда, потом с полдороги обратно, важное и несделанное вспомнив, затем опять туда же, и только за полдень – на Суконный двор, на работное место. А туточки, раз-два, и солнце полнеть начало, потом побурело и стало темнеть. Значит, на отдых пора, праздник завтра престольный, негоже впотьмах в канун такого дня пот проливать.

Стоял Суконный двор недалеко от Болотной площади, там, где рынок, мешки с товаром да люди загорелые, из иноземных земель, говорят непонятно, пахнут инаково. Странное место, этот рынок. И живности на нем невпроворот, и шума в избытке, и грязи выше изгороди. Редко туда забирался Ерёмка, а забирался. Хоть нема деньги, а посмотреть – недорого возьмут. Вот только хлебную часть не любил – она с краю прилаживалась, на дорогу заползала, так и так насквозь идти надобно. А что в ней – и скучно, никакого удивительства, одно зерно малосъедобное и прелым несет за полверсты, и крысы шастают жирнющие, разлапистые, наглее, чем на Дворе. И как-то заметил Ерёмка, разные были эти крысы, одни поболее, вальяжные, растрепанные, а другие помельче, со склизкой шерстью, злые и быстрые: кого не надо, не тронут, но и сам к ним не подходит. И окрас у чудовищ мерзостных проявлялся чуток различный, не так разве? Кажись, у нас на Дворе только ленивые-то цап-царапки водятся, наподобие обычных, городских. Жрут, пухнут, других крысят плодят – и всё. И откуда они берутся, заразы,

разные-то? Или одна они стая, только шустрые, то молодые, а растрёпки – уже когда в возраст входят? Тьфу, только о крысах сейчас и думать, вот ведь безобразия пятнучая. Грех-то какой! Пропади, сгинь!

Прыгал Ерёмка в обход луж привычно и пружинисто. И вдруг – ба, колокола зазвенели, а с чего? Рановато, кажись, а благодаря отцу Иннокентию хорошо Ерёмка службу знал и все трезвоны назубок выучил. Не, не церковный это перелив, братцы, а другой – радостное известие государево, и пребольшое – ужель еще один царевич народился, нашей державе на радость, а врагам в устрашение?

26. Награда (окончание первой тетради)

Я очнулся на другой день. Точнее, меня разбудили громкие крики, повторявшиеся с некоторой частотой. Я привстал с лежака и огляделся. На всех предметах покоилась душная тень. Очевидно, я находился в лекарской палатке, кажется даже, принадлежавшей нашему командиру. Почему-то на мне была одна грязная рубаша. Однако рядом лежал мундир, тот самый, потрепанный, русский. Тут же крест-накрест валялись перепачканные сапоги, окончательно потерявшие видимость соответствия военно-полевому уставу империи. Я машинально оделся и с беспокойством заметил, что сразу утомился и вспотел. Тут крики раздались еще ближе, и я разобрал трехкратное «ура!». Чуть пошатываясь, я подошел к пологу, отвернул его и уставился в выстроенные передо мной спины перевязанных солдат. Из-за строя доносился чей-то слабый голос, но разглядеть его обладателя было нельзя. Именно ему внимали солдаты и – вдруг заметил я – стоявшие поодаль по стойке «смирно» мои сослуживцы. Я двинулся к ним, и в этот момент снова раздалось «ура!». Идти оказалось неожиданно далеко, но меня кто-то заметил, раздались булькающие возгласы, и тут же навстречу бросились санитары, чья поддержка помогла мне удержаться на ногах. Я с удивлением озирался по сторонам. Звуки долетали волнами, как будто прорываясь через какую-то неплотную стену.

– А вот, ваше превосходительство, наш главный герой, – вдруг услышал я неожиданно подобострастный голос начальника лазарета. Я повернулся. Совсем рядом стоял низенький пожилой русский генерал, сухощавый и бледный, с прозрачными усталыми глазами, а начальник, находясь от него на почтительной, но достаточно близкой дистанции, что-то втолковывал ему, указывая на меня скорее даже локтем, нежели рукой. Генерал довольно щурился и кивал. Я не скрываясь разглядывал человека, одолевшего лучшую армию мира. Великий полководец оказался круглолиц, с мягкими, совсем невоенными чертами надбровных дуг и челюстей, чуть одутловат и, мне показалось, рассеян. Скажу честно – никакая

физиогномика не помогла бы определить в нем блестящего и хладнокровного тактика, с препараторской точностью распотрошившего королевские войска. Обут полководец был в мягкие, не доходившие до колен сапоги, совсем не военного образца. Мундир сидел на генерале очень посредственно, скажу честно – явственно пузырился на локтях и коленях. И еще – командующий русской армией все время слегка улыбался, словно находился в театре, и непроизвольно потирал ладони. Что ж, герцог Мальборо тоже был очень немолод в тот пагубный для нашей отчизны день! Невероятно, сегодня чуть ли не годовщина того сражения: как раз почти середина августа. И ведь войска Короля-Солнца тоже считались непобедимыми. Да, вы не поверите, но именно такие мысли крутились в моем барабане.

Дослушав начальника госпиталя, соперник великого англичанина бросил несколько слов через плечо, и в протянутой назад полководческой руке немедля оказался какой-то предмет. С неожиданной для его возраста проворностью генерал переместился по поляне и сразу очутился возле меня. Еще через несколько мгновений на моей шее висел русский орден. Я сумел вытянуться и щелкнуть каблуками. Командующий похлопал меня по плечу и заспешил дальше. За ним двинулась офицерская свита, которую я поначалу не заметил. Мелькнул белый мундир кого-то из начальников нашей конницы. Солдаты сразу потеряли строй и начали расходиться по фурам и телегам. Было видно, что многим из них надо срочно делать перевязки. Кто-то сбоку сунул мне флягу с вином. Я сделал несколько глотков, и в голове у меня перестало шуметь. По груди разливалось судорожное тепло. Я присел на камень и понял, что мне нужно простое жестяное ведро. И срочно.

Я недомогал четыре дня. Это оказалось не опасно – более совсем не было и ни одна конечность не теряла чувствительности. Скоро я понял, что не умру. Войска стояли на месте, и меня никто не тревожил. Постепенно ко мне возвращались силы и звуки. После выздоровления я подал рапорт о поступлении в русскую армию. Начальник лазарета успел мне дать совет, за который я ему до сих пор благодарен: «Сделайте так, чтобы вы числились вольнонаемным врачом, а не штаб-лекарем, иначе будет очень тяжело уходить в отставку, если вам, конечно, этого однажды захочется».

Мой рапорт был принят. Меня взяли на жалованье и определили место в медицинском обозе. Выдали еще одну пару сапог и зачем-то инкрустированные ножны без сабли. К тому же, несмотря на все желание обратного, меня представили к не самому младшему офицерскому чину и дали удостоверяющую это бумагу, которая, как я потом узнал, была, в лучшем случае, полуофициальна. На мое, естественно, счастье. Познакомили с коллегами. Они вежливо улыбались в сторону. Поздравляли.

Удивительно, но первое впечатление меня не обмануло – почти все врачи в русском госпитале были немцы или шведы. Кажется, я с кем-то выпивал. Потом долго брел обратно в имперский лагерь, чтобы на завтра собрать вещи и больше уже туда не вернуться: через все эти овраги, засеки, канавы... В низине еще дотлевала деревня – мне сказали, она называется Кунерсдорф. Точнее, называлась. Вспомнил: надо завтра отправить письмо в посольство и отчитаться о перемене моего положения. И сообщить о битве – все, что я смогу откопать в контуженной памяти. Этого у меня никто не требовал, но *pacta servanda sunt*.

Стояла пухлая, тревоугодливая луна. Из дальнего болота неизвестная птица упорно водила смычком по одной-единственной струне. Я был еще достаточно молод.

Конец первой части.

Зиновий Кане – инженер-кораблестроитель, кандидат технических наук в области сверхкрупнотоннажных танкеров для перевозки сырой нефти. В Штатах – с марта 1979 года. Работал в Танкерном департаменте компании *Exxon International* во *Florham Park (NJ)*, в Техническом отделе по проектированию, строительству и обслуживанию сверхкрупнотоннажных танкеров, а с 1990 года – в группе, управлявшей зафрахтованными судами.

Стихотворения

Восстание души

Восстание души,
Проклятие ума.
Скрывается в глуши
Бездумия чума.

Бесплодная борьба,
Война с самим собой...
Беспутная судьба
Сметает жизни строй.

Бессменный часовой
Не спит, не ест, он ждет:
За тайною стеной
Ход времени замрет.

Войдет последний шаг
В прохладу темноты,
В заветный саркофаг
С рисунком золотым.

Нырнет за горизонт
Зарниц кровавый след.
Замрет церковный звон.
Мы здесь.

Мы есть.
Нас нет...

* * *

Ах, трудно дышится порой,
Хоть воздух свеж и солнце над землей.
Вдруг мелкое, невнятное терзанье
Закопошится в глубине сознания,
И страх взовьется пылью серой,
Еще не проявившись полной мерой.

С собой тогда ты сам поговори,
Взгляни на тех – с тобою рядом,
Поставь свечу, пускай она горит,
Зажги ее своим ты взглядом,
И в кольханиях теней свечи горящей
Пути найдутся к жизни предстоящей...

Прощальный разговор

– «Где это?» – «Там». – «Когда?» – «Скоро».
– «Зачем?» – «Надо». – «Куда?» – «В горы».
– «В горы?» – «Да! Поближе к небу».
– «Ты знаешь, что там?» – «Нет, я там не был».
– «А как надолго?» – «Да навсегда».
– «Билеты есть?» – «Не надо туда».
– «А что другие о том говорят?»
– «Оттуда никто не вернулся назад».
– «Там хорошо?» – «Лучше не надо».
– «Как получил?» – «Это награда».
– «За что?» – «За все мои достижения».
– «Чего ты достиг?» – «Не имеет значенья».
– «Вещи собрал?» – «Нет, там ни к чему».
Никто не берет, и я не возьму.
Время пришло: давай прощаться».
– «Горопишься?» – «Нет, надо собраться».
– «Ты ж без вещей, сказал – ни к чему».
– «Я о другом». – «Тебя не пойму!»
Ну что ж, друг, прощай!»
– «Нет! До свиданья...»

* * *

Знаю, не быть мне в храме прелатом,
Знаю, раввином не быть в синагоге,
Мне не стоять на коленях средь многих,
В дикой тайге мне не прыгать шаманом.

Хоть и пою я богу молитвы,
Но не молось ему я при этом,
Мне не стоять с головой неприкрытой,
Нет, я не часть его денной ловитвы!

Цыганке

Не зови, не тяни, не загадывай,
Ты улыбкой своей не приваживай,
Не мани глазами бездонными,
Так слезами обманно полными.

И слова с придыханьем горячие,
Твои взгляды пустые, незрячие
Улетают туда - в бесконечность,
Где заснула в беспечности вечность.

Ты покой и года не кради,
Закипевшую кровь остуди,
Не трави мое сердце в груди!
Отойди от меня! Уходи!

* * *

В ночи, когда огни сгорят,
Без расписанья, долгожданный,
Вдруг уловлю я встречный взгляд
Ни от кого - он безымянный.

Когда и кто его мне бросил?
Хотел его бы удержать.
Ответа, знаю, он не просит.
Мне взгляд никак не разгадать.

Он тихо мне прошепчет что-то,
Но мне ресницы опалит...
Послал мне взгляд случайный кто-то,
Назад к нему он улетит.

В тиши умчится в никуда
И не вернется никогда...

* * *

В заоблачных высотах две души
Друг друга крыльями нечаянно коснулись.
Им было не к чему и некуда спешить.

Безмолвные, безвесные они,
Бесплотные. И пустота кругом да звезды
Гирляндами развесили огни.

Без памяти, без прошлого, без снов,
Они с печалью чуть заметно улыбнулись,
Друг другу все сказав без слов.

Крылами мощными они взмахнули,
Единым вздохом грудь не затруднив,
В миры далекие бездумно упорхнули.

* * *

Карты изыщщи забытые,
Письмена прочти старинные,
Строки пойми истертые.
Пройди по тропам нехоженным
В землях глухих, неухоженных,
Приди к курганам уснувшим,
Спящим сном беспробудным
В просторах диких полей.

В подземных царствах глубинных,
В алмазных копиях заброшенных,
В забоях, рудой заваленных,
В пещерах скрытых, утаенных,
В озерах, до дна промерзших,
В дебрях глухих, заросших,
Богатства найдешь несметные
Всех времен и людей.

Правду увидишь скрытую,
Страдания, слезами омытые,
Слезы, морями разлитые.
Любовь откроешь разбитую,
Любовь, вечно живущую,
Надежду, вперед зовущую.
Жизни найдешь пережитые,
Жизни найдешь недожитые,
Жизнь найдешь умирающую,
Жизнь всепобеждающую
Всех времен и людей...

* * *

*To think that any fool may tear
By chance the web of when and where.*
Набоков

Подумать только, что глупец
Напялить может свой колпак,
Представив, что надел венец –
И принцем стал запросто так.

И крыльями готов взмахнуть,
Которых нет и быть не может,
И с высоты на всех взглянуть
И свою глупость тем умножить.

Те, кто надежду потерял,
Во снах ни разу не летал.
Им оказаться не дано
В других мирах. Давным-давно
В пещерах жить забытых снов
Судьбой им вечно суждено.

Покидая Поконо

Куда исчезли, где они –
Часы, минуты, годы, дни?
Как кони дикие, умчались.
От нас сбежали не печалясь
И в бесконечности пропали...
Я знаю, знаю – у меня
Их не отняли, не украли.
Должны признаться ты и я:
Беспечно мы их разбросали.
Не то что мы их позабыли –
Они прошли, мы их прожили.
Со сладкой мукой вспоминая,
Мы их по крохам собираем.
Мы чашу жизни пьем до дна,
Вторая жизнь нам не дана,
Не суждено еще раз быть...
Нам даже миг не возвратить.

Яна Кане – родилась и выросла в Ленинграде. Несколько лет училась в ЛИТО под руководством Вячеслава Абрамовича Лейкина. Эмигрировала в США в 1979 году. Закончила школу в Нью-Йорке, получила степень бакалавра по информатике в Принстонском университете, затем степень доктора философии в области статистики в Корнелльском университете. Живет в США с мужем и дочкой. Работает в должности *Senior Principal Engineer* в фирме *Comcast*. Русскоязычные стихи и проза Яны Кане вошли в сборники «Общая тетрадь», «Неразведенные мосты» (2007 и 2011), «Страницы Миллбурнского клуба» (2011, 2012 и 2013) и «Двадцать три». Англоязычные стихи и переводы печатались в журнале «*Chronogram*».

О мутятах, монахах и богах

Бывает, прочтешь или услышишь какой-нибудь сюжет, набросанный несколькими словесными штрихами, и накатывает волна любопытства, острого желания разглядеть в абрисах персонажей и их действий детали, заглянуть за пределы, очерченные фабулой во времени или пространстве. Если замороживший сюжет был не историческим, а вымышленным, то воображение берется заполнять белые пятна на карте: домысливать подробности, проследживать истоки и последствия событий.

Именно таким образом возникли три сказки, вошедшие в эту подборку.

В книге Вячеслава Абрамовича Лейкина «Нет счастья в жизни» увидела я такую строчку: «Клонёнок и мутёнок (интересная может сказочка получиться)», и мне захотелось прочесть такую сказочку.

Когда-то я то ли услышала, то ли где-то прочла буддийскую притчу об учениках, которые пытаются следовать учениям мудрого, безвременно умершего учителя. Ученики копируют запомнившиеся им детали его поведения, не осознавая при этом, что причины его конкретных поступков давно перестали существовать. И мне с тех пор было любопытно узнать – а почему так получилось?

Мне не раз приходилось читать сказки, о том, как хитроумный Человек с помощью лести и обмана одомашнил, подчинил себе диких животных. Но ни одна из них не объяснила мне, а как Человек научился говорить с животными и почему он разучился делать это, заполучив господство над ними. Вот и пришлось мне придумывать и самой себе рассказывать эти истории.

Кроме того, что все три сказки в этой подборке – результат моего желания ближе всмотреться в заинтересовавшие меня сюжеты, у них есть еще два сходства: я написала их за последний год с небольшим и на русском языке. А значит, хотя я и не пыталась осознанно создать аллегорию реальных событий наших дней, мое

воображение невольно выдает беспокойство, ощущение соприкосновения со зловещим предзнаменованием, тревожащее именно русскоязычную часть моего сознания.

Мутёнок и клонёнок

Клонёнок и мутёнок

(интересная может сказочка получиться).

В. А. Лейкин

Жил да был на свете Мутёнок. Он был не такой, как все, не похожий на всех остальных -ят и -ат в своей округе, даже в максимальном радиусе. Поэтому никто с ним не хотел ни -ать, ни -тъя, и ему было -но и -ко.

Однажды Мутёнок не стерпел и пожаловался на это своим Мути и Омуту. Те, конечно, сперва возмутились, грозились всех этих -их и -ых -ят и -ат хорошенько от-, на- и при-, а также показать им, где и куда. Но поостыв, поняли, что даже если бы им это и удалось, то Мутёнку-то все равно будет не с кем -ать и -тъя.

И тогда Муть отправилась к Жути, которая ей была -ой то ли по прямой, то ли по касательной линии, и все ей рассказала. А та и говорит: «Приведите ко мне своего Мутёнка, оставьте его у меня на два-три, и я все устрою». Вообще-то Жуть, конечно, но что было делать? Привели и оставили. И вот, по прошествии двух-трех, вернулись. Глядят, а рядом с Мутёнком – Клонёнок. Точь-в-точь. А чуть позади – еще один Клоник. И тоже – как две капли. А там, дальше, целое стадо Клоновое. И все как один.

Вот с тех пор. И всё больше и больше. Так что в конце концов.

А ведь если бы -ята и -ата с самого начала, то никакого Апокалипсиса и не было бы.

Монах и попугай (по мотивам буддийской притчи)

Одного мудрого и просвещенного монаха послали из столицы в глухую провинцию, чтобы он там основал монастырь. Монах, хоть и был человеком немолодым, с безмятежным спокойствием принял новое назначение. Он тщательно запаковал свитки с сутрами в бамбуковый ранец-короб, прицепил к поясу тыквенную бутылку и миску для подаяний, выбрал посох покрепче и отправился в дальний путь.

Долго ли, коротко ли шел он по холмам и низинам, но наконец вдаль показались дымки деревни, в которую лежал его путь.

На самом подходе к деревне старый монах увидел на тропе трепыхающегося и жалобно кричащего птенца попугая с перебитым крылом. Старик пожалел птицу, подобрал ее, перевязал сломанное крыло и взял попугая с собой.

Монаха в деревне встретили радушно. Его там давно дожидались: земля и хижины для монастыря были готовы. С прибытием учителя и его книг монастырь был основан.

Каждый день под руководством мудрого и преданного своему призванию настоятеля послушники сидели в медитации, слушали и запоминали сутры, занимались положенными им работами, и все шло своим чередом.

Между тем под опекой доброго монаха попугай выздоровел и окреп. Он очень привязался к своему спасителю, всюду за ним следовал и во все монастырские дела совал свой любопытный крючковатый клюв. Однако возникла проблема – молодой попугай был непоседлив, и ему становилось невыносимо скучно, когда все обитатели монастыря усаживались под навесом заниматься медитацией. Попугай начал изобретать себе развлечения: то одного послушника дернет за нос, то другому гаркнет в ухо, то у третьего спляшет чечетку на темени. В общем, он так расхулиганился и так упорно отказывался утихомириться или заняться каким-то другим делом, что настоятелю монастыря пришлось соорудить бамбуковую клетку и сажать туда попугая на время медитации. Поначалу попугай возмущался, громко протестовал и всячески пытался и в клетку не угодить, и в забавах себе не отказывать. Но он очень любил своего опекуна. К тому же клетку щедро снабжали лакомствами и привлекательными игрушками. И пернатый непоседа в конце концов привык к этому положению вещей. Так и повелось, что в этом монастыре медитация начиналась с водворения попугая в клетку, и уж только после этого звучал гонг.

Увы, прошло сколько-то месяцев, и основатель монастыря скоропостижно умер. Все ученики и сельчане горько оплакивали его, а попугай и вовсе впал в депрессию.

В столицу послали гонца с печальным известием и с просьбой прислать в осиротевший монастырь нового настоятеля, который смог бы достойно продолжить дело основателя и вести учеников по пути к просветлению. Однако не просто было найти мудреца, столь же светлого душой, что и прежний настоятель. Выбор пал на монаха, который хоть и не мог сравниться в душевных качествах с умершим основателем, но был человеком исполнительным. Ему было дано одно наставление – во всем неукоснительно следовать порядкам и примеру своего предшественника.

И вот новый настоятель явился в деревню и заступил на свой пост. Он действительно во всем старался следовать уставу и привычкам своего предшественника. Конечно же, это включало и обряд с водворением попугая в клетку перед началом медитации. Хотя теперь в этом не было никакой нужды. Осиротевший попугай был настолько подавлен потерей своего опекуна, что от его былой резвости и задиристости не осталось и следа: бедняга сидел да хохлился и на все смотрел безучастно.

Через некоторое время попугай умер.

Новый настоятель монастыря был озабочен смертью птицы. Как же он теперь сможет вести учеников по пути к просветлению, если для этого необходима ежедневная медитация, а для начала медитации необходим попугай, которого водворяют в клетку? Новый настоятель созвал послушников и спросил их, откуда в монастыре взялся попугай. И самый молодой из послушников признался, что когда-то он по мальчишеской глупости подбил камнем птенца попугая. А в тот момент вдали на тропе показался монах, шедший в деревню, чтобы основать монастырь. Мальчишка устыдился своего поступка и спрятался. Он видел, как монах подобрал птицу и взял ее с собой, чтобы вылечить и выкормить. И это произвело на мальчишку такое впечатление, что он вскоре стал послушником в монастыре.

Выслушав его рассказ, новый настоятель с облегчением воскликнул: «Проблема решена. Я выйду на тропу и пойду к деревне. А ты между тем сбей камнем птенца попугая и спрячься».

Игра богов

Могут ли деяния и помыслы богов быть доступны разуму смертных? Попытка заглянуть за завесу тайны, отделяющую наше существование от их сияющих чертогов, досужие речи о том, что и почему там происходит, – не святотатство ли это, не дерзость ли по отношению к небожителям, не оскорбление ли чувств верующих в них тут, на земле? Поэтому давайте мы с вами уговоримся, что мое повествование – это не более чем сказка, всего лишь разноцветная погремушка для малышей.

Договорились? Ну вот и ладушки. А теперь начнем.

Боги все вместе создавали этот мир: отделяли небо от земли и сушу от воды, крепили светила к небесным сферам, засекали землю травами и деревьями. Но каждое одушевленное живое существо, плавающее, ползающее, бегающее и летающее в подлунном мире, ведет свой род от предков, которых создал какой-то один, особый бог. Щука и заяц, орел и черепаха, мышь и кит – каждое из этих животных было задумано каким-то небожителем, которому хотелось воплотить в своем создании те качества, которые именно этому божеству были угодны, которые именно ему казались наиболее полезными.

Когда подлунный мир был еще молод и все живые существа только-только заселяли его и устанавливали, кто, где и как может прижиться, то создавшие их боги живо интересовались тем, как на огромной игровой доске земного пространства все эти одушевленные фишки множились или исчезали, осваивали огромные территории или же довольствовались узкими нишами. В те времена на пирах небожителей то один, то другой бессмертный, разгоряченный брагой, бахвалился успехами своих собственных созданий или подтрунивал над неудачами существ, скроенных кем-то другим.

Долгое время богу хитроумия и коварства, создателю человека, несладко приходилось в этих спорах. Его мягкотелые, безрогие и мелкозубые творения могли прижиться лишь в тех местах, где был теплый климат, много фруктов и съедобных моллюсков, и где можно было укрыться от непогоды в пещерах. Люди жили малочисленными кланами, с трудом добывали себе скудное пропитание и сами часто становились пищей хищников.

«Ты бы им хоть какой-нибудь яд придумал», – пренебрежительно шипел бог, создавший гадюк и скорпионов. «Ни панциря, ни шипов не смог смастерить», – вторил бог дикобразов и черепах. «И что это за глупости – ходить на двух ногах. Ни скорости, ни выносливости», – поддакивал им создатель ланей. «А когти да клыки – смотреть не на что!» – фыркали творцы барсов и медведей. Однако бог хитроумия и коварства только усмехался да приговаривал: «Не яд – самое смертельное оружие, не панцирь и шипы – лучшая защита, не в быстрых ногах наивысшая скорость, не в когтях и клыках величайшая сила».

Шло время, и хитроумие людей начало помогать им выживать. Они научились обогреться и защищаться с помощью огня, строить землянки там, где не было пещер, мастерить дротики и ловушки, плести сети и корзины. Клань стала более многочисленными и начали проникать в доселе необжитые ими территории. Однако угроза голода продолжала тяготеть над их существованием, и многие их стойбища опустевали после однодневных неудачных охотничьих сезонов. Так что хотя и случалось, что кто-то из небожителей прищелкивал языком от удивления и даже восхищения перед каким-то хитроумным изобретением людей, но все же творцу человеческого рода было далеко до того почтения, каким пользовались создатели самых вездесущих и успешных в выживании существ: муравьев и лягушек, мышей и ворон.

И вот во время одного из пиров небожителей снова закипел общий спор о преимуществах разных качеств живых существ и их способов выживания. Бог хитроумия и коварства похвастался было тем, что его двуногие создания недавно научились выкраивать из звериных шкур одежду, защищавшую их безволосые тела от непогоды. А еще они изобрели новые способы запастись пищей на зиму: коптить мясо, сушить фрукты, солить рыбу. И благодаря этим новшествам они начали селиться в тех местах, которые раньше были им недоступны из-за зимних холодов.

Но бог, создавший овец, заблеял от смеха в ответ на эту похвальбу: «Видел я этих твоих хлюпиков, выраженных в чужие шкуры. Летом их гнус жрет поедом. Зимой они себе то ноги и руки обморозят, то поясницу застудят. Вот и приходится им прятаться от непогоды в своих пещерах да в этих земляных норах, что они себе строят. И припасы часто кончаются у них задолго до весны, и тогда они голодают и мрут. А вот овцы – они в любую погоду пасутся: на ногах у них крепкие копыта, их шерсть им и от мороза, и от ненастья, и от кровососов защита. Потому и стада овечьи столь

многочисленны, что сверху они кажутся как тучи, затмевающие зелень пастбищ».

А творец свиней насутился и хрюкнул презрительно: «Вся эта возня с припасами – оттого что ты попытался сделать их всеядными и сплюховал. Кто они такие в этом деле по сравнению со свиньями? Да свинья все может переварить – траву, желуди, коренья, червей, падаль, даже древесную кору. Свиньи всюду преуспевают, в любое время года корм себе находят. Потому они и селятся по всей земле».

Бог гусей высокомерно заметил: «Бескрылые они у тебя, вот в чем их наибольшая слабость. Если вокруг их поселения засуха или затяжная зима, то далеко они уйти не могут и мрут от жажды и голода. А вот мои птицы – они и от зимы, и от любой другой беды улетают. Потому они заселяют все земли, где есть хоть что-то стоящее – озеро или болото».

Тут и создатель коров покачал тяжелой рогатой головой и сказал: «И в том еще беда, что к этому их хваленому хитроумию ты им коварства подмешал. А уж это качество им и вовсе во вред. Ведь своими дротиками и стрелами они не только пропитание себе добывают. Мы ведь видим, как твои двуногие умники на своих сородичей то из засады нападают, а то ночью спящих убивают и без честной схватки пускают на корм стервятникам. И теперь, с этими одеждами и припасами, у них появились новые поводы охотиться друг на друга».

Казалось, что в ответ на эти речи бог хитроумия и коварства прикусил себе язык, не стал спорить. Со временем этот спор подзабылся. И тогда бог хитроумия и коварства пригласил к себе создателя овец выпить крепкой браги, которую все небожители жаловали, и послушать игру на свирели, на которую бог овец был падок. И вот бог овец так напился и так заслушался, что уснул мертвецким сном. Тогда бог хитроумия и коварства тихонько снял с шеи спящего амулет, в котором хранился секрет наречия диких овец.

Бог хитроумия и коварства заранее присмотрел себе самого коварного среди всех живших тогда на свете людей. И вот к этому-то своему творению и отправился он с амулетом. А тому не надо было долго растолковывать, что к чему, – он понял своего творца с полуслова.

Самый коварный из всех людей повесил себе на шею амулет, нагреб в глиняный горшок углей из очага, оделся, схватил свой дротик и вылез из теплой землянки в промозглую осеннюю ночь. И пошел он на луг, где паслось в это время стадо диких овец. Почувяв человека, они собрались было бежать вверх по склону горы, в более неприступное место. Но человек заговорил с ними на их языке: «Мои четвероногие братья и сестры, – обратился он к стаду, – я пришел к вам с даром и с предложением дружбы и покровительства».

Овцы были так изумлены, что замерли на месте, уставившись на

человека. Он положил на траву белые куски соли и отошел на почтительное расстояние. Соль явственно и аппетитно белела на жухлой траве. Медленно-медленно, с опаской косясь на человека, овцы приблизились к лакомству и начали лизать его. Наконец, когда все они удовлетворили свой аппетит к соли, человек снова заговорил с ними на их языке: «Мои дорогие четвероногие братья и сестры, мое сердце обливается кровью, когда я вижу, как волки безнаказанно и свирепо нападают на вас и ваших детей. Каждый вечер их грозный вой вселяет ужас в ваши сердца, каждое утро солнечные лучи падают на останки новой жертвы, которую они растерзали прошедшей ночью». Овцы печально и тревожно заблеяли – он напомнил им об опасности, которая неотступно следовала за их стадом. Человек некоторое время помолчал, склонив голову перед их печалью. Но вот он снова заговорил с ними: «Вы знаете, что я приручил огонь (тут он показал им тлеющие в горшке угли) и научился делать клыки из кремня (он поднял над головой свой дротик, и острый наконечник грозно блеснул в тусклом красном свете углей), и я хочу защитить вас от кровожадных хищников».

Овцы заволновались – его предложение было таким заманчивым, но в то же время было в нем что-то странное. С каких это пор кто-то, кто не был членом их стада, пекся об их безопасности? И тут одна старая овца вдруг выступила из стада и втянула в себя воздух, внимательно принюхиваясь: «Постойте-ка, – сказала она, – я узнаю запах этого существа. Он сам не раз охотился на наше же стадо. Он убивал и моих ягнят. Он сам – такой же хищник, как и волки». И тут еще несколько овец загалдели: «И я, и я узнаю его запах. Он убил моего ягненка, он ранил меня в ногу!». Стадо попятилось прочь. Но человек снова заговорил с ними, и его слова на их языке звучали ласково, как блеяние овцы, зовущей своего ягненка: «Да, такое случалось в прошлом. Но это было прискорбным недоразумением. Я целился в хищников, подкрадывающихся к вам. Я тогда не знал вашего языка и не мог предупредить вас. Вот и получалось иногда, что кто-то из вас попадал под удар, предназначенный вашему врагу. И потому я неустанно учился у вас вашему благородному наречию. И теперь я готов повести вас за собой. Если вы доверитесь мне, если вы поклянетесь мне именем своего бога быть мне покорными во всем, то я смогу командовать вами, чтобы вы не подвергались опасности ни от волков, ни от моей войны против них. Я буду вашим вожаком и защитником. И у вас всегда будет вдоволь соли».

Овцам очень хотелось безопасности и покоя, да и соль – это так вкусно. Хотя всплывшее в памяти сочетание запаха человека с запахом овечьей крови встревожило многих в стаде, но все же и их голоса слились с общим блеянием: «Да, мы хотим, чтобы ты стал нашим вожаком и защитником!». И все стадо хором поклялось именем своего бога во всем быть покорным человеку. Этой клятвой они навсегда отрешились от своей прежней жизни и обрекли себя

стать собственностью двуногого создания бога хитроумия и коварства.

Да, самый коварный из живших тогда людей полностью оправдал возложенные на него надежды своего творца. Бог хитроумия и коварства успел вернуться в свои небесные чертоги и тихонько прицепить амулет на прежнее место задолго до того, как его гость пробудился и, ничего не подозревая, распрощался со своим гостеприимным хозяином. Прошло немало времени, прежде чем бог овец заметил, что одно стадо его созданий перестало жить согласно установленному для всех диких овец порядку и перешло во владение к человеку. Бог овец разузнал, конечно, какими посулами человек убедил овец дать роковую клятву и как бесстыдно он их обманул. Но поздно было повернуть случившееся вспять – ведь глупые твари поклялись именем своего создателя. И создатель их решил забыть непутевых падших овец и в упор не замечать всей этой истории. В конце концов, что такое одно-единственное стадо? Нет никакого смысла привлекать к ним внимание и устраивать из-за них шум, а то ведь перед другими богами будет стыдно, если они узнают о том, как его созданий – да и его самого – обставил бог хитроумия и коварства в сговоре с одной из своих двуногих смертных тварей.

А между тем бог хитроумия и коварства пригласил к себе в гости создателя свиней отведать золотых небесных апельсинов и крепкой браги. Бог свиней очень падок на угощение и не замедлил принять приглашение. И вот бог хитроумия и коварства так накормил и напоил своего гостя, что тот уснул без задних ног. Бог хитроумия и коварства тихонько снял с шеи спящего амулет, в котором хранился секрет наречия диких свиней, и без промедлений отправился к своему понятливому подручному. Самый коварный из всех людей мигом сообразил, как взяться за порученное ему дело. Он повесил себе на шею амулет, собрал в большой кожаный мешок припасенную на зиму еду – сушеные фрукты, луковицы и коренья, копченое мясо и соленую рыбу, оделся как можно теплее и выполз из теплой землянки в морозную зимнюю ночь.

Он отправился в дубовую рощу, где любило пастись местное стадо диких свиней. Свиньи почуяли приближение человека. Боров-вожак, грозно фыркнув, двинулся наперерез непрошеному гостю. Однако, к изумлению свиней, человек не поднял на них оружие и не обратился в бегство. Вместо этого он заговорил с ними на их языке! «Мои четвероногие братья и сестры, – обратился он к стаду, – я пришел к вам с дарами и с предложением дружбы». Свиньи недоверчиво уставились на него маленькими, но зоркими глазками. Человек открыл свой мешок и выложил снедь на наст. Он отошел на почтительное расстояние. Над освещенной луной поляной некоторое время висела напряженная тишина. Свиньи не двигались. Но от еды так аппетитно, разнообразно и соблазнительно пахло! Это были не мерзлые, порядком поднадоевшие желуды. Свиньи и на расстоянии чуяли, что эти

кушанья – и сладкие, и жирные, и пряные. И вот боров-вожак первый двинулся к угощению, а за ним затрусило и все его семейство. И на самом деле, еда оказалась именно такой богатой и вкусной, как обещал ее аромат. Жаль только, что пиршество так быстро закончилось.

Прикончив принесенную человеком снедь, свиньи обратили к нему свои рыла с большим интересом, чем прежде. И человек снова заговорил с ними на их языке и повторил: «Мои дорогие четвероногие братья и сестры, мы единственные на всей земле познали тайну всеядности, а потому мы должны объединиться и жить одной семьей. Вы видите, что я умею запасать на зиму вкуснейшие лакомства, – в стаде послышалось негромкое повизгивание, свиньи предались на мгновение воспоминаниям о наслаждении, которое они испытали от трапезы. – и вам известно, что я с помощью огня могу отпугивать любых хищников. Так давайте же жить вместе – я буду делиться с вами едой и охранять вас от волков и медведей».

«Э, постой-ка, – сказала одна из старейших свиней. – Какой ты нам защитник? Ты и твоё племя сами охотитесь на нас». Но у человека на это уже был готов ответ, отработанный им еще на овцах. Однако старая свинья все еще смотрела на человека с недоверием: «Ты говоришь с нами на одном языке, и твои речи так же сладки, как и фрукты, которые ты принес нам. Но, возможно, ты был так же ласков и с тем стадом овец, которые с недавних пор живут в твоём стойбище. Они теперь под твоей охраной от волков, это так, но им от этого мало радости. Мы слышим их жалкое блеяние, когда ты и твои сородичи перерезаете им глотки, и мы чуем запах их паленого мяса, когда до нас доносится дым ваших костров. А не произойдет ли то же самое и с нами?». «Как можно сравнить безмозглых овец, способных есть лишь одну траву, с мудрыми и предприимчивыми свиньями, которые всеядны, как и мы, люди? – воскликнул человек с притворным возмущением. – Овцы – всего лишь скотина, которая принадлежит мне. Вы же будете моими партнерами в добывании пропитания для нашей единой общины».

Тут выступил вперед боров-вожак: «Никто и никогда не делится пищей с теми, кто ему не родня. Наоборот, каждый отстаивает свою дубовую рошу и свои ягодники от чужого стада. С чего это ты вдруг навязываешься нам в сородичи?». И на это у человека был ответ: «У вас, свиней, замечательный нюх, и никто так, как вы, не умеет вскапывать землю. Только вы способны находить и добывать сладкие клубни, о которых я могу лишь мечтать. Я буду делиться с вами моими лакомствами, а вы со мной – своими». Боров наусутился. Да, он, как и все свиньи, гордился своим острым обонянием и своим сильным рылом, но делиться клубнями ему не хотелось. Не в природе свиней делиться с чужаками. Однако человек встряхнул кожаный мешок, в котором он принес снедь, и аромат фруктов, мяса и рыбы, так недавно наполнявших мешок, снова зашекетал

влажные свиные пяточки. Ну как тут было устоять перед перспективой таких пиршеств, да еще и зимой, когда эти самые клубни, которыми придется взамен делиться, еще несколько месяцев невозможно будет выкопать из мерзлой земли?

Все же свиньи оказались не такими единодушными, как овцы. В конце концов стадо разделилось. Боров-вожак, и самая старая свинья, и еще несколько свиноматок, у которых на памяти были погибшие от руки человека сородичи, – эти свиньи ушли в лес. Но большая часть стада, очарованная недавним пиршеством, присягнула на верность человеку, поклявшись именем своего создателя быть покорным своему двуногому вожаку. Бог свиней был, конечно, обескуражен и разгневан, когда после пирушки он обнаружил подвох. Но так же, как и бог овец, творец свиней счел за лучшее скрыть роковое отступничество своих созданий.

Дальше дело у бога хитроумия и коварства пошло как по маслу. Он ловко похитил амулеты и у творца гусей, и у создателя коров, а его подручный сумел убедить и гусей, и коров с быками повязать себя нерушимой клятвой покорности роду человеческому. Гусям человек сказал, что они – птицы высокого полета, а потому, конечно же, с ними у него будут совсем иные отношения, чем с безмозглыми и трусливыми овцами или с грязными и жадными свиньями, которые только на то и годятся, чтобы служить пищей людям. Нет, с гусями он будет вести благородную дружбу. Человек будет охранять их гнезда от хищников, а гуси будут предупреждать его об опасностях, которые видны только с высоты птичьего полета. А когда очередь дошло до коров и быков, то их человек убедил, что только они достойны его дружбы, потому что они сильны и умеют обороняться от хищников, не чета трусливым овцам, жирным свиньям и пустомелям гусям. Именно они будут ему настоящими союзниками, которых он поведет в бой против волчьих стай.

Когда его смертный подручный, достигший таких блистательных успехов, наконец состарился и канул в небытие, бог хитроумия и коварства избрал себе среди своих созданий новых подходящих сообщников. Постепенно, исподволь, человечество приобрело власть над множеством видов животных, от кроликов до слонов. И только с дельфинами вышла осечка. Не то чтобы человек, подсланный к дельфинам, был менее изворотливым или красноречивым, чем все остальные избранники, но вот дельфины оказались мудрее и проницательнее других животных. Они не купились на байки о том, что только они заслуживают стать соратниками человека, а не его бесправным имуществом. Дельфины донесли весть своему создателю о попытке выманить у них роковую клятву. А бог дельфинов предал огласке эту историю среди всех бессмертных. И тут уж всем обманутым небожителям пришлось признать, что именно с помощью коварства человечество подчинило себе их созданий.

Конечно, после этого ни один небожитель не решался бражничать с богом хитроумия и коварства. Каждый внимательно

следил за сохранностью амулетов, дававших способность говорить с его созданиями на их языках, и строго-настрого наказывал своим созданиям не доверять посулам и дарам людей. Но человек к тому времени успел прибрать к рукам столько разных животных, которых он мог забивать на мясо, стричь, доить, запрягать и оседлывать, что и без дальнейших пополнений списка домашней скотины род людской смог покорить все земли, от тропиков до тундры. Стало ясно, что бог хитроумия и коварства всех переиграл, всем доказал, что и вправду: «Не яд – самое смертельное оружие, не панцирь и шипы – лучшая защита, не в быстрых ногах наивысшая скорость, не в когтях и клыках величайшая сила». И постепенно все остальные боги потеряли интерес к той игре, для которой они когда-то создали наш мир, перестали следить за тем, как складывались судьбы их созданий. Бог хитроумия и коварства какое-то время еще продолжал с интересом наблюдать за успехами своих двуногих творений и пытался хвалиться ими. Но поскольку никто другой на небесных пирах не считал эту тему достойной обсуждения, то и ему она в конце концов наскучила. Какой азарт в игре, в которой ты неоспоримый чемпион, но у тебя нет ни соперников, ни публики? Так что и он со временем перестал обращать внимание на происходящее на игровой доске подлунного мира. Действия на ней продолжались уже сами по себе.

А человечество, полностью предоставленное самому себе, между тем все множилось и множилось, проявляло свое хитроумие со все большим и большим размахом, так что постепенно его действия начали переиначивать и корезить и саму игровую доску земной жизни. И оружие, изобретенное людьми для охоты друг на друга, далеко ушло от тех дротиков и стрел, о которых говорил когда-то создатель коров. В то же время среди людей не перевелись воплощения не только хитроумия, но и коварства. Того и гляди, какому-нибудь особо одаренному последователю первого подручного удастся отправить в небытие не только своих врагов, но утянуть туда и весь род человеческий, и всех подвластных людям животных и птиц, да и многих других созданий самых разных богов. И тогда, если от самой игровой доски что-то останется, то окончательными победителями в игре богов окажутся создатели земляных червей и глубоководных рыб.

Мир Каргер – в прошлом работал в Колмогоровской статистической лаборатории МГУ, в различных отраслевых институтах и в АН СССР (РАН). Ныне – организатор больших геолого-геофизических горнорудных и нефтегазовых проектов. Основные научные результаты лежат в сфере применения математических методов в геологии и геохимии. Кандидат г.-м. наук. Автор около 100 научных статей и книг. Мир Каргер рассказывает, что профессия и увлечения заносили его в прошлом в такие советские «преисподнии», которые не должны были существовать. Его нынешние маршруты пролегают от Латинской Америки до Южной Африки – и тоже вдалеке от туристских центров. От такой жизни он получает удовольствия вполне цыганские, но печали еврейские, так как «узнавать людей и видеть жизнь их глазами – грустное дело».

11 СД 163 СП РККА

Памяти Д. И. Каргера

Ранней весной 2011 года я ехал в поезде из Москвы в Пермь к Доре, моей кузине, и Вите, ее мужу. С Витей мы дружны душевно, а Дора – кроме того, что она моя родственница, она еще и моя нянька с военных времен. В 1945 году моя мать, молодая вдова, оставляла младенца, то есть меня, на попечение ей, семилетней девочке. Весной 2011 года я ехал из дальних краев на ее с Витей золотую свадьбу.

Странный, как имя вируса, заголовок 11 СД 163 СП – это всего-навсего сокращение названия 11-й стрелковой дивизии 163-го стрелкового полка РККА. На таком языке (в дополнение к матерному) разговаривают в армии. Дело в том, что в 11 СД 163 СП погиб мой отец. Эти записки посвящены моим «военно-историческим» изысканиям в попытках разобраться, где и как это произошло.

После его гибели возник расклад людей и отношений, который имеет силу по сей день. Овдовела моя мать, осиротел только что рожденный я. Молодая вдова заметалась по стране, как миллионы других вдов. После мытарств она нашла пристанище в семье родственников, где была девочка Дора, на попечение которой можно было оставлять младенца, и т.д. и т.п.

«В прет-смертной огонии»

К военно-историческим изысканиям меня побудил музыкальный эпизод, случившийся в упомянутом поезде Москва – Пермь. Буквально водевиль с немудреными персонажами: пара

недорослей, простак и отец-нравоучитель, то бишь я.

Я очень люблю поезда, даже в варианте пригородной электрички. Люблю покачивание, перестуки на стрелках и дрему, ими навеваемую. Поезда очищают вас от сомнений и убаюкивают надеждами. На конечной станции вы выходите на привокзальную площадь с веселым оптимизмом, как алкоголик после лечебно-трудового диспансера.

Это великое удовольствие – неспешно жевать поездную еду у окна, за которым мелькают обрывки чьих-то жизней. Начинаем с того, что стелим салфетку, выкладываем еду. Крутое яйцо почистить. Редиска. Огурец присолить. Пара картофелин, лучок. И – апофеоз! – аккуратно завернутый в фольгу кусок жареной курицы. Под конец – чай в подстаканнике. Прихлебывая невкусный чай и глядя в окно, отпускаем обрывки мыслей без всякого сожаления.

Как раз когда я допивал чай после короткой стоянки во Владимире, дверь с грохотом отодвинулась, и в купе втиснулся пьяный, в казакине нараспашку, мордатый, лобастый, лысоватый господин, точь-в-точь Генрих Мюллер в исполнении Л. Броневского. Но этот Мюллер был с демонстративным нательным крестом и тремя смартфонами, которые он немедленно выложил стопкой на поездном столике.

Поезд не набрал еще ход, пересчитывал стрелки во Владимире, а Мюллер уже сидел напротив меня и разделял на газете большую жирную селедку. И в деталях описывал, где и как он ее достал. Было очевидно, что наряду с православием этот Мюллер исповедует языческий культ, в котором важно поклоняться Афродите в образе селедки.

Он ее выпотрошил сигарным (!) ножиком, нарезал крупными кусками. Поискал, чем обтереть руки и ножик, и обтер скатеркой с поездного столика.

– Каспийский залом! – говорил он. – З-а-л-о-м! Я люблю, чтоб его не жевать, а прямо так!

Я попытался поддержать тему:

– Селедка в поезде? Ох, обопъетесь.

Он отмахнулся и, сверкнув потной лысиной, простерся над заломом, как Злой Гений над Одеттой.

Водку он пил мелкими глотками, а селедку не ел, а – «прямо так», засасывал, любуясь каждым куском, причмокивал и приговаривал: «Эх, красавица! Каспийская!».

Выпил и съел все, никого не угостил, не пригласил выпить. После чего взобрался на вторую полку со своими смартфонами и затих. Временно удалился со сцены. В дальнейшем он напоминал о себе запахами и всхрапыванием.

Двое других попутчиков заняли свое законное место напротив меня у окна. Недоросли, парень и девушка лет 20 – 22, – студенты-

магистранты из Перми. Миловидные, с серьгами и пирсингами, аккуратно *прикинутые* молодые люди. Ее он называл Тася, его имя осталось неизвестным.

Раздразненные Мюллером, и они закусили. Причем в их меню тоже была селедка – точнее, копченая скумбрия, запах которой, соединившись с запахом каспийской сестры и прочими, создал в купе непередаваемую атмосферу богатого сельпо.

Вскоре парень расчехлил гитару, попросил разрешения побренчать. Селедка плюс завывания под гитару – было ясно, что праздник испорчен.

Пел он дискантом, но варьируя ритм, то есть с чувством. Девушка Тася пела в унисон, сама себе мелко дирижируя сжатым кулачком. Оба они манерничали, как певцы в телевизоре: взгляд направо – брови домиком – повели плечами ...

Они исполнили «Бьется в тесной печурке огонь», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат» и все в том же военно-лирическом духе. Ни про геологов-альпинистов, ни про любовь, а исключительно про войну, про березки и Россию.

За окном тянулся пасмурный день заснеженной Владимиро-Суздальской земли. Мелькали переезды, перелески, редкие дымки деревень и домики дачных поселков без признаков жизни. Наплывали и уносились старосоветские фабричные городки, холодные трубы, кирпичные цеха с выбитыми окнами.

Но в нашем купе сияло солнце в зените, молодые голоса звенели ямбами: «Победы негасимый свет / Сияет над мой страной, / трата-тата преграды нет, / трата-та-тата шар земной». И наконец, «Гляжу в озера синие, / В полях ромашки рву, / Зову тебя Россиею, / Единственной зову».

То ли под действием мочегонной рифмы «*ссиние-ссиюю*», то ли оттого, что залом взбунтовал, папаша Мюллер вдруг завозился у меня над головой. Сорвался вниз, и не обуваясь, покинул зал, издавая кишечные запахи и звуки.

Концерт оборвался атональным аккордом.

Проветривая купе, в коридоре, я поинтересовался у ребят, отчего их репертуар какой-то уж очень несовременный. Парень объяснил, что они готовятся к институтскому концерту. Репертуар, утвержденный к празднованию 9 Мая.

Девушка Тася коротенькими фразами с вывертами выразила намерение решительно обновить репертуар:

- А мы хотим взять пошире. Ну, типа, репертуар. Ну, там, Высоцкого, Окуджаву.

Тут я ощутил себя миссионером среди дикарей и ринулся к ним в джунгли с проповедью.

Я посоветовал выкинуть из репертуара вещи с журавлями, соловьями и березками. Отобрать только те, в которых есть люди и нет никакой природы. Например, «Враги сожгли родную хату».

Почему? А потому, что у нас погибло двадцать шесть миллионов солдат. Убиты или умерли от ран. Без романтики и без поэзии, без соловьев. Сгинули со света без следа.

Они удивились: неужели 26? Как так 26? – Да, именно 26, а то и больше. В их числе мой отец. И кто-то из ваших семей наверняка.

Оба кивнули.

– Появись ты на свет лет на 70 раньше, – обращаюсь к парню, – ты бы до своего сегодняшнего возраста не дожил с вероятностью 97 процентов. Сгинул бы без похоронки.

– А ты, Тася, как патриотка... ты ведь патриотка, Тася? – она кивнула. – Допустим, ты, Тася, хочешь уйти на фронт добровольцем. Но родители отговаривают тебя. Бабушка на коленях умоляет остаться. Какую судьбу ты выберешь?

Разумеется, она решает идти на фронт. В таком случае, сказал я, Тасю ждет банно-прачечный отряд, то есть попросту солдатский бордель. Или судьба связистки или санинструктора, что еще страшнее. А если, допустим, выберет она тыл, тогда ей суждено овдоветь и быть матерью-одиночкой. Это в лучшем случае, а в худшем...

Коротко говоря, обещавшее быть отдыхом времяпровождение обернулось нервной проповедью и вообще черт знает чем.

– А хотите ли узнать настоящие окопные стихи? – предложил я, имея в виду страшный стих Иона Дегена. Рассказал им его историю и прочитал стих в том варианте, который остался в моей памяти с публикации Е. Евтушенко в «Огоньке» 1989 года:

«Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не кричи, не зови друзей.
Дай-ка лучше погрею ладони я
В дымящейся крови твоей...»

И т.д.

Ребята попросили записать. Я вооружил Тасю бумагой, ручкой и продиктовал по-учительски: «Мой товарищ, в предсмертной агонии... в предсмертной агонии... агонии». Тася старательно записывала: «В прет-смертной агонии...нагрею ладония».

Под конец я предложил проверить правописание. Парень пробежал листок глазами: «Не надо, все нормально», сложил вчетверо и сунул в карман джинсов.

В этом клоунском обличье кровавое стихотворение, записанное детским почерком девушки, без пяти минут магистра наук, и ушло в молодежь: «В прет-смертной агонии...нагрею ладония».

Под всхрипывания со второй полки мы обсудили, что да как. Согласились, что они горды победой, но не знают ее *цену*. Что фронтовые сто грамм и передышки между боями в цветущих яблоневых садах – это мифы. Нет в их видении войны ни фрицев, ни рек крови, ни малограмотных генералов, ни расстрельных команд.

Я было принялся разворачивать перед ними пейзаж войны, заваленный трупами, по которому бродят потерянные сироты и вдовы. Высматривают врага бдительные особы. Тянутся шпалеры заградотрядов с пулеметами. Под патефоны куражатся мясники-генералы с веселыми женщинами. А за горизонтом – миллионы пленных.

Ребята задавали малочтенные вопросы, вроде такого: а правда ли, что у Жукова была отдельная жена в каждой армии?

Тут засвербела во мне вот такая мысль: они *ничего не знают*, и за это *придется платить*.

Финал водевиля случился, когда Мюллер, сопя и перхая, в облаке своих запахов, медленно спустился со второй полки и объявил:

– А мне вот нравится эта, про журавлей.

И хрипло затянул редкостную ахинею: «Журавли прилетели, родная. Снова песнями сердце полно. Зажила моя рана сквозная, что вздохнуть не давала давно».

Патриоксизмы

Я вновь побывал в Перми три года спустя. Уже наступило время, когда вышеупомянутое «придется платить» разрешилось в «расплата пришла».

В августе 2014-го я приехал туда со всем моим семейством, включая внуков. Мне стукнуло 70, и между всеми нами было решено, что этот мой юбилей правильнее всего отметить с Дорой и Витей и их обширным семейством. В самом деле, если уж юбилей, то вот вам моя настойчивая рекомендация: позовите-ка вы на юбилей свою няню. А еще лучше – поезжайте юбилеить к ней. Что может быть комфортнее для ее и вашего душевного уюта?

Между тем к августу 2014-го кремлевские уже объелись власти и съехали с глузду. Разогрели патриотизм российских масс до небывалого накала, недоступного нормальному разумению. Взять, к примеру, размещенные в городах по людным местам пункты приема вещевых и продуктовых (!) пожертвований Донецку и Луганску. Или антиамериканскую туалетную бумагу...

Как тут не воспламениться патриотизмом? Непременно надо воспламениться. Вот они и воспламенились. И тотчас возмечтали о новых победах русского оружия. О победах! Значит, войны они уже не боятся. Память о войне в этих головах утрачена. Даже Афган, и тот стерся.

Воспламененные присутствовали и на моем празднике. И меж моих друзей и родственников «крымнашисты» сыпали искры. Но все ж без оголтелости. Эта инфекция протекает в легкой форме, если пациенту довелось разглядеть настоящее лицо государства, и он приобрел иммунитет.

Их зять Сережа был иммунизирован Афганом. Голодным

детством и безотцовщиной – Витя, отец которого сгинул на Финской. И Дора, носитель еврейской печали. Деревенская учителька 1950–60-х годов, она доподлинно знает, что в тех деревнях ничего с тех пор не изменилось.

Тут уместно вспомнить один грустный эпизод из истории молокан. В середине 19-го века Империя переселила тысячи этих сектантов на Кавказ. В течение двух поколений им пришлось набирать новый опыт выживания и хозяйствования. Последующее обновление опыта и связь поколений выполняли старейшины и пресвитеры. Они несли эту функцию наряду с общинными и богослужебными делами.

Как эта цепочка оборвалась, рассказал Вася, мой рабочий-коллектор, белобрысый весельчак из молоканского села Астраханка (Азербайджан). В экспедициях 1970-х годов на Восточном Кавказе я обыкновенно нанимал рабочих в молоканских селах.

Согласно Васе, случилось это году в 1930-м. В село прибыл украшенный плакатами грузовик (редкий по тогдашним временам транспорт), чтобы отвезти делегатов на Всекавказский съезд молокан. Старейшины и пресвитеры, принаряженные, с расчесанными бородами, степенно расселись в кузове и отбыли. Больше их никто никогда не видел. Вскоре в село прибыли милиционер и парторг с чрезвычайными полномочиями. Так опыт молоканских предков был ликвидирован вместе с его носителями.

Память о войне 1941–45 гг. стиралась столь же методично. Были сжиганы со свету миллионы инвалидов, отменены выплаты орденосцам, уничтожены собрания документов вроде «Черной книги» Гроссмана, Эренбурга, запрещены военные мемуары. Не менее трех раз с 1946 по 1966 годы военкоматы переписывали списки погибших, с уничтожением первичных и вторичных документов.

Последний бастион памяти – память кладбищенская – тоже был взят и разрушен. Уже летом 1944 года были ограничены списки погибших на братских могилах. Приказы полковым похоронным командам гласили: «На могилах, в которых захоронено более 8–10 человек, надписи делать только на 4–5 человек с добавлением "и другие"». В 1946 году сократили численность братских могил с сотен тысяч до 30 тысяч. Вражда с кладбищами завершилась в 1965–67 гг. ликвидацией большинства братских могил под предлогом укрупнения захоронений.

Ныне почти не осталось на свете тех, кто вспоминает ту войну как личное горе, помнит имена погибших, тоскует и жалеет их и себя. Уже и дети тех погибших – старые люди. Я убеждаюсь в этом, глядя на себя в зеркало.

Действительные цвета и запахи и звуки той войны начисто забыты. На зады народной памяти задвинуты горы погибших, и бездарные командиры, и смрад и кровавый сумрак того времени. В сознании людей печали и трагедии замещены фальшивыми

мифами, ритуалом и театрализацией вроде распития водки из жестяных кружек под черный хлеб.

Спору нет, придет время, наступит светлое завтра, когда самый ядреный патриот будет отзываться о победах России хмуро и с гневом, как-то так: «Душегубы! Сказки... в гроб... их мать!» Если кто удивится, то получит следующее разъяснение: исторический свой путь страна проделала не от победы к победе, а от поражения к поражению. Все ее тактические приобретения обернулись стратегическими потерями.

– А Куликовская битва?

– И Куликовская битва! Сказки... мать!

Но в реальном настоящем кремлевские продолжают выковывать свои победы. О прошлом молчок, опыт на замок, губы на крючок, язык на гвоздок. Могилы заровнять, утрамбовать и полить патриотизмом, чтоб ничего не выросло. Теперь берем их, молодых-простодушных, под уздечку и ведем на бойню без помех...

Вот потому я и взялся восстановить память о военных событиях, которые касаются меня и моей семьи. В рассуждении того, что восстановление или сохранение частной памяти о войне – это общественно необходимое дело. Столь же необходимое, как лечение инфицированных и вакцинация здоровых во время эпидемии.

Противоэпидемические мероприятия

Сокращения вроде 11 СД 163 СП были приняты во всех личных, рабочих и официальных документах – рапортах, донесениях, сводках времен войны. Под такими сокращениями воинские соединения РККА фигурируют и в «Обобщенном банке данных погибших и пропавших без вести», который создан российским Министерством обороны в конце 2000-х годов. Сокращенно он именуется ОБД «Мемориал», или просто ОБД.

ОБД – весьма неряшливое, нестабильно работающее хранилище оцифрованных архивов, снабженное примитивной системой запросов. Оцифрованные документы в значительной части представляют не армейский архив, а послевоенные многократно переписанные сводки военкоматов и муниципальных кладбищенских ведомств.

Нельзя исключить, что эта неряшливость намеренная, политически обусловленная. Сужу по тому, что в преамбуле к ОБД затвержено «общее число боевых потерь – 8.67 млн чел.». В то время как по всем неполитизированным источникам¹, в 1941-45 гг. погибли не менее 19 млн советских военнослужащих.

Впрочем, мы доподлинно знаем, что в советской традиции политическая преамбула к технической документации часто

¹ В.Н. Лобов, со ссылкой на электронный банк фонда «Реквием»; А.Н. Яковлев, со ссылкой на Д.Т.Язова; и др.

означала низкую квалификацию как заказчиков, так и исполнителей.

Я обратился к ОБД не только из понятного интереса к местам и обстоятельствам гибели моего отца. Я также хотел узнать, кого еще постигла такая же участь, кто погиб вместе с ним, там же и так же, как он. И каков «вклад» его воинской части в горы трупов, которые оставила Красная Армия

В моем случае общаться с ОБД оказалось непростым делом. Трудности происходили оттого, что он пропал без вести. Точнее сказать, исчез без следа.

Запрос об убитом в бою – единственный, на который ОБД дает более или менее полный ответ. Если Имярек убит, то вы одним запросом устанавливаете место и день его последнего боя и упокоения. (Впрочем, сегодня шансы найти могилу в названном ОБД месте равны нулю; но это отдельная история.)

Если же ваш Имярек пропал без вести, как миллионы военнослужащих РККА, без упоминания, где это случилось, или если он умер от ран в госпитале, а вы хотите знать, где он принял свой последний бой, то пожалуйста со мной на раскопки в недрах ОБД.

Мы приучены разглядывать военную историю не иначе как глазами командующих армиями и фронтами. И почти ничего не знаем о людях, из которых состояли воинские части. ОБД «Мемориал», при всей его неталантливости, помогает проникнуть в области, которые покойная Софья Власьева цепко сторожит по сей день, – в историю и географию *людей*.

Оказалось, что с ОБД можно общаться не только с помощью персональных запросов, но и на языке запросов по номерам частей дивизионного уровня. Пара десятков тысяч запросов такого рода – и вот она, статистика, из которой получены наконец ответы, против коих никакая Софья Власьева не выстоит.

Я начал с того, что разыскал тех, кто погиб и пропал без вести в те же самые дни, в той же воинской части, что и мой отец. Потом – упоминаемых в его письмах однополчан. Подсчитал погибавших в его дивизии день за днем в течение 1941 и всего 1944 года. Выполнил оценку возрастного состава погибших в его дивизии по годам войны и оценку масштаба потерь, которые именуются «пропавшими без вести». Тут я наконец приблизился к пониманию того, что на самом деле стоит за государственным институтом, называвшимся Рабоче-Крестьянской Красной Армией.

Вот результаты моих изысканий в кратком изложении.

С 17 по 19 сентября 1944 года в ходе операции 11-й стрелковой дивизии по захвату города Тырвана юге Эстонии погибло несколько сотен военнослужащих РККА. Каждый десятый из них числится пропавшим без вести. В эту категорию попали раненые и убитые, которые были брошены на поле боя, не были преданы земле

должным образом. Среди них Давид Каргер.

Правда состоит в том, что Красная Армия бросала людей на поле боя не только во времена панических разгромов 1941-42 годов, но и в эпоху побед 1943-45 годов. С той разницей, что в первом случае пропавшие считались предателями, а во втором – честно погибшими за родину.

Пропавшие без вести – эту категорию в соотношении с общим числом погибших я использовал как инструмент для расчета правдоподобной оценки числа безвозвратных потерь. Оказалось, что за всю войну общее число безвозвратных потерь 11-й СД, которые зарегистрированы в ОБД, ниже действительных потерь в 2 – 2.5 раза.

Собственно говоря, на этом чтение настоящих записок можно закончить.

Тех, кто намерен продолжить, я должен предупредить: последующий текст содержит многочисленные цитирования и даже графики. Признаться, мне и самому не нравятся всякие там кривые. Однако я вынужден переступить через «не нравится» ради того, чтобы, высокопарно выражаясь, приоткрыть завесу тайны.

В следующем разделе я обозреваю «исторический путь» 11-й СД. В конце этих записок разглядываю в лупу события значимого для меня 1944 года.

Введение в 11-ю стрелковую дивизию

11-я стрелковая дивизия (11-я СД) относится к числу тех первых отрядов, из которых сложилась Красная Армия. В гражданскую войну она участвовала в боях против Краснова, Булах-Булаховича, против Юденича при обороне Петрограда, в походе на Варшаву 1920 года и, наконец, в подавлении Кронштадтского восстания в марте 1921 года.

Кронштадтская операция – единственная, в отношении которой известны точные цифры потерь дивизии: 94 человека убитыми и 423 ранеными. В остальных случаях о потерях дивизии за всю ее полувековую историю либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, намеком: от откровенного «истощенная, обескровленная» до эпического «преодолевая ожесточенное сопротивление противника...».

В советско-финскую войну 1939-40 гг. дивизия участвовала в неразберихе боев на Карельском перешейке. Потеряла треть численного состава убитыми, обмороженными и ранеными. Был убит сам командир дивизии.

В 1940-м – первой половине 1941 года 11-я СД была дислоцирована в Эстонии в городах Нарва, Раквере, Йыхви и Ивангород. В дальнейшем ей предстояло эти города дважды проходить с боем: бросить при отступлении в 1941-м и вновь занимать в 1944 году.

Войну дивизия встретила в Литве. Разрозненные ее части отступали, вероятно, в панике. За две недели боев численный состав дивизии сократился втрое. Однако штаб дивизии сохранился, что отмечалось в политдонесении ² как хороший показатель на общем фоне тотального разгрома РККА.

На рис. 1 показан возрастной состав военнослужащих, погибших в 11-й СД в разные годы войны.

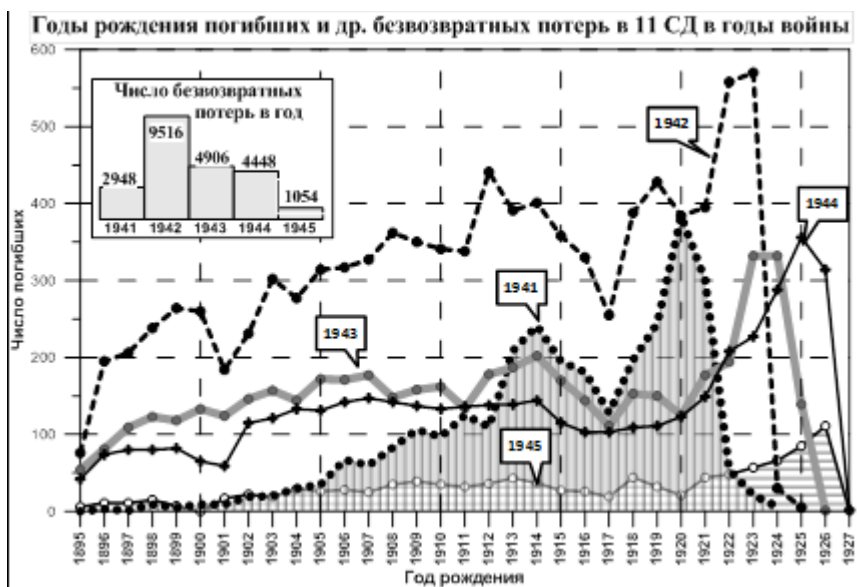

Рис. 1. Годы рождения погибших и пропавших без вести в 11-й СД по годам войны

Интерпретируя этот график, нужно учитывать, что он отражает численность, строго говоря, не людей, а записей в ОБД, среди которых всегда есть небольшой процент дублирования. Нельзя доверять цифрам суммарных годовых потерь (слева вверху). Они занижены. Цифры за 1941–1943 гг. занижены в разы. Но относительные количества разных возрастов в пределах одного года призыва вполне заслуживают доверия.

На кривой 1941 года бросается в глаза преобладание 20–21-летних солдат рождения 1920 года. Если проследить эту возрастную категорию от года к году, можно увидеть, что она находилась в локальных минимумах все последующие годы. В 1942 году гибли солдаты военных призывов, которыми был охвачен небывалый возрастной диапазон – от 17 до 49 лет. Между прочим, «дедам» рождения 1896 года, которые гибли в 1942 году, довелось пройти

² <http://samsv.narod.ru/Div/Sd/sd011/default.html>

Первую мировую войну с ее первого дня. Отметим правые пики кривых 1942 – 45 годов. В них заключены обращенные в фарш войны 17–18-летние пацаны.

О происходившем на фронте 11-й СД в первые недели войны свидетельствует письмо-донос старшего сержанта С. И. Шилова В. И. Сталину (послано из госпиталя 13 августа 1941 г.³):

... Боевые действия проходят в паническом настроении. Большая часть командования убегает с передовой линии в тыл. Бойцы посмотрят: нет командира роты и командира взвода – и в панике отступают. Командование рот и взводов отойдут от передовой линии огня метров за 600 – 700, и когда бойцы за ними кинутся бежать и дойдут до них, то командиры приказывают бойцам вернуться обратно, а сами бойцов не ведут вперед. Командиры взводов в это время производят массовые расстрелы бойцов, а противник этим моментом пользуется<...> Плохо на передовой снабжают боеприпасами. 7 августа вели бой с противником в течение 3 часов. Во взводе кончились боеприпасы. Я пошел на командный пункт роты, который был за 600 метров, и спросил командира роты, где наш командир взвода Патрушов. Он мне матом ответил: «Вы его помощник, что меня спрашиваете». Я повторил: «У нас нет патронов». Он ответил: «Патроны в обозе, а обоз отсюда в двух километрах. Беги быстрее». Вот результаты боевых действий 11-й дивизии 320-го полка. В 1-й роте осталось 47 человек всего<...> Есть большая неурядица между командным составом, убийства между собой при спорах и ряд есть случаев, когда расстреливают бойцов, которые в панике отступают, видя, что их командиры убегают...

Оценку потерь дивизии за первые месяцы войны нетрудно получить с помощью упомянутого выше политдонесения, согласно которому 7 июля численность 11-й СД была меньше 4000. А в конце июля дивизия попала в окружение, откуда вырвалась с большими потерями. Выходит, зарегистрированные в ОБД без малого три тысячи потерь соответствуют положению не на конец года, а в лучшем случае на конец июля 1941 года.

На рис. 2 представлены потери первых месяцев войны. Обратите внимание, что в общем числе безвозвратных потерь лета 1941 года пропавшие без вести составляют огромное число (до 65% в месяц!), а умершие от ран – нереалистично малый процент по сравнению с последующими осенью и зимой. Очевидно, что первое является следствием главным образом массовой сдачи в плен, а второе – что при отступлении 11-я СД бросала раненых и убитых на произвол судьбы.

Вышеупомянутые 4000 военнослужащих, находившихся в строю в начале июля 1941 года, плюс 1000 зарегистрированных в ОБД безвозвратных потерь, минус численность стрелковой дивизии

³ Цитирую по вторичным источникам, которые ссылаются или на сборник «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов», СПб., 2004., или на архив ЦАМО. Ф.217. Оп.1217. Д.101. Л.105-107.

РККА (более 11000), получаем баланс с дефицитом более 6000 военнослужащих. Число безвозвратных потерь мы можем откорректировать (см. рис. 2), опираясь на процент умерших от ран и принимая соотношение *погибшие : раненые = 1 : 3*. Дефицит уменьшается до 5000, и это все. Полагаю, 5000 человек – таков *минимум минимум* числа попавших в плен в первые недели войны.

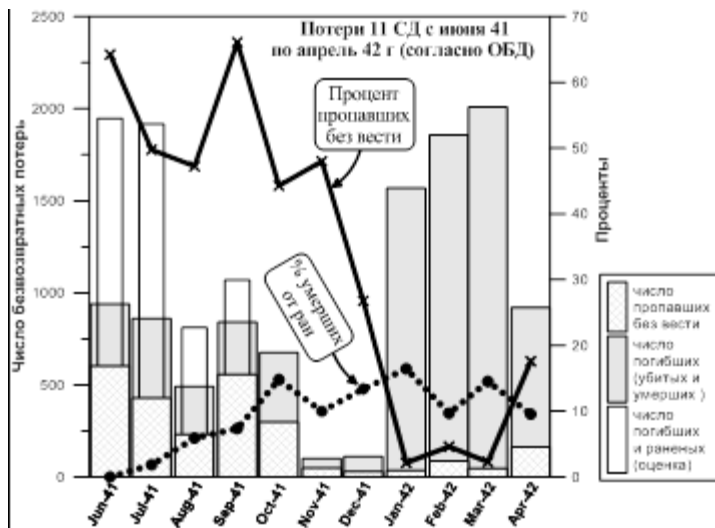

Рис. 2. Ежемесячные потери 11-й СД с июня 1941-го по апрель 1942 года

Констатируем: в первые две недели войны 11-я стрелковая дивизия потеряла более половины своего состава. Потери эти были безвозвратными, поскольку включали военнослужащих, попавших в плен или брошенных на вражеской территории. Еще через месяц ситуация ухудшилась катастрофически. Вернемся ненадолго к тому фрагменту письма старшего сержанта Шилова, где речь идет о нехватке патронов в бою 7 августа. После того боя в его роте осталась четверть штатной численности.

Таким образом, 11-я стрелковая дивизия в том составе, в каком она приняла удар немцев 22 июня, перестала существовать к сентябрю 1941 года. От трети до половины этого состава попали в плен. Как мы знаем, большинство из них в плену сгинули.

До конца 1941 года 11-я СД пропустила через себя еще один полный штатный состав. К концу 1941 года 11-я СД подошла полностью обескровленной, причем не только боями, но и голодом, который она терпела в Ленинграде.

В первых числах января 1942 года 11-я СД перешла по льду через Ладогу из Ленинграда на Большую землю. 10 января мы видим ее у станции Погостье, где части дивизии вводятся в бой с

марша. «С марша в бой» – это страшная формула, эвфемизм неподготовленных боевых действий, сиречь заваливания противника нагромождением трупов своих солдат.

Боям за Погостье посвящена глава в великой книге Н. Н. Никулина.⁴ Ссылаясь на некоего ветерана тыловой службы, Н. Н. Никулин пишет, что ежедневно в тыловом формировочном подразделении сколачивалась маршевая рота в полторы тысячи солдат – не считая пополнений, которые поступали из нескольких запасных полков. Была лютая зима, раненые, которые не могли передвигаться самостоятельно, замерзали. Можно с уверенностью утверждать, что все эти новобранцы нашли в Погостье свою смерть.

Обратим внимание на январь, февраль и март 1942 года на рис. 2. Огромная высота этих трех столбиков – результат наложения тупого армейского упрямства, которое гнало несчастных под пули без счета, и жестокой зимы, которая вымораживала раненых до смерти.

Весной из-под снега выступили многослойные штабеля трупов. Свидетельство Н. Н. Никулина: *«У самой земли лежали убитые в летнем обмундировании – в гимнастерках и ботинках. Это были жертвы осенних боев 1941 года. На них рядами громоздились морские пехотинцы в бушлатах и широких черных брюках («клешах»). Выше – сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе–феврале сорок второго. Еще выше – политбойцы в ватниках и тряпичных шапках. На них – тела в шинелях, маскхалатах, с касками на головах и без них...».*

Наконец, послушаем рассказ самого командира 11-й СД⁵ о январских боях под Погостьем: *«На 15 января в полках 11СД оставалось от 60 до 150 активных штыков.⁶ (...) Каждый день с утра начинался жиденькой артподготовкой, потом давался залп "Катюшами". Затем пехота поднималась и шла в атаку. Так повторялось изо дня в день. (...) К исходу 20 января в полках осталось совсем мало людей. В 163 СП было 60 активных штыков, в 320-м – 32...»*

До июня 1942 года 11-я СД участвовала в попытках деблокировать 2-ю ударную армию А. А. Власова. Те ее подразделения, которым удалось вырваться из окружения, были переформированы и к осени возвращены на фронт. 11-я стрелковая дивизия вошла в состав обновленной 2-й ударной армии в конце декабря 1942 года.

Согласно ОБД, в 1942 году в рядах 11-й СД погибло более 9500 человек. К сожалению, даже это огромное число не соответствует

⁴ Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне, 2-е изд. Изд-во Гос. Эрмитажа, СПб, 2008.

⁵ В. И. Щербаков. На приморских флангах: воспоминания командарма. Изд-во «Фарватер», СПб, 1996.

⁶ Штатная численность стрелкового полка РККА составляла в то время около 3200 человек.

действительности. Столько или почти столько солдат погибло не за весь год, а за зимне-весенние месяцы 1942 года. Вряд ли мы ошибемся, если погибшими в 1942 году назовем не 9,5, а 17-18 тысяч. Их имена останутся неизвестными, так назовем хотя бы их численность.

Почти весь 1943 год, с января по конец октября, дивизия вела «непрекращающиеся бои» под Синявино. Синявинские высоты, Синявинские болота – эти ландшафты к югу от Ладожского озера знамениты бездарным командованием и грандиозными потерями РККА.

Называются общие потери – до 350 тысяч военнослужащих из всех воинских частей, положенных в упрямых попытках одолеть противника, завалив его трупами своих солдат. «Непрекращающиеся бои» – это еще один эвфемизм таких попыток. Говорят, по сей день там лежат не захороненные десятки тысяч солдат.

Под конец «непрекращающихся боев» под Синявино, с 28 сентября по 5 октября, 11-я стрелковая дивизия с двумя приданными ей отдельными штрафными ротами «безуспешно пыталась овладеть» шоссе на Синявино. После чего, истощенная, покинула Синявинский участок и отправилась на переформирование.

Если исходить из данных ОБД, в 1943 году 11-я СД перемалывала живую силу вдвое менее энергично по сравнению с 1942 годом. По официальным данным, в ней погибло меньше 5000 человек. К этому числу следует прибавить также тысячи солдат из состава маршевых рот и штрафных рот, которые под Синявино не прошли по документам, но прошли физически через 11-ю СД.

Подведем итоги. В 1941–43 гг. за 11-й СД официально числится около 18 тысяч погибших солдат. К сожалению, ближе к правде другая оценка – никак не меньше 35 тысяч.

В 1944–45 годах Красная Армия расходовала живую силу более умеренно, потери занижены, но не в два раза, как раньше, а процентов на 20. Поэтому правильно считать, что за всю войну в 11-й СД погибло не около 23, а не меньше 40–45 тысяч.

Б/В 1944

В 1944 году Давид Каргер выучился на пехотного офицера, родил сына, прибыл на фронт в 11-ю СД и быстро погиб – в соответствии с солдатской пословицей: «Взводный живет полторы атаки». Формально – пропал без вести, и вместе с ним – множество его однополчан. «Б/В» в заголовке – сокращение «без вести пропавшие» в таблицах людских потерь времен войны.

Я никогда его не видел, но всю мою сознательную жизнь о нем горевал горем, переданным мне мамой. При том, что послевоенная мирная жизнь не обделила ее мужьями, он оставался для нее

первым и единственным. А я силенка понять, каково это – жить с ясным пониманием, что погибнешь («почти 100%, что я не вернусь», – писал он родным). Какие чувства в себе он подавлял и каким давал волю? И в каких закоулках души таил страх смерти?

До последнего времени ответов на эти вопросы я не находил ни в его письмах, ни в биографии, ни в воспоминаниях о нем. Туман рассеялся после того, как из ОБД я извлек каждодневные потери 11-й СД в 1944 году, совместил их с победно-трескучими описаниями боевого пути дивизии из посвященного ей веб-сайта ⁷ и на эту «стрелу времени» нанизал его письма.

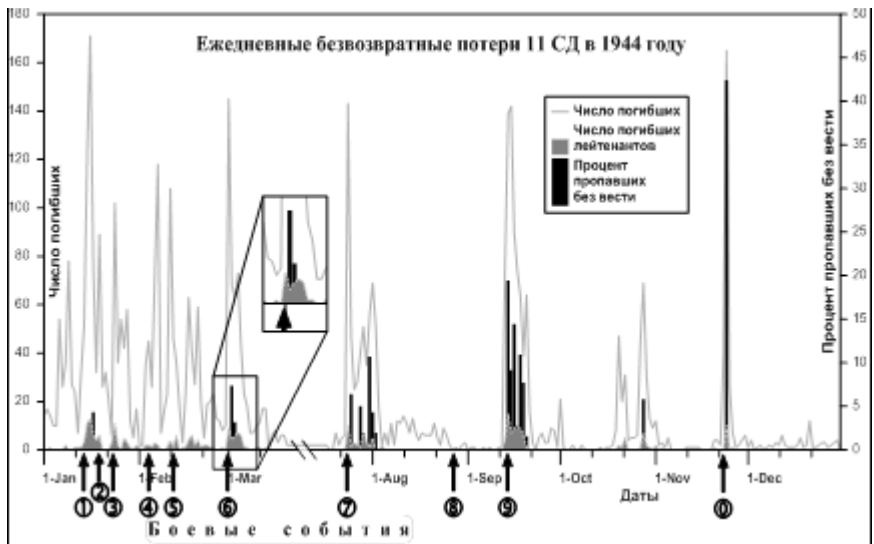

Рис. 3. Безвозвратные потери 11-й стрелковой дивизии по дням 1944 года

На рис. 3 вычерчены «смертные кривые» каждодневных потерь: общее число погибших, число погибших лейтенантов всех трех рангов и процент пропавших без вести среди всех погибших. Локальные максимумы кривых всех погибших и погибших лейтенантов соответствуют дням фронтальных атак с массовой гибелью атакующих во главе с командирами взводов и рот. Некоторые важные боевые события такого рода пронумерованы на графике и в тексте. Фрагмент графика вокруг события (6) показан в увеличенном масштабе, чтобы объяснить некоторые особенности *пропажи* людей без вести.

Ниже я привожу и комментирую отрывки его писем из училища и с фронта на фоне «летописи боевого пути» 11-й СД в 1944 году. Некий армейский Пимен, сочиняющий летописи

⁷ http://www.front-line.eu/?page_id=52

воинских частей, факты приукрашивает, но не слишком. Если, допустим, противник нас разгромил, и мы в панике бежали, он не пишет, что мы победили, но что планомерно отступили в ожесточенных боях. Ниже речь Пимена передана мелким шрифтом. Зачины, в которых Пимен возводит каждую операцию к мудрости Верховного Главнокомандования, опущены.

Я разделил 1944 год на четыре периода. Отдавая дань Пимену, сообщу, что первый период (14 января – 3 февраля) относится к Ленинградско-Новгородской операции, а последний (после 12 сентября) – к Прибалтийской операции.

14 января – 3 февраля

Вот что об этом периоде рассказывает летописец.

(1) 14 января 1944 года в 9 часов 35 минут на Ораниенбаумском плацдарме началась 65-минутная артиллерийская подготовка... К концу дня ... начала вводить в бой свои части 11-я стрелковая дивизия, наступая вдоль дороги Порожки – Петровская.

К исходу 17 января части дивизии овладели совхозом «Балтика», деревней Коровино и вышли на западную окраину Прозоловских болот в 3 км севернее города Ропши. <...> С выходом в тыл противника 3-й стрелковый батальон 320-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии первым перерезал дорогу Петергоф – Ропша в районе деревни Олики.

(2) В ночь на 20 января произошла встреча воинов 163-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии и 309-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии со стороны Пулков. Войска 2-й Ударной армии повели наступление в общем направлении на Кингисепп – Нарву. Для 11-й стрелковой дивизии путь наступления пролегал через Волосовский район.

(3) Преодолев реки Луга и Плюса, части дивизии освободили поселок Сланцы, деревню Большие Поля и (4) к исходу 3 февраля вышли к реке Нарва в районах Макреди – Ольгин Крест – Омуты.

С 14 января по 3 февраля дивизия потеряла убитыми 982 человека, включая 72 командира взводов и рот. То есть за три недели боев дивизия потеряла около трех тысяч человек убитыми и ранеными, или треть штатного состава дивизии, то есть. полк.

Говорили, что роль пехотного командира на передовой состояла исключительно в том, чтобы, выскочив из окопа, поднять солдат в атаку и принять первый залп противника. Если повезет, отделаешься легким ранением.

Вот как эта закономерность проявилась в статистике зимних боев 11-й стрелковой дивизии: один убитый лейтенант на 13 убитых рядовых и сержантов. Это при том, что штатная численность взвода РККА составляла 50 человек. Пожалуй, есть смысл исчислять наступательный порыв в лейтенантах и измерять отношением 50 к числу убитых на одного лейтенанта. В случае зимних боев 1944 года этот наш показатель «наступательного порыва» равен 3.8 лейтенанта.

К 1944 году мой будущий отец Каргер Давид находился в армии четыре года, с ноября 1939-го. Бывал ранен, попадал в окружение. Под Сталинградом был контужен так, что на какое-то время оглох и заикался.

В начале 1944 года он проходил обучение в Орджоникидзе (совр. Владикавказ) в пехотном училище. До того был в сержантском звании. Теперь же, как и тысячи образованных технарей, он должен был стать пехотным офицером.

К тому времени его родители были убиты. И родители его жены были убиты, и вообще вся ее семья уничтожена подчистую. «Я мстил этим гадам и еще буду мстить», – писал он своему брату в письме-треугольнике.

Он был рожден на Украине в 1913 году и всю Первую войну оставался единственным ребенком в семье. По семейным преданиям, в Гражданскую они пережили несколько погромов, а в 1920-х годах его отец отсидел несколько месяцев в тюрьме НКВД в кампанию по экспроприации буржуев.

Он ходил в хедер, но недолго. Ветры высвобождения из принудительной оседлости вынесли его в общую школу, а затем в Москву, в институт. Но в 1930 году, чтобы заслужить право на поступление в институт, молодому человеку, происходящему из мелких собственников, пришлось год или два трудиться на черных работах.

Его довоенные друзья рассказывали, что хотя он сторонился публичности, но имел амбиции сочинителя и где-то как-то публиковал свои писания. Своей жене наказал «сохранять письма и записи» с фронта; вероятно, замышлял что-то писать. Еще одну черту отмечали знавшие его – редкостное упорство. Да, были в его личности обещавшие стороны, которым не суждено было развиваться.

Опасливость в отношении властей, которым он признавал себя классово чуждым, соседствовала в нем с верой в коммунизм. И, вероятно, с вынесенной из детства религиозностью. В общем, сложная фигура. Но война все предельно упростила. Как и многие, он сделался членом ВКП(б) в 1941 году. А гибель родных и ненависть к убийцам, вероятно, окончательно примирили его с советской системой.

4 февраля – 15 июля

(5) 11 февраля 1944 года подразделения 163-го и 219-го стрелковых полков 11-й стрелковой дивизии предприняли форсирование реки Нарва в районе деревни Скорьятина Гора. Под сильным огнем противника несколькими лодками 219-го стрелкового полка удалось достичь противоположного берега, куда высадились 18 человек. Они отвоевали и удерживали плацдарм до прихода основных сил дивизии.

(6) 15 февраля дивизия <...> форсированным маршем перешла на плацдарм в районе деревень Метсакюла – Митрестки <...>. Начались трудные и долгие бои в условиях лесисто-болотистой местности по расширению Нарвского плацдарма в районах канала Липаку – Краав, деревни Уусоова, в районе железнодорожной станции Аувере и попытка прорыва к печально известному Мерекюласкому

десанту Краснознаменного Балтийского флота.

Число погибших за три недели февральских боев (с 4 по 27 февраля) – 881 человек. Помножив на три, получаем убыль еще одного полка. Не будем пересказывать историю Мерекюлаского десанта. Скорее всего, 17 февраля не было никакой попытки прорыва на выручку к нему. Лишь в первых числах марта 11-я дивизия заняла место гибели десанта – цифра (6) на рис. 3. Неделя боев с 1-го по 7 марта стоила 11-й дивизии 433 убитых и умерших от ран.

«Трудные и долгие бои в условиях лесисто-болотистой местности...» На фронте он попадет в лесисто-болотистую местность и будет сетовать на то, что в училище их не обучали действиям в этих условиях. Но пока что он продолжает учиться.

Читаем выдержки из писем брату.⁸

1/IV 44 *Добрый день, дорогой брат Яша! Разреши тебя поздравить с освобождением нашего родного города – Дунаевцы. 13/VII 41 г. наша дивизия последняя оставила этот город, а 14/VII 41 наша разведка сообщила, что в Дунаевцах уже находится усиленная танками немецкая разведка. Представь себе мое настроение тогда...21/IX 41 наша часть была окружена, и мы вынуждены были пробиться боем. И я тогда впервые убил 1-го немца и 2-х поранил. Я мстил этим гадам и еще буду мстить.*

28/IV 44<...> *Спешу ответить на открытки, отправленные тобою 12/IV. Они очень быстро дошли – за 14 дней, что редко бывает. <...> Я должен тебя предупредить, чтобы ты не внушил себе ни на одну долю, что родители живы. Никакой надежды не питаю и ожидать добра от варваров-людоедов 20-го века – гитлеровцев – нечего. Я много видел и слышал, и поверь мне, что спешишь тебе некуда. Воздержись от своего нетерпения, сиди на месте...*

15/VI 44<...> *Сегодня кончились у нас госэкзамены, и сейчас будем ждать приказ и назначение. <...> Я получил письмо из Дунаевец, где сообщается мне о гибели наших родителей. Горе очень велико, но я себя подготовил к нему. Когда буду на фронте, я буду уничтожать этих гадов – насколько у меня хватит сил.*

11/VII 44 г. <...> *О родителях я узнал следующие подробности. <...> 8/V 1942 они были взорваны с сотнями таких же несчастных в Демьянковских шахтах. <...> Чудом уцелели <...> 6 человек. О себе могу сообщить, что я уже получил звание офицера и со дня на день жду назначение. Ханочка получила уже декретный отпуск, но она остается здесь одна, среди чужих, незнакомых и нетрудоспособных людей и беременная. Я себе не представляю, как она здесь жить будет. Очень тяжело от этих известий. <...> Мстить немецким гадам можно и в тылу. Честно, преданно и самоотверженно трудиться.*

⁸ Письма привожу в сокращении, но без редактирования. Орфография и пунктуация сохранены.

Его младший брат был забронирован от призыва в армию на каком-то военном предприятии в Гурьеве, но рвался на фронт, «чтобы мстить». Давид почти в каждом письме уговаривает его этого не делать, успокаивает, объясняет, что уже мстит и за себя, и за него, и за всех. Что трудиться «в тыле» – тоже нужное дело.

Отметим учительский тон, старательность пунктуации и канцеляризм «разрешите поздравить... спешу ответить... о себе могу сообщить». Он явно адресует не только к брату, но и к военному цензору в училище, который будет читать его письма.

Тошно, но придется прокомментировать упомянутый в письме эпизод Холокоста. В Демьянковских каменоломнях неподалеку от г. Дунаевцы загублено от полутора до трех тысяч евреев. Несколько тысяч расстреляны в специально для этого выкопанных рвах. Но родители Давида были «просто» застрелены на пороге собственного дома. Считается, что акции в Дунаевцах выполнял Буковинский курень ОУН или его дочерние формирования. Перед тем курень участвовал в казнях в Бабьем Яре.

15 июля – 28 августа

(7) В летних боях 24 – 30 июля, наступая в районе Путьки, части 11-й стрелковой дивизии отвлекали на себя значительные силы противника и тем самым помогли войскам Ленинградского фронта овладеть городом Нарва.

(8) 26 августа, сдав боевой участок частям 131-й стрелковой дивизии и совершив марш в город Нарву, части дивизии эшелонами по железной дороге были перебросены в южную Эстонию на железнодорожную станцию Орава, где дивизия вошла в состав 1-й Ударной армии 3-го Прибалтийского фронта.

15 июля несколько десятков свежих выпускников пехотного училища выехали из Орджоникидзе и через две недели прибыли в Эстонию в расположение 11-й стрелковой дивизии.

Начался короткий период его бурной переписки с беременной женой, которая пока что оставалась в Орджоникидзе работником санчасти пехотного училища. Пора вас с нею познакомить.

Ее звали Хана, или Аня. До войны она закончила медучилище, поступила в мединститут и два года проработала больничной медсестрой в Виннице. Мобилизована в армию на второй день войны, получила «кубари» старшего лейтенанта. Она служила старшей медсестрой во множестве полковых, эвакуационных, хирургических, инфекционных и каких-то других госпиталей, названия которых нам сегодня уже ничего не скажут. Спустя десятилетия в ее рассказах о том времени доминировали ужасы войны и тяжелая изнурительная работа. И никаких побед.

Она вспоминала, как они «драпали-драпали». Вспоминала массовые измены. И как страшно было переправляться с ранеными через Днепр и через Дон под бомбами. Вспоминала хирургию без анестезии, гангрены и сепсисы без антисептиков, периоды полного отсутствия медикаментов и перевязочных материалов. И какое это

было счастье, когда в 1943 году появился сульфидин.

В августе 1943-го, после контузии и после туляремии, которой она переболела при ликвидации эпидемии в Калмыкии, она стала вольнонаемной. И, наконец, перевелась в Орджоникидзе, в училище к своему довоенному жениху. Этому предшествовала романтическая предыстория с клятвами верности, розысками полевых почт и т.п.

Перевод в Орджоникидзе занял месяцы на хождение бумаг и несколько недель кружного пути по Военно-Сухумской дороге через Большой Кавказ, в Тбилиси, Цхинвали, снова через Большой Кавказ и, наконец, въезд в Орджоникидзе с юга в конце ноября 1943 года. Вскоре после этого я и был зачат.

Первые письма жене написаны короткими фразами, скорописью, почти без знаков препинания – так он писал, когда нервничал. Он тоскует и внушает себе и ей, что надо «жить надеждами».

29/VII 44 Добрый день родной мой друг! 2 недели что мы расстались с тобой<...> О себе могу писать, что живу в лесу. Пойдем сегодня в кино. Кино бывает здесь ежедневно.

31/VII 44 года Добрый день родная моя Ханочка! Сейчас я очень аккуратен: ежедневно пишу тебе письма. Пока у меня все без изменений. Сидеть без дела скучно но вероятно скоро тоже поедем в часть. Нас осталось уже мало. Остальные уже по частям разъехались. Остались со мной Агабекян, Гефт, Емельянов и некоторые другие. <...> Природа по сравнению с югом бедная: лес и лес. Нас отделяет расстояние в несколько тысяч километров. Часто снишься мне. <...> Остается только жить надеждами, что в скором будущем разгромим ненавистного врага и тогда проживем вместе и больше никогда не разлучимся. <...>

Он в резерве, в запасном полку. Место дислокации – северо-западный угол Эстонии, в 5 км южнее Силламяэ. С ним однокашники по училищу.

Легко себе представить, как выглядели те палаточные казармы. Большие армейские палатки, раскиданные по лесу. Внутри каждой – десяток дощатых топчанов вместо кроватей и снарядные ящики вместо тумбочек. Поверх топчанов – набитые соломой мешки и чиненные-перечиненные одеяла. Поверх одеял – плащ-палатки от сырости.

Постояльцы – кто сидит, кто лежит, курят, разговаривают. Атмосфера уплотнена табачным дымом и несвежими портянками. Разговаривают про размер аттестата⁹, про то, что будет на обед, какое кино сегодня покажут. Среди актуальных тем должны быть также клопы и вездесущие мыши. И, натурально, женщины. Общий восторг вызвала молоденькая связистка при штабе полка.

⁹ Часть денежного довольствия военнослужащего, которую получали его родственники в тылу.

Из писем проглядывают темы недавних однокашников. Очкалов рассказывал о немецкой оккупации, в которой он пробыл полгода. Агабекян – про их однокурсника Дубовицкого, который не на фронт поехал, а оставлен в училище преподавателем. Почему? Потому что приезжала в училище его мать и подкупила начальников.

Они прислушиваются к звукам отдаленного боя. Где-то там на передовой сейчас ранен или убит комвзвода. Может, это освободилось место для тебя. Молодые возбужденно-веселы. Люди зрелые молчат. Нет-нет да и проскользнет надежда: хорошо бы отделаться ранением и инвалидностью. Оторвет, допустим, руку, и ты через месяц дома.

Они обменялись адресами родных – на всякий случай. Очкалов обещал позаботиться о жене Каргера, если что, а тот – о матери Очкалова, в случае чего. Сидоров Иван Никитич из подмосковного города Рошаль, ближайший друг, тоже слово дал...

И всем им суждено погибнуть. Гефт и Печкуров погибнут в первых числах августа, Емельянов и Каргер – в один день, 17 сентября. Очкалова 14 сентября сочтут убитым, потом он воскреснет в госпитале после тяжелого ранения, потом погибнет безвозвратно. Остальные упомянутые будут убиты в 1945 году кто где – в Латвии, в Польше, в Венгрии. И Дубовицкий тоже.

1 августа полтора десятка лейтенантов переведены в 163-й стрелковый полк. Один из них тотчас подорвался на mine. Давид отнесся к этому отрешенно: мол, «судьба». Они пока еще замечают гибель товарищей. Но свои чувствительные струны они уже повыдергивали. Оставив лишь то, с чем жить легче, – сосредоточенность на деле и что-то вроде фаталистической веры в предначертанное.

3/VIII 44 Добрый день родная моя! Наконец-то мы прибыли в часть. Из нашей группы, выехавшей из училища, попали в этот полк человек 15. Как-то приятнее когда видишь знакомые лица. <...>Здесь здорово бьют фрица. Он отчаянно сопротивляется. Иногда попадаютя власовцы – изменники Родины. <...> Печкурова наверно помнишь; он вчера погиб от мины. Он на передовой еще не был. Видишь судьба: если суждено и в тылу человек погибает.

4/VIII 44 Добрый день родной мой друг! <...> Жаль – в училище нас мало учили тактике боев в лесах. И как нарочно половина батальона попала в лесистые места. <...> Ближе к северу сейчас белые ночи. Здесь, если можно так выразиться – полубелые ночи. <...>Но наш полк сейчас прославился. Он выполнил задачу по прорыву немецкой обороны с большим успехом. <...>

Фраза насчет власовцев – результат политической накачки. В действительности же РОА Власова в Эстонии не было. В Эстонии на

стороне противника воевали эстонцы, легионеры из скандинавских стран, а также военнослужащие из Восточных легионов, некоторые из них говорили по-русски. Наричательными «власовцами» пропаганда маскировала факт массового перехода совграждан на сторону врага.

«Наш полк» прорвал немецкую оборону, подняв пик смертей 1-3 августа. Давид в каком-то качестве уже участвует в боях. Исходя из своего нового опыта, он озабочен тактикой боев в лесах, которая не преподавалась в училище. Выговаривает Куликову Дмитрию, преподавателю училища, за плохую науку; опять пишет почти без запятых, короткими фразами:

4/VIII 44 Добрый день ув. Дмитрий! Как будто недавно мы растались. Я успел узнать много нового чему нас в училище не учили. В училище занимаются многословием а навыков к кратким решениям и быстрой ориентировке мало вырабатывают. И это основное, что нужно на фронте. <...> Это потому что командиры взводов в училище не были или почти не были на фронте. Поэтому они в основном придерживаются буквы устава.

Далее потянулись бои без серьезных потерь. Две с лишним недели затишья, после которых его часть отвели в тыл. Он принялся обучать своих солдат. По-видимому, за эти тихие недели на передовой они со взводом сжились. Спустя месяцы после его гибели о нем в полку еще помнили.

21/VIII 44 год. Здравствуй дорогая моя Хануся! Имею возможность писать тебе письмо в тыловой обстановке: отдыхаю сейчас. Сегодня первый день, что занимался со своим подразделением и готовлю их к грядущим схваткам. Несколько дней позаймемся, еще лучше сколочу свое подразделение, а потом – в бой...

Учеба закончилась 26 августа (значок **(8)** на рис. 3). 11-я СД оставила свои позиции на северо-западе Эстонии и кружным путем, через Псков, перебазировалась на эстонский юг. Вот письмо, написанное в дороге:

28/VIII 44Добрый день родной мой друг! Я все пишу, а ответа от тебя никак не получаю. Очень беспокоюсь и не знаю о чем уже думать...Очкалов получает уже письма из дому – из Ростова, а я лишен пока этой радости. Вчера я был в Нарве. [Город]весь разрушен. Подъезжаем к Пскову. Точно куда направление – еще неизвестно. <...> Поезд тронулся. Трудно писать...

29 августа они заняли позиции где-то на правом берегу р. Вяйке-Эмайгги. Готовилась Прибалтийская операция. Ее начало для 11-й СД помечено на рис. 3 значком **(9)**.

30/VIII 44 Добрый день родной друг! Вчерашнее письмо мое ты вероятно уже получила. Сейчас есть возможность часто писать. Времени свободного хоть отбавь. Я решил использовать его на разные игры и письма. <...>Мой оклад будет 750 р. Аттестат, по словам знающих,

можно высылать таким, как я, только 400 р. Но это неважно. Главное уничтожить фашистскую гадину и побыстрее домой вернуться. Вчера смотрел картину «Леди Гамильтон». Сегодня тоже будет картина.

Зарплаты 750 руб. в тылу едва хватало на нескольких буханок хлеба и кусков мыла. Вместе с полевым довольствием его жалование составляло около тысячи рублей. Для сравнения: 1 тыс. руб. – таковой была премия за подбитый немецкий танк.

Они уже знают, что вот-вот начнется большое наступление. Артиллерия на подходе, понтонный батальон почти развернут, штрафные роты одна за другой бредут к переднему краю, конвоируемые голубыми петлицами. Штрафникам предстоит форсировать реку и удерживать плацдарм.

163-й полк находится во втором эшелоне – судя по тому, что «времени хоть отбавь», что они смотрят кино и играют в игры. Они войдут в прорыв на второй день наступления. Друг-однокашник Очкалов сразу будет ранен. Давид повоюет еще три дня.

Заметим, что вопросы жалования он выяснил только что, то есть спустя месяц участия в боях. Значит, кое-кто из его товарищей, кто за это время погиб, так и остался без жалования. Уж не мертвые ли это красноармейские души? А ведь народ шептался о вороватых начфинах и интендантах ...

После 12 сентября

(9) 13 сентября 219-й стрелковый полк под покровом ночи форсировал реку Вяйке-Эмайги, а утром отвоевал плацдарм, на который 14 сентября были введены основные силы дивизии. Преодолевая упорное сопротивление и контратаки противника, дивизия вышла к реке Ыхне и городу Тырва. В ночь на 19 сентября глубоким обходным маневром с севера части дивизии, преодолев реку Ыхне, вышли на западную окраину Тырва и штурмом овладели городом. Совершив прорыв на всю тактическую глубину обороны противника, заняв 21 населенный пункт, дивизия оказала существенное содействие войскам 1-й Ударной армии, наступающим на город Валга.

(0) [Латвия]...После перехода в район Тошани, а затем Вецаскала дивизия перешла в наступление и через Тирали вышла на дорогу Дзинтари – Губени.

Три дня боев 13-15 сентября унесли жизни 358 человек из 11-й СД. Среди них 30 лейтенантов и капитанов, командиры взводов, рот и командир батальона. Погиб и сам командир 163-го СП. Судя по номерам воинских частей в похоронных сводках этого времени и этих мест, в этих атаках было задействовано не меньше 5 штрафных рот, то есть. до тысячи смертников-штрафников.

Как при всяком наступлении РККА, в эти дни там творилась кровавая каша. К пятому дню боев «наступательный порыв» равен 4.6. Это самое высокое значение нашего индикатора за весь 1944 год. Дело шло к тому, что резерв запасных взводных должен был к 16 сентября исчерпаться до дна. Скоро из дивизии уйдет наверх новая заявка на свежих лейтенантов.

Последнее письмо жене.

12/IX-44. Доброе утро, родной мой друг! Вчера вечером наконец-то я получил от тебя долгожданные письма, и даже не одно, а целых 4: за 16, 19, 23, 24 и письмо от Ф. за 28/VIII, где она мне сообщает о рождении сына. Письма эти я читал вечером при костре и сейчас еще темно, но я не могу оторваться от них и по несколько раз прочитываю каждое. <...> Хануся, ты сейчас стала матерью. Как тяжело, что не могу сейчас посмотреть на вас обоих. Ладно, сейчас не до личных <нрзб>.

Это единственное письмо с упоминанием бытовой детали: «читал при костре». Пять драгоценных писем он наверняка взял с собой, сунул в нагрудный карман. Вместе с ним они и растворились где-то там в кислой торфяно-подзолистой почве эстонской лесисто-болотистой местности.

Две реки, Вяйке-Эмайыги (*Väike Emajõgi*) и Ъхнэ (*Õhne jõgi*), протяженностью по 80-90 км, текут на север параллельно на расстоянии 4-5 км и впадают в оз. Выртсъярв (*Võrtsjärv*). Город Тырва (*Tõrva*) расположен на юге этого междуречья, вблизи границы с Латвией. Чтобы атаковать город с запада, надо было двигаться на северо-запад, потом резко на юг вдоль правого берега Ъхнэ, проделав таким образом крюк протяженностью километров десять.

Участвуй мы с вами в том обходном маневре, хлюпали бы, наверно, где-нибудь под дождем ротной колонной. В роте осталась от силы треть, и хорошо слышно, о чем говорят ротный и взводные в голове колонны. Наш взводный как раз втолковывал ротному насчет охранения, когда с того берега из роши заработал пулемет. И миномет – жжах! Так мы проморгали немца, без охранения-то! А нашему живот разворотило. Ползком втянул его в свежую воронку, бинтовать не стал...

Маневр в глубине противника выполняется быстро, в отрыве от своих тылов. В таких условиях, где ты упал, там и помирай. Где убит, там тебе и лежать вечно. К ночи старшина привезет на новые позиции вещмешки. Твой, оставшийся невостребованным, распатронят. Письма выкинут, табак и еду разберут.

С начала 1944 года в 11-й СД применяли новую наступательную тактику. Похожую на немецкую, но с тем отличием, что пехоту не экономили. В первый день наступления рвем оборону фронтальными атаками пехоты. Пехоту не жалеем. Во второй и последующие дни углубляем прорыв, не задерживаясь на убитых и раненых.

Эта тактика легко читается в увеличенном фрагменте на рис. 3: в первый день всякого наступления подсакивает число погибших при нулевом количестве пропавших без вести; на второй день вспухает пик без вести пропавших... Так и лежат эти Б/В не погребенными до тех пор, пока местные жители не озаботятся.

Семь месяцев длилась розыскная переписка жены Каргера с дивизией, полком и госпиталями. Из полка писали, что он был ранен и эвакуирован в госпиталь, из госпиталя – что нет, таковой к ним не поступал. На самом деле, как я понимаю, был он оставлен на месте ранения или брошен где-то на полпути между полем боя и госпиталем, как и десятки его однополчан. Красноречивы цифры без вести пропавших в эти дни – до 20% от общего числа погибших 14 сентября и до 11% – 18 сентября.

Заметим, что в 1944 году случались цифры Б/В и пострашнее – например, 24 ноября этот показатель подскочил до 42% (значок (0) на рис. 3). Но нет ни слова о боях 23-25 ноября у нашего летописца, хотя при этом погибли несколько полковых и батальонных командиров. Боюсь, здесь случилась паника а-ля 1941 год: контратака немцев и паническое бегство наших.

В начале мая 1945 года она наконец получила официальную бумагу о том, что ее муж пропал без вести 17 сентября 1944 года. Она не верила этой дате. Говорила, что ей хорошо известно, как пропадают без вести. И как пишутся похоронки, она знает. «Найти пропавшего в мясорубке полгода спустя – чушь!» – это ее слова.

Но с этой даты ей стали выплачивать сиротскую пенсию на ребенка в размере 180 (дореформенных) рублей в месяц. Ничтожно мало, но все же привесок при тогдашней голодухе. Помню, из скопленной за несколько лет пенсии она купила платяной шкаф, которому очень радовалась.

Из писем друзей-однополчан Давида его жене я выбрал последнее письмо трогательного П. Г. Очкалова. Он был призван в армию 19-летним в 1943 году, сразу после освобождения от оккупации. Однокашники в училище, они с Давидом оказались также соседями в 163-м полку. Душевный, хоть и не шибко грамотный, он обещал «Димусе» позаботиться о его жене и сыне в случае чего. Некоторое время он считался убитым в бою 14 сентября. Очкалова Домна Ивановна, его мать, получила похоронку. Но оказалось, он жив, в госпитале. В строй вернулся в январе 1945 года и вскоре погиб.

15.1.45 года. Здравствуйте уважаемая Аня!!! Спешу Вам сообщить, что я жив и благополучно возвратился из Ленинградского госпиталя. <...>Пишу Я – друг Вашего мужа, с которым пришлось вместе делить многие жизненные вопросы – Очкалов Павел Герасимович.

Анечка! Прежде временно чем я прибыл в часть сейчас-же стал узнавать о Димуси; но никто точно не мог ответить о судьбе его. Многие говорят что он ранен был после меня. Но увидев Вашу открытку я очень и очень обрадовался. Решил Вам написать письмецо и очень желаю иметь с Вами перепись, ибо я много обещал Вашему мужу в качестве Вашей жизни. Я надеюсь, что Вы вполне разбираетесь в моих строках.

Будем иметь перепись, больше узнаем друг друга. Аня не в чем не

сомневайтесь. <нрзб> так как я все знаю из слов Димуся. Аня пока досвидание. Желаю Вам нийлучших успехов и счастья с Вашим сыном.

Diagnosis brevis

В довоенное время герой этих записок писал своим братьям про семейные дела, наставлял в учебе, читал мораль, но никогда не писал о событиях в большом мире. Ни слова о политике внешней или внутренней. Он не доверял эмоции письмам, был осторожен сугубой осторожностью много повидавшего человека. Лишь однажды он вскипел, когда узнал, что один из его братьев выпивает на работе, *как все*. «Не будь как все, сторонись толпы, думай своей головой, – орал он в письме. – Будь в коллективе, но оставайся самим собой».

В военных письмах он и подавно не раскрывался. Еда, курево, военный быт – такие темы были под запретом. Можно было хвалиться, но без деталей, военными успехами и выражать уверенность в скором окончании войны. Как мы видели, этим правилам он следовал; почти все свои письма он писал так, как будто они надиктованы военным цензором.

Нет сомнения, в войну, на фронте дышать ему стало легче. Близость смерти сняла все напряженности жизни, кроме элементарных. Он жил стиснув зубы, имея единственную цель – убивать немцев и единственную заботу – чтобы его семья выжила. И он подготовил себя к худшему, смирился. Так же, как верящие в загробное существование люди готовятся к переходу в мир иной, – он направлялся туда обстоятельно и без надрыва.

Второй наш герой – коллективный герой, 11-я стрелковая дивизия РККА, одна из старейших в СССР. Не на виду, но на добром счету у начальства, крепкий середнячок.

Личный состав, с которым 11-я СД встретила 22 июня 1941 года, перестал существовать к сентябрю: от трети до половины попали в плен, остальные были убиты, ранены или пропали без вести. В 1942–1943 гг. 11-я СД участвовала в большинстве операций Ленинградского фронта, прославленных в истории войн как едва ли не самые людоедские, – в боях под Погостьем и в боях под Синявино. В течение всей войны 11-я СД от трех до четырех раз в год полностью растрачивала свою численность.

В ОБД«Мемориал» хранятся данные о почти 23 тысячах военнослужащих 11-й СД, погибших за всю войну. Но это далеко не все погибшие, значительное количество осталось вне ОБД. Более правдоподобное количество погибших получается из анализа потерь во времени с разбивкой их по категориям потерь. Погибших в 11-й СД никак не меньше 40–45 тысяч. Среди них 22 процента составляли совсем молодые люди 17–18 лет. К нынешнему времени их не рожденное потомство могло бы составить 90–100 тысяч человек – областной российский город средней величины, которого

никогда не будет. Вот такой след 11-я стрелковая дивизия оставила в области демографии.

Теперь отойдем чуть назад и рассмотрим панораму целиком. Перед нами Красная Армия, изначально возникающая как военная отрасль общества идеалистов, исповедующих отказ от личности во имя великой цели.

Дважды, в 1941 и 1942 годах, Красная Армия подверглась полному разгрому. К концу 1942 года на ее месте возникла под тем же названием другая армия. Эта другая армия могла воевать исключительно под страхом репрессий. Солдат этой новой армии не считал гибель в бою наихудшим злом.

Основным руководящим принципом того государства было свирепое безразличие к людским потерям. Спроецированный в военную область, этот принцип породил армейский организм под водительством бездарного командования, которое способно решать военные задачи не иначе как путем массового заклания собственных военнослужащих.

Так она и катится по стране поныне, эта сцепка кровавой бесчеловечности и тупой бездарности.

Если помножить потери 11-й СД на число стрелковых дивизий, задействованных в РККА в течение всей войны, то можно проверить оценку погибших в 11-й СД – 40-45 тысяч – и еще раз взглянуть на общие потери РККА в войне. Предоставляю читателю самостоятельно выполнить указанное действие и найти это число. Уверен, что полученное произведение будет близко к 19 млн.

Матриолог

Вот что я узнал о каждом из упомянутых лейтенантов (перечислены по алфавиту).

Агабекян Сурен Аганесович, 1922 г.р., из Кировабада (совр. Гянджа, Азербайджан). Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Убит 13 марта 1945 г. в Польше. Похоронен (согласно ОБД): «сев. Краина дер. Струмень, Катовицкого воеводства, в 200 м. от костела».

Гефт Аркадий Самойлович, 1918 г.р., из Нижнего Тагила. Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Убит в бою в Эстонии 6 августа 1944 года. Похоронен в дер. Апсаре, «у дороги, в 50 м от кладбища».

Дубовицкий Василий Иванович, 1925 г.р., из Чкаловской (совр. Оренбургской) обл. Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Убит 16 марта 1945 года в Венгрии. Похоронен: «с. Борошка, Марцальского уезда, в саду помещика».

Емельянов Николай Максимович, 1918 г.р., из-под Куйбышева (совр. Самара). Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Убит 17 сентября 1944 года. Похоронен в Эстонии, «мыза Коркула, у реки Охнэ».

Очкалов Павел Герасимович, 1924 г.р., из г. Каменск-Шахтинский Ростовской обл. Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Был тяжело ранен 14 сентября 1944 года. Был вновь тяжело ранен 29 января 1945 г. («тяжелое ранение в череп» – написано в Книге умерших эвакогоспиталя № 1175) и умер 2 февраля 1945 г. Похоронен: «гор. Рига, ул. Крестановская, песчаный бугор в 140 м от водочапки».

Печуров Николай Васильевич, 1920 г.р., из-под Витебска. Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Не быв в бою, он подорвался на mine 2 августа 1944 года. Официально, он погиб в бою. Похоронен в Эстонии, «м[ыза] Путки, севернее 1 км». Он числится среди 14000+ имен братской могилы №2 воинского кладбища в Синимяэ (Эстония).

Сидоров Иван Никитович, 1913 г.р., из г. Рошаль Московской обл. Мл. лейтенант, ком. стрелкового взвода. Сверстник и друг Давида по военному училищу. 2 февраля 1945г. был ранен, из полевого госпиталя эвакуирован. Вероятно, вскоре умер, так как до своего дома он не доехал.

Евгений Любин – родился в Ленинграде, с 1978 года живет в Нью-Джерси. Автор десяти книг прозы и поэзии на русском (три последние изданы в Санкт-Петербурге) и двух книг на английском языке (изданы в США), многочисленных публикаций в газетах и журналах России, США, Венгрии, Израиля, Германии и Франции. С 1999 года печатается в альманахах и журналах России («Континент», «Нева», «Север», «День и ночь», «Северная Аврора», «Новосибирск»). Иностраный член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель Клуба русских писателей Нью-Йорка.

Великое вторжение с Альдебарана

*(Неавторизованное продолжение рассказа Станислава Лема)**

*Это наполнило прибывших надеждой, что
на планете обитает высокоразвитая раса.*

Станислав Лем,
«Вторжение с Альдебарана»

Селяне из Мычисек, утопившие альдебаранцев в местном пруду, не знали, что для этих членистоногих тварей вода была родной стихией. Еще они не позаботились о том, чтобы бросить их в пруд подальше друг от друга. А Негтракс и Певдрак не только дышали растворенным в воде кислородом, но и находились там в невесомости. Они протянули друг к другу свои щупальца и отвязали камни, тянувшие их на дно, затем выбрались на берег пруда, который мог быть вырыт искусственно или же образовался от взрыва ракеты или снаряда. Покрытые зеленой вонючей тиной, они были неприятны даже самим себе. Показываться двуногим они не решались, потому что не знали, чего от них ожидать; не было у них теперь ни могучего альдолихо, ни телепата, ни полизатора. Каракатицеобразная голова и шестипалые конечности могли вызвать у двуногих неожиданную реакцию, похожую на ту, которая привела к провалу вторжения.

А было это так:

... Обитатель планеты, ухватив обеими руками подгнивший столб, вырвал его с чудовищным треском из земли и наотмашь ударил по голове двуногую куклу. Пластефолиевая броня не выдержала страшного удара. Манекен рухнул лицом в черную грязь... «Атакуют!» – простонал Певдрак

* Выдержки из оригинального текста рассказа Станислава Лема даны курсивом.

и, собрав последние силы, нацелил во мрак альдолихо. Его щупальца тряслись, когда он нажал спусковой отросток, и рой тихо воющих саргов помчался в ночь, неся гибель и уничтожение. Вдруг он услышал, что сарги возвращаются и, яростно кружась, вползают в зарядную полость альдолихо. Певдрак втянул воздух и задрожал. Он понял, что существо поставило защитную непробиваемую завесу из паров этилового спирта. Он был безоружен.

Так закончилось вторжение с Альдебарана.

Однако у Негтракса сохранилась способность к гиперпространственной телекоммуникации с универсальным супермозгом на Альдебаране. Связь была очень слабой, достаточной только для цифрового кода в ограниченном диапазоне. Негтракс сообщил о провале вторжения, о гибели их спутников и ракеты. Ответ был коротким: «Организуем спасательную операцию, которая может стать частью великого вторжения, если ваши изыскания на планете подтвердят наличие на ней цивилизации». Ответ вселил надежду на спасение, особенно если разведчики обнаружат следы разумных обитателей.

Окончательная ассамблея Альдебарана, которая покорила сотни планет, охотнее всего атаковала планеты с разумной биосферой. Колонизация незаселенных планет требовала огромных капиталовложений в строительство, промышленность и весьма неохотно рассматривалась планетарным собранием.

Негтракс и Певдрак решили продолжить свою шпионскую миссию. Но они понимали, что в таком виде они долго не продержатся.

Из-за отсутствия Теремтака, который обладал специальной имитационной железой, они не могли сделать копию местного двуногого, чтобы укрыться в ней. Синтектарическая ткань пошла на костюм Еласа, и вернуть ее было трудно. Они решили создать еще более концентрированную форму, чем ту, которую приняли сразу после прибытия на планету. Оба стали похожи на еже-черепаш, под панцирем которых спрятались щупальца, а шипы из молибденокерамики обеспечивали пассивную защиту от любопытных туземцев.

Согласно начальному плану, они решили продолжать наблюдение за населением Мычисек, чтобы сообщить в ассамблею Альдебарана о наличии цивилизации на планете. Но делать это осторожно, не приближаясь к зоне паров этилового спирта, которые извергали из коммуникационного отверстия двуногие.

Наутро все обитатели Мычисек собрались на перекрестке двух смрадных полужидких полос. Сначала разобрались, кто чем разжился у этих мерзких тварей.

Сплавом анамаргопратексина старый Елас отремонтировал крышу хлева; из шкуры альдолихо, дубленой домашним способом, у Франека вышло восемнадцать пар крепких подметок; телепата универсального

межпланетного словокоммуникатора Юзек Гусковьяк скормил свиньям; из ультрапепетронного двигателя астромата Ендрек Барчох сделал перегонный аппарат.

Только Анка, сестра Юзека, склеившая яичным белком разбитую голову куклы, осталась ни с чем. Она отнесла куклу в местечко возле леса, всего в двух километрах от деревни. В большом бревенчатом доме помещалась закладная лавка, единственная на всю округу.

Анка запросила за куклу три тысячи злотых, но продавец лавки не согласился на эту цену – третица на голове была видна.

Рассказывая об этом, Анка визжала, кричала, размахивала кулаками, призывала Юзека отомстить за ее унижение, за напрасно потраченный труд по ремонту куклы. Мужики без лишних слов двинулись к местечку. В толпе были и Франек Елас, и Франек Пайдурак, и Юзек Гусковьяк, и Ендрек Барчох, и еще много других, защищенных парами этилового спирта. Всю группу возглавляла Анка, сестра Юзека, который шел по синусоидальной кривой и кричал:

«А, мать вашу сучью, дышлом крещенную...»

Вдохновенные возгласом Юзека, мужики по дороге выламывали из плетней жерди и колья, тащили со дворов вилы и топоры и, выкрикивая «Пся крев!», продолжали путь.

Шли зигзагами, спотыкались, падали, ползли на четвереньках, но упорно приближались к местечку. Из первых же утлых хижин они выгоняли таких же двуногих, как они сами, но те не шатались, не падали, а стояли прямо, немного сутулясь.

Негтракс и Певдрак спрятались в ближнем лесу и ничего не понимали. Они видели, как обитатели планеты подошли к закладной лавке. Певдрак мгновенно подсчитал, что количество изгнанных из жилищ перевалило за тысячу. Франек и Анкин брат Юзек разгорячились до крайности. Они вытащили из лавки старого тощего поселенца и начали бить его жердями, потом они разграбили закладную лавку, с ожесточением деля между собой старинные вещи и одежду. Заведясь еще сильнее, они загнали в избу всю толпу обитателей местечка, подгоняя их жердями и вилами. Потом заколотили окна нестругаными досками, подперли единственную дверь кольями, облили бревна, запаклеванные высохшим мхом, горючим углеводородным раствором, пахнущим ракетным топливом их астромата, и подожгли лавку. Треск пожара и восторженные крики обитателей Мычисек не заглушали страшных звуков, несущихся из охваченного пламенем сооружения.

Кибернетик Негтракс связался телепатически с межпространственным супермозгом на Альдебаране. Связь была слабой, но кибернетик понял, что на Альдебаране готовится великое вторжение на эту планету – в расчете на то, что там есть разумная

цивилизация, и, самое главное, для спасения альдебаранцев-разведчиков. Кибернетик передал информацию Певдраку, они долго говорили на своем странном лягушачьем языке, потом Негтракс вернулся на связь и передал межпространственному мозгу: «На этой планете нет разумной цивилизации, это садистоидальная система, которая удовлетворяет свои инстинкты, истязая себе подобных. Отмените великое вторжение». – «А как же вы?» – запросили с Альдебарана. – «Прощайте. После того что мы здесь видели, наше существование не имеет смысла. Мы аннигилируемся»

Сентябрь 2015

Юрий Магаршак -

почетный профессор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН). Окончил кафедру теоретической физики Ленинградского университета. Автор более ста научных работ, около двухсот научно-популярных статей и нескольких сот публикаций в журналах, газетах и интернет-сайтах. Автор романов, повестей, новелл, памфлетов, фельетонов, юморесок, сказок, мюзиклов и пьес. Президент Международного комитета интеллектуального сотрудничества. Главный редактор *Newconcepts Journal*.

*Театральная федерация Путина - наследница сталинских театральных процессов**

Федерация Путина превращена в пьесу, которой манипулирует Президент. В театр, в котором автором пьесы и постановщиком является Глава Государства. Все остальные граждане - либо персонажи, которым поручено играть роли, либо зрители, которым дозволяется сидеть молча (большинство населения), аплодировать (организуемые властью митинги в поддержку самой себя; сцена Государственной Думы с якобы «оппозицией»; прокуратура, которая обвиняет кого прикажут; суды, которые принимают решения, продиктованные Постановщиком и его Вертикалью; многочисленные телевизионные политические литургии) и даже позволено улюлюкать (митинги оппозиции, Валерия Новодворская, телеканал «Дождь» и радиостанция «Эхо Москвы»). Стирается различие между зрительным залом и сценой, персонажем и человеком.

Основателем и создателем социальной системы *театрализма* (не социализма, капитализма, «прихвативизма» или феодализма, а театрализма, то есть превращения происходящего на политической сцене жизни миллионов людей в пьесу, которую пишет Властитель и ставит Властитель) был Сталин. Судебные процессы над «врагами народа» были не вершиной айсберга, а всего лишь чуточку видимым проявлением того, что происходящее - театральная постановка. Все обвиняемые сознавались в содеянном, которого не совершали! Да так естественно, что не только Запад, но и присутствовавший на Втором Московском процессе

* Опубликовано на «Эхе Москвы» 15 августа 2013 года.

«Параллельного антисоветского троцкистского центра» Леон Фейхтвангер, проницательнейший писатель и драматург, понимавший, что то, что перед ним разворачивается, возможно, является театральной инсценировкой, писал: *«Людей, стоявших перед судом, ни в коем случае нельзя было считать замученными, отчаявшимися существами. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты... По общему виду это походило больше на дискуссию... которую ведут в тоне беседы образованные люди. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал спортивным, интересом выяснить с максимальной степенью точности все происшедшее. Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет, немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности...»*, то есть он был обманут мастерством постановщика.

Из всего человечества один только Лев Троцкий отчетливо понимал, что перед миром разыгрывается кровавый спектакль: детально анализировал нестыковки, пытался хотя бы немного открыть человечеству глаза и хоть немножечко пробудить от гипноза. Остальному же человечеству, впадающему в коллективное ослепление так же охотно, как в коллективные прозрения, для понимания того, что Сталин – не только кровавый тиран, но и гениальный автор и одновременно постановщик пьесы под названием «Советская жизнь», в которой люди не более чем персонажи (котрые обвиняют, восхваляют, убивают и умирают, не отклоняясь ни на йоту от написанного сценария), а процессы над «врагами народа» – фарс (один из самых веселых театральных жанров – театральных, подчеркиваю), понадобился 20-й съезд КПСС, то есть десятки лет.

Происходящее в России сегодня является театральными постановками, которые ставит Путин. «Позвонковое право» – театрализация Правосудия. Прокуратура, полиция и следственный комитет, выполняющие задания Власти (кого арестовывать, кого миловать, кого отпускать, кому взломать двери, кем заняться, кого охранять, а кого отдубасить, кого не заметить или же обелить), – ведомства опереточные. Телевидение, на котором занятия политическим гипнотизмом чередуются с голосистыми подтанцовывающими красотками, – «Мюзик-холл Зомби». Присвоение фаворитами Постановщика общественной собственности происходит в два этапа: сначала сами себе дарят муниципальный дворец (или завод, или имение, или нефтегазовую компанию, или квартиру стоимостью не меньше миллиона евро – в «дворительное управление» или в «служебное помещение»), а потом приватизируют подаренное самим же себе «в соответствии с законом о приватизации» – бурлеск жульничества с участием законодательной и исполнительной ветвей власти в качестве лицедеев. То, что депутаты от разных якобы оппозиционных

партий выполняют задания Власти (о чем говорится во всеуслышание), означает, что Дума – подмости, на которых разыгрывается хеппининг якобы законодательной власти. То, что запевалой Думы является лучший остроумец страны шоумен Жириновский, не случайно, а закономерно: а как же еще в театре-то может и быть?

«*Весь мир – театр...*» Эти слова Шекспира все знают. Но они диаметрально меняют смысл, если их процитировать не полностью, так что можно подумать, что Сталин-Андропов-Путин являются исполнителями «Божественного предназначения». «*Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы. И каждый не одну играет роль*», – вот что сказал Шекспир. То есть у пьесы под названием «Человечество» и соавтором, и сопостановщиком, и соперсонажем является каждый человек. Так же, как в «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака. В отличие от театра Сталина-Андропова-Путина, в котором и автор, и постановщик один.

В реальности, в которой все российские граждане – персонажи комедии, описание происходящего день за днем (которое замечательно делает «Эхо Москвы» и другие демократические издания) и даже самые обличающие власть филиппики относительно той или иной мизансцены спектакля Власти не нарушают его хода. В спектакле, в котором режиссер и автор Путин, непримиримая критика с демонстрациями на Болотной является частью фабулы: без них пьеса стала бы пресной и неинтересной для ее автора. Без осмысления скрытых пружин того, что происходит на сцене российской жизни, даже самые желчные критики власти останутся персонажами спектакля, который пишет и режиссирует ВВП, – спектакль продолжит идти своим чередом, как корабль, сами понимаете, дураков (в которых поневоле превращаются даже самые умные) – плыть. Куда ж НАМ плыть? Об этом даже кормчий, для которого процесс режиссирования неизмеримо важнее не только конечной цели, но даже направления плавания, не помышляет.

Осмысление происходящего (включая историческую ретроспективу) является необходимым условием освобождения граждан России от пребывания в состоянии персонажей. Чтобы из играющих написанные для них роли хотя бы попытаться превратиться в людей.

По новым правилам (которые продиктованы средствам массовой информации, включая «Эхо Москвы», после Второго Пришествия Путина), осмысливать разрешается только происходящее в данной сцене спектакля, то есть сегодня. ПРОСТРАНСТВО ОТ ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ – ВРЕМЕНИ ПУТИНА ПРИКАЗАНО ОТДЕЛИТЬ. Все, что происходило до разыгрываемой правительством в данный момент мизансцены, августейше приказано считать «историей», а стало быть, не относящимся ни к общественно-политической жизни, ни к общественно-политическим сайтам («Эху Москвы» как самому популярному, в

первую очередь), и обсуждаться ОБЯЗАНО только на сайтах, посвященных Истории (так же, как в бытность Андропова разрешалось осмысливать ужасающее происходящее в курилках и в кухнях – но не там, где должно обсуждаться: на митингах, в гостиных, по телевидению...). То есть умозрительно, теоретически, исторически, как якобы не имеющее отношения к тому, что происходит в данный момент, – «исторически» и «научно», а не как часть вопиющего сущего. Это является требованием сценария, который, забавляясь, как король в драме Гюго «Король забавляется», диктует все тот же Автор.

Отрыв времени от пространства в мире пространства-времени (трех измерений и времени) хуже, чем даже нонсенс: это насилие над Природой, Вселенной и Жизнью в ней. Объявление исторического анализа (каковым объявляется все, что власть совершала ранее, чем сегодня) не имеющим отношения к общественной жизни является принудительной амнезией, одной из страшнейших болезней мозга, заражение которой общества Власть стала считать панацеей для сохранения своей власти. А это более чем абсурд, чем цинизм, жульничество и даже чем ложь: это принудительная эвтаназия государства.

Историческая ретроспектива является не наукой историей, а неотъемлемой частью жизни. Потому что жизнь, в которой отсутствует время, – смерть.

Федерация Путина превращена в спектакль, которым манипулирует Президент. Россия превращена в театр, в котором и автором пьесы, и ее постановщиком является Глава Государства. Это надо отчетливо понимать. И осмысливать, не отрывая пространство от времени, а содержание пьесы – от происходящего в данный момент. Отрыв превращает жизнь в похороны, общество – в труп, осмысление – в путешествие в шорах, а человеческую трагедию – в забавные мизансцены.

Послесловие

Прошло совсем немного времени с момента написания и обнародования на «Эхе Москвы» статьи «Театральная федерация Путина – наследница сталинских театральных процессов», а ее приходится воспринимать как пророчество. Скандёж болельщиков «Россия, вперед!» на следующий же день после театрализованного закрытия Сочинской Олимпиады распространился со спортивных арен на просторы всей России и сопредельные государства. Призыв «Россия, вперед!» стал пониматься как «Россия, вперед по карте и глобусу!». Сначала стремительно, как татарский набег, был присоединен Крым, но с имитацией демократии. (С использованием опыта Сталинских голосований в Прибалтике сразу после присоединения, когда процент голосовавших за воссоединение с СССР был еще выше, чем в присутствии вежливых человечков в российской военной форме, но без опознавательных

знаков, в Крыму в правление Путина: девяносто восемь и больше процентов при «демократическом голосовании», организованном Сталиным: так стремительно «полюбили» Советский Союз эстонцы, литовцы и латыши.) Потом Луганда, с перспективой распространения на Новороссию, и далее – куда? На Киев? На Таллин, Ригу и Вильнюс? На Варшаву, как при освобождении Польши от Гитлера? При этом в «освобождении» от Украины Луганской и Донецкой областей «вежливые человечки» перестали быть вежливыми.

Кровь полилась ручьями и реками. Напоминая театр времен Нерона. При котором, как, возможно, забыли, если кого-то убивали по ходу пьесы, то артиста на сцене убивали на самом деле. Одновременно с этим в театр был превращен весь город Рим. По приказу Нерона (полное имя которого Нерон Клавдий Цезарь Август Германик) улицы Столицы Империи начали освещать вместо факелов поджигаемыми людьми (христианами, муки и стоицизм которых немало способствовали популяризации Христианства. Так что в своем усердии искоренить христианство и садистском желании позабавиться Нерон достиг абсолютно обратного результата: поскольку мучения христиан могли наблюдать все жители Рима, сочувствие к христианам, а затем и к распространяемому ими учению, в результате чрезмерно жестоких преследований выросло, а интерес к учению Иисуса стал массовым: таков был результат чрезмерно жестокой антирекламы).

Таким образом, устраиваемый в Российской Федерации театр, в первое десятилетие 21-го века сравнительно безобидный, превратился в жестокий театр, распространенный на всю страну. Как в Третьем Риме при Сталине, а в Риме без номера, просто Риме, – при Нероне. Гибридные войны, наличие и в то же время отсутствие российских войск и вооружений в войне с Украиной, отрицание очевидного и театральные психоз, индуцируемый телевидением и перекинувшийся на миллионы российских граждан, – все это театр. Который по аналогии с учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина можно назвать театром Нерона-Сталина-Путина. Нравится это кому-либо или нет...

Колосс *

Вот Люди. Все держат друг друга.
 Всяк равенъ. Державень. И пьянь.
 А издали глянешь – по лугу,
 Ступая по соснам – сквозь вьюгу
 Неспешно бредет великан.

Лица не видать – только ноги:
 Чело в облаках он таит.
 Но каждая мышца – и ноготь! –
 Сего рукотворного бога

* Стихотворение автора.

Из сотен людей состоит.
О! Как он велик! Как шагает!
(А может, не он, а она?)
Бродить никогда не устанет!
Живет одновременно странник
Вчера – и во все времена.

Есть имя колоссу: «Россия»,
Коль герб на заплатке не врет.
В нем каждый член тела – мессия,
И каждый член члена – мессия,
И каждый член ногтя – мессия,
Влекущая
прочих
в
перед.

Дискуссия на «Эхе Москвы», возникшая после опубликования статьи «Театральная федерация Путина – наследница сталинских театральных процессов», как и большинство обсуждений после статей этого автора (до тех пор, пока в России он не превратился в персону «нон печата»), была бурной. Эту «полемику» саму по себе можно воспринимать как визитную карточку и коллективную фотографию Русского Времени эпохи правления Путина. А также как театр – если не забывать, что от трети до половины реплик подали находящиеся на работе по найму правительства тролли, то есть театральные персонажи Хешпининга Народного Ликования «РОССИЯ, ВПЕРЕД ПО ГЛОБУСУ», заказчиком и постановщиком которого является Глава Государства. Те, кто хотел бы погрузиться в человеческую комедию «Театральная Федерация» в качестве персонажей, могут отправиться на «ЭХО Москвы» по адресу: <http://echo.msk.ru/blog/ym4/1136682-echo/>.

Анна Мазурова – закончила

институт иностранных языков им. Мориса Тореза в Москве. В 1989 г. опубликовала словарь молодежного сленга, один из первых опытов такого рода в России. С 1991 г. живет в Нью-Джерси, работает переводчиком-синхронистом. Прозаик: рассказы печатались в журналах «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Антологии странного рассказа». В 2011 г. вошла в шорт-лист конкурса детской литературы «Книгуру». В 2014 г. вышел роман «Транскрипт». Переводы: «Морской конек» Грэма Питри,

«Хрюизмы» Мари Даррьессек, «Дикие сыщики» Роберто Боланьо.

Записная книжка

С тех пор как стал писать умозрительно, прослыл лучшим дистрибьютером в регионе, поскольку все это перестало волновать. Писал по дороге к клиенту (главное избавиться от иллюзий быстрой езды, когда текст не создается, а только подразумевается, – расплываться приходится в пробках и на светофорах, когда, взвешивая на руках ткань написанного, замечаешь: ползет во все стороны и распускается на глазах), писал, объясняясь на проходной, разматывая шарф, доставая лэптоп, писал во время презентаций, которые, по словам многих, оттого и имели коммерческий успех, что он как будто не стремился никого сагитировать, равнодушно излагал цифры и факты, поэтому клиенты ему верили, не подозревая, что на полях и между строк он вычеркивает, правит, отходит на шаг, чтобы рассмотреть текст, – эту его внимательность и серьезность ценили особо, – и возвращается к первому варианту. Выбирал всегда самый мелкий шрифт – чтобы видеть больше, чтобы реже переворачивать страницы (опасно, когда руки заняты рулем, а рот презентацией), но, главное, в чем неприятно признаться – наверняка это можно как-то короче, без рассусоливаний, скажем сразу про записную книжку, поэтому старался хотя бы визуально сократить объем.

Когда накануне обнаруживал, что сам чего-нибудь не понимает, равнодушно садился к компьютеру, листал цветные диаграммы, не пытаясь ни запомнить, ни вникнуть, тем временем писал, не прикасаясь к клавишам, осторожно проникая взглядом меж ребер таблицы, за диаграммы, поверх, по бокам – везде, где оставалось свободное пространство, которое можно заполнить буквами. И, наконец, вставал, закрывал диаграммы и больше к ним не возвращался. Но в минуту необходимости, по малейшему зову, они являлись и сами стаскивали с себя все, как женщины, которых чем меньше любишь. В машине, между рулем и грудиной, создал пространство такой безжалостной дисциплины, что никогда не опаздывал к клиенту, и это тоже нравилось. Никогда ничего не

забывал, потому что голова была занята, и в повседневном функционировании полагался не на голову, а на память пальцев, привычек, рефлексов и отправлял свои служебные обязанности так, как причесываются, чистят зубы, снимают ногу с тормоза, когда меняется свет, шнуруют ботинки и выключают чайник, лишь бы не сбиться с ритма. Генерировал ценные идеи, потому что никогда больше не заходил на ту часть сознания, где эти идеи произрастают, он не культивировал ее, и там, вместо огурцов и помидоров, которые принято подавать к столу в его бизнесе, росли теперь неведомые злаки, занесенные ветром. Когда регион ругали за пассивность, лень и недостаток инициативы, он вдруг открывал рот, наполняясь тишиной и довольством – вот еще десять никем не потревоженных минут, чтобы заняться делом: он не отличал своего голоса от чужих, слыша только, что кто-то выступает, освобождая его от тягостной необходимости участвовать в обсуждении объема продаж.

Ценная мысль писать без бумаги пришла в голову вовремя. Что бы ему посоветовал какой-нибудь умный человек, какой-нибудь Леша? Он сказал бы: не тушуйся, пиши – эссе, анекдоты, мысли обо всем, письма к другу, ищи свои формы, рассчитанные на сорок пять минут чистого времени между самолетом и поездом. Он что, коммивояжер? Да пожалуй, что и коммивояжер, а свет с той стороны бьет по глазам, он защищает глаза рукой, но руку приходится и отрывать – далеко ли уползешь, не видя? Ползком же передвигался потому, что навстречу хлестал поток несказанного, несказуемого, и он не мог устоять на ногах, как в упор расстреливаемый из шланга. Оттуда, с той стороны, на него обрушивалась косная масса словесности, и сколько бы он ни пытался отрезать себе кусок любой произвольной величины, он влипал ногами, руками, терял равновесие, падал и плыл, захлебываясь в тошном меду. Какое дело можно обделать на коленке в таких условиях? Но он говорил себе: ничего, я сделаю, что могу. И спохватывался: ничто одушевленное не создается по частям. Может, лучше и вправду – анекдоты, эссе, афоризмы, заморить червячка, не закусить, так хотя бы занюхать, но его волокно по туннелю: туннель – узкий грот? подземный лаз? сталактиты? склизкие стены? заброшенные рельсы? – снаружи производил впечатление кокона, настолько покойного и бессобытийного, что в миру его, умиляясь, называли куколкой. Знали бы, что творится внутри этой куколочки, с каким тупым, полураздавленным упорством, без глаз, без ушей, без ног, без рук, в нем движется незаморенный червячок. Несказуемое, тогда какое? Подлежащее ему, как камень под животом, и там, дальше, под камнем, подземных гадов ход, чьи вибрации он, животом сквозь камень, ощущает. Не сказуемое и даже не подлежащее, какое утешение в том, что туннель кончается парой крыльев, – все, что можно сделать, можно сделать только здесь, и камень у него под животом – единственная реальность, с которой он когда-либо соприкоснется.

Вернувшись с полевых работ, уселся за письменный стол заполнять бумаги, и тут же на этот стол плюхнулся задом Костя, совсем еще молодой человек на испытательном сроке, из тех, что садятся в самолет, а выходят из поезда, и – прищурился, соображая, пока Костя рассказывал анекдот про Австралию – да, вот как: Костя снимает комнату в квартире с коридором, оклеенным под кирпич. Дверь в Костину комнату тоже оклеена под кирпич, совершенно сливаясь со стеной. У двери нет ручки, и, не зная наверняка, можно пройти коридор пять раз и не заметить ни двери, ни комнаты. Костя любит пугать этим девушек. Ведет их в кухню и ставит чайник: сейчас мы попьем чаю, и я тебя провожу, только свитер надену. Уходит надевать свитер, а девушка сидит и ждет. Потом ей надоедает, она отправляется за Костей, но там, где только что была комната, оказывается гладкая стена, оклеенная под кирпич. Девушки вообще народ невнимательный, и ей проще поверить, что лифчик она обронила где-нибудь в метро, тем более что это за ней водится. И что Костя, его содрогания на распоротом спальнике и квартира в переулках – все это ей только пригрезилось. Что водится за ними тоже. Девушка уходит. Костя свободен.

Костя все балакал и страшно мешал сосредоточиться на отчете. Невероятно, что кто-то помнит такое количество анекдотов. Успел даже сварить себе в микроволновке супу из пакетика. Из мести чуть не рассказал Косте его будущее – не снимай ты себе на вокзалах девушек, даже очень чистеньких. Одна из них будет не в себе – а точнее, чересчур в себе, – будет искать комнату, метаться по квартире и выйдет в окно. Придется тебе, Костя, жениться на этой девушке, а это, знаешь ли, страшно... Воодушевляясь – а не рассказать ли, действительно, Косте, как все будет? Царский подарок! Однажды придет домой и сам не сможет найти своей комнаты. Обшарит стену вдоль и поперек, ищагает пальцами, как бабушка, надумавшая шить занавески, будет бегать от угла к углу, как пес, – напрасно! Вот комната семейной пары, сильно стебанутой семейной пары, которая тоже там живет, вот вешалка, вот сортир – а Костиной комнаты нет! Смертельно обидится: все это не что иное, как шутка его сожителей. Поражает мысль, что если прямо спросить кого-нибудь из них, чем он их так достал, они искренне удивятся. Скажут, что у него параноя, что никто не хотел его выжить. Но после случая с девушкой, сами того не зная, желают избавиться от Кости и вот проговорились шуткой. Посидит в кухне, подождет. Правда, вход в комнату могла замуровать и старушка, хозяйка квартиры. Они безнадежно ей задолжали. Может быть, это предупреждение. Но невозможно себе представить, чтобы старушка так удачно выгадала момент, привела мастера, да еще заплатила ему – не сама же она замазывала дверь цементом. И зачем? Чтобы поразить их воображение сходством мести с любой произвольно выбранной цитатой из тех книжек, что валяются у них в сортире на полу? Нет, это работа товарищей, больше некому, и теперь он, как дурак, должен сидеть в кухне и ждать их прихода, чтобы впустили в

свою же комнату.

Ладно, не буду я ничего рассказывать, пусть живет. Разберется. Что у него в этой комнате? Консервная банка с бычками? Вонючий спальник? Свитер – на нем. Поднимется и уйдет, и никогда больше в эту квартиру не вернется. Вздохнул и смешал ложкой эту историю, записанную на поверхности супа, начал есть. Вдогонку буквам, оседающим на дно, только и успел подумать: имя ему смени! Однажды писал рассказ про человека по имени Глеб и, увлекшись, немного шептал. Дочь, тогда лет семи, остановилась и прислушалась, спросила: «Ты действительно думаешь, что Глеб – идиот?»; поначалу не понял, но постепенно припомнил, что у него есть племянник Глеб, ее двоюродный брат, мальчик пяти лет, содрогнулся и ответил: «Нет, это другой Глеб, взрослый». «Я его знаю?» – упорствовала дочь, непрощающим взглядом уставившись в лицо; ему стало неудобно: кто бы ни был тот Глеб, не пристало называть его идиотом, какой пример он подает дочери; он сказал ей: «Иди-иди, поиграй там во что-нибудь», но сам остался сидеть, пораженный стыдом: почему он такой злой? После длительного пребывания в местах большого скопления людей тяготел к сатире, сатиру ненавидя, – как раз, зайдя в туалет, прочитал объявление: «Уважаемые пользователи санузла! Уважайте себя и своих коллег. Хотелось бы, чтобы в нашем туалете было чисто и опрятно, как в недавнем прошлом».

Вернулся. Зашла тетка-художница, занесла новые визитные карточки. Эти ребра таблиц, между которыми он пишет, – тоже ее ребра, она мастер на все руки, или, как сама об этом говорит, волка ноги кормят. Объявление-то, не ее ли работы? Представил себе ее чистое, опрятное прошлое – спущено и протерто, только запах выдает. Действительно, злой. Беда с этой сатирой. Невозможно писать иначе, чем анонимку: штампами, вырезанными из газет, объявлениями со стены сортира, – любой коллаж, лишь бы не выдать себя почерком. Надо отчет писать, но невольно следил за ней взглядом. Живет с человеком, которого ни разу в глаза не видела. Сначала сгоряча не рассмотрела, а теперь уже и не рассмотрит – то поздно приходит он, то она, заползают в постель, когда уже темно, по утрам на постели кокон – вроде бы там, в этом коконе, что-то есть, а там черт его знает. Догадываться о том, какой он, ее муж, можно только по Васе – на нее Вася совсем не похож, значит, в отца. Ладно, хватит, так я никогда отсюда не уйду. И чуть не застонал, вспомнив – надо же еще встретиться с мальчиком из другого офиса, он должен бумаги подвезти!

Сделав все звонки, начал собираться. Не совсем украдкой, но с осторожностью, чтобы не перехватили; но вроде бы все в порядке, никто его не видел, разве что одна бледная, анемичная девушка, имени которой не знал, но однажды подвез до дому и понял, что готов жизнь за нее отдать. Назовем ее Метафора. Однако пришел в себя. Забавно, когда говорят «пришел в себя», – ведь это означает ровно обратное: вышел из себя, запер дверь и начал движение

навстречу остальным, обернулся... Ведь не то страшно, что вернешься и застанешь застолье семерых злейших бесов, – страшно вернуться и вообще не обнаружить дома на прежнем месте и не узнать местности. Каждый раз, разложившись – обрезки цветной бумаги, нитки, в иголку уже запроваленные, клей (канцелярский, а надо бы столярный), затвердевшие кисточки, – все это выглядело скорее как сапожная мастерская, чем как письменный стол (как мы уже договорились, умозрительный), потому что никак не удастся писать по прямой, в выбранном порядке – хронологическом, сюжетном – и дело, казалось бы совершенно чистое, опрятное (белая бумага, карандаш), превращалось у него в свинство: тут подклеить, там замазать, здесь перешить, и концы вечно не сходились с концами. Но, главное, каждый раз, разложившись, в тоске ужасной знал, что сейчас отзовут, и когда снова появится возможность вернуться к рукоделью, лоскутки разлетятся по полу, клей подсохнет (забыл крышечку завинтить), и все драгоценное время уйдет на поиски иголки в стоге сена, с такими вещами не шутят, вопьется в зад, побежит по венам, долбанет клювом в сердце, и придет кто-нибудь уже посторонний и выметет несостоявшуюся аппликацию веником. Сейчас, например, больше всего мучило то, что если Додик перепишет код в записной книжке, то как Боб откроет ее на следующий день, чтобы третье лицо внесло туда номер банковского счета? Проблема решения не имела. Самое обидное: имела решение, но где-то в тех областях, где я могу сесть и заткнуть уши, – непозволительная роскошь. Так что лучше смирюсь, пусть останется проблема, не имеющая решения, ты лучше следи за собой – клади все на место и имей терпение. На что он, в конце концов, жалуется? Стыдно капризничать, как первокласснику на уроке труда: не хочу стежки, хочу платье! Не хочу галочки, хочу скворечник! Надо же набивать руку. Как там говорилось? Чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать.

А тут еще Боб вернулся и позвал всех в гости. Как это будет? Бобсик, старый, желтый, больной, откопал на какой-то помойке Веру (Вера, – говорил Леха, – нужна нам для игры). Она лежит у него на плечах, как драная горжетка, и мурлычет от удовольствия. Боб ничего не видит, не замечает: потянул в рассеянности за хвост – ба! Вера! – стряхнул пыль, пудру, клопиный порошок, накиннул, так и пошел (о чем он теперь думает? тогда, помнится, изобретал схемы, как денег наворовать). Дома, глядь – что за дрянь? ну ладно, пусть лежит. Она, кажется, и живет у него. Страшно подумать, он вернулся и снял ту же квартиру. Чуть не спросил: «Ну как, наворовал?». Это было бы жестоко – достаточно одного взгляда вокруг. Боб тоже кое-чего не спросил, хотя примеривался; и не было бы Додика, ностальгировали бы о Додике как о покойнике, за отсутствием общих тем – как он нажирался и блевал, – это благодарная тема, легкая, но живописная. Но поскольку Додик там был – более того, нажрался и блевал, будто не было всех этих лет, –

других общих воспоминаний не оказалось. Да, не спросил... Неужели то, что он так и не написал ни строки, видно в его лице так же отчетливо, как нищета в квартире у Бобсика?

Только Додик остался молодцом – нажрался и приставал к Вере, до ее наружности ему было не больше дела, чем если бы он был кошкой, которой Вера вынесла на лестницу остатки консервов. За столом шумел больше всех, блевать же ушел тихо, без помпы – по тому только и догадались, как он долго сидел в ванной и под конец попросил «полотенчико»... А Леша просто не пришел.

Мальчик из офиса стоял на перекрестке как штук. Обязательный мальчик. Даже странно. Впрочем... Могу попробовать так: часы на руке у мальчика идут в другую сторону. Не стоят, не спешат, не отстают – просто идут в другую сторону. Понесет в починку, починки хватит до ближайшего угла, а там все по-старому. Поначалу не верили, смеялись – посмотрев, разводили руками. Постепенно он так привык, что, глядя на нормальные часы, с ходу не может сообразить, сколько времени. Ему надо представить их зеркальное отражение. Но справляется прекрасно. Когда ему говорят: «Давай-ка мухой! Чтоб не позже, чем через час!», неважно, в какую сторону движутся стрелки, – через полный оборот он стоит в назначенном месте. Но вот беда: этим пользуются, чтоб его кинуть. Говорят: за тобой заходили, тебя не было, это ты, наверное, по своим часам был дома в девять. И круче: как это ты берешь по двадцать, когда вчера в семь договаривались по двадцать пять? Смеются в лицо. Дошло до того, что из всех своих сожителей он единственный платит за квартиру, потому что последнее число месяца наступает у него одного (не Костя же будет за нее, за эту квартиру, платить!). Иногда всерьез задумывается, не сменить ли тайком от всех часы, представляя себе их рожи, когда в ответ на очередное кидалово сунет им под нос циферблат – такой же, как у всех. Но и страшновато: сможет ли приспособиться?

Забирая бумаги, благодарил с особой сердечностью – жалел.

И уже на последнем перегоне домой писал за рулем Лешин текст: вообрази, мне нельзя – ведь обернувшись, превращу все это в камень, в соляной столб. Я теперь хожу только по прямой: по проспектам, по шоссе, когда на даче – то по бетонке. Если б он хотел, чтоб я к нему приехал, снял бы квартиру в другом районе. Переулки иносказаний больше не для меня, причем забочусь не о себе, а о них. Глухая стена, слепое оконце, одноногое дерево, парализованные качели – я слишком долго прожил среди этого сброда городских оборотней, подвижных, как ударение в русском языке. А ну как возьму и обернусь? И каждый навеки замрет тем, чем промышляет при лунном свете? Привыкли, избаловались – там стена прошьмгнет кошкой, тут проходной двор разомкнет уста, и мусорный бак вывозить не надо, само разбредется по свету на поиски состояния. А возьму и всех заморожу! Ни пройти, ни проехать, сам же Бобсик горько пожалеет, когда пойдет позвонить на угол, – вернется дня через три, и на месте, где у него была арка,

упрется в глухую стену (слепое оконце, одноногое дерево, парализованные качели). Я это чувство отлично знаю, сам там был – а у меня, между прочим, внутри оставалась любимая женщина и масса проектов, причем я уже серьезно продвинулся. И все пропало. Так что сам понимаешь. Взглядом могу вырубать леса. Вырубать леса и обкрадывать люльки – там у Бобсика не ремонт? А то, представляешь, придут с утра маляры – ни лесов, ни краски...

Оставалось признать, что Леша кругом прав. Начиная с того, что Бобсик снял старую квартиру и разыскал старую Веру (чего он хочет? что пыгается повторить? даже жаль, что Леха играет в благородство – надо было прийти и все разрушить), и кончая тем, что времени жизни осталось в лучшем случае на самый прямой путь из пункта А в пункт Б, и нельзя, оторвавшись от повествования, гнаться за каждой Метафорой, польстившись на смазливое личико: «Девушка-девушка, можно я вас провожу?». А у нее дома грязь, нищета и брат – алкоголик. Ну и что? Ничего, привык, втянулся. С шурином в отличных отношениях. Забыл даже, куда шел... Руку надо набивать, руку, китайскую каратистскую мозоль – и доску пополам, но, кажется, я опять опережаю события: прежде чем пополам, она должна сошлифоваться в полированную щепку, которую можно носить в кармане; ничто не сравнится с прелестью музыкального инструмента, который можно носить в кармане, пусть в нем всего три ноты. Главное – не унывать. А девушку я подселю к Косте, к мальчику с часами, там как раз вакантное место – в окне.

А меня теперь и семейная жизнь устраивает. Раньше протекала в ежеминутном ожидании оплошности со стороны тюремщика: оброненная спичка, не востребованная ложка, щель в стене, отстающий камень – свободен! Уйдут же они куда-нибудь! Он старался сделаться маленьким и незаметным или вовремя пожаловаться, что болит голова, и когда закрывалась дверь, трепеща бросался к столу и обнаруживал, что все забыл и что у него действительно болит голова. Что он патологически не может сосредоточиться. Что единственное чувство, владеющее им, – это страх поимки, как будто он долго бежал и к их возвращению едва успевал отдышаться. Все это было давно, еще когда он зависел от блокнотов или от клавиш, как последний наркоман. Когда пристраивался писать в самых непристойных позах, в очереди или в гриппу. «Почему ты такой злой?» И что он скажет? Что она позвала его пылесосить на грани найденного слова, и он не удержался, соскользнул в бездну? По вечерам ели и пили, ворковали и ссорились, и в пылу любой ссоры и страсти выжидал только одного: пока все уснут – как в некоторых щекотливых ситуациях юности, когда интим приходилось осуществлять в помещении, полном посторонних людей. И вот, когда уже практически дождался, жена со скучающим видом, с зевком, раздирающим рот, говорила: «Ну что, ты спать сегодня собираешься?». А его трясло весь вечер, и он готов был вцепиться ей в волосы и шмякнуть башкой об стену, но

так нельзя, а надо по-умному. Потому что если заявить: «Нет, я еще немножко посижу», она может вздохнуть и сказать: «Ну давай посидим», а если с вызовом: «Да не хочу я спать! Что ты ко мне пристала?» – то может взъяриться: «А завтра у тебя весь день будет голова болеть, ни бачок починить, ни за картошкой?». Слабый вообще агрессивен; сделавшись воином абсолютно неуязвимым, – бачок так бачок, – он стал благосклонно взирать на домашних.

И снова принялся за работу, пропальвая текст от игры слов (он ненавидел эту игру слов и себя в ней ненавидел, как похотливого гамадрила, играющего со своими гениталиями на глазах у детей, и ни одна зоопарковая сволочь не догадается его унять), высвобождая прямой, как стрела, путь из пункта А в пункт Б – вдруг получится? Но с досадой, как вспоминают, что записался на прием к зубному, что мальчик ушел с перекрестка, а он не проверил конверт, что гости в эту самую минуту уже бьются у двери в подъезд, не в силах разгадать код, – вспоминал, что завтра умирать и что кроме того, что получилось, уже ничего и не получится. У них все всегда получается, как из пятнышка на зародыше глаз. А если не глаз? А если не глаз! Бывают же такие случаи. Был зародыш, все вроде нормально, ну пятнышко ультразвук показал, мало ли пятнышко – глаз! А потом родился – и бац! Трисома-18. Им легко рассуждать. Сидят за столом и рассуждают, не справившись со своей задачей, даже не пытаясь, – код им подсказала жена, вот так всегда, никто не смотрит, что честно, что нечестно: открыли дверь да вошли, и, судя по теме разговора – вероятность случайного образования органической клетки – сидят уже давно, напились, наелись – равняется вероятности того, что обезьяна пятьсот раз подряд без единой ошибки перепишет Библию. Вот-вот, – поспешно стаскивая ботинки под недовольным взглядом жены (что я обещал? соль? майонез? водку?), – у меня нет шансов: во-первых, надо уметь; во-вторых, отсутствие питательной среды, я не могу размножаться прямо тут, при гостях, – и, весело подняв рюмку, принялся увлеченно талдычить про органическую клетку и жизнь неживотную, хотя прекрасно знал, что врет, и в жизни не испытывал ничего более животного, ничего более из области живота и тупой природы, которую никакими аргументами не проймешь. Рационально, если встречаться с Костей, то за водкой уже не успеть, смотрю на часы и вижу – не успеваю. Если рационально, то надо выбирать: либо каторга, импотенция, насмешки окружающих, либо сидеть тут за столом со всеми, и на первый взгляд это нежелание страдать может показаться эгоизмом, но на поверку – нехватка времени, я не могу разорваться, и умирать молодым не хочу не по капризу (мне лично все равно и даже проще), а по соображениям порядочности: я как мальчик с часами, никогда никого не подвожу, и о полном унынии можно только мечтать, оно избавляет. И, стало быть, не дождешься – природа не допускает уныния, уныние дает только разум, ползти же на свет – дело не разума, а живота, как было сказано выше, чище, раньше,

еще когда утром нырнул, идиот, в туннель, а там авария – ехал бы поверху, сэкономил бы минут двадцать, успел бы за водкой, жена не смотрела бы волком.

Когда пиршество перешло в заключительную фазу и остался лишь стол, заваленный объедками, и три-четыре лица, шатающихся на распяленных локтях – неужели я когда-нибудь останусь один? – понял, что никогда не останется один, как сапожник, ставящий набойки в подвале. В подвальном окошке не переставая мелькают и шаркают ноги, я вижу в людях лишь то, в чем разбираюсь – каблуки, подметки, – и хотел бы видеть реже, но это бойкое место, они все идут и идут. Я сплю под шарканье ног, ем под шарканье ног, шью и клею под шарканье ног, и никто не смог бы упрекнуть меня в одиночестве. Дочери этого ассирийца Бори, унаследовавшие Борины богатства, решили: достаточно! хватит! – вынули его в один прекрасный день из подвала и отвезли к морю; но и у моря бедный сапожник продолжал видеть и слышать движение ног, а вы говорите – нет среды! Коллективный подряд: спешно обучив держать в руке карандаш, миллион обезьян посадили переписывать Библию, и каждый раз, когда лотерейный шар плюхается в лузу, обезьяна вздрагивает и смотрит в рукопись, не совпал ли номер, – и в этом великом множестве соседей по переписке нету среды?!

Когда – невероятно! – но все ушли ... Нет, вот этот будет спать на твоём диване, да приди ж ты в себя! возьми постель! – он послушно взял, как Лазарь, несчастный зомби, шел, прижимая к груди, рассмотрел – не постель, а шкурка тела, которую предстояло еще натянуть на ходу, как водолазный костюм, торопясь, стесняясь, не попадая ногой в штанину, но по свистку последней молнии (о боже! сколько же их здесь!) стоит навтыжку, живой и собранный, готовый к погружению, а за спиной, в тумане, выпавшем, как пот, растворяется дом ассирийца Бори. Хорошо бы получить поручение, ни к чему не обязывающее – подмести, перемыть посуду, – хотел дописать дочерей в идентичных цветастых платьях и золотых сережках, ассирийские матрешки от сорока до двух лет, но, видимо, до другого раза – тот, на диване, хотел общаться, и это еще при том, что я не успел докупить водки.

Хорошо же! Слушай! Был один политзаключенный – кажется, китаец – пианист, и вот однажды о нем вспомнили и затребовали на международный конкурс, скорее в политическую пику, чем по музыкальным каким-нибудь причинам. Пианиста приходилось предъявить, и вот, спустя годы, его вывели из камеры и повезли на конкурс. По всем расчетам он должен был ударить в грязь лицом, мордой о клавиши: столько лет лишенный инструмента, он должен был предстать перед музыкальной общественностью во всей своей красе – плохой гражданин и плохой пианист. Было б о чем хлопотать. Вся щекотливая ситуация могла еще обернуться поучительно: обратите внимание, господа, сомнение и измена разъедают не только душу, они впиваются в лучезапястный сустав и высасывают из него талант, как костный мозг. Однако китаец сел к

роялю и сыграл. Оказалось, что в тюрьме он добыл доску и ежедневно упражнялся на воображаемых клавишах. Со временем эта доска должна была стесаться в полированную щепку, которую можно носить в кармане. Понимаешь ли, как здорово – всегда иметь инструмент при себе?! Теперь было безопасно обращаться к гостю любые, самые патетические вопросы – пьяный додик давно заснул на диване, на моем диване, выговоренном вместо супружеского, двуспального ложа за то, что я храплю. Маленькие победы! Вот этот диван (продуктивней всего я пишу во сне) или то, что, выползши из туннеля и будучи призван к ответу, я не растеряюсь, а встану на задние лапы и станцую собачий вальс. Ты скажешь, фигня, но мне достаточно – тоже музыка.

– Ты спать сегодня собираешься?

– Я еще чуть-чуть посижу.

И ушел на кухню. Закурил сигарету. Припомнил, на чем остановился. Боб вернулся. Первым делом получил у адвоката свою записную книжку, ту самую. В свое время он тщательно выбрал электронику, наиболее чувствительную к тембру голоса, чтобы эта книжка никогда, ни при каких обстоятельствах, ни при каких совпадениях, не открылась на пароль, произнесенный не его голосом. Да и пароля, кроме него, не знал никто. Адвокат смотрел на него с ужасом и сочувствием, как на собственное порождение, но оправдывал себя тем, что он сам не мог тогда предвидеть, насколько мелкой и жалкой, не вызвавшей самого ничтожного любопытства, окажется эта история, и, следовательно, в столь радикальной высылке Боба не будет нужды. Он искренне пытался Боба разыскать и вызвать назад, но Боб выполнял договор не просто честно, а фанатично, благодаря чему разыскать его не удалось. Поэтому сейчас адвокату было не по себе. Но чем больше он вглядывался в этого худого, желчного старика с кожей, обтягивающей череп, как барабан (а Боб ничего не замечал, увлеченный книжкой), тем меньше видел в нем хрупкого, фарфорового авантюриста с античным телом мальчика, вынимающего занозу, и с горящими, глубоко посаженными глазами другого мальчика, изгрызаемого лисенком, так что, в конце концов, перестал винить себя в чем бы то ни было. Пусть порождение, но с тех пор это порождение совершенно самостоятельно передвигалось по свету, и чем бы оно ни занималось все эти годы – резало проезжающих на большой дороге или служило библиотекарем в сельской библиотеке, – ему самому теперь платить по счетам этих подвигов, к которым он, адвокат, уже не имеет ни малейшего отношения. Так что попрощался он довольно холодно – что Боб, действительно ожесточившийся в скитаниях, приписал его нежеланию расставаться с деньгами. Денег этих адвокат не увидел бы как своих ушей, даже если бы Боб пропал навсегда, – таковы были условия контракта и технические предосторожности, принятые Бобом, – но не может быть, чтобы все эти годы адвокат не надеялся на сумасшедшую, не поддающуюся никаким предосторожностям

удачу.

Казалось глупым, уже столько вытерпев, сейчас же сесть на скамейку в сквере, произнести: «Ты мне веришь?» и открыть книжку. Это было неромантично, небезопасно, несподручно, но необходимо. Потому что он сразу, с вокзала, отправился к адвокату, он не ел, не пил, не задумывался о жилье, и способ решения этих проблем заключался теперь в книжке, которую он убрал во внутренний карман пиджака. Еще глупее было бы бежать куда-то и временно, на скорую руку, есть, пить, спать, искать какой-то угол, где он сможет надежно проделать то, что можно проделать и сейчас, сидя на скамейке в сквере, – и сразу же есть, пить и спать набело. Как белый человек. Он сел на скамейку, и ему стало страшней, чем много лет назад, когда он подписывал фальшивые документы, приготовленные адвокатом, но, как и тогда, он превозмог себя. «Доступ закрыт», – старомодным металлическим голосом объявила книжка. Еще бы! Конечно, доступ закрыт! Безусловно, было бы много удобней, если бы книжка открылась по первому зову, но – и тут вместо разочарования он испытал прилив гордости, как железобетонно он все тогда организовал, да, он мог по праву рассчитывать, что эта книжка так просто не выдаст чужих секретов, не польстится на первый попавшийся голос человека взволнованного, слегка простуженного, всю ночь не спавшего в поезде и... что еще? – небритого. Он провел рукой по щеке. Действительно, все это придется устранить, прежде чем книжка его узнает. Он попробовал еще пару раз, уже из какой-то бесшабашной веселости (успех был бы даже слегка оскорбителен), потом встал и направился к автомату. Как ни хотелось ему избежать – навсегда избежать – контактов со старыми знакомыми, надо было найти место, где он сможет привести себя в порядок.

Он стал впадать в уныние не раньше, чем через месяц. К этому времени он оценил всю непосильность задачи: потасканный, без копейки денег, кочующий от знакомых к знакомым, он должен заговорить голосом, которым говорил, когда был молод и счастлив. Счастлив? Ну, неважно, как это сформулировать, но во всяком случае, он был полон сил, энергии... Энергии? Ну что придирайтесь к словам! Какая разница, понятно же, о чем идет речь.

Он останавливался у совершенно маргинальных людей, которые почти не скрывали удивления, что он обратился именно к ним. К кому ему было идти? К Леше? Он не встречался ни с кем из старой компании. Ему претила мысль, что когда он, наконец, откроет книжку, узнает номер счета и возьмет свои деньги – действительно, без дураков, большие деньги, – ему претила мысль объясняться тогда со старыми друзьями, что же, собственно, произошло. Он ни перед кем не хотел отчитываться, особенно перед Лешей. Этим – чужим, посторонним людям – он мог ничего не объяснять, он мог сунуть им что-нибудь в зубы за постой, проявив небрежную щедрость, и навсегда забыть о том, как звонил им в дверь, жалкий, вонючий, охреневший от уличных пашлыков.

А между тем он все отчетливее понимал, что встреча с друзьями неизбежна. Кто знает, насколько старое окружение способствует восстановлению юного голоса, но, во всяком случае, этой возможностью не следует пренебрегать.

В последнее время ему вообще стало казаться, что он должен сесть и методично, минута за минутой, вспомнить день, когда его внесло в квартиру на волне счастливого возбуждения. Он нес домой только что купленную электронную книжку, чтобы записать свой голос, магический сим-сим, и почти не верил, что завтра – уже завтра! – он принесет эту книжку к адвокату, и там какой-то человек, десятое лицо от третьих лиц, вдунет в нее жизнь, сообщит драгоценную память. Правда, по условиям договора книжку надо будет тут же закрыть и – временно – оставить на хранение в адвокатской конторе, а самому – тоже временно – лечь на дно; но в том-то и дело, что тогда он ни во что это почти не верил и был свободен и счастлив (тогда – точно счастлив) сознанием, что, наконец, сделал что-то реальное; что он никогда еще не подходил так близко; что, конечно, завтра (уже завтра) все это окажется полной фигней, в лучшем случае – розыгрышем, в худшем – подставой, и из всего из этого надо будет еще выпутываться, разгребая неприятности, но ко всему этому он был готов: ничего страшного! зато он действует! он полон сил и энергии, не выгорит здесь – выгорит где-нибудь еще!

Надо было подробно вспомнить тот день – как минимум, для того, чтобы исключить фоновые шумы. Может быть, он записывал голос на кухне – льется вода из крана, шипит масло на сковородке, и, крадучись, со спины подходит Вера и говорит... Стоп! Веру сюда, Веру! Вдруг она действительно что-нибудь сказала, и голос ее, на заднем плане, нечаянно сделался неотъемлемой частью кода?!

К тому времени, как он решился добыть Веру, он вообще отрезвился и понял, что нахрапом этого дела не возьмешь. Иногда его посещали губительные мысли о том, что он напрасно прожил столько лет с уверенностью в завтрашнем дне – нет, книжка-то, конечно, рано или поздно откроется, куда она денется, и в этом смысле завтрашний день ему обеспечен, но если б он не жил так временно и так небрежно, ничего не создавая, он давно бы уже достиг цели. Когда строишь, надо строить на века, запоздало понимал он. Не из трусости и расчета, что, возможно, здесь и придется умереть, не для страховки – а вдруг ничего другого мне не дано? – нет, это низменные соображения и с ними далеко не уедешь. Строить надо на века, потому что, строя, строишь прежде всего самого себя, а он себя запустил и зиял теперь выбитыми окнами и ободранными боками, хоть возвращайся обратно в Сосновец, нанимайся назад на работу и колдуй над книжкой по ночам, не засиживаясь допоздна, чтобы не проспать: уолят.

С помощью одного из знакомых он нашел работу, препаршивейшую, но с вариантами (которыми раньше пренебрег бы, но теперь хватался за всякую попытку искусственно взбудрить и

отвлечь себя, называя это «строительством»), и наудачу отправился в ту старую квартиру, где когда-то жил – искушала неопределенная идея следственного эксперимента по месту записи голоса. Все та же старушка, ничуть не изменившаяся, жила там и с радостью, доходящей почти до слез, согласилась немедленно съехать к племяннице в пригород и сдать ему опять эту квартиру, и когда он рассмотрел квартиру получше, то понял ее радость и недоверие и слезы. Но ему это, конечно, было все равно; он не удержался и тут же, почти при хозяйке, испробовал разные места кухни с их непередаваемой коммунальной акустикой. В каждом из этих мест – у окна, у плиты, на пороге – машинка равнодушно изрекала «Доступ закрыт», но это ничего не доказывало. Он убрал книжку и окончательно сговорился с хозяйкой.

Вычистить квартиру он не смог – самое забавное, что пытался, все в тех же настроениях домостроительства. Складывалось впечатление, что все эти годы тут держали лошадей, естественные отходы со временем превращались в окаменевшие напластования, и все углы в квартире заросли так, что комнаты казались круглыми. Напластований этих он не мог ни выскрести, ни отбить, ни растворить моющими средствами. Он не смог отмыть ни раковину, ни ванну – правда, купил сиденье на унитаз. И вообще, постепенно устроился. По ночам он сидел за столом, под лампой, в свитере или майке, пил крепкий чай, в точности соответствуя и месту, и тому времени, в которое желал возвратиться голосом, и рассматривал старые фотографии. Еще он читал старые дневники. И вот тут его жертвенная готовность к терпению, самообладанию и строительству начинала сбивать. В дневниках он так раздражал себя, что иногда подскакивал к рассохшемуся зеркальному шкафу и начинал сам себе вырывать волосы (почему-то для этого ему требовалось зеркало).

Поначалу, когда он вспомнил о дневниках (это было еще когда он жил у одного из знакомых), он возликовал так неудержимо, что наговорил за ужином кучу дерзостей – в мыслях он уже стоял одной ногой в новой жизни, – и его оттуда практически выставили. Записи он вел с необыкновенной педантичностью, не пропуская почти ни дня, но что это были за записи! Вот что он записал ни много ни мало в исторический день приобретения электронной книжки: «Неизбежно, как восход солнца, хотя они потешаются, что и восхода солнца лучше все-таки ждать не на Северном полюсе. А почему? Почему? В ком сомневаются – в солнце? Или в себе?». Конечно, юношу отчасти извинял возраст, самой природой отведенный для претенциозной банальности, но распускать на бумаге сопли в такой ответственный момент!

Из дневников было невозможно установить, на что он жил, на что смотрел из окна, – только мерно, как море, дышал гормональный фон, и бились о берег однообразные, рокошующие переживания типового молодого человека, и лежал песок, как бланк, не заполненный никакой информацией. Он сам чуть не

начал вести дневник в назидание этому молодому человеку, и он вел бы его очень хорошо, не замахиваясь ни на какие северные полюса, где ни разу не был, а лучше подробно описав квартиру, в которой живет, не обойдя вниманием ни одну трещину на потолке, ни один хвост провода, свисающий на месте люстры. Отмечая, что когда подметаешь пол, от него отламываются щепки, он теперь не сказал бы «размером с байдарку», он проставил бы: 45 сантиметров длиной и 10–15 шириной. Не написал бы, что такие комнаты, в сущности, очень гуманны, так как приучают стариков к мысли о загробной жизни, а указал бы только, что в этих комнатах площадь потолка намного превышает площадь пола. Так то, что он считал несущественным задником, оказалось единственно важной деталью пьесы, а там зиял лишь нерасписанный картон, и только на переднем плане изгалялась сейчас уже никого не интересующая истеричная прима.

В дневнике важность Веры определялась умолчанием. И вот, почувствовав, что из квартиры выбран максимум информации, он решил, что пора подключать Веру. Он принес ей охапку сирени, чуть не свалив к ногам, как дрова, чтобы, освободив руки и совесть (Боб полагал, что сбежал, не объяснившись), сразу перейти к делу. Разговор не клеился. Он говорил: «А помнишь...», а Вера смотрела на него как на идиота и спрашивала, чем он занимается, где побывал, в какой связи приехал. Он понял, что напластования памяти в ней окаменели, как углы у него в доме, и это предприятие окажется таким же затяжным, как и все остальное. Но он не сдавался. Помнить о нем столько, сколько помнила Вера, не мог никто. Он догадывался, что когда-то очень ее любил. Думал ли он вернуться и составить Верино счастье? Наверное. На всякий случай, он извинился – мало ли как они расстались, но Вера и на это не обратила внимания.

Он приходил снова и снова, он поджидал ее у школы, где Вера преподавала черчение, и встречал с других многочисленных работ. «Волка ноги кормят, – говорила Вера и вела какую-то студию, делала мозаику в клубе. – К сожалению, мне не дали развернуться. Как ты понимаешь, я хотела вселенский оргазм, а получилось, как в рабочей столовой, – снопы и комбайны». Он видел эту мозаику – ни снопов, ни комбайнов, ни других опознаваемых предметов в ней не было, но что-то убогое и буквальное, действительно, сквозило. Вера не велась на воспоминания: его букетам она явно предпочитала посидеть в ресторане, и домой она хотела ехать на такси, вместо того чтобы бродить по бульварам и переулкам. Он заманил ее и в квартиру, и Вера хохотала до упаду: несмотря на всю затрапезность его одежды, на постоянное уклонение от походов в ресторан, Вера упорно продолжала считать его эксцентричным богачом, вернувшимся из заточения графом Монте-Кристо; она ходила по квартире, весело крича: «Бобсик! Вот эти стены надо снести, здесь пропадает пространство! Если б я здесь жила, я устроила бы студию... А нельзя докупить и верхний этаж?».

И все-таки, несмотря на двумерность нынешней Веры, что-то в ней начинало подаваться, приоткрываться, и иногда, бросив чай, она смотрела на него, распустив губы, и, избавляясь от наваждения, как от мухи, махала рукой: «Как странно! Ты все тот же старый романтик!»; еще же скорее – просто старая, одинокая баба, которой некуда больше податься, и они продолжали дружить, Вера иногда оставалась ночевать, хотя тут приходилось уламывать, как ни одну женщину в своей жизни он не уламывал никогда: ночевать у него она ненавидела, утверждая, что потом целый день не может избавиться от запаха подвала, но охотно забегала по дороге из студии, удивляясь, что ремонт никуда не движется. Так она и вселилась, чтоб не бегать туда-сюда за вещами, не дразнить гусей поздними вылазками, но в постель они легли много позже – Вера боялась контактов с собственным, давно позабытым телом еще больше, чем боялась Боба.

В серых предрассветных сумерках он проснулся, подбежал к окну и нетерпеливо крикнул в книжку: «Ты мне веришь?». «Я тебе верю, – сонно отозвалась она с постели. – Зачем ты вскочил?» «Доступ закрыт», – механически проговорила книжка, и он застыл у окна, как громом пораженный. Еще ни одна отвергнутая книжкой попытка не вызвала у него такого разочарования. Господи, какие надежды возлагал он на эту ночь! Только задним числом, глядя на томную, пряную массу Веры, раскинувшуюся в его постели и вызывающую одно желание – сделаться гомосексуалистом, – он понял, что, совершенно противоположное по направлению, его чувство к Вере по размерам ставки было сродни настоящей любви. У Веры не хватало одной груди.

Он подавил искушение немедленно ее выгнать. Что ж, строительства требовало и это. После той ночи Вера вздумала относиться к нему по-матерински: она кормила его, следила за его гардеробом, напоминала о домашних делах. Казалось, она совершенно забыла и о ремонте, и о том, за кого приняла его сгоряча, смирилась с его нищенскими привычками, скребла и мыла квартиру и всеми средствами и способами избегала секса, как инцеста. Однако он был непреклонен – два раза в неделю, иначе нелепое сожителство теряло смысл.

Они пригласили к себе старых друзей. Все напрасно. Вера боролась с квартирой, перевезла от себя часть мебели, он юлил и шел на компромиссы – кое-что разрешал, чтобы в нужный момент воспротивиться двуспальной кровати, его угнетало нашествие мягкой мебели, непоправимо разрушавшей оригинальную акустику. Она грустно качала головой, все чаще втягивая его в старческие разговоры о том, что с возрастом следует менять образ жизни: что молодому хорошо, то нам с тобой ... нехорошо, надо уметь меняться, нельзя же всю жизнь жить с вывернутой шеей, почему мы никогда не ходим в театр, почему не купим видео, как все люди...

– Но у нас же тогда не было видео, и ничего, как-то жили, –

упрямо говорил он, а она вздыхала и начинала по новой: что тогда – это тогда, а теперь – это теперь, что она никогда так не ощущала своего одиночества, как живя с ним.

И в один прекрасный день она все-таки притащила не видео, так телевизор, распорядившись внесшим мужикам поставить в своей комнате, и вернувшись с работы, он устроил скандал – даже под угрозой разрыва он не мог допустить телевизор, между квартирами с телевизором и квартирами без телевизора пролегает не звуковая – экзистенциальная – пропасть. Он визжал и брызгал слюной, топал ногами, она жалко оправдывалась: «Но я же в своей комнате! Ты что же, считаешь, что у меня здесь нет ничего своего?». Он так пыхтел и топал ногами, что ей показалось, что сейчас у него будет инфаркт, и она испуганно добавила: «Я не буду тебе мешать. Я буду тихонько-тихонько смотреть у себя в комнате». Это завело его еще больше, и размахивая пальцем у нее перед носом, он принялся читать оскорбительные нотации, что заботится о ее благе не меньше, чем о своем, не постеснявшись указать, что она прокакала все возможности как скульптор, и все почему? – потому же. Потому что вместо труда и медитации... труда и медитации... «Я не подписывалась жить в монастыре, – прошептала она, – и никто не давал тебе права судить. Я ухожу». Остаток вечера он проплакал на оставшейся груди, она никуда не ушла и телевизор был вынесен.

Но с тех пор что-то изменилось. Услышав знакомое слово «тогда», она не бросалась больше с умильной детской наивностью доказывать, что у природы нет плохой погоды, и у них еще чуть ли не полжизни впереди, – она смотрела на него вполоборота, молча и нехорошо ослабившись. Что-то варилось у нее в голове. Бог с ней, он сократился до одного раза в неделю и даже реже, тут уже не до жиру, а только б ноги унести.

Однажды Вера вошла в его комнату, и напомнив ему, что он обещал прибить на двери в туалет щеколду, с присущим ей теперь сарказмом отметила, что хорошо хоть квартира не коммунальная, как бывало.

– А вот я как раз думаю, – произнес он, на ходу подхватывая идею, – что нам надо кого-нибудь подселить.

Тут она просто повалилась на постель и завывала – в целом беззвучно, но с отдельными прорывающимися нотами.

– Потому что тогда кроме нас в квартире жили еще и другие люди, – уточнил он свою мысль.

– Что ты знаешь о других людях?! – зло сказала она с постели (в голосе не осталось ни слезинки). – Где вы все были, когда Додик куролесил в белой горячке? А? Я тебя спрашиваю! Я одна осталась с невменяемым Додиком на руках, я да еще та девка, не помню, как ее звали... Она везла его в диспансер, а он топал на нее ногами и кричал: «Сатана, изыди» ... Хватит. Я ухожу.

Он не обратил внимания. Подобные сцены стали нередки и не новы. А вот именно, не позвать ли Додика? Все-таки лучше, чем

совсем посторонний человек. Обдумав все, он пришел к выводу, что с Додиком легче всего сговориться, именно потому, что Додик – алкаш. Только спустя некоторое время он заметил, что она выложила на кровати лифчики (она постоянно носилась с лифчиками, покупая все новые и новые – по понятным причинам, ни один из них ее не устраивал) и рылась в книгах, нахально изымая из полки свои.

– В чем дело? – строго спросил он.

– Я не могу так жить, – сказала она и села на кровать. – С тех пор как ты снова появился в моей жизни, она превратилась в дурной сон. Мне не нужна такая любовь.

Какая любовь? – недоуменно подумал он. – Ну конечно, теперь, когда все устраивается, и Додик считай что переехал (а там пойдет и пойдет), именно сейчас эта стерва должна начать мутить воду.

– Вернешься к маме? – насмешливо сказал он и сейчас же понял, что сказал что-то не то.

Он автоматически, не думая, произнес фразу, которую всегда произносил Леша, когда между Бобом и Верой что-то не ладилось и она угрожала уйти. Эффект был всегда потрясающий. Вера плакала до икоты, заламывала руки, слабым голосом говорила: «Оставь меня», распечатывала таблетки, пила воду из стакана, сидя у окна, безучастно смотрела во двор – и оставалась. Вместо ожидаемой реакции, бурных слез и заламыванья рук она очень тихо повернула к нему голову, а тело осталось сидеть на кровати в той же позе, как каменное.

– Маму похоронили год назад. Разве ты этого не заметил?

Что-то подсказывало ему, что на этот раз она действительно уйдет. И он решился. Почему бы хоть раз не поговорить с ней, как со взрослым человеком, тем более у нее умерла мама, – на какие большие поводы для взросления может рассчитывать обыкновенный человек?

– Прости, Вера, – сказал он. – Нам надо поговорить.

Вера долго сидела молча.

– Но почему же ты не узнаешь у адвоката? Неужели не скажет? Ведь он стольким тебе обязан! – было первое, что она закричала, придя в себя.

– Адвокат не знает ни номера счета, ни кодового слова. Пойми, узнав, какой это прохода, я не мог ему доверять, – устало объяснил он и горько усмехнулся, мысленно подставив в ее фразу цифру на место невыразительного «стольким». – А вдруг он решил бы проделать со мной то же самое? Я не доехал бы и до первой станции.

– Но тот, кто открыл для тебя этот счет...

– Не знал ни меня, ни его. Я все продумал и все учел.

– Как же ты внес этот номер в записную книжку, если ты его не знаешь?

У него возникло ощущение, что он завел в доме попугая, который не способен сконструировать ни одной собственной фразы, а может только повторять то, что когда-то от него же и слышал. Ему захотелось ударить ее по голове – видали вы попугая, которому вы обязаны отвечать на свои же, заученные им, вопросы? Я НЕ ЗНАЮ ЭТОГО НОМЕРА. По нашей договоренности, номера не должны были знать ни он, ни я, это было единственное возможное решение, при котором другой мог чувствовать себя спокойно. А она причитала:

– Бедный, бедный... Ты зациклился на этой книжке. Книжка тебе ничего не даст. Надо искать другие пути, надо искать подходы – ведь счет-то есть, и ты – его законный владелец.

Безмозглый попугай. Ну что ж, пусть, ведь он сам передумал и перепробовал все эти зацепки, иначе как бы догадаться попугаю? Ничего, дай ей время, еще минут пятнадцать, и она придет к тому, что записная книжка – единственная надежда. Что их – теперь уже «их» – единственная надежда: до упора сидеть в этой квартире и с максимальным правдоподобием воплощать все, что удастся вспомнить.

Вера шла по переулку, лихорадочно соображая. Разумеется, ей легко удалось убедить Боба, что вселение Додика – мера совершенно излишняя, можно добиться того же гораздо меньшей кровью, пригласив Додика и дождавшись, пока он начнет блевать. Тогда надо будет проверить книжку на кухне, через стенку, под звуки Додикового блевания. Если Боб поразмышляет, он вспомнит, что этим акустический вклад Додика в жизнь квартиры всегда и ограничивался. Боб заявил, что это уже сделано, еще в тот раз, когда все собирались, но ему все меньше можно было доверять. Постепенно Боб начинал впадать в маразм. Из новых навязчивых идей больше всего раздражала следующая: он якобы припомнил, что число попыток в электронной книжке ограничено. С определенного предела книжка решает, что попала в чужие руки, и больше ее уже ничем не откроешь. Теперь его невозможно было заставить лишний раз опробовать голос, даже когда она пошла на большие моральные расходы, приведя с собой пару подростков из студии и невероятными ухищрениями заставив их заняться любовью в бывшей комнате Додика, чтобы этот мудака произнес пароль на фоне детских стонов и визга пружин в матрасе. Она его тогда чуть не убила.

Все больше теряя связь с окружающей действительностью, Боб лепетал про терпение, самообладание, строительство, Северный полюс, и предчувствуя неладное, она записала его голос на магнитофон, в тысяче вариантов и настроений, что тоже потребовало колоссальной изобретательности: она наврала ему про студию звукозаписи и друзей-музыкантов, которые могут намиксовать все что пожелаешь. Теперь она могла быть спокойна, что даже если он умрет, все тона и оттенки его голоса останутся при ней. Но она не была спокойна. Она не могла ни терпеть, ни ждать –

у мужчин всегда слабовато насчет биологических часов, а она думала: пока у меня руки не отсохли, это тот шанс, которого я ждала всю жизнь. Пора и удаче встать с ног на голову (или с головы на ноги?): я куплю себе дом в Италии и устрою студию, обращенную спиной на низкие, плодовые виноградники и серебряные оливковые рощи, а лицом – на холм, где Леонардо испытывал летательные аппараты с педалями для рук и ног. Педали, вроде велосипедных, приводили в движение деревянные крылья, и сколько ни крути (а крутили не на жизнь, а на смерть), слуги, впряженные в летательный аппарат и столкнутые с холма, падали на землю и разбивались. Гений Леонардо просчитывал все правильно, загвоздка же заключалась в дереве: недостаточно легкий пластмасс...

Но пора что-то делать, сегодня, сейчас, хотя голова у нее кружилась от усталости. Весь день она проторчала в клубе у Храпункова. Раньше она бы в жизни не поверила, что вслушиваться в голоса – такой тяжелый труд. Она сидела, наклонив голову, и делала вид, что читает: лучше всего было их не видеть, чтобы визуальные впечатления не смазывали голос. Она сидела, обратившись в слух, выделяя голоса из общего хора, и среди миллиона голосов искала настоящий – тот, что ушел от Боба к молодым, в новое поколение. Она ходила не только к Храпункову, но и на митинги, демонстрации, студенческие постановки, публичные чтения, дискуссии и велосипедные гонки. Разве что на оптовые рынки она не ходила, справедливо рассудив, что там человеку с голосом молодого Боба делать нечего. Распознать голос было трудно, но еще трудней была следующая фаза – уловив нечто похожее, вступить с молодым человеком в контакт, привести его на квартиру, пока нет Боба, и не акцентируя, мимоходом, попросить сказать в книжку: «Ты мне веришь?». Она не могла привыкнуть к мерзости этого занятия, и расписывая, как ей хочется слепить именно его голову, каждый раз чувствовала себя старым пердуном, который на карамельки заманивает в подвал первоклассниц. Особенно стыдно ей было, когда для виду приходилось действительно что-то лепить – она так отвыкла от этого занятия, что пассы ее не в состоянии были обмануть самого неотесанного молодого человека.

«Что же делать? Что же делать?» – твердила она про себя и нервным, взвинченным шагом мерила кухню. Боб безучастно пил чай, макая в чашку сухарь. Она резко остановилась – а что, если он прикидывается? А сам, пока я в наших общих интересах обиваю пороги сомнительных заведений, придумывает нечто гениальное и откроет книжку? И что заставит его рассказать об этом мне и отдать половину суммы? И, вспоминая, как скоропостижно он уже один раз смотался, она все больше утверждалась в своем подозрении.

– Давай поженимся, а? – вдруг сказала она.

Боб посмотрел на нее и неожиданно улыбнулся. В эту долю

секунды она узнала и вспомнила настоящего Боба – первый, единственный раз со времени возвращения.

– Верочка, – сказал Боб, – ты же знаешь, что нам нельзя.

Да, действительно. Об этом она не подумала. Всякий голос от штампа в паспорте опускается на октаву ниже. И хотя она втайне от Боба упорно разрабатывала версию молодежи, совсем сжигать мосты не хотелось – а вдруг Боб чего-нибудь добьется, вон он какой просветленный.

Она снова принялась шагать. Новая идея пришла ей в голову:

– Тогда давай сходим к нотариусу и заключим договор.

– Зачем? – спросил Боб.

Он сидел перед ней худой, беззащитный – какого подвоха можно ожидать от этого, бывшего уже, человека? Единственный подвох, который он ей готовил, это что за ним придется выносить судно. Но она уперлась – если он мог позволить себе столько ни на чем не основанных маний (и эту книжку, и банковский счет, и выдумку про ограниченное число попыток), то почему она не может себе позволить хотя бы одну, ведь она тоже не девочка!

– И запомни, Боб, я не тот адвокат, в случае чего я тебя из-под земли достану, – сказала она, выходя от нотариуса.

Боб страдал. Он привык видеть ее смешной, и она не казалась ему смешной даже тогда, когда, пустившись на старости лет во все тяжкие, приводила домой мальчиков, считая, что он ничего не замечает (полквартиры уставлено головами этих мальчиков, и остается только дивиться безграничному нарциссизму современной молодежи, готовой ублажать старух, лишь бы оставить след в искусстве). Ничего, зато она хотя бы работает – за все годы совместной жизни он не помнил такого творческого подъема. Конечно, ей теперь не до приработков, всяких там мозаик с комбайнами, а с этим новым увлечением – мальчики, ночные клубы и прочие кабаре – она и не замечает, как деньги летят. Но мы вытянем, много ли нам надо, главное – обеспеченная старость, и для этого у нас есть книжка, а пока можно перекантоваться, – это не главное. Какое там – смешной, она была собранной, целеустремленной, фантастически дисциплинированной и преданной своему делу, и по дороге из конторы ему больно было вспоминать усмешку нотариуса, когда она сказала:

– Так и печатайте: «В случае появления у одной из сторон суммы в размере...».

– Так вы и размер знаете? – издевательски спросил нотариус.

Ему она казалась смешной полоумной теткой.

Смешной полоумной теткой она показалась и Косте. В течение какого-то времени он сам подзуживал и подзадоривал ее, периодически подмигивая пробежавшему мимо Храпункову, но Храпунков не реагировал, а в какой-то момент взглянул довольно строго – впоследствии из разговора выяснилось, что тетка – его

знакомая. Вот это аляповатое панно в посткаком-то стиле (подставляй любой искусствоведческий термин или политический режим – затихающее эхо эпох, которые оказались ненужными) – дело ее рук. И в любое другое время Костя искренне и корректно сказал бы, что занят, но пусть она даст телефон, однако когда он заприметил знакомых девушек и, быстро извинившись, кинулся им наперерез и с привычно исполненной небрежностью, перемежая дело прибаутками, стал выяснять возможности вписки (а тетка безо всякого зазрения совести вслушивалась и – бывают же такие старые стервы! – время от времени удовлетворенно кивала), девушки, тоже с шутками, прибаутками и прочими проявлениями доброй воли, наотрез отказались взять его к себе, и Костя вернулся за стол раздраженный и порывисто сел – на! жри! мне действительно негде ночевать!

Поворачивая в замочной скважине ключ, тетка внезапно растерялась. Можно было подумать, что ей в голову пришла запоздалая мысль о том, что по нынешним временам не приводят домой амбалов с улицы (да и были ли когда-нибудь иные времена?). В реальности Вера почувствовала, что дверь не заперта на два оборота, а только захлопнута, и, отчаянно струсив, хотела уже отослать молодого человека, по возможности вытребовав телефон, но тот держался настолько вызывающе, что Веру взяло зло – игра «молодой любовник, а дома муж» зашла слишком уж далеко! Да если б не голос, который она сначала мельком уловила у стойки бара, а потом с нарастающей уверенностью продегустировала в продолжительном разговоре с двумя омерзительно манерными девицами (слов было не разобрать, но тембр, интонации, вся манера речи – можно было поклясться, что говорит двадцатилетней давности Боб!)... Только бы старый козел не отказался дать книжку! Ничего, она как-нибудь его уговорит, нельзя рисковать потерей именно этого экземпляра, телефона у него не окажется и сам он никогда не позвонит, хотя и пообещает, а Веру не покидала странная уверенность, что на этот раз это точно то!

Они вошли в прихожую. Костя юмористически озирался по сторонам. Входя в обшарпанный подъезд и поднимаясь по загаженной лестнице, он еще на что-то надеялся: все-таки тетка – скульпторша. Бывают такие шкатулки с секретом:ходишь, а там система подвесных, вращающихся, вмонтированных под потолком, с регулируемым углом и высотой, больших и маленьких и вставляющихся друг в друга, как матрешки, с резким или матовым, убавляющимся и прибавляющимся светом, с автоматическим сенсором или с обычным выключателем, как осветительная техника, установленная на стадионе накануне гала-представления, – Костя до страсти любил машинки и приборы... То, что его окружало, производило впечатление беспросветной, безвылазной нищеты. Крошечная убогая квартирка, запах валидола, пыльной мягкой мебели и вареной капусты. Косте нечеловечески хотелось жрать. По коридору им навстречу спешил приветливый старик.

За кухонным столом, покрытым синей клетчатой клеенкой с обветренными краями, они втроем хлебали щи, и Костя, все больше развеселяясь (день пропал и начинал пропадать вечер, так что же теперь), отвечал на вопросы старика о современной музыке. Старик, Борис Борисович, Б. Б., интересовался странной темой – существует ли какое-нибудь патентное бюро, всемирная аудиотека, где можно выяснить, что сочиненное тобой действительно оригинально и не является мелодией, невольно (я говорю только про добросовестные случаи, намеренный плагиат меня не интересует) подхваченной на улице, в кафе ... на дискотеке, – поколебавшись, добавил старик, подыскивая современные слова.

Он ласково и внимательно смотрел на Костю. Тетка, казалось полностью перепоручившая старику развлекать Костю разговором, тем не менее слушала не отрываясь. Тепло пустых, но душистых и от чистого сердца щей разливалось по Костиному телу, погружая его в блаженную дремоту. Двор за окном начинал медленно сереть. Костя извинился и ушел в туалет.

Вера вопросительно взглянула на Боба. Она уже давно поняла, что он понял, и теперь хотела знать его мнение – четыре уха лучше, чем два. Боб медленно кивнул. Ему так понравился молодой человек, что, казалось, он полюбил в нем больше, чем голос. Нет, чисто внешне тот не был похож ни на Боба, ни на кого-нибудь, кого он знал, он был одет совсем иначе и – с удовольствием отметил Боб – воспитан гораздо лучше, чем в свое время товарищи Боба, он не дичился и не фыркал, как взнузданный конь, которого не понимают, и было видно, что ему здесь хорошо; искренне это или от воспитания, – и то и другое по-своему здорово, – думал Боб, невольно забывая о его утилитарном назначении, но в то же время и не забывая – именно такой молодой человек, вмещающий в себя дух эпохи (неважно, какой эпохи, важно свойство ее вмещать, думал Боб), он поможет нам выйти из этой тьмы.

А юный Орфей, назначенный возглавить экспедицию, сидел в это время на стульчаке, отдавая собственным плавнотекущим мыслям. Но что с них взять? – говорил он сам себе и сам же себе отвечал: – А квартира? Пусть запишут меня в завещание, прекрасно понимаю, что тетка еще долго протянет, но я готов ждать. Весь вопрос в том, чего они захотят взамен. Старик – тот, пожалуй, ничего и не хочет, отцовские чувства – похлевать щей, поболтать о музыке. А вот тетка – хитрая тетка...

Пока ждали Костю, Боб пошел в комнату за книжкой. Он не сразу ее нашел – так, кажется, ни разу и не пользовались со времени переезда, год или два назад, когда явилась старушка – первая ли старушка, сестра, племянница, внучка? Только старушка уцелела в этой истории неменяющейся и в практическом смысле бессмертной – она подыскала более выгодных жильцов, чем вконец обнищавшие Боб и Вера. Естественно, – без обиды подумал Боб, хотя Вера сопротивлялась, – сюда надо вселить человек двадцать молодежи, так в сумме и набегит, – и безропотно переехал к Vere. Лишь бы в

книжке хватило попыток! Как и Вера, он был уверен в попадании. С книжкой в руках он присел на кровать – ему было страшно возвращаться в кухню. Он пыгливо сверлил книжку взглядом, словно пытаясь понять, что она еще может. Он рисовал себе сцену: Вера, приоткрывшая рот от возбуждения, приведенный в боевую готовность молодой человек, он сам, более сдержанный, чем остальные; он рисовал эту сцену не как групповуху, а как цивилизованный менаж-а-трау – и тут подведет книжка! Боб сидел на кровати и думал, думал...

Вера теряла терпение – никто не шел. Костя застрял в туалете и тоже все думал, и додумавшись, аж подпрыгнул на сиденье. «Старик не прост!» – вскричал себе Костя, вспомнив, с чего все началось. Он вспомнил нездоровую тягу тетки к молоденьким мальчикам, молчаливое соглашательство старика – и все понял. Так вот чего они хотят! Не дождутся! Ни за какие коврижки!

А Боб между тем взял себя в руки. Когда все закончится, он не выбросит этого мальчика на улицу, как щенка, он вознаградит его по-царски. Денег, положим, я ему не дам, – думал Боб, – и не потому, что жалко, а потому, что это изменит ход его – моей – истории. Я расскажу ему все, что с ним будет дальше, – вот настоящий подарок. Он будет молодой человек, вооруженный знанием о том, как правильно вести дневники, соблюдать договоры и всю жизнь прожить с одной женщиной. И Боб решительно встал с кровати.

Или проще, – думал Костя, – у них есть дочь-даун, они ее пока не показывают. Или просто очень страшная. Хотят устроить судьбу дочери... Нет, плохо. Может, она хочет, чтоб я его убрал, старикана этого? (Боб шел по коридору.) Или наоборот. Или вот! Старик – гомосек! (Боб приближался к кухне.) Или самому вселиться и ускорить развязку... Нет! Вот как будто правдоподобнее всего! Увлечись, Костя не глядя вытер руки, вышел из туалета, будто его вели за веревочку, свернул вправо по коридору и, ничего вокруг себя не замечая, машинально снял куртку с вешалки, открыл дверь и стал спускаться по лестнице.

Вот как надо! – ликовал Костя. – Пока я терялся в догадках – дочь? секс? отцовские чувства? – старик раскололся. Он стоял передо мной на коленях, я еле его поднял, он стоял и лепетал, что жена его – вампир, ее покусали еще в ранней юности, но благодаря врожденной порядчности (Костя вышел на улицу, и не придержанная им дверь хлопнула на весь дом), – благодаря врожденной... врожденной порядчности и тому, все-таки, что она его очень любила, самого его она не тронула. Да, не тронула! (Костя завернул за угол.) Всю жизнь устраивались, добывали донорскую кровь, движимые одной заповедью: не навреди, похороны в себе, не носи дальше. И вот замороженные запасы подходят к концу, связи с «Красным Крестом» утеряны, совесть не позволяет на старости лет сеять болезнь и несчастье... (Костя осклабился, переходя дорогу, – знаем мы эту совесть, старый дурак сомневается, что они еще в

силах кого-нибудь догнать и скрутить, – но тут же и содрогнулся, осознав, в какой смертельной опасности находился все это время, – нет, он неправ, врожденная порядочность все-таки чего-нибудь да стоит). Молодой человек, помогите нам! Старик опять плюхнулся на колени. Чего вам стоит, здоровому, сильному, два стакана крови в месяц! Поймите, в полнолуние я просто не смогу с ней совладать, это невозможно! Не ради нас (я бы отдал всю кровь по капле, да я ее почти уж и отдал, но эта ли кровь способна держать ее в узде!) – подумайте о семьях, о судьбах... Оставалось приготовить им достойный конец (должность санитаров при травмопункте?), как вдруг пошел дождь, и от первых же капель Костя опомнился – дело не в том, с ужасом вспомнил Костя, хороша эта история или плоха, а в том, что нести ее больше некуда.

И хотя, по логике, должен был замедлить шаг, вместо этого почти побежал, чтобы попасть в ногу собственным мыслям. Они замуровали дверь в его комнату, какого еще ему надо приглашения убираться? Идиот! Идиот! С кем он собрался играть?! (А пропадает такая история!) И, немного поколебавшись, пошел ночевать к Мише с Машей, хотя там собиралась совершенно чуждая ему компания – все они были серьезные торчки, и ему казалось, что при его появлении они специально переставали говорить о главном, как декабристы с приходом веселого Пушкина. Чтоб их не стеснять, чтоб самому не стесняться своей непродвинутости (он даже и не пил почти никогда), он быстро ушел спать, но спать не мог, а все вспоминал, как когда-то было хорошо и как моментально испортилось.

Поздний вечер, всё как обычно, народ на кухне, Леша варит в кастрюльке яйца по числу участников, Вера подшивает подкладку, Бобсик читает справочник «Банковская и финансовая терминология». Глядя в кастрюльку, Леша медленно говорит:

– Вера ходила к врачу, и ей велели сделать биопсию. На всякий случай.

Боб поднимает от справочника голову. «Наши гости» – друзья и знакомые, всегда прибывающие к огоньку – в панике переглядываются. Додик соображает первым и с облегчением разражается хохотом: это же уже история! Не поверю – и ничего не будет. Оценив реакцию, Леша продолжает, все больше входя во вкус:

– Результаты биопсии – через неделю. Всю неделю моя жена делает последние приготовления, звонит разным людям, жалуется на преждевременную кончину и несостоявшуюся жизнь в искусстве, среди прочих – Храпункову, который возьми да и скажи: «Завтра же привози свои работы ко мне в клуб. Я расчищу место, это будет вселенский оргазм». Очень хорошо. Ну, назавтра она была занята, тем более что так, с бухты-барахты, эти вещи не делаются – работы надо отобрать, подготовить, уж даже не скажу – слепить. Так пробежала еще пара дней, а там и результаты пришли. Все чисто, не о чем было и волноваться. И вот прошло уже недели три, звонит

весьма недовольный Храпунков и говорит: «Ты что, надо мной издеваешься? У меня люди сидят среди постаментов, все спрашивают: "У вас что, ремонт?". Пока я всем отвечаю, что смена экспозиции, но ты пошевеливайся все-таки, я из-за тебя четыре столика вынес». А Вера ему отвечает: «Спасибо, Сев, мне уже не надо».

Сквозь всеобщий хохот прорывается Верин визг:

– Неправда! Ты врешь! Какой врач?! Какая биопсия?! Не верьте ему, он все врет! Это что, Храпунков про меня такие сплетни распространяет? Раз так, передай этому негодю, чтоб и не ждал, – пусть расставит шахматы и кактусы!

– Вторая, – невозмутимо продолжает Леша, помешивая яйца. – Жуткая авиакатастрофа. Погибают все. В том числе один миллионер без наследников. А у него, к слову сказать, личный адвокат, который знает про него все, но не может сам объявиться как наследник – это было бы шито белыми нитками. Нужен кто-то другой. Пропадает огромная сумма.

Боб слушает не отрываясь, а Леша разглагольствует:

– Положим, больше тридцати процентов он хрен отдаст, но тридцать-то отдаст? Правда, придется поначалу пропасть, раствориться, а не ходить гоголем у всех на виду. И, между прочим, фамилия у этого миллионера такая же, как у Бобсика. Представляете?

И хотя всем вокруг было ясно, какая история настоящая, из ложной гордости проигрывала Вера, проигрывал Боб, как за соломинку цеплявшийся за любой Лёшин бред (не исключено, что завтра он побежит проверять газеты, кто там погиб), и в целом Лёшину тактику все осуждали, но отказались от удовольствия созерцать Лёшин коронный удар ниже пояса – это было выше человеческих сил, да и некогда вступать в прения: Додик уже горланил: «Я! Мне!».

– Один раз! Один раз! – заикаясь от волнения, кричал Додик. – Один раз у меня залетела одна знакомая.

Народ начинал валяться по полу.

– Это всё? – саркастически спрашивала Вера. – Пора отгадывать?

– Нет, не всё, – говорил Додик, не обижаясь. – А у меня был будильник-кассетник, хочешь – звонит как будильник, хочешь – будит музыкой, ну там либо кассета играет, либо радио включается, – Додик до страсти любил всякие машинки и приборы. – Однажды в постели я нажал на кнопку, чтоб вся эта музыка прекратилась, но спросонья нажал не на стоп, а на перемотку. Повалился минут десять, вылез из постели, помылся-побрислся, уж совсем было собрался идти, глянул на часы и обомлел: четыре утра! То-то, я смотрю, темно. Слушайте: назад протолась не кассета, протолалось время!

Поднимался возмущенный гул голосов. Тут уж Додик злился всерьез, впервые за всю игру – как будто Леша этими своими часами монополизировал идею идущего назад времени! Что это за столбление! Ведь совсем другая история, а без обратного времени в игре не обойдешься, как без фишки.

– Дальше самое интересное! – надрылся он, стараясь забить несносный ропот. – Я понял, что с таким будильничком... Промотал на месяц назад – три часа держал палец на кнопке, чуть палец не отвалился! – но додержал, вызвал девушку и...

– Что «и»? – издевательски спрашивал кто-нибудь.

– Сделал все очень аккуратно, вот что «и». В отличие от первого раза, когда она сама, дура, сказала – можешь ни о чем не волноваться.

Сквозь хохот и вой доносился серьезный и взвешенный Лёшин вопрос:

– А будильник?

– Будильник? Да полное говно, он за сутки уходил вперед минут на двадцать или звонил в восемь вечера вместо восьми утра. Я его выкинул.

«Додик, ты Рей Бредбери», – решали все, но Додик категорически отказывался понимать, чем его истории хуже историй Веры, выполненных в стилистике тягостного сна (даже руками, рассказывая, она делала какие-то плавательные движения): «И будто бы я вхожу, а там, на полу...»

Как игрока его ценили низко, нередко упрекали в косноязычии, но, главное, выслушивали, и он целыми днями готовился к вечернему рауту, чтоб засадить им такую историю – пальчики оближешь! Чего стоила одна вот эта, про вампиров, но теперь – всему пропадать, – опять вспомнил Костя и перевернулся на другой бок. Но и на другом боку было так же плохо. Он встал и пошел попить на кухню. Торчки заседали в кухне как будды – Костя специально подкрался, чтобы послушать, но они по-прежнему обменивались только междометиями типа «подай» и «передай». Костя содрогнулся, будто соприкоснувшись с противоестественным и великим, – торчки знали главное настолько твердо, что им не было необходимости называть его вслух.

Было много и других неизъяснимых коллективных наслаждений (однажды вся квартира, не стовариваясь, неделю болтала с грузинским акцентом, и кое-кто, вовремя не затормозив, застрял с этим акцентом по жизни). И все же игра в «веришь–не веришь» забивала все остальные способы общежития – от нее нельзя было уйти спать, нельзя было напиться до потери памяти, нельзя всерьез сцепиться, чтобы не пропустить очередь, не прослушать деталь (все всегда резались на деталях – на времени года, на цвете пальто), счет игры вели на косяке двери и мечтали изобрести приборчик, вроде счетчика электроэнергии, который фиксировал бы очки, и отдельные недобросовестные додики сматывали бы этот

спидометр по ночам. Происходили удивительные вещи, неизвестные науке: один раз, введя чудом добытого эфедрина, я пришел домой и застал товарищей за игрой в «веришь–не веришь». Конечно, мне не хотелось пропустить тур, и я сделал над собой титаническое усилие, чтобы не заторчать – начинаешь же всех любить, будто все люди – братья, а надо было не любить, а следить за ними, а вовсе не за блаженными эфедрированными пузырьками, поднимающимися в шевелюре от корней волос. И вот я единственно усилием воли остался собран и подозрителен и в целом сыграл очень неплохо, а потом лег спать, жалея о переводе продукта. Но я зря жалел! С утра, заглянув в деревянный поднос с будильником (поднос этот Писатель украл в булочной, на нем выносят хлеб, а у меня это был ночной столик, очень удобно, ничего не скатывается), я почувствовал, что меня прет. Поверьте, т а к меня не перло никогда в жизни! (Смех и черная зависть в аудитории.) Все это как бы законсервировалось во мне на ночь, настоялось до крепости и прозрачности чрезвычайной, то есть я совершенно как ни в чем не бывало стоял, сидел, ехал в метро, разговаривал с какими-то людьми, не пытаясь с ними брататься, но внутри меня гремела симфония – и так почти весь день... Я много раз пытался повторить этот опыт: усилием воли отсрочить приход, заняться чем-нибудь, требующим напряжения сил и умственных способностей – высчитать себе в расписании электричку, познакомиться с родителями девушки, – но, видимо, ни в одно из этих надуманных дел мне не удавалось поверить так сильно, как в выигрыш в «веришь–не веришь», и я проваливался, выныривал, вспоминал, забывал, хохотал от собственной дури, как, бывает, дашь себе слово или зарок, а потом нарушишь – и так легко, так радостно, как отбросить постылую плеть и сказать себе, что плетью обуха не перешибешь...

Правда, время от времени Додик, щедрой рукой черпающий истории из своего богатого опыта общения с людьми – от легкомысленных торчков до серьезных нарков, от слегка стебанутых до полностью поехавших, – время от времени он обижался. «Надоело, – говорил он, – играйте сами». «Если вы будете так реагировать, я больше не скажу ни слова». «Ну да, – говорил он, – вам надо, чтоб я наступал на больные мозоли». И уходил в гости, к нормальным людям. У него миллион друзей. Однако в этих альтернативах не хватало ключевого компонента веселья – там не играли. Это было как комсомольская свадьба или комсомольские поминки. Беда в том, что он разучился знакомиться и общаться с людьми без игры. Не умел разобраться без правила двух историй. Что-то они, конечно, рассказывали – анекдоты, афоризмы, эссе – Додика не устраивал размер ставки. От этих рассказов они ждали лишь маленькой сиюминутной выгоды – добиться сочувствия, вызвать восхищение, получить подтверждение тому, что, как сами знали, неверно, – ни один из них не стремился бескорыстно выиграть в совершенно бесполезной игре. Что у них в мыслях? Кто

они на самом деле? Человек раскрывается, лишь теряя власть над собой, одержимый одной страстью – победить.

Ему не хватало обезумевших, раскрасневшихся рож, обвинений в непорядочной манипуляции, суетливых клятв никогда больше не ввязываться в подоночьки гонки, притворных заявлений, что игра наскучила, – а игра, живучая, как кошка, не позволяла применить дважды ни один прием.

Что делать? Читать вроде бы неприлично, наблюдать их – неинтересно, у них у всех было что-то с челюстью: одни с трудом расклеивали рот, и когда это им наконец удавалось, оттуда не вылетало ни звука, Додик жалел их и бросал – стесняются, бедняги, оставь, не мучай; у других, наоборот, челюсть двигалась непрерывно, как шелкунчик со сломанной ручкой, но всегда вхолостую, мимо ореха.

После этих опытов он с особенным наслаждением возвращался домой. Как-то ночью нагнал на углу Лешу, спешащего с тубусом. Отталкиваясь от стен, звук шагов, как в трубе, отдавался по переулку. Немного не дойдя до арки, Леша остановился, рассматривая качели.

– Все физические игры – кто дальше прыгнет, кто дальше плюнет – по ночам превращаются в умственные, – сказал Леша.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Додик, неуютно озираясь и пряча голову в плечи.

Еле видные в темноте, качели застыли не совсем отвесно, а чуть под углом, как будто наступление ночи остановило их в движении. Луна лежала дальше, в песочнице, освещая каждую крупичку – казалось, соли – на припорошенных бортиках. Додик поежился и сильней втянул голову в плечи. Пожалуй, Леша в чем-то прав. Каждый заброшенный снаряд: доска, одним концом задранная в небо, черепахообразный дырявый каркас (ставишь ногу – а там ничего нет, – вдруг отчетливо вспомнил Додик где-то в низу живота), бревно (как тогда казалось, на чудовищной высоте), – в темноте каждый снаряд напоминал какую-нибудь из любимых Лешей математических задач. Удав длиной с это бревно ползет со скоростью света через две гильотины, расставленные на расстоянии бревна и опускающиеся одновременно, через промежутки, равные времени проползания от одной гильотины до другой, – успеет ли удав (бревно) благополучно проползти через две гильотины? Или вот домик, на который пытались взбежать с разбега, потому что, поставив ногу в окно, было слишком просто: есть комната длиной 27 метров, высотой 3 метра и шириной 4. На противоположных дальних сторонах ровно посередине стены (на всякий случай поясню, что середина будет – два метра слева и два метра справа) на высоте одного метра от пола живет один клоп, а на противоположной стене, тоже на середине, но на высоте одного метра от потолка – живет другой. Они ходят друг к другу в гости, и на их спидометрах расстояние всегда получается 30 метров.

Однажды один клоп наелся клопиного порошка и пошел в гости к товарищу, а когда дошел, то его спидометр показал расстояние меньше 30 метров. Вопрос: как шел клоп? Или совсем простая, специально для тебя: если вероятность случайного образования органической клетки равняется вероятности того, что обезьяна пятьсот раз подряд без единой ошибки перепишет Библию, сколько обезьян надо посадить переписывать Библию, чтобы довести вероятность одной переписанной Библии до 1 из 500? Леша открыл тяжелую дверь в подъезд. Додик в последний раз обернулся, и от взгляда на увесистые очертания качелей его озарило: Леша имел в виду виселицу!

И опять играли, разнообразя фантами на все: на деньги, носильные вещи, кастрюльки, постели...

- Этому фанту - сказать то, чего я не знаю. А этому... стать другим. Измениться.

Как-то Додик продул всю обстановку, получив задание совершить поступок.

Он сгрэб Веру в охапку и поцеловал.

- Это не поступок, - бледнея от ревности, сквозь стиснутые зубы произнес Боб, - это фиглярство. Ты же не готов нести за это никакой ответственности.

Додик подошел и дал Бобу по морде.

- И это не поступок, - веселился Леша. - Несамостоятельно: это ты поддался на провокацию.

Додик подбежал к окну и начал выворачивать шпингалет.

- Ну! Ну! - сказал Писатель, оттаскивая его от окна, - нужен поступок, а не подвиг.

Часто бывали гости. Бледная, никому толком не знакомая женщина, которая появлялась неизвестно откуда и уходила неизвестно куда, по своему обыкновению стояла в дверях, скрестив на груди руки, с осуждающим выражением лица. По виду ее можно было принять за одну из девушек с приклеенной челюстью, но стоило начаться игре - куда девалась ее осуждающая мина! Кровь прилиwała к прозрачному лицу, волосы выбивались из хвоста, как у ведьмы (в такие минуты, и только в такие минуты, Додик хотел ее трахнуть), попеременно забегала за спину каждому из играющих: кто может - делает, кто не умеет - лечит.

- Больше мы никогда не встречались, - рассказывала Вера, делая плавательные движения руками, - хотя прожили вместе еще многие месяцы, может быть годы. Я сидела у себя, слышала: хлопнула дверь, шарканье ног (вытирает о половик), выходила - уже никого, только полоска света под дверью кухни. Бралась за ручку - броситься молча на грудь - и не входила: ведь он не хочет! Хотел бы - стукнулся б сам, подошел бы сзади и сам обнял бы. Так шли дни: теплый чайник, запотевшее зеркало в ванной, удаляющиеся шаги на лестнице - стоило свеситься за перила, и там бы, внизу, голова в

решетках, как тополь, –но стояла внутри, подпирая дверь, будто в нее кто рвется, сортировала почту в две стопки – мое и его, отвечала: «Одну минуту!», откладывала трубку и кричала, задрав лицо к потолку, как на базарной площади: «Телефон!», подхватывала трубку и, убедившись, что в ней направленно рокошет, тут же вешала. И вечно у меня сгорал то чайник, то кастрюля, засорялась раковина, ванна, замачивала и забывала, а потом отчищенный чайник сверкал на плите, как щит, и было стыдно, что я свинья, что я рассеянная, и, воображая сальный ком волос, которые он из стока в ванной извлекает, падала духом, что все из-за этого, все именно из-за этого – что я свинья, неряха, плохая хозяйка, но всегда знала, нет, не из-за этого, и как все произошло, тоже не видела, – видела только темное пятно на асфальте, а тело уже увезли.

Бледная девушка качала головой, и Додик готов был убить ее за это – что с того, что Вера придумывает пикантное прошлое, чтобы придать себе третье измерение в глазах Лешки? Вот если бы всем поменять головы (история?), чтоб Леша увидел Веру такой, какой ее видит Боб... Иногда Вера, доведенная до иступления, начинала собирать вещи, но Леша знал волшебное слово. «Пойдешь жить к маме?» – интересовался он невинным тоном носильщика, который только хочет знать, куда заносить чемоданы, и Вера плакала, ела таблетки, безучастно, часами, сидела у окна, смотрела во двор – и оставалась. Додик сам рассказал бы такую историю, только в конце повернул бы, что это был кот: блюдце пустое, дверь приоткрыта, в тапках аммиачная вонь...

Плотный, румяный, застенчивый фант, которого привел Боб, – мямля, но очень настойчиво протестовал, что задание ему дали некорректно: разве люди могут измениться? Разве кто-нибудь когда-нибудь меняется?

– Сплошь и рядом, – спокойно парировал Леша, – знал я одну учительницу математики, и вот однажды, дожидаясь набоек, она сидела в пальто, но в одних чулках, поставив ноги на приступочку; и это особое чувство незащитности, когда в рваную пятку дует ветер, и если, скажем, пожар и потребуете куда-то бежать, то твои сапоги в руках чужого мужчины, настроило ее на доверительный лад, и она принялась жаловаться набойщику на жизнь. А она была хорошая, стойкая учительница математики, гордилась, что Саше всего шесть лет, а он умеет уже и на лыжах, и на коньках, и вот через месяц у Саши выпускной вечер, а где взять ботинки, уж не говоря о том, что если этот балбес не поступит в институт, его заберут в армию. Сказала просто так, ничего не имея в виду, набойщик же, не поднимая головы, ответил, что можно устроить. Она ошалела от радости. В назначенный день прибежала за ботинками, сошлась с набойщиком покорооче, его звали Боря. Слово за слово, выяснилось, что и другой беде можно помочь. Обои, мясо, запчасти из Тольятти: то есть, до этого она была другим человеком – не брала взяток за аттестат, на юбилеи удовлетворялась адресом, не репетиторствовала под предлогом связей в требуемом вузе, – теперь же пополнила и

похорошела, как у Толстого (у него женщины всегда или полнеют и хорошеют, или худеют и дурнеют), в блузках от Бори – от кутюр – поярчала волосами, глазами, губами, стала кокетничать, заливаться беспричинным смехом, хотя Сашу все равно забрали в армию. Но теперь, научившись прощать тем, кто предполагает в то время, как располагает другой, – не сама ли она частенько прокальвалась, гарантировав поступление, и некоторые родители, из особо дотошных, требовали деньги назад – и она отдавала: бросала им в лицо, пусть подавятся! Прощать и уважать чужие проколы – кто из нас без греха, вот и с Сашей не вышло, но, по крайней мере, она сделала все, что могла, и из уважения к Боре свою пачку назад не потребовала.

– Какой перевертыш! – восторженно сказал Боб. – Человек, во всю жизнь никому не поднявший взгляда выше щиколотки, – Крез, Соломон...

– А-а-а, ты все о своем, – скучно заметил Леша.

Первым пропал Боб. Сначала его не хватились, но прошла неделя, и Додика мучила совесть: Боб буквально на минуту оставил в кухне на столе новую игрушку, и Додик, в игрушках разбиравшийся превосходно, немедленно схватил, взломал и стер Бобов код, наговорил взамен ерунды, и тут Боб вернулся; спустя несколько дней, помучив Боба, Додик хотел признаться (вдруг у него там что-то важное записано?), но каждый день получалось так, что когда он вваливался в дом – Боб уже спал, а когда вставал – Боб уже ушел, как в Веринной истории, пока вдруг он не понял, что Боба, собственно, уже много дней в квартире нет. Он собрался звонить в милицию, но Леша хмуро отчитал его за намерение сдать товарища, и Додик, хотя ничего не понял, испугался и снял с себя всякую ответственность. В конце концов, Леше, который почти каждую историю заканчивал словами «ушел и никогда больше не возвращался», – ему лучше знать.

Дальнейшее поведение Леша в отношении пропавшего Боба отличалось чрезвычайной странностью. Он утверждал, что Боба никогда и не было. Когда Додик упоминал имя, Леша поднимал бровь, и Додик чувствовал себя сумасшедшим. В конце концов, вспоминать перестал и он: во-первых, все это естественно отошло на задний план, загородилось другими событиями, а во-вторых, кому охота чувствовать себя сумасшедшим.

Дальше Леша стал отрицать существование бледной женщины, которая являлась неизвестно откуда и уходила неизвестно куда. Додик буквально тыкал в нее пальцем, а Леша прищуривался и спрашивал: «Да где же?». «Что ты стоишь, скажи что-нибудь!» – требовал Додик у женщины, но та только беззвучно смеялась, и взгляд у нее был осуждающий.

Теперь Леша, откровенно избегающий Додика, общался только с замкнутым прыщавым парнем – Писателем, как его называли в квартире, и с ним же, вдвоем, не приглашая ни Додика, ни Веру, ни

других жильцов, иногда по-прежнему играл в «веришь-не веришь» на кухне.

– Оказалось, что в тюрьме он добыл доску и ежедневно упражнялся на воображаемых клавишах. Веришь? – приглушенно доносилось до Додика из-за стены, когда он пилсал в туалете, доверху взбивая содержимое унитаза в белую пену. – Вторая история. Когда-то я жил в одном старом доме, с другими такими же, и питался почти исключительно супами из пакетика. Очень удобно. Мы называли их «суп в конверте». И вот однажды я ел такой суп – это была куриная лапша, – и что-то меня насторожило. Знаешь, фигурная такая лапша – звездочками, кубиками, ромбиками? У меня в супе лапша была нарезана в виде букв. Я пригляделся повнимательней, и меня передернуло. Прикинь – ешь и читаешь свой суп.

Леша долго молчал. Додик прислушивался, шаря рукой в бачке, чтобы приоткрыть клапан и спустить воду – бачок сливался только вручную.

– И вот именно тогда, в той тарелке супа, я прочитал свою первую историю – про китайца. Вопрос: во что ты веришь больше?

«Однажды я жил в очень старой квартире!» «С другими такими же!» «Мы тогда питались!» А сейчас ты где живешь?! – возмущенно подумал Додик. Но когда, вытирая об себя руку, он ворвался в кухню, чтобы указать на это Леше, Леша там уже не было, сидел только прыщавый, малахольный Писатель и шевелил губами. Судя по удрученному виду, Писатель проиграл.

С тех пор он видел Лешу лишь однажды. Он приблизился к нему со спины, когда Леша варил что-то на кухне, и прижал его к плите, не давая ему раствориться, исчезнуть, как тот в последнее время приудобился делать, едва заслышав Додиковы шаги.

– Так что же, Бобсика нет? – спросил он вызывающе. – И меня нет? И Веры нет? И Писателя нет?

На этот раз он действительно намеревался призвать Лешу к ответу. Леша помолчал, и гораздо мягче, чем можно было ожидать, каким-то оправдывающимся тоном проговорил в разъяренное Додиково лицо:

– Ведь я только немножко опережаю события. Пойми, у меня такая дурная привычка. Но, по сути, гарантирую тебе, что все это правда. Никого из них не будет.

– Так что же делать? – жалобно спросил Додик, теряя запал.

Леша, минуту назад умоляюще упирившийся кулаками Додику в грудь, почувствовал теперь, что путь свободен, и с вернувшейся к нему самоуверенной усмешкой отвечал:

– Растворись, Додик. У каждого свой талант.

И решительно отодвинув Додика в сторону, налил себе супу из ковша, сел к столу и, глядя в окно на унылый двор, принялся есть.

Когда Леша ушел и больше никогда не вернулся, Додик понял,

в какую ловушку заманил его хитрый Леша: чтоб и дальше считать себя порядочным человеком, он не мог позвонить в милицию. Запершись в своей комнате, среди Лешиных чертежей – план, фасад, разрез – безутешно рыдала Вера. По квартире бродили какие-то люди, новые жильцы, умножаясь с каждым часом, и все они звали Додика «Костей», отчего он вздрагивал и не мог понять, что обращаются к нему, а не к кому-то еще. Додиком его прозвали уже очень давно, за то, что он всех называл додиками – чуваков он называл додиками, штимпов называл додиками, дядей, папиков, мужиков, хмырей, персонажей, человечков, лохов, фраеров, крутых, подкрученных, отморожков, типа друзей – безо всяких смысловых различий называл додиками. Его поражала мысль, что квартиру населяют люди, ни один из которых не жил здесь тогда, когда он был Додиком, и эти люди, как ни в чем не бывало, варят яйца по числу собравшихся, квасят в кухне и едят суп «в конверте», рассуждают о вселенском оргазме, как большие, приводят в квартиру баб и играют в холодные, безжалостные игры, требующие памяти, внимания и колоссального напряжения воли и ничего не дающие взамен. А теперь ему еще и замуровали дверь. И он повернулся к бледной, растрепанной женщине, которая ходила за ним по пятам, и крикнул ей: «Это все ты! Я давно заметил! С твоим появлением все начало плошать и катиться в пропасть: изыди, сатана!».

Он съехал с квартиры, подавленный, и поселился где-то еще, и каждый вечер шлялся по гостям в неутолимой жажде вернуть потерянный рай, но ему было неинтересно, ему было убийственно неинтересно среди них – они не играли; он сидел в углу, угрюмый, неразговорчивый, с неудовольствием замечая, что челюсть у него самого застревает теперь, как приклеенная, и когда он открывает рот, оттуда не вылетает ни звука; он не мог придумать, что им сказать, но еще ужасней – когда мог придумать, когда ему было просто необходимо им что-то сказать, он пытался подобрать слова – простые, общеупотребительные, а в голову лезла одна китайщина; искренне проникшись к какой-нибудь брошенной девушке, он шел проводить ее специально, чтобы утешить; он говорил ей: «Что ж, он спрятался за дверь. Это нормально. Это естественно. Думаю, он побоялся прийти в себя». Он чувствовал, что сейчас получит пощечину, и торопился закончить: «А как же я? – думаешь ты. Я тебе отвечу. Там наверняка есть какая-нибудь щель, но это только чтоб отомстить, хотя сейчас ты, конечно, говоришь себе, что иначе тебе негде жить. Жить можно везде, можно жить у него под кожей, под ногтями, в крови – но стоит ли ради этого превращаться в фантом?». И отчаявшись, сам понимал: чтобы донести эту простую мысль, нужно рассказывать с самого начала, но понимал также и то, что пока он будет рассказывать, девушка родит, выйдет замуж, и все у нее устроится. Небывалое косноязычие владело им.

На чисто рациональном уровне он, безусловно, догадывался, что тут нет его вины – ну да, он спрятался за дверь, а девушка в

своих отчаянных метаниях по квартире вылетела в окно. Кто же мог знать – ну да, все они экзальтированные, – но перепутать окно с дверью?! Тут уж Додик решительно ни при чем. Но его все тянуло и тянуло к этим девушкам, с силой, прямо пропорциональной их близости к окну...

Стоило ему немного выпить, и у него начиналось то недержание челюсти, которое раньше он подмечал у других. Проживая в той, первой квартире, он пил редко и мало. «Да ну, на тебя только продукт переводить», – говорили приятели, видя, как он категорически не меняется от количества выпитого спиртного; возбуждался он только от игры; теперь же гонялся за людьми по комнате, как делают чемоданы, мышеловки и порванные башмаки в мультфильмах, щелкал челюстью, но что-то подсказывало ему, что орех ускользает, и все его действия отличаются крайней неэффективностью. Собирая орехи, он шарил под стульями, за пианино, по карманам у себя и у других людей, он ползал по полу, заглядывая во все щели, а его пинали ногами, его били по щекам, над ним смеялись, его куда-то несли и ставили коленями перед унитазом, как мальчика на горох, с него стаскивали ботинки, клали его поверх чьих-то шуб и выходили, прикрыв дверь, а он все шарил вокруг себя, разыскивая потерянные орехи, и заливался слезами, потому что не мог их удержать.

Однажды его попросили проводить в аэропорт девушку, чью-то сестру. Додик был добрый малый, и его вечно о чем-то просили – перевезти мебель ... да, в основном, в последнее время, для работы с тяжестями, и в конце все чаще стали дарить бутылку водки – или она просто оставалась на виду, как бы ненужная. Додик увидел чемоданы сестры и понял, почему вызвали его, а не сразу такси. Он взмолился, что с такими чемоданами ее все равно не пустят в самолет, что она напрасно мучает его и себя, но чья-то сестра надменно стояла над ним, как наездница, поигрывая стеклом о сапог, и Додик поволок чемоданы вниз.

В такси он попытался выяснить, куда она летит, но девушка равнодушно смотрела в окно на пыльное шоссе, загроможденное движущимся железом, как ожившая свалка. Додик оставил ее и стал разговаривать с Лешей: я вспоминаю наш последний разговор и очень волнуясь за тебя. Он распекал его просто, по-отечески, даже по-матерински: Вера, Бобсик, – ты говорил, – разве это люди? Это х** на блюде, – так ты сказал, а я запомнил, хотя это ужасно несправедливо, и ты избавляйся от этого наполеоновского комплекса. Вот они, люди, никуда не делись, – и он озабоченно всматривался в просвет между двух сдавивших машину грузовиков, как там дальше, неужели вот так до самого конца, – ох, не опоздать бы... Вот эта девушка, которая уставилась в окно... Я никогда тебе не рассказывал? Я вообще многого не успел: про дрессированного глиста, вылезающего на рынке, в мясных рядах, на запах сырого мяса, но бог с ним, с глистом, а ты вот лучше послушай... Пусть я считаюсь у вас косноязычным, я все равно скажу. Одна моя

знакомая возвращалась домой поздно ночью. На пустынной улице она услышала шаги за спиной и надела ходу, но шаги ускорились, догоняя. Она побежала. Побежал и тот. Ворвалась в подъезд, ринулась вверх по лестнице. Дверь внизу хлопнула – он тоже вошел. Она бежала и звонила во все двери. Никто не открывал, и так она добежала до самого верха, до запертой двери на чердак, и прижалась к ней, а он уже взбегал последний пролет. И вот, когда он был уже совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, она хотела крикнуть «Караул!», но от страха у нее пропал голос и зашлепал язык, и она смогла только очень тихо, но очень отчетливо произнести: «Ура». Тогда этот додик отпрянул, сплюнул ей под ноги и побежал вниз по лестнице. И ты мне, пожалуйста, поверь, потому что, признаюсь тебе, про глиста – это неправда, а тут – правда.

Они не косноязыкие – просто их что-то напугало до смерти. И они лишились дара речи, с горя, со страха, с тех пор молчат, изъясняются жестами и анекдотами, хотя пожаловаться – и беззвучно плачут, как лабораторный баран, у которого берут кровь из яремной вены, или кричат «Ура!» там, где надо бы кричать «Караул!». Вот и эта сестра вовсе не немая. Она говорит на языке вымершего народа. И вместе с таксистом Додик вылез из машины и разглядывал вмятину на крыле, а таксист матерился сквозь зубы. В аэропорту девушка молча расплатилась с таксистом, а Додик уцепился за чемоданы и потащил.

Неуловимо похожая на кого-то (должно быть, на брата, с которым он неоднократно квасил, хотя что это был за брат, Додик припомнить не мог), девушка стояла посреди зала, окруженная чемоданами, и недовольно взглянув на него, сказала, что надо бы узнать, с какой стороны подходить на рейс. Слова неродного языка давались ей с трудом, она цедила сквозь зубы, чуть не сплевывая, но Додик не обиделся, а пошел читать табло, и тут только вспомнил, что она так и не сказала ему – какой рейс. Он вернулся, и у него сжалось сердце: она стояла так одиноко, что Додик подумал – вдруг она летит на похороны или на прослушивание, на котором ее наверняка забракуют. Ему захотелось утешить, подбодрить, сказать что-нибудь типа – не робей, прорвешься, и он, уже смутно догадываясь о природе ожидающего ее несчастья, принялся рассказывать самую легкую и самую веселую из историй, про одного моего знакомого, который попал галстуком в факс и передался в Австралию, передался вполне, хотя там, конечно, он был бледный, плохо читался, и ему обрезали конец, но – история имела счастливый исход – оригинал впоследствии попал под машину (неудивительно при такой рассеянности – взять тот же галстук), и родные затребовали перепослать его назад, и что вы думаете, операция удалась, хотя вдобавок к бледности и теперь уже совершенной нечитаемости он пошел полосами, но для родных это в любом случае лучше, чем совсем ничего...

Он взглянул и подумал, что эта навязчивая манера – она

крутила пальцем у виска и тут же, в продолжение жеста, опускала руку и согнутыми костяшками стучала по любому попавшемуся под руку предмету, назначенному символизировать деревяшку (в данном случае – об ручку чемодана, а когда к ним вплотную притерся грузовик и, вдавившись, упрямо проскребся вперед вдоль дверцы, стучала перед собой, по пластику обшивки, а когда таксист требовал от нее какой-никакой компенсации, крутила пальцем у виска и стучала ему по бамперу, таксист проследил глазами ее пальцы, зло сплюнул и смолк), – этот жест, замысловатый и длинный, как туземный танец, – вовсе не нервный тик и не дурная привычка, а знак препинания в языке вымершего народа, и ему захотелось тоже говорить на этом языке, или чтобы она говорила на языке его вымершего народа – Лешы, Бобсика, Веры, Писателя. Хотя языки у них были, он это чувствовал, близкородственные, но для языков это только хуже – путаются одинаковые слова, которые значат совершенно разное, а слова, казалось бы, базовые, индоевропейские, в этом близкородственном языке звучат совершенно по-другому, занесенные ветром, кочевниками с другой планеты, прижившиеся, пустившие корни, наплодившие вокруг себя кучу всего – и все по чистой случайности... И он улыбнулся, повторяя приветствие – пальцем у виска, костяшками по ручке чемодана – и сказал: «Вторая история...», неспроста неведомый брат попросил его, а мог отправить на такси, дело не в чемоданах, хотел, значит, чтобы был свой человек, знакомый, теплый, чтобы проводил по-людски, а он что – он готов махать и вставать вслед на цыпочки, как тушканчик, высматривать по верху голов, даже перекрестить на дорожку, если бы его предупредили, что это потребуется, или трижды расцеловать, он бы не отказался – но брат ничего не сказал, приходится самому ориентироваться в чужом горе, а вот и другой знак препинания – она нетерпеливо стучит пальцем по стеклу своих часов...

Чья-то сестра раздраженно катила чемоданы на колесиках, а Додик бежал рядом, торопливо договаривая, что он будет тут, никуда не уйдет, что если чемоданы не примут или что-нибудь вообще не примут, он будет ждать, пусть она помашет, он возьмет и передаст брату, и пусть не сердится – это только история, а вообще, все у нее будет нормально, разве что поначалу трудно без языка, а потом все всегда хорошо кончается. Она не слушала, он досадовал на себя, на свое косноязычие, и непроизвольно держался рукой за горло, промочить бы горло, и слова польются рекой, и все станут его понимать, и он будет сидеть в их кругу, благодущный, красный, балагуря о том о сем, вызывая обвалы смеха удачными шутками и виртуозной игрой слов – душа общества, теплая, пульсирующая душа, вмещающая в себя их всех. Он держался рукой за горло и мучился, что она его как-нибудь не так поймет, решит, что он намекает, но она не обращала на него никакого внимания и в какой-то момент просто растворилась в толпе, так и не помажав – хотя он стоял и ждал.

Если б она не уехала так внезапно, он женился бы на ней (так же, как на других девушках, вызывавших сочувствие), чтобы выиграть время на объяснения. Наплодил кучу рыжих, веснушчатых, плосколицых додиков – обстоятельных хозяйственных мужичков лет семи, угрюмых хмырей, похожих на своих мамаш, – а некоторые из них и вообще были не его, – дешевых фраеров с плейерами, человечков, персонажей и – увы – одного отморозка, который впоследствии сел. «Вот видишь, Леша! – шептал он, превращаясь в питательный гумус, в добрый щедрый навоз, пока какая-то баба в ночной рубашке тащила его за волосы по снегу. – Вот видишь! А ты грозился, что мы умрем!». А чья-то сестра в это время затолкала ручную кладь под кресло, надеясь, что ее не заставят переложить все это в полку над головой, – вдруг ей понадобится свитер, книжка, жвачка, но ничего этого ей уже не понадобилось.

Под ней, как слепые грибы-шампиньоны, росли облака, и один за другим самолет нагоняли восходы, катясь оранжевой толпой апельсинов из наклонного ящика. Не просыпаясь, соседи наощупь спускали створку иллюминатора, но снова и снова, перегибаясь через колени, укутанные тонким самолетным пледом, она поднимала створку вверх, выпуская очередной сноп солнечных лучей, бьющий по глазам – несказанное, несказуемое, – неутомимый овод вселенского оргазма, снова и снова догоняющий и жалящий нутро. Время летело день за днем, длиной в полчаса каждый, а успеть надо было многое – трудно устроиться на новом месте без знакомых, без должной расторопности и, как оказалось, без денег.

В тот день ее никто не встречал. Она еще потопталась, будто надеясь увидеть хоть кого-нибудь, пусть даже второго такого полупьяненного идиота, вроде присланного братом, еще что-то с челюстью и сыпь на морде, и всю дорогу до вокзала он донимал ее анекдотами, не заткнувшись даже после аварии, когда она в растерянности отдала водителю все деньги – это она поняла только сейчас, – которые были у нее с собой, так она испугалась – и опоздать из мести водителя, и что вообще дурная примета – только тогда она не сообразила, что отдает ему все деньги. А идиотик стоял рядом и бормотал, и было понятно, что в случае чего от него не будет ни проку, ни чисто физической защиты, и она совершенно не знала, как поступить, и было ли бы по-другому, если вместо того чтоб ловить частника, идиотик потрудился бы разыскать такси. Конечно, водителя этого надо было просто послать – с какой стати, – но она струсила, не решилась, и, главное, брат это все продумал, он никогда ничего не делал просто так. Просто так не сказываются занятыми, когда уезжает единственная любимая сестра, которую сам же и вытолкал. Как-то, когда он вернулся, и мимо нее по коридору (а мама всегда сидела тихо, за дверью, и не высовывала носа, только плакала, но, справедливости ради, это же и его дом тоже) очередной приятель брата прошел, пошатываясь, тошнить в

туалет, а брат как раз шел ему навстречу, сам пошатываясь, и они попытались разойтись в коридоре, а она вжалась в стенку, чтобы пропустить их обоих, тут как раз они оба ее заметили – брат, кажется, в первый раз со времени своего приезда, – и она им очень понравилась. Приятель сказал что-то шутливое про невесту и прошел своей дорогой, а брат долго с удовольствием разглядывал ее и улыбался. «Представляю, – сказал он немного извиняющимся тоном, – как они будут вот так же бегать у тебя на свадьбе», помрачнел и добавил: «Причем кто-то из них будет женихом». С тех пор у него возникла идея-фикс, и в исполнение этой идеи он даже не приехал провожать ее на вокзал, а прислал своего красномордого, с экземой и челюстью, чтобы она в последний момент не передумала, а крепко испугалась и вылетела отсюда пулей – его подлинные слова, в другой раз, но по тому же поводу, – а красномордый даже отказался втащить чемодан в вагон. У нее возникла нелепая мысль, что красномордый – ряженный.

С отчаянья по деньгам она там же, чуть ли не на вокзале, познакомилась с каким-то додиком и поехала к нему домой, он ушел надевать свитер и не вернулся. Она отправилась его искать. На стене, оклеенной кирпичными обоями, четко вырисовывался периметр двери. Додик сидел за плотно прикрытой дверью тихо, как мышь. Она усмехнулась. За эти несколько часов, раз уж так получилось, она повзрослела и немедленно уловила, что здесь должны быть еще такие двери, раз квартира к этому склонна. Она внимательно осмотрела стену и нашла в ней трещину, для додиков совершенно неуловимую. Предчувствие не обмануло – за трещиной оказалась комната светлей и просторней, чем актовый зал. Таким образом, жилищный вопрос был решен. На следующее утро, столкнувшись с ней в коридоре, додик ее, естественно, не узнал.

Они жили как свиньи или как наполеоновские французы в сожженной Москве, и по вечерам, когда она неслышно и незаметно для окружающих входила в кухню, то в ужасе отшатывалась – в первый момент ей казалось, что они развели на полу костер, и там, посреди дыма и чада, в угаре столпившись вокруг огня и ни на минуту не переставая жестикулировать, играя в свою безумную игру, варили на костре конину. Они же были конями, введенными в храм: все в них можно было сравнить с лошадьми. Они ржали, как лошади, и ссали, как лошади, доверху взбивая унитаза в белую пену (от сиденья на нем остались только ржавые болты), разговоры их были лошадиные – о бабках и пиджаках, сидящих как на корове седло, и бабы их были скорее лошади, чем телки, – чалые, чубарые, пегие, с породистым вырожденческим гонором, хотя она понимала, что если бы все сложилось не так, когда-нибудь она выросла бы в одну из них и очень бы этим гордилась. Не исключено, что этого и добивался брат.

Ее комната помещалась между комнатой додика и комнатой одной семейной пары, совершенно стебанутой семейной пары. Одного взгляда на них ей оказалось достаточно, чтобы понять, что

Леша, который расцветал от Вериных шагов, а в ее отсутствие, хотя хорохорился и задирали жильцов, в реальности лишь ждал, когда она придет, поникший, скучный, вялый, и даже отказывался играть в любимую игру, напоминая остальным: «Для игры нам нужна Вера», и все смирялись или делали вид, что, действительно, без Веры дело не пойдет, хотя Вера – что им рассказывала Вера? Свои сны, один скучней и длиннее другого, и вечно все путала и забывала – что историй должно быть хотя бы две, что историй должно быть только две, и что одна должна быть неправдой, и что одна должна быть правдой, и что никто за нее не решит, что правда, а что – нет, и сколько она уже рассказала, и сколько еще расскажет. Невозможно было играть с Верой. Одного взгляда на них оказалось достаточно, чтобы увидеть, что самое ничтожное препятствие – пожар или груда кирпича, сваленная в арке, – заставит Лешу на секунду застыть, как перед замурованной стеной, а затем пуститься в бегство, забыв внутри и Веру, и чертежи.

Со временем она забыла, как попала в эту квартиру, и иногда с удивлением замечала, что один из них – плосколицый, рыжий – ее словно бы действительно видит, во всяком случае, смотрит пристально и с ужасом, но она никак не реагировала – что ей с того, пугать его что ли, надеть простыню и стонать по ночам, раз он видит? – стояла себе и стояла, у каждого по очереди за левым плечом, хотя, в общем, до них ей не было никакого дела. Ей нравилась только комната, выходящая окнами во двор, где пахло голубями, прелыми листьями, листовым перегноем, землей из «секретов», особенно в дождь. На теле ее не осталось ни единой царапины, разве несколько скверных привычек, из которых самая мучительная была: каждый раз, отправляясь по незнакомому адресу с бумажкой в руке, находила на указанном месте не дом, а отпечаток дома на соседней стене. Пятно зеленело допотопными обоями, как насекомое, запечатлевшее свой лик на лобовом стекле, и казалось, что дом просто не смог остановиться, затормозить, и на полной скорости вмазался в вечность. Решать здесь вопросы прописки, трудоустройства и постановки на учет было уже бесполезно, и она брела назад, думая о доме, не снесенном, а оторванном, как осиное гнездо, и о темных пятнах, которые остаются на стене после картины, когда никто уже не помнит, что на этой картине было.

Чтобы спастись от тоски, оставалось заняться хозяйством, и входя в их запертые комнаты – дружба дружкой, но табачок, кефир, кетчуп, – все это было врозь, – перебирала чужие вещи на подоконнике: зернисто-чугунная гусятница без крышки, найденная тут же, под окнами, когда сошел снег; моток проволоки для мытья чугунной посуды, оставляющий полную ладонь саднящих металлических искр; пачки «Астры», разложенные на просушку по всей длине батареи; полбутылки красного, занащенные за заслонкой недействующей печи, – и тут раздавался звонок в дверь, и она шла открывать: квартиру явились смотреть архитекторы.

Они с мамой жили в маленьком занюханном городке, и в детстве она приезжала из этого города к брату, и он водил ее в место с таинственным названием Труба (брат и его приятели говорили «совсем Труба», когда кончались деньги, было холодно, голодно и плохо, сильный насморк, грипп, кашель, перепой или кого-то уже окончательно забирали в армию – она же представляла себе эту трубу как длинный скользкий туннель, в котором ползти очень долго, лет пять или шесть, пока не получишь диплом, а там – там все меняется, как свет и пара крыльев), и в Трубе она видела бородатого человека в свитере, который сидел перед двумя этюдниками и зарисовывал гипсовую натуру. Она тихо спросила, зачем ему два таких рисунка, бородатый недовольно обернулся на шорох, и брат потащил ее к выходу. «Нужно хорошенько подумать, прежде чем спрашивать, – отчитал ее брат, когда они вышли на улицу. – Его товарищ вышел покурить или в туалет, а вот его ты обидела». Почему? Что же в этом обидного? Ведь рисунки были совершенно одинаковые. «А вот о таких вещах вообще никогда не следует говорить вслух», – сказал брат.

Она сразу узнала бородатого, который немедленно принялся зарисовывать лепнину с потолка, а другой сел на корточки и стал исследовать дверь. А вот они ее не заметили (по их мнению, дверь распахнулась от сквозняка), и она не настаивала – заставить их увидеть эту гусятницу, эту проволоку, астры, выдохшееся, издыхающее коричневое вино в печи – все равно что заставить коней копытами землю рыть. Сам обладатель гусятницы – черноглазый, худой, снедаемый пламенем непонятной страсти – никогда не вспомнит, что стояло у него на подоконнике, а вот чужую, Лешину, жену навеки запечатлеет в памяти как свою... Обидно только, что проходят дни, каждый длиной в полчаса, а дела остаются неустроенными. Казалось бы, какие дела могут быть у кошки, приведенной с вокзала и забившейся в какую-то щель огромной, растерзанной коммунальной квартиры, кошки, питающейся объедками чужих фантазий, которые по вечерам летают над головой, как снаряды (ведь только упившийся Додик мог принять эту кошку за бледную незнакомую женщину, высунуться по пояс из раскрытого окна и в ужасе уставиться на темное пятно машинного масла, разумеется, никак не связанное ни с кошкой, приземлившейся на все четыре лапы, ни, тем более, с никогда не существовавшей женщиной, – так же, как только Леша мог окрестить бывшую привокзальную кошку Метафорой), – дела, тем не менее, были, такие же навязчивые и неотступные, как у всех, отчего и терлась так неистово об углы, об икры, раздирая Вере драгоценные колготки, о шершавую кору тополя во дворе – еще одна дурная привычка, оставшаяся после падения.

Что же касается языкового барьера (как там пугал краснолицый додик?), то сколько бы нас ни уверяли в обратном, трава всегда зеленей по эту сторону забора, ибо там, за забором, живут, как правило, дикари, варвары, косноязыко ворочающие во рту горячую

котлетку, и не ее, а их должно удручать, что в мерном, однообразном рокоте где-то на уровне щиколотки они не разобрали ни последовательности событий, ни начал, ни концов, ни что там случилось с книжкой, кошкой, ни кто писал в голове, а кто играл на рояле. Наступавший рассвет был последним – дальше лишь край земли. Самолет ударился лапами в землю и побежал. Выбираться из самолета в зал было мучительно, как из парной. Не успев захлопнуться, кожа всеми порами вбирала казенную пыль, шерсть чужих рукавов, запах чужого дыхания, скрежет колесиков, и каждое прикосновение к толпе саднило так, будто кожи этой и вовсе не было, забыла надеть – вот она, варфоломеева кожа, перекинутая через руку в виде светлого плаща, – приди же в себя, натяни, застегни, хорошо еще, налегке и не надо ждать багажа, и так она проталкивалась к выходу, который раз говоря себе, что если бы не бесплатный проезд (бесплатный пролет), то все это дело вряд ли бы стоило свеч – лететь на другой конец света с единственной целью положить цветы на могилу, пусть даже очень дорогую, ибо что дороже своего, подправить ограду и побродить по кладбищу, рассеянно читая имена и даты тех, кто лежит здесь не потому, что, переходя улицу, думали черт знает о чем, лепили головы проходящих мальчиков и вышивали брови постовому; не потому, что, плохо учившись математике, кройке, шитью, в очередной раз лезли в петлю уже почти безо всякой надежды на успех, забыв, что только семь раз меряют, а на восьмой – отрезают; не потому, что беспечно лезли в горы, в воду и под парашют с поющими щепками в кармане величиной с байдарку или, по крайности, с весло, что поздно возвращались по ночам, когда и дерево встает из-за угла душегубом, что как на барина, работали на износ, и на него же пили, что волокли бремя тяжелой наследственности и издыхали, едва успев передать эстафету, что вели бездеятельный образ жизни, как куколки, прислонившиеся к телевизору, уходили и никогда больше не возвращались, – а потому, что в каждой компании, как в среднестатистической выборке, должен быть кто-то один, кто не доживет до тридцати.

Игорь Мандель – статистик, доктор экономических наук, родился и жил вплоть до отъезда в Америку в Алма-Ате, хотя публиковался главным образом в Москве; преподавал статистику в Институте Народного хозяйства; работал в американских инвестиционных компаниях в 90-е годы, занимая должности от консультанта до директора предприятий. С 2000 года в Америке. Занимается статистикой в применении к маркетингу. Публикует научные работы. На русском языке вышли три книги иронической поэзии (в соавторстве с коллегами), статьи о художниках и на другие темы и стихи в интернетных альманахах www.Lebed.com и www.berkovich-zametki.com. Живет в Fair Lawn, NJ.

Три культуры в двумерном пространстве

...Искусство есть дополнение науки.

Д. Дьюи, 1940

Введение

Контраст между двумя культурами – первой (в основном искусство и литература) и второй (точные науки), который часто является непреодолимой пропастью для их носителей, хотя и осознавался в неявной форме многими мыслителями ранее (см. эпиграф), был четко артикулирован в 1959 году Чарльзом Сноу сначала в его речи в Кембридже, а затем – в книге [1], которую иногда включают в список 100 наиболее влиятельных книг послевоенного времени (<http://www.interleaves.org/~rteeter/grttls.html>).

Идея противопоставления двух культур и деструктивного взаимного непонимания соответствующих интеллектуальных элит немедленно нашла и сторонников, и противников, но, безусловно, не была заброшена и активно обсуждается и сейчас. Было предложено несколько вариантов преодоления разрыва, перечисленных ниже.

1. Сам Ч. Сноу во втором издании своей книги [1] предположил, что пропасть может быть преодолена посредством «третьей культуры», в которой диалог между первыми двумя будет куда более осмысленным, чем в настоящее время (предсказание, как все чувствуют, далекое от исполнения).

2. Д. Брокман в 1995 году назвал «третьей культурой» некую область, в которой представители «гуманитарного» и «натуралистического» направлений обмениваются мыслями на взаимно понятном языке, то есть, по сути, назвал этим термином некую зону научно-популярной литературы, приведя в своей книге

[2] множество бесед с выдающимися учеными, склонными к подобной популяризации.

3. С. Чесноков (1995), констатируя наличие двух культур, предложил особое внимание уделять тем областям человеческой деятельности, которые уже лежат на стыке между ними, – таким как силлогистика Аристотеля (или, шире, логика вообще), что и должно способствовать преодолению взаимного непонимания [3].

4. К. Келли [4] констатировал зарождение «третьей культуры» в форме компьютерного «нердизма», в котором акцент перемещается с «высокого теоретизирования» культуры-2 (недоступного нердам) к получению эстетического и социального удовольствия культуры-1 (которую они также серьезно не знают – «Не читали Софокла», так сказать) путем непосредственного творчества в искусственной компьютерной среде, где вопрос «почему и для какой (высокой) цели?», скорее, заменяется вопросами «а как это сделать?» и «как показать, что это работает?». В качестве раннего примера такого нердизма автор приводит Томаса Эдисона, который, не владея реально современной ему наукой, сделал ряд гениальных открытий. Учитывая, что эта концепция была выдвинута в 1998 году, на заре эры Интернета, нельзя не признать, что во многом автор прав – этих самых нердов сейчас куда больше, чем тогда (как и компьютерных Эдисонов без университетского образования). Заполнили ли они пространство между двумя полюсами культуры, куда менее понятно.

5. В статье [5] я предложил рассматривать понятие «третьей культуры» как некоей огромной зоны, лежащей в основном между «ядрами» двух культур в смысле Сноу – то есть признать тот факт, что никакая пропасти не существует, что она чрезвычайно плотно заполнена множеством наук и псевдонаук. Главной идеей было ввести некие разумные оси (шкалы), принадлежность к различным зонам которых и определяет специфику той или иной области знаний; соответственно, Сноу указал лишь на крайние точки в некоем пространстве. Главных шкал в [5] было две: апеллирование к рациональной или эмоциональной компоненте человеческой психологии и точность в определении и измерении предмета изучения. Третьей шкалой, введенной лишь гипотетически, была нелинейная шкала «возможности фальсифицирования результата» (в смысле К. Поппера) – чем выше эта возможность, тем ближе область знаний к культуре-2, и, соответственно, наоборот.

Статья [5] породила некую дискуссию; затем я стал обдумывать некоторые вещи, не отраженные в ней или же оговоренные не вполне ясно. В результате я решил развернуть предварительные заметки по данному вопросу в нечто более определенное и прагматическое. Дополнительным стимулом было то, что многие люди, читающие мои статьи, принадлежат явным образом к одной из трех культур, а то и ко всем трем, – так что, возможно, сам предмет будет им небезынтересен. Так появилась эта работа.

В [5] был приведен график, показывающий взаимное расположение трех культур в пространстве трех осей, о которых

шла речь выше. В данной статье я несколько упростил его, удалил одну – нелинейную – ось фальсифицируемости (о чем ниже) и добавил некоторые новые элементы (рис. 1). Наиболее существенно, что сейчас на графике помещены не только некие «ментальные конструкты», как ранее, но и реальные виды человеческой деятельности, такие как бизнес, политика и пр. (выделены курсивом). Это сделано в соответствии с широким пониманием культуры как некоего цивилизационного кода, который содержит и сами действия, и их отражение в соответствующих науках и искусствах. Однако даже при таком расширении генеральная идея двух осей осталась неизменной. Попробую объяснить, почему именно такие оси представляются мне наиболее важными для классификации различных видов деятельности. Возможно, такое двумерное представление чрезвычайно сложного феномена культуры как раз и будет полезно для создания некоей «цивилизационной карты»; любое упорядочение помогает в процессе мышления, если оно не слишком далеко от реальности.

Эмоциональное и рациональное

Несмотря на многовековое противопоставление эмоционального и рационального в науке и литературе, только в последние одно – два десятилетия стали формироваться подтвержденные теорией и экспериментами взгляды на происхождение и взаимосвязь этих аспектов человеческой деятельности. Одним из наиболее замечательных открытий было, в частности, надежное установление А. Дамацио теснейшей связи между эмоциями и процессом принятия решений – было экспериментально доказано, что люди с поврежденной эмоциональной сферой не в состоянии принять никаких, даже самых простейших, решений. Недавно он в соавторстве с Б. Карвало опубликовал подробнейший обзор современных представлений о том, что такое чувства, эмоции и позывы/побуждения (*drives*) [6]. Базируясь на этой и других работах, кратко приведу некоторые определения, проясняющие отношения между категориями.

Вся та область, которую я условно назвал «эмоциональной» на рис. 1, имеет в своей основе физиологическую реакцию центральной нервной системы (ЦНС) на внешние и внутренние раздражения и биологически ориентирована на поддержание организма в состоянии гомеостаза (равновесия). Внешние сигналы, улавливаемые пятью органами чувств, и внутренние (такие, как изменение давления, пульса и т.д.), воспринимаемые специализированными сенсорами, обрабатываются соответствующими участками ЦНС (включая мозг). Любое изменение «нормы», как внешнее, так и внутреннее, порождает определенную реакцию организма, его следование неким программам. Эти программы делятся на два типа: внутренние побуждения и эмоции (хотя многие авторы называют все их «эмоциями»).

Первые можно назвать «эмоциями, связанными с инстинктами»: голод, жажда (воды и воздуха), либидо, исследование окружения и игра, забота о потомстве, привязанность к партнеру по семье (*hunger, thirst, libido, exploration and play, care of progeny and attachment to mates*) – я ниже дам некоторые комментарии по этому списку.

«Просто эмоции», согласно [6]: отвращение, страх, гнев, грусть, радость, стыд, презрение, гордость, сострадание, восхищение. Этот список не является каноническим. Первые четыре эмоции входят в авторитетный список «базисных эмоций» Т.Экмана (в котором кроме них есть также удивление и «ощущение счастья» – возможно, близкое к «радости» из перечня [6]). Свой список Т.Экман опубликовал на основе многочисленных исследований разных культур. Однако универсальность эмоций для разных народов подвергается большому сомнению – в частности, потому, что некоторые эмоции вообще не имеют слов для выражения на определенных языках.

В целом вопрос о том, сколько существует эмоций и даже какие из них базисные, породил огромную литературу и, кажется, не находит единодушия среди психологов. Например, другой авторитетный список – С.Томпкинса – пересекается со списком Экмана только в трех позициях (отвращение, страх, удивление), в то время как перечисляет также радость, стыд, гнев, интерес и тоску.

Но именно список Томпкина получил недавно дополнительное физиологическое подтверждение в работе Г.Ловхейма [7], где базисные эмоции непосредственно связываются с комбинациями содержания трех нейротрансмиттеров – сератонина, допамина и норадреналина. В основании так называемого «колеса эмоций» Р.Плутчика – первые пять эмоций из [6], удивление (как и у Экмана и Томпкина), а также ожидание и доверие. Эти основные эмоции производят в конечном счете в предложенном им «колесе эмоций» еще 24, среди которых – любовь, агрессивность, подчинение и др. Существует даже специальный компьютерный язык EARL, использующий 48 эмоций (<http://emotion-research.net/projects/humaine/earl/proposal>). В сводке «базисных эмоций» из 14 источников [8] страх приводится 9 раз (в объединении с ужасом – 10), гнев – 7, отвращение – 6, печаль – 5, радость и удивление – по 5 раз. Таким образом, ни одна из «базисных эмоций» не встречает полного одобрения специалистов, однако по поводу отрицательных эмоций в целом общий уровень согласованности мнений выше, чем по поводу положительных. Если учесть, что сводка делалась в 1990 году, в настоящее время степень рассогласованности мнений может только увеличиться.

Как видно, хотя все мы «понимаем», что такое эмоции, попытки их четкого перечисления пока не привели к консенсусу. Поэтому важно лишь согласиться с тем, каково их общее назначение – являться своеобразным индикатором состояния «что-то не так». В этом смысле эмоции – нечто и универсальное, и «объективное», со всеми выше приведенными сложностями и оговорками. А вот чувства, в отличие от эмоций, – вещь субъективная и классификации не подлежащая. Чувства – это то необходимое звено в цепи, которое информирует организм о восстановлении равновесия (или об отсутствии такового). Вся цепь, соответственно, выглядит следующим образом [6]: стимул (нарушающий гомеостазис) – коррекционные программы (побуждения и эмоции) – субъективная информация о прекращении состояния нарушения (чувства). Все компоненты цепи тщательно настроены в результате эволюционного процесса и являются совершенно необходимым условием выживания; нарушения в одном из звеньев обычно рассматриваются как болезни. Очень часто инстинктивные побуждения, эмоции (в узком смысле) и чувства смешиваются – не только в обиходном языке, но и в специализированной литературе, хотя, как становится все более ясно, чувства представляют собой малоизученную область, в которой составление карт внутренних реакций организма на комплексные стимулы становится не только психологической, но совершенно практической медицинской проблемой. Авторы [6] особенно подчеркивают значимость таких карт для понимания депрессии – одного из очень распространенных недугов, лечение которого до сих пор проблематично.

В каком отношении к классификации культур находится этот

экскурс в теорию чувств и эмоций? Хотелось бы выделить лишь следующие три аспекта.

1. Эмоции эволюционно намного древнее куда более позднего когнитивного аппарата, играющего главную роль в рациональном понимании мира, и имеют фундаментальное значение в сохранении вида (не только человека, но и по крайней мере некоторых животных), что отражается и в структуре головного мозга. Уже этот простой факт корреспондирует с возрастом искусства (возникшего куда ранее науки), которое наблюдалось всю зафиксированную историю человека и во всех известных сообществах.

2. Эмоции появляются как реакция на отклонения от «нормального хода жизни»; искусство, по существу, есть также не что иное, как создание параллельного (отклоняющегося от «нормального») мира, который одновременно и питается (инициируется) эмоциями автора, и нацелен на пробуждение эмоций у его «потребителя».

3. Эмоции как таковые не преследуют какую-то «сознательную цель», кроме фундаментальной цели восстановления равновесия в организме. Можно, конечно, сказать, что «цель» возбужденного мужчины – получить сексуальное удовлетворение здесь и сейчас, но такая постановка цели вытекает из комбинации двух «бессознательных» вещей: полового инстинкта (как общего необходимого условия) и непосредственного (внешнего или внутреннего) источника возбуждения. Можно сознательно «поставить цель» возбудиться, но из этого ничего не выйдет (эмоция не возникнет), если хотя бы одно из условий не выполнено (инстинкт угас или нет источника возбуждения). Сексуальный акт (достижение равновесия) снимает эмоцию на какое-то время. Можно также сказать нечто вроде: «моя цель – получение только положительных эмоций», но для достижения этого требуется сначала вывести себя из состояния равновесия путем какого-то сознательного действия (в котором непременно есть рациональный «целевой» элемент), а уж потом «разница потенциалов» будет восприниматься организмом как искомая положительная эмоция. Человек не может просто сказать: «давай-ка я порадуюсь» или, тем более, «давай-ка я впаду в гнев» – и войти в такое состояние. То есть, по своей природе эмоции реактивны, а не проактивны.

На другом конце шкалы рис. 1 находится рациональность. О ней написано не меньше, чем об эмоциях, но, по крайней мере, самих по себе видов рационального мышления или поведения не много. Различают обычно два типа рациональности: инструментальная подразумевает строгое следование своим целям («не поддаваться эмоциям» для достижения цели); аксиоматическая, или системная, ориентирована на построение непротиворечивой картины мира, в которой все элементы отражают «действительное положение вещей» и когерентны между собой. Другое дело – всевозможные отклонения от рациональности. Их, похоже, больше,

чем эмоций в самых длинных списках. Список когнитивных искажений, свойственных людям при принятии решений и при формировании своего мировоззрения, насчитывает около ста единиц (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cognitive_biases). Большинство из них подтверждены экспериментами. Это косвенно говорит о том, что найти человека, мыслящего рационально во всех случаях, по-видимому, просто невозможно: не одно, так другое нарушение обязательно обнаружится.

При этом очень важно осознать, что уровень интеллекта сам по себе слабо связан с уровнем отклонения от рационального мышления – ошибки делают и студенты (на которых в основном эксперименты и проводились), и ученые, и лица, принимающие самые серьезные политические и экономические решения, и т.д. Давно известно, например, что людям свойственно оценивать себя выше, чем в среднем, что, как правило, объясняется не только самолюбованием, но и слабым пониманием того, а что же есть «среднее». Но, как показал в 1991 году Б. Гилович, 94% (!) университетских профессоров (которых трудно упрекнуть в том, что концепция среднего уровня им не знакома) также оценивают уровень своих научных достижений выше, чем у своих коллег (см. [6]).

Ошибки сознания таковы, что часто приводят к самообману, даже когда никакой выгоды (в рациональном смысле) от этого нет (что также проверено экспериментально [11]). Осознание того, что человеческое поведение в подавляющем большинстве случаев далеко не рационально, настолько важно, что привело, по сути, к пересмотру таких формализованных наук, как экономика, теория игр, теория принятия решений и др., которые базируются на аксиомах рационального выбора (см. [9, 12]). Интенсивное и профессиональное обсуждение проблемы не только когнитивных искажений как таковых, но и способов их преодоления производится регулярно в блоге *lesswrong.com*, где можно найти множество ссылок. Есть, однако, одно утешающее обстоятельство: чем более человек интеллигентен, тем, в целом, лучше он осознает границы своей компетентности – особенно когда есть возможность «учиться на ошибках», что экспериментально доказано в [10]. И, соответственно, чем ниже уровень компетентности, тем выше самонадеянность, причем обучение помогает очень мало. Запомним это важное наблюдение.

Противопоставление на одной оси эмоционального и рационального, строго говоря, не соответствует обычной процедуре установления какой-то шкалы измерения. Противоположность эмоциональному есть не рациональное, а «бесчувственное», так же как рациональному – иррациональное. Поэтому горизонтальная ось не имеет направления, а отражает разные модальности. Если какой-то вид деятельности находится, скажем, близко к середине на этой оси (как «психология» на рис. 1), это означает, что он ориентирован на обе модальности примерно в равной степени (см. часть 3).

Очень важно осознать, что и рациональное, и эмоциональное присутствуют в любой человеческой деятельности, и их классификация по этой оси может вызывать очевидные трудности. Самый «эмоционально раскрепощенный» поэт может, к примеру, использовать очень рациональную тактику завоевания успеха у публики (то есть быть «инструментально рациональным»; так вел себя, скажем, Игорь Северянин). Совершенно абстрактные результаты в математике могут вдруг вызвать бурю общественных эмоций (как в случае с Григорием Перельманом). Поэтому термин «направление культурного воздействия» на рис. 1 надо понимать в следующем смысле: движение в сторону рациональности подразумевает «построение непротиворечивой картины мира», а в сторону эмоциональности – пробуждение эмоционального сочувствия у людей («потребителей культуры»). И в том, и в другом случае личность творца культуры, ее неизбежные эмоциональные и рациональные аспекты остаются за кадром; речь идет не о том, кто творит, а о тех, кто «потребляет». Тут, в свою очередь, тоже могут возникнуть неясности – кто, например, «потребляет» современную топологическую теорему, кроме нескольких математиков во всем мире? Кто является «потребителями» уравнений Максвелла – физики в университетах или все человечество, использующее электричество?

Определения и измерения

Вертикальная ось на рис. 1 имеет направленность: чем более строги определения и чем более точны процедуры измерения, тем ближе какая-то область деятельности в целом к культуре-2, и, соответственно, чем менее ясно то и другое – тем ближе к культуре-1. Вообще говоря, определения и измерения – это разные вещи, и объединять их в одну шкалу, на первый взгляд, неверно. Я могу привести лишь один аргумент в пользу такого объединения, но для этого надо сначала уточнить, что такое измерение вообще.

Обычно выделяют четыре основных типа шкал измерения по С. Стивенсу (несмотря на определенную уязвимость в некоторых аспектах [13], эти шкалы достаточно точно передают основную идею измерения):

а) качественная (шкала эквивалентности), когда объекты лишь просто различаются между собой, и этого достаточно для измерения: пол, раса, страна, профессия и т.д.;

б) ранговая (шкала порядка), когда важно не просто различие объектов, но и их упорядочение друг относительно друга: места спортсменов после соревнования; упорядочение продуктов по степени привлекательности и т.д.;

в) балльная (шкала интервалов) отличается от ранговой тем, что разница оценок между объектами имеет количественный смысл – например, измеряя прибыль, можно утверждать, что разница между прибылью -100 и 200 (равная 300) больше, чем разница между

прибылью 500 и 550 (50), в 6 раз ($300/50=6$). Для рангов такая процедура смысла не имеет. Популярная шкала интервалов – температура по Цельсию или Фаренгейту (но не по Кельвину) и вообще все величины, допускающие отрицательные значения;

г) относительная (шкала отношений) отличается от балльной тем, что деление оценок друг на друга имеет смысл – таково большинство «количественных показателей», таких как доход, национальный продукт, возраст и пр. Главная особенность этой шкалы – наличие «естественного нуля» и, соответственно, отсутствие отрицательных значений. Именно поэтому можно сказать, что температура 500 по Кельвину в два раза выше, чем 250, но нельзя сказать то же самое, если измерение сделано по Цельсию (так как подобную фразу нельзя проинтерпретировать для «минус три», когда, например, одно значение – 30, а второе +10). Очень часто в обиходе под словом «измерение» вообще понимается только шкала отношений (в технике она абсолютно доминирует), но это, конечно, большое упрощение.

Как видим, чем выше уровень шкалы (от а до г), тем больше известно об измеряемом явлении. Если что-то измерено в относительной шкале – все остальные атрибуты других шкал также приложимы (можно сравнивать разности оценок, можно ранжировать объекты, можно различать их между собой), но не наоборот. Чем лучше что-то измерено (чем ближе к относительной шкале), тем глубже данный процесс понят. Очень часто весь прогресс и заключался, собственно, в том, что осваивались все более совершенные способы измерения – например, от первых представлений о наличии электростатики, возникающей после трения кусочков янтаря друг о друга (шкала эквивалентности – эффект либо есть, либо нет), до точного измерения силы тока в амперах (шкала отношений). Современная система измерений, кодифицированная в СИ, – продукт как минимум трехвековой работы ученых, и она еще не завершена. Основная причина сложности измерений, помимо чисто научной (например, точно сказать, что такое один килограмм), заключается в том, что мало ввести какую-то шкалу – требуется, чтобы с этим согласились остальные. Именно поэтому уходят десятилетия и даже века на то, чтобы добиться унификации, даже в нескольких (всего в семи!) базовых единицах измерения СИ. И то, при всех очевидных выгодах метрической системы, унификация не полна – в США, скажем, все еще ею не пользуются. Эти трудности намного возрастают по мере удаления объектов измерения от тех самых семи основных свойств.

Теперь можно кратко охарактеризовать вертикальное направление шкалы на рис. 1.

Во-первых, это означает все более широкое использование относительных шкал в культуре-2 по сравнению с культурой-1. Действительно, в искусствоведении, например, в лучшем случае ограничиваются перечислением авторов (как отличных друг от друга) и их произведений, наименованием художественных школ

(реализм, структурализм, импрессионизм, и т.д.), то есть шкалой эквивалентности. Модное в советский период упорядочение типа «социалистический реализм выше критического реализма, который выше романтизма, который выше классицизма» и т.п., ибо именно в этом заключается все более правильное отражение реалий жизни (то есть переход к ранговой шкале), вроде бы ушел в прошлое (хотя, возможно, в современной России возникнет и новый порядок – по критерию «патриотичности» литературы). Какие-то более точные измерения чего бы то ни было – большая редкость, хотя уже довольно давно развивается целое направление эмпирической эстетики, существует соответствующее международное общество и с 1983 года выпускается очень интересный журнал *Empirical Studies of the Art*. Единственная в своем роде попытка объективного ранжирования «персонажей искусств и наук», предпринятая Ч. Мюрреем [25], очень впечатляет, но принадлежит не столько к сфере искусствоведения, сколько к метаисследованиям в области культуры. Совершенно понятно, что предлагаемые эмпирические шкалы, связанные с искусством, очень далеки от унификации или хотя бы минимальной согласованности и остаются обычно достоянием лишь их авторов (как, например, предложенные мной методики анализа стихотворений [14] или качества запоминания прочитанных текстов ([15], 16)).

Теперь можно пояснить, почему на одной оси отражается точность не только измерений, но и определения понятий. Определение предполагает введение по крайней мере номинальной шкалы: оно должно давать какие-то признаки отличия определяемого предмета от всего прочего. Например, «определение женщины» должно быть четким настолько, чтобы отличать ее не только от мужчины, но и от трансгендеров, что уже менее тривиально (свойство, которое еще 50 лет назад и не предполагалось необходимым). Чем ближе область деятельности к культуре-2, тем выше точность определений. Несмотря на множество глубоких проблем, связанных с определениями в логике (неизбежность циркулярности в определениях, ибо число слов в любом языке конечно; теорема неполноты Геделя; теорема неопределяемости Тарского и др.), вся математика основана на совершенно четких определениях; то же справедливо для физики, химии, техники. Уже в биологии и медицине начинаются проблемы (хотя бы просмотрите определения «жизни» или «невроза»), а в социологии и экономике, можно сказать, почти царит хаос. Для примера остановилось лишь на одном понятии – «фашизм».

Приведу основные черты фашизма, как его определял основоположник этой идеологии Б. Муссолини в 1930-е годы (https://en.wikipedia.org/wiki/Definitions_of_fascism#cite_note-12, https://en.wikipedia.org/wiki/Benito_Mussolini; переводы цитат – мои).

1. Стагизм (национализм), как противоположность либерализму 19-го века (предполагающему индивидуализм): «...все в государстве, ничто не противится государству, ничего нет выше государства».

2. Тоталитаризм: «Фашистское государство... интерпретирует, развивает и усиливает всю жизнь народа».

3. «Фашизм есть религиозная концепция, в которой человек рассматривается в его внутреннем отношении к высшему закону объективной воли, которая ... поднимает его на уровень сознательного членства одухотворенного общества».

4. «Фашизм... не верит ни в возможность, ни в полезность вечного мира. Только война приводит к высокому напряжению человеческую энергию и ставит печать благородства на народы, которые имеют мужество, чтобы встретить его».

5. Антирасизм. «Раса! Это чувство, а не реальность: на девяносто пять процентов, по крайней мере, чувство. Ничто никогда не заставит меня поверить, что биологически чистые расы могут быть продемонстрированы сегодня» (известны другие его саркастические замечания насчет расизма Гитлера).

Из этого списка признаков, в частности, видно, что расовая проблема в первоначальную концепцию не входила (Б. Муссолини даже в 1943 году заявлял, что принятие «Расового манифеста» с антиеврейской риторикой в Италии в 1938 году под мощным немецким давлением было ошибкой).

А вот набор признаков фашизма, которые перечисляет У. Эко в 1996 году (https://en.wikipedia.org/wiki/Definitions_of_fascism#cite_note-12), считая при этом, что достаточно одного из них, чтобы остальные (или многие) «коагулировались» вокруг него.

1. Культ традиции, сочетающий культурный синкретизм с отказом от модернизма.

2. Культ действий ради действия – действие имеет значение само по себе и должно приниматься без интеллектуальной рефлексии.

3. Антиинтеллектуализм и иррационализм (часто проявляется в нападении на современную культуру и науку).

4. Разногласие есть измена – фашизм обесценивает интеллектуальный дискурс и критическое мышление в качестве барьеров к действию.

5. Страх «другого», часто в виде расизма или отрицательного отношения к иностранцам и иммигрантам; ксенофобия.

6. Обращение к «разочарованному среднему классу», который опасается давления со стороны низших социальных групп.

7. Одержимость конспиративными теориями заговора, раздувание вероятности вражеской угрозы.

8. Жизнь – постоянная война (борьба).

9. Презрение к слабым (вплоть до уничтожения «недоразвитых» евреев или душевнобольных).

10. Селективный популизм, направляемый диктатором. Недоверие к демократии, не отражающей «голос народа».

11. Новояз – фашизм использует обедневший словарь, чтобы

ограничить критическое мышление.

12. Ложь и пропаганда в публичном дискурсе.

Удивительным образом в этом списке отсутствует то, что лично «практикующий Дуче» считал главным – центральная роль тоталитарного государства; акцент сделан на социальные и идеологические аспекты; включен расовый аспект, отсутствующий в оригинале. Если продолжать перечислять различные свойства, придаваемые фашизму другими исследователями, то добавятся такие иногда взаимоисключающие качества, как «социализм, свободный от демократии» и «злейший враг социализма»; «плановая экономика» и «особая форма капитализма»; «террористическая империалистическая диктатура» и «автаркическая экономика» и др. Уже в 1944 году Д. Оруэлл писал: «Слово "фашизм" почти полностью бессмысленно... Я слышал, оно применяется для фермеров, владельцев магазинов... Кишпинга, Ганди, Чан Кайши, гомосексуализма... астрологии, женщин, собак и я не знаю, для чего еще... Похоже, просто появилось наиболее оскорбительное слово» (https://en.wikipedia.org/wiki/Definitions_of_fascism#George_Orwell).

Оруэлл оказался, как и во многом другом, прав. Уже к тому времени произошло слияние в сознании людей фашизма Италии с нацизмом Германии (хотя нацисты себя никогда фашистами не называли), что невероятно расширило круг толкования термина, а в 1990 году был сформулирован «закон Гудвина», согласно которому любая достаточно длительная дискуссия (независимо от исходного предмета обсуждения) приводит к упоминанию Гитлера или нацизма. И хотя этот закон первоначально касался зарождающихся онлайн-дискуссий в *Usenet*, сейчас он по праву применим ко всему Интернету и к обычным политическим перепалкам. Свежее напоминание – постоянное апеллирование к «фашистской» риторике в российско-украинских «дебатах» посткрымского времени или даже сопоставление с фашистом кандидата в президенты США миллиардера Д. Трампа (<http://www.newsweek.com/donald-trump-fascist-354690>).

Такое положение дел не ново; множество определений одного и того же понятия всегда сопровождало неформальные дисциплины и было поводом для беспокойства у многочисленных представителей соответствующих наук – по-видимому, это был один из стимулов логического позитивизма в его прометеевом (и, конечно, безрезультатном) порыве свести науку к единообразному выражению понятий и правил их использования. Предпринимались также попытки «унификации» определений, то есть нахождения какого-то подмножества общих для них черт (к чему и я приложил руку 40 лет назад, анализируя десятки определений терминов «модель», «система» и др. [17]).

Ситуация полной определенности и общепринятости понятий в социальных науках является скорее исключением и касается в большинстве случаев нейтральных достаточно формальных

категорий, таких как грамматические определения или точные названия некоторых (далеко не всех) исторических событий. Наиболее серьезные усилия придать понятиям точный смысл, безусловно, прилагаются в юриспруденции, ибо там от точности зависит слишком многое, – но и там сплошь и рядом возникает неопределенность в интерпретации. То есть там формально есть только одно определение, скажем, «умышленного убийства» (другие, не прописанные в своде законов, вообще не принимаются во внимание), но, поскольку отдельные слова и выражения в нем могут быть по-разному поняты – множественность толкований возникает на этапе применения и активно используется сторонами процесса. В конечном счете, «верное толкование» признается за судьей какого-то уровня, то есть вступает в силу некий авторитарный механизм. Таким образом, можно сказать, что в социальных науках, за редким исключением, определения используемых понятий либо расплывчаты, неоднозначны и имеют множество вариаций, либо однозначны и строги, если (и только если) поддерживаются авторитетом власти и закона (в последнем случае, конечно, они все равно различаются от страны к стране).

Есть и еще одна фундаментальная проблема, непосредственно связанная с рассматриваемым вопросом, – проблема ошибки измерения. Мало того, что, скажем, длину люди измеряют в сантиметрах (а не в терминах «длиннее – короче»), – важно, насколько точно они это делают. В огромной степени технический прогресс связан именно с ростом точности в измерении различных процессов, что сделало вообще возможным конструирование почти всего, что нас окружает, – достаточно представить себе, какая точность нужна для взаимной подгонки всех деталей мобильного телефона по сравнению с точностью изготовления пращи Давида.

Ошибка измерения определяется в отношении к некоему «истинному значению» – например, отклонение прибора измерения (рулетки) в 1 мм от измеряемой длины картины в два метра («истинное значение») – очень маленькое, и им пренебрегают, когда вешают картину на стену. Но такое же отклонение при измерении толщины волоска, где истинное значение куда меньше миллиметра, делает рулетку вообще бессмысленной и вынуждает пользоваться другими приборами. Само понятие «истинного значения», таким образом, есть функция точности прибора. Скажем, для измерения длины картины надо много раз измерить ее длину с помощью рулетки (точность которой заранее известна), принять среднее всех значений за «истину» и оценить степень ошибки как степень отклонения наблюдаемых значений от истинного (либо в миллиметрах, либо в процентах к истинному размеру).

Процесс измерения принципиальным образом зависит от того, с какой целью он производится. Если картину требуется повесить в центре пятиметровой стены, никто не будет тратить время на неоднократные измерения; в этом случае уровень допустимой

ошибки – несколько сантиметров. Если же ее надо разместить в нише, ширина которой – те самые два метра, то требования к точности неимоверно возрастают: достаточно превышения размера на полмиллиметра (что уже не отслеживается рулеткой), и картина в нишу не встанет. Но ведь и сама ниша измерена неточно! И если картина продается в Лондоне, а ниша покупателя – в Париже, то вообще возникает вопрос, стоит ли покупать картину, если неясно, разместится ли она там, где планируется. То есть нужны скоординированные усилия двух измерителей и максимально доступная точность измерения с двух сторон, чтобы иметь гарантированный ответ для принятия решения.

Таким образом, четыре ключевых понятия должны быть взаимоувязаны в процессе измерения для правильного определения ошибки: цель измерения, истинное значение, точность измерительного прибора и процедура измерения. В точных науках и в технике все эти компоненты развивались хоть и асинхронно, но в целом согласованно, ибо в противном случае высокая точность и не была бы достигнута. Во всех прочих областях знания дело обстояло куда сложнее, как следует даже из приведенных выше примеров.

Цели измерения одного и того же в социальной жизни принципиально рассогласованы (в технике это приводит к «эффекту Левши», когда блоха-то подкована, да прыгать больше не может); истинное значение практически никогда не определяется путем повторных измерений одного и того же (чему один из многих примеров – «эффект Протея», см. ниже); измерительные приборы или вообще не существуют, или крайне несовершенны, или не имеют эталона для калибровки точности (проблема унификации определений и пр.); процедуры измерения не прописаны или неясны (статистика направлена, с переменным успехом, на решение этой задачи, но на пути есть множество принципиальных трудностей, которые здесь невозможно обсуждать [12]). Так что точность измерения, помимо использования шкал более высокого уровня, правомерно включена в понятие «строгости измерений» на вертикальной оси графика.

Сопутствующие обстоятельства

Являются ли две оси графика достаточными и необходимыми для различения культур? Нет ли других критериев для решения той же задачи? Строго говоря, я не могу однозначно доказать единственность своего предложения (наличия всего двух осей, к тому же именно таких, а не иных), но попробую рассмотреть вкратце другие концепции.

1. *Возможная фальсифицируемость результатов* – та ось, которая предлагалась в [5] как третья. Основная идея К. Поппера была такова, что никакую теорию, строго говоря, доказать приведением многочисленных примеров (индукцией) невозможно (ибо они никогда не исчерпывают всего допустимого множества состояний),

но вот для опровержения достаточно одного факта, не подчиняющегося теории. Следовательно, сами формулировки любой научной теории должны быть такими, чтобы они допускали возможность фальсифицируемости. Если это не так – теория не отвечает критерию научности (как, скажем, теория божественного происхождения вселенной и др.).

Этот взгляд был (и остается) очень влиятельным в философии науки, однако он находит все больше противников. Многие считают, что не все можно хотя бы в принципе подвергнуть фальсификации и посему не стоит настаивать на этом для признания теории научной. Конечно, уровень потенциальной фальсифицируемости в целом растет при приближении к правому верхнему углу графика, но введение его в качестве еще одной оси сделало бы всю картину очень неустойчивой (математика, скажем, вообще не подвержена этому принципу, а «выводы» искусства очень легко опровержимы, но это никому и не важно). Учитывая индуктивную природу статистики и тот факт, что подавляющее и все возрастающее большинство каких-либо прикладных результатов во всех областях знания, действительно, нельзя опровергнуть «одним примером» (именно потому, что возможность, пусть с малой вероятностью, «другого» уже заложена в статистическом подходе), принцип фальсифицируемости представляется избыточным и трудно применимым для отделения культур друг от друга.

2. *Принцип прикладной полезности*, согласно которому техника, наука и т.д. «полезны», в то время как искусство, литература и проч. – некие приятные дополнения к мощной поступи научно-технического прогресса, и уж по крайней мере не столь «полезны», как последний. В целом, есть множество сторонников такого технократического взгляда, пусть неявно сформулированного (в явной и наивной форме это было в пресловутых дискуссиях физиков и лириков в 1960-х). Безусловно, есть определенная корреляция в этом направлении, как бы «полезность» ни измерять, и с осью «эмоциональное – рациональное», и с осью «измеряемости». Но в целом такой критерий чрезвычайно уязвим – огромная часть научных результатов в любой области не обладает никакой практической полезностью, в то время как совершенно иррациональные вещи, полные эмоционального заряда (да и эмоции сами по себе), полезны не только в биологически-эволюционном отношении (см. часть 1), но и в конкретно-историческом (см. часть 4).

3. *Принцип поиска истины* выглядит наиболее адекватным для классификации культур – вроде все согласны, что в этом и есть призвание науки, в то время как искусство и пр., в лучшем случае, к истине индифферентны. Но тут, конечно, надо сначала разобратся, что такое истина. В наиболее исчерпывающем, как представляется, философском исследовании проблемы [26], после анализа, наверно, пары десятков существующих концепций ясного ответа так и не дается. В этом отношении понятия измерения и

разных аспектов мышления на рис. 1 выглядят, по крайней мере интуитивно, более определенно. Но помимо этого введение такой концепции, как истина, для анализа культуры неизбежно приведет к очень большим проблемам. Хорошая журналистика, например, которую никак нельзя причислить к точным наукам по другим критериям, может быть исключительно важна и успешна в установлении истины в каком-то конкретном случае. То же самое касается фактически чего угодно – понятие истины всеобъемлюще, и ее элементы есть в любом виде человеческой деятельности. А в сочетании с неясностью определения самой истины и с отсутствием теории ее формальной оценки (см. предложения на этот счет в [12]) это позволяет выдавать за истину почти все что угодно, от политической пропаганды до религиозной убежденности. Постмодернизм с его культом отсутствия объективной истины, порожденный именно таким вот отсутствием дисциплины мышления, естественно, не мог вызвать ничего, кроме усмешки, у представителей культуры-2, – но, тем не менее, был и остается чрезвычайно влиятельным. Пока сам уровень истинности не стал чем-то более-менее измеряемым, он не может служить основанием для проведения границ между культурами.

Коротко говоря, мне не удалось найти способа простого описания феномена культуры, используя другие критерии. Но, конечно, надо иметь в виду, что они существуют как дополнительные – если, например, некий вид деятельности вообще не ориентирован на поиск истины, он явно далек от культуры-2.

Зададимся вопросом: что лежит в основе разрыва множества видов деятельности, перечисленных в разделе культуры-3, и иных, относящихся к культуре-2? Безусловно, труд археолога, или врача, или психолога – это тяжелая работа, со всеми атрибутами научного исследования, со ссылками на предшественников, с анализом литературы и т.д. Общество и трактует эти виды деятельности одинаково, присваивая и этим специалистам, и физикам, и математикам те же ученые степени, называя тех и других профессорами, и т.д. Будет ли когда-либо достигнут в этих областях тот же уровень определенности, что и в культуре-2? Почему ученые не в состоянии «определиться» и ввести нечто подобное системе измерения СИ для социальных явлений? Почему они не способны полностью отменить эмоциональную компоненту в постановке задач и в самих исследованиях, о которой никто, скажем в физике, не думает? Похоже, тому есть следующие основные причины.

1. Социальные процессы очень редко допускают возможность экспериментальной убедительной проверки. Раз это так – никакие другие аргументы не в состоянии убедить научное сообщество в том, что нечто измерено с такой же однозначностью, как, например, метр, килограмм или сила во втором законе Ньютона. Следовательно, никто не мешает «оставаться на своей точке зрения» и, в частности, давать свои собственные определения. Подобное поведение, скажем, в физике вызвало бы только усмешку.

2. За социальными определениями и понятиями всегда стоят социальные интересы, часто абсолютно несовместимые. История человечества – это история войн и страданий. Очень часто нельзя одно и то же явление или личность охарактеризовать в одинаковых терминах для противоборствующих сторон. Если, скажем, Богдан Хмельницкий для украинцев – национальный герой, то для евреев – самый страшный до Гитлера геноцидальный исторический деятель. Так что какие-то разногласия (и очень часто – антагонистические) будут всегда.

3. Социальная жизнь принципиально многомерна. Самые сложные уравнения физики содержат, наверно, не более 7-8 параметров. В технике их может быть больше, но они носят поправочный, эмпирический характер. Вся простота и изящность точных формул часто нарушаются даже в двумерной ситуации, когда параметры меняются одновременно (например, комбинации различных температур сплава и содержания углерода приводит более чем к 15 качественно различным состояниям стали/чугуна). А количество параметров, по которым можно «измерять» человека или тем более общество, представляется произвольно большим, и все они в какой-то мере «важны» в каких-то аспектах. Например, при регулярно проводимом одной из влиятельных фирм в Америке опросе респондентов относительно их образа жизни итоговая таблица данных содержит около 4,500 столбцов (типов ответов), к которым добавляются около 1,000 демографических показателей и десятки тысяч показателей, связанных с конкретными товарами и с конкретными видами медиа, которые люди «потребляют», – итого около 80,000 показателей каждые полгода! Эти данные самым рутинным образом постоянно используются для планирования размещения рекламы. Естественно, лишь мизерная часть их реально влияет на решение конкретной задачи – но я сейчас не об этом (как и не о способах обработки таких данных), а лишь о том, что их много, хотя известно, что люди просто не в состоянии оперировать в своем сознании более чем 6-7 параметрами. В результате гуманитарии просто-напросто все время говорят о разных вещах; споры между ними, как правило, бессмысленны именно поэтому. Один начинает об одном, а другой возражает о другом (если это не касается, конечно, простых вещей типа даты битвы).

4. При рассмотрении точности измерения в широком контексте (см. часть 2) возникает интереснейшая и малоизученная, насколько я знаю, проблема: точность измерений, в целом, повысилась везде (в технике куда больше, чем в социальной сфере, но и в ней она несопоставимо выше, чем, скажем 100 лет назад), но требования к точности чего бы то ни было со стороны индивидуума остались практически без изменений. Как опаздывали люди на свидания – так и опаздывают, несмотря на указание точного времени на любом из десятков приборов в каждый данный момент. Как не могли планировать время выполнения проектов и свое собственное время – так и не могут (эффeкт так называемого «заблуждения

планирования», *planning fallacy* [9]), несмотря на сверхразвитую теорию принятия решений и т.д. Как делали огромные ошибки при определении цены или рисков – так и продолжают делать, несмотря на возможность смотреть на биржевые цены на ручных часах. Вероятно, именно это обстоятельство – фундаментальное противоречие между формальным техническим прогрессом и чрезвычайно консервативной человеческой психикой, устойчивой к любым попыткам изменения, – и есть одно из оснований существования гигантской третьей культуры, которая, грубо говоря, вместо того чтобы давать и уму и сердцу, не дает ни тому ни другому (точнее, дает – но не то).

Не похоже, что хотя бы одно из перечисленных противоречий (а их на самом деле больше) куда-то исчезнет в обозримом будущем, и в этом смысле перспективы приближения социальных наук к культуре-2, насколько я могу судить, остаются очень призрачными. Проблема, как представляется, не в этом довольно очевидном факте, а в том, что он практически игнорируется – то, что по своей природе является зыбким и неустойчивым, сплошь и рядом выдается за надежное и «научное». Поясняющим примерам посвящена заключительная, четвертая, часть статьи.

Культура умеет много гитик

Здесь будет кратко рассмотрено несколько видов деятельности, находящихся на разном расстоянии от культур-1 и -2 на рис. 1.

1. Совсем близко к культуре-1 находится литературная критика (на основе [5]). Говоря по-простому, критика – это отражение мнения некоего человека о писателе или о каком-то произведении, иногда – о целой группе или о периоде, то есть дело чисто субъективное. С одной стороны, критика взывает к эмоциям, а эмоции – вещи не обсуждаемые (нет аргумента против «мне не нравится»). С другой – она пытается нащупать что-то рациональное, обобщенное, поставить писателя или произведение в какой-то ряд, построить какую-то систему. Но чем больше оно это делает, тем ближе становится к литературоведению. А литературоведение, в свою очередь, называет себя уже наукой. Причем наукой весьма своеобразной – вот тут, например (http://en.wikipedia.org/wiki/Literary_theory), насчитывается 23 «школы теории литературы». Там же отмечается, что «один из фундаментальных вопросов литературной теории – вопрос о том, "что есть литература"...». Отдельные теории различны не только по их методам и заключениям, но даже по тому, как они определяют «текст».

«Теоретическое осмысление» литературного процесса превращается, по сути, почти в такое же субъективное занятие, как и написание собственно литературных текстов, но без их непосредственного обращения к «наивному читателю», на которого, по идее, рассчитана сама по себе литература, и без претензий «научности», которые литература, естественно, и не

имеет. И в этом отношении вступать в какие-то дискуссии с другими критиками или литературоведами относительно «правильного» или «неправильного» понимания произведений искусства – вещь бессмысленная и бесперспективная. Жаркие споры на страницах журналов или в интернете никакой прикладной цели, кроме, возможно, написания диссертаций для очень малого числа участников или просто получения гонорара, не преследуют. Нацеленности на поиск «истины» в них также абсолютно нет, ибо и истины в искусстве быть не может. А все, что есть, – способ получения удовольствия от высказывания своего мнения, освобождения от напряжения, вызванного чтением, и т.д. Возможно, на более скрытом уровне критика есть также способ привлечения сексуальных партнеров путем демонстрации своего ума, интеллекта и пр. – вполне оправданная цель; но все это страшно далеко от культуры-2.

У критики есть и социальная роль – именно она, формируя некий классический канон, дает рекомендации о том, что должны читать молодые люди, чтобы «считаться культурными»; что необходимо для «патриотического», а что – для «общегуманного» мироощущения, и т.д. Но и в этой своей «рациональной» роли она остается абсолютно уязвимой и далекой от научных идеалов: политически, корпус «классики» сплошь и рядом есть дитя текущей конъюнктуры; национально – герои разных культур почти не пересекаются между собой; персонально – если учесть мнения Толстого о Шекспире, Набокова о Достоевском, а Солженицына о Бродском, – разобраться в том, что есть хорошо, а что есть плохо хотя бы даже на Олимпе словесности, весьма затруднительно. Все это – явные признаки третьей культуры.

2. *Медицина* – очень близка к культуре-2. Около года назад я слишком резко повернулся на ступеньке и почувствовал сильную боль в правом колене. Нога распухла, я не мог толком ходить два дня. Врач после рентгена заявил – ничего страшного, все пройдет. Около двух месяцев я ходил на физиотерапию – становилось то лучше, то хуже, но уж точно не проходило. Затем томограф показал, что порван мениск. Я решил сделать операцию – и сделал, у очень хорошего (судя по отзывам) хирурга, через полгода. Потом опять два месяца ходил на физиотерапию. Прошел год. Не могу без боли ни подниматься, ни опускаться по ступенькам, не могу бегать. Но могу ходить горизонтально – за что, так сказать, сердечное спасибо дорогой (счета до сих пор идут) медицине. То есть нахожусь примерно в таком же состоянии, как через две недели после травмы, только немного хуже. Возможно, самый первый врач, который потратил на меня не более двух минут и не поставил никакого диагноза, и был прав – лучше бы я ничего не делал, и глядишь, пронесло бы. Но могло быть и хуже – уже не проверить. Что может сказать наука (в данном случае медицинская) по поводу сего печального инцидента? А вот попробуйте войти в ее, науки, положение.

Чтобы конкретно ответить на вопрос о состоянии именно моего (а не обобщенной) колена после операции, его надо снова «изучить». Но ее уже изучали, и у меня нет ни малейшего желания опять затевать всю историю, соображать, будут ли покрыты расходы страховкой, и т.д. – я просто не верю, что будет найдено что-то новое. Впрочем, подожду еще. То есть в моем индивидуальном случае проверенная научная методика не сработала. Это само по себе, конечно, не удивительно. Более интересно здесь задать два вопроса: 1 – почему именно на мне она не сработала; 2 – как вообще эти методики работают на большом количестве людей, то есть «статистически»? Ответы на эти вопросы имеют фундаментально разную природу.

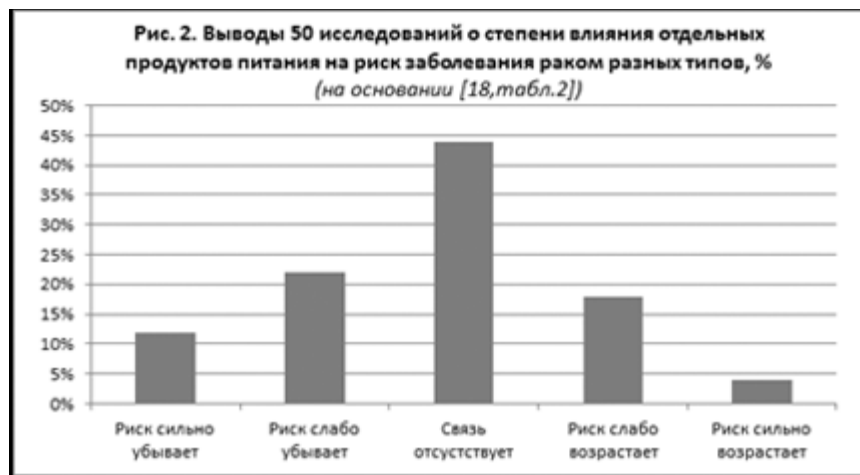
Ответ на первый вопрос чрезвычайно сложен. Врач должен потратить массу времени, выявлять особенности моего организма и т.д. и, возможно, найти какой-то конкретный ответ на вопрос, почему тысячам людей операция помогала, а вот этому кадру – нет. Иногда такое исследование делается, иногда нет, но очень часто вместо конкретного анализа причин просто отыскивается некий компромисс; например, в моем случае могут сказать: «ну походите еще пару месяцев на физиотерапию», и если я соглашусь, и на сей раз она поможет, то и прекрасно. Но тот, главный вопрос – почему именно мне так не повезло – останется все равно без ответа. Если вкратце – найти индивидуальные причины того или иного явления часто практически невозможно. Попробуйте, для примера, разобраться, почему именно этот человек вдруг умер в 40 от инфаркта, а другой – живет себе до 90. Наука, безусловно, идет от индивидуумов к общим закономерностям и пытается отыскать типичные причины того же инфаркта или типичную эффективность физиотерапии на множестве людей. Мой индивидуальный случай, не включенный в общую картину, для нее почти всегда неинтересен.

Посмотрим, как это делается статистически. Вся медицина, с тех пор как она немного отошла от магии, так или иначе ориентирована на статистику. Огромное число исследований проводится в мире для доказательства тех или иных утверждений, от эффективности лекарств до пользы или вреда каких-то ингредиентов или процедур. Казалось бы, очень даже «культура-2». Но, однако, не совсем.

В 2005 году Д. Иоаннидис (*J. Ioannidis*) опубликовал статью под вызывающим названием «Почему большинство опубликованных результатов исследования неверны» (*Why Most Published Research Findings Are False*), которая вызвала массу самых разнообразных откликов. Она была посвящена медицине, но в принципе имеет более широкое значение. Предмет статьи довольно сложен технически для обсуждения в данном тексте, но основная идея такова: некое сочетание традиционных статистических методов (использование *p-value*, малый размер выборки и проч.) и человеческих слабостей (люди обычно не публикуют

«отрицательные» результаты) приводит к тому, что огромная доля выводов в опубликованных статьях просто формально не может быть правильной – результаты невоспроизводимы. Позднее был даже предложен термин «эффект Протея», говорящий о том, что опубликованный результат будет немедленно опровергнут после попытки его воспроизведения.

Вот яркая иллюстрация противоречивых «находок» в медицине [18]. Авторы сформировали из 50 продуктов, упоминаемых в поваренных книгах, набор, который предлагался в случайно отобранных рецептах (это было сделано специально для того, чтобы снять подозрение в умышленной подборке продуктов). Наиболее изученными оказались следующие 20 продуктов: вино, помидоры, чай, сахар, соль, картофель, свинина, лук, оливки, молоко, лимон, яйца, кукуруза, кофе, сыр, морковь, масло, хлеб, говядина, бекон. Затем они провели специальный поиск научной литературы, в которой хотя бы один из этих продуктов рассматривался в связи с ответом на вопрос: как его потребление влияет на заболеваемость раком (любого типа; по факту выявились шесть основных типов рака – кишечника, груди, легких и др.). Анализ показывает удивительную картину того, как одни и те же предметы трактовались в разных исследованиях совершенно по-разному. Обобщенные результаты приведены на рис. 2.

Видно, что в большинстве случаев влияние отсутствует. Но есть исследования, которые делают противоположные выводы – о резком увеличении либо о снижении риска. Вино: 7 работ говорили о понижении риска заболевания с ростом потребления, 3 – о его росте; помидоры – соответственно 8 и 2; яйца и кукуруза – 4 и 6; кофе – 4 и 5; сыр – 3 и 6 и т.д. Ярче всего противоречия видны относительно молока: не просто 6 и 4, но с очень большим разрывом в степени риска – от резкого понижения до сильного повышения.

Для успокоения читателя – есть и целых два примера относительной согласованности оценок: бекон – единогласно отрицательно (хотя с очень разной степенью уверенности); оливки – единогласно положительно (тоже с разной степенью). И это все! Даже лук при девяти положительных выводах имеет один резко отрицательный. И что со все этим делать нам, простым едокам?

Вот небольшой список медицинских скандалов последнего времени, получивших широкую прессу: маммография и колоноскопия являются гораздо менее полезными инструментами для обнаружения рака, чем считалось ранее; антидепрессанты, такие как *Prozak*, *Zoloft*, *Paxil*, не более эффективны, чем плацебо, для большинства случаев депрессии; постоянная защита от солнечных лучей может увеличить риск заболевания раком; совет пить много воды во время интенсивных физических упражнений может быть потенциально смертельным; рыбий жир, упражнения и решение головоломок на самом деле не помогают от болезни Альцгеймера. Делались противоположные выводы о том, могут или нет сотовые телефоны вызвать рак мозга; полезно или вредно спать больше восьми часов ночью; способствует ли принятие аспирина каждый день продлению или сокращению жизни; работает ли процедура ангиопластики лучше, чем таблетки, чтобы прочистить артерии сердца (<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/11/lies-damned-lies-and-medical-science/308269/>).

Подход к оценке статистически ложных открытий, предложенный Д. Иоаннидисом десять лет назад, получил не только активную поддержку ряда ученых, но и серьезную критику (на которую, в свою очередь, были возражения). Однако в целом он поставил очень важный вопрос о надежности публикаций даже в наиболее серьезных журналах, и, судя по недавней дискуссии (<http://www.stat.cmu.edu/~ryantibs/journalclub/ioannidis.pdf>), никто не смог опровергнуть основные положения этого подхода, хотя, кажется, общий уровень недоверия к публикациям должен быть несколько ниже, чем оценивалось первоначально.

Я не могу вдаваться здесь в конкретные причины такого положения вещей в медицине (о чем есть огромная специальная литература), но должен лишь констатировать, что, судя по всему, более-менее правильно расположил ее на графике в пограничной зоне между культурами-1 и 3: измерения наиболее существенных вещей в ней очень противоречивы, многие понятия не строго определены. А если сюда же, к медицине в западном смысле слова, добавить огромную область таких видов деятельности, как гомеопатия, «альтернативная медицина», знахарство, самолечение и т.п., в которых, с одной стороны, никаких, пусть даже противоречивых, измерений вообще не проводится, но, с другой стороны, имеются многочисленные (пусть неизмеренные!) случаи успешного излечения, – то вся область человеческого здоровья в целом, возможно, попадет в культуру-3, с техническими выходами в науку в форме томографов и нанотехнологий, но с нарастающим

объемом противоречивых «открытий».

3. *История* – близкая к средней зоне культурного пространства, как род деятельности, призванный запечатлеть прошлое в «надежных» фактах, – обладает не сравнимой ни с чем притягательностью; исторические книги (и еще более «истории» на их основе в форме романов и пр.) пользуются постоянным успехом; исторические артефакты заполняют музеи; ради взгляда на руины прошлого люди ездят по всему миру; персональные биографии и генеалогические исследования заполняют тысячи и тысячи томов; и т.д. Человек страстно хочет знать, «как оно было». Зачем?

Сказания о героическом прошлом любой группы людей были (и остаются) решающим элементом в осознании себя в качестве «мы», в отличие от «они», и тем самым играли формообразующую роль в процессе групповой эволюции. Ссылки на древность происхождения как на особое достоинство – родовая черта традиционных обществ во всем мире, а персональные носители древнего происхождения – наиболее уважаемая (и очень часто правящая) часть общества. Эти признаки стали терять свою роль под давлением меритократических тенденций последних двух столетий, но, конечно, прочно удерживают свою позицию в иерархии ценностей у огромного числа народов и в наше время. В этом смысле история – рассказ о «самости» народа и о власти властепредержащих, в чем проявляется ее рациональный аспект. Но есть несколько причин, не позволяющих отнести историю как вид деятельности к культуре-2.

а) Слишком сильно давление интересов различных групп на исследователей, слишком велико значение мифа прошлого, слишком существенны репутационные потери от замены мифа на факты. Даже если нет государственного давления, как в любом авторитарном режиме (в котором история почти всегда переписывается под текущего правителя), – есть мощное давление общества (пресса, традиций, коллег по университету и т.д.). Тому тьма примеров, приведу лишь один, очень безобидный на фоне, например, потока искажений истории в данное время в России (в связи с известными обстоятельствами). Он тоже о России – но с другой стороны. Вот что пишет замечательный английский историк Д. Левен в своей книге о войне России с Наполеоном: «Победа русских над Наполеоном является одним из наиболее драматических моментов в европейской истории... Много лет назад я пришел к заключению, что изложение этого события в западной Европе и северной Америке просто-напросто очень далеко от истины» [21, с. 3]. Итак, по прошествии 200 лет, после сотен, если не тысяч, томов на данную тему изложение «очень далеко от истины»... Далее он рассматривает особенности историографии основных стран, вовлеченных в процесс написания текстов (включая российскую), для подкрепления своего тезиса (где, в частности, упоминает о том, что «...Англия захватила Ватерлоо для себя», с. 7), а потом приступает к своему собственному (взвешенному, как мне

кажется) изложению.

б) Даже если текст пишется абсолютно незаинтересованным и объективным специалистом, на его пути непреодолимо встают очень «простые» вопросы: а что же помещать в изложение? о чем умолчать? что включать в учебники для школ и под каким углом зрения? должен быть учебник единым для всех или нет? что, собственно, есть история? Стоит всерьез задуматься над этими вопросами – и становится ясно, насколько колоссальна роль субъективного фактора во всем этом, насколько «наука» история, по сути, близка, к «рассказыванию историй» в самом бытовом смысле слова.

в) История как некое изложение того, что было, становится довольно бессмысленной, если автор не отвечает в какой-то степени на многочисленные вопросы типа «почему?». Почему Германия, не имея ни одного вражеского солдата на своей территории и заключив бесподобно выгодный мир с Советской Россией, тем не менее признала себя пораженной в 1918 году? Почему коммунизм в Советском Союзе помер, а в Северной Корее и Китае живет и процветает? Почему арабы, невзирая на гигантское военное преимущество, не победили евреев в 1948 году? Все такие вопросы предполагают знание причин происходящего – как и в настоящей науке, поиск причин вроде бы является главной целью этого вида деятельности. Но есть, однако, фундаментальная разница: в науке отыскиваются общие, типичные, массовые причины повторяющихся явлений, а в истории – индивидуальные, уникальные причины уникальных событий.

Вопрос: а как, если всерьез, узнать о том, что на самом деле происходило в тот или иной момент времени в том или ином месте? Как, например, залезть в душу Николая Второго, когда он принимал решение о вступлении России в войну? Может, и прав был Распутин, когда позднее сокрушался, что не смог этому помешать (так как находился в больнице далеко от столицы), – а то бы, глядишь, и помешал, и мировая история пошла бы абсолютно иным путем? Попробуйте сами себе задать вопрос: «Почему я в браке именно с этим человеком? Почему я в данном городе (стране), а не где-то еще?» – и т.д. Ответы на подобные вопросы – а именно из них состоит распутывание событий прошлого – ясно показывают, что искать причины отдельно взятых событий можно бесконечно, и все равно никогда не уверен, что найдешь. В этом отношении вся история как наука – очень сомнительное мероприятие. И именно поэтому она так интересна: люди видят себя, со своими колебаниями, проблемами и прочая, в разных обстоятельствах – и это чрезвычайно близко им именно эмоционально. Когда говорят «Крымнаш» – ничего похожего на исторический (и тем более юридический) анализ реальной ситуации у пресловутых 86% не возникает, но возникает чисто эмоциональная эйфория: таки «наш», не «их», – а «мое» всегда лучше чужого.

И последнее замечание насчет истории. Почему-то считается,

что незнание истории приводит к повторению ее тяжелых уроков, то есть знать историю вроде бы очень полезно. Но вот, например, свежий опрос в Румынии показывает, что три четверти опрошенных не слышали, что такое Холокост (http://mignews.com/news/disasters/060815_133124_87375.html). Таких и еще более нелепых результатов полно в любых странах – где больше, где меньше. В какой мере подобная невежественность опасна? В Германии 40-х годов все 100% не знали про Холокост (его раньше и не было) – но вот же управились. Люди делают что-то не потому, что они знают или не знают историю, а потому, что какие-то ситуации вынуждают их делать иногда сходные вещи. Наивный исторический «аналогизм» (любимый прием историков) – не более чем пародия на научную методологию. Десятки, если не сотни, раз за последний год Путина сравнивали с Гитлером (см. выше «закон Гудвина») в связи с аннексией Крыма. Чему это помогает? Да, Путин сделал нечто похожее на то, что сделал фюрер в свое время с Силезией, – но в истории масса самых разных примеров и аннексии, и захвата, и т.д. – почему именно этот выбран «для анализа»? И что из такого анализа следует? Что Путин развяжет мировую войну?

Вот отрывок из «Исхода» Л. Юриса о событиях 1948 года перед объявлением Израилем независимости: «Отряды евреев рыскали по ущельям и чащобам Иудейских гор, нападая на деревни, где скрывались бандиты. Они не спали сутками, изнемогали от усталости, но всегда были готовы отправиться в рейд. – Здесь партизанил еще царь Давид!.. – Помни, ты сражаешься на том самом месте, где рос Самсон! – В этой долине Давид победил Голиафа!» [22, с. 180]. Здесь, в концентрированном виде, история и играет свою главную – мобилизующую, возвышенную, объединяющую – роль, смешиваясь, очень незаметно, с религией и мифом. И неважно, что из упомянутых событий имело место «на самом деле», а что – нет; важно поименовать некие опорные точки в прошлом, оттолкнуться от них, получить уверенность в своей принадлежности к потоку. Поэтому так болезненна истина – то есть то, где история приближается к науке на самом деле. Поэтому, скажем, недавно опубликованные архивные материалы, неопровержимо доказывающие, что «подвиг 28 героев-панфиловцев» – выдумка от начала до конца (<http://statearchive.ru/607/>), так тяжело многими принимаются. Самые вроде бы очевидные вещи, оригиналы документов тех лет, горячо оспариваются не по поводу их аутентичности (там нельзя подкопаться), а по поводу того, «надо ли было публиковать» (<http://www.planetoday.ru/28-panfilovtsev-mif-ili-real-nost/>). Из подобных вещей вся история и состоит. Это как сегодняшняя дипломатия, обращенная в прошлое, – а кто управляет прошлым, как мудро заметил тот же Оруэлл, тот управляет и будущим (и тут истории нельзя отказать в рациональности – с точки зрения «управленцев»).

Знание истории – чудесная вещь, но помогать хоть чему-то в решении рациональных задач (принятии правильных решений)

она может только в счастливом сочетании с огромным числом других факторов (как, скажем, если бы Джорж Буш, помимо опоры на данные – не очень точные – разведки перед вводом войск еще бы и задумался о том, что вековой конфликт между шиитами и суннитами в Ираке можно сдержать только железной недемократической рукой). Ее эмоциональный заряд, однако, огромен – и для рассказчиков, и для слушателей, – словом, типичная культура-3.

4. Очень кратко – о некоторых других сферах человеческой деятельности, уже непосредственно в теле культуры-3.

Психология находится примерно в середине поля, что вполне отвечает ее статусу: с одной стороны, это наука, бурно развивающаяся на экспериментальной базе последние десятилетия, но с другой стороны, если и имеется прикладной аспект этой науки, то он обращен к познанию эмоциональной сферы ничуть не в меньшей степени, чем к познанию рациональной. Уровень и точность измерений в психологии еще ниже, чем в медицине; любые медицинские решения в этой области обладают повышенной неопределенностью; специфика индивидуума играет в силу сложности измерений (куда легче измерить давление крови, чем уровень депрессии) куда большую роль, чем в других науках (соответственно, статистика менее надежна из-за этой разнородности).

Видимо, это было одной из причин, почему именно психологи сделали совсем недавно выдающуюся работу, выполненную силами 270 (!) специалистов из разных организаций – воспроизвели 100 исследований, результаты которых были опубликованы в трех наиболее престижных журналах за несколько последних лет [27]. Такого рода массового репродуцирования результатов в истории науки вообще не было (например, «пищевые противоречия» [18], о чем говорилось выше, установлены после анализа литературы, а не как следствие повторных экспериментов). Авторы в каждом конкретном случае заново организовали выборку, задали те же самые вопросы, оценили вероятность ошибки и т.д. – во всем руководствуясь методикой оригинального исследования и постоянно консультируясь с его исполнителями. Итоги абсолютно плачевны – надежное подтверждение справедливости оригинальных выводов было достигнуто лишь в 39% случаев, а то и меньше, в зависимости от использованных критериев сравнения (что, между прочим, близко к теоретической оценке – более 50% – Д. Иоаннидиса доли «ложных открытий»). Понятно, что установление такого высокого уровня невоспроизводимости результатов выходит за рамки психологии и имеет очень большое значение для того, чтобы исследователи любого профиля повернулись лицом к проблеме неустойчивости своих выводов, тем самым сделав шаг в сторону приближения к культуре-2.

Психология по своему статусу находится «в центре событий» – как на схеме, так и в жизни: она непосредственно живет в искусстве

и она же напрямую внедряется в те науки, где еще недавно она и не предполагалась. Особенно революционна была ее роль в экономике (которая на схеме все же существенно правее, хотя по вертикальной оси незначительно выше).

Классическая политэкономия (в первую очередь в лице А. Смита) непосредственно учитывала психологию людей и их моральные установки, но уже Маркс полностью освободил теорию от этих «излишеств». Неоклассическая экономика 19-го и 20-го веков, от Вальраса до Самуэльсона, исходила фактически из физических моделей рационального поведения, где каждый агент преследует свои индивидуальные утилитарные цели и никаким образом не отклоняется от рационально определенного выбора. Первые отступления от жесткой рациональной модели, сделанные Г. Саймоном (Нобелевская премия, 1978) в 1950 – 60-х годах, были связаны с гипотезой «ограниченной рациональности» (*bounded rationality*), в которой предполагалось, что каждый индивидуум имеет в своем распоряжении лишь часть (обычно очень маленькую) всей информации, необходимой для принятия решения. Но в рамках этих ограничений он действует так же рационально, как и в ранних теориях. И только в 1970 – 80-х годах, в экспериментах психологов А. Тверского и Д. Канемана (Нобелевская премия, 2002), было продемонстрировано, что само поведение экономических агентов сплошь и рядом не рационально, что впоследствии оформилось в «теорию перспективы» (*prospect theory*, [9]) и заложило основы того, что сейчас называется «поведенческой экономикой» (*behavioral economics*), в которой уже вполне осознанно используются термины типа «ожидаемая иррациональность» [18]. Такое мощное внедрение неформальной психологии в абсолютно заформализованную область экономической науки должно привести к какому-то ее изменению – либо в сторону еще большей формализации, учитывающей эту самую иррациональность (тогда экономика переместится поближе к культуре-2), либо в сторону «экспериментальной описательности» (тогда экономика «провалится» в культуру-3). Мне лично кажется более честным второй путь – но жизнь покажет.

Такое ощущение, что новая экономика должна базироваться на фундаментальном понимании того факта, что любые решения принимаются в рамках очень широких интервалов практической приемлемости и достоверности. Эти две вещи очень часто не совпадают: приемлемым может быть решение, основанное на чистой лжи (например, сообщение врача безнадежному больному о том, что все в порядке), и неприемлемым – решение, принятое при полной осведомленности (например, для Америки неприемлемо дать Израилю полностью уничтожить Хамас, хотя дипломаты прекрасно понимают, что только его уничтожение способно ликвидировать конфликт). Плата за отступление от правдивости может быть очень высокой (как в технике), но может быть и нулевой (как в пропаганде). В этом смысле экономика – это техника и

пропаганда «в одном флаконе». Соответственно, роль науки как поставщика правды должна быть рассмотрена под иным углом, нежели это делается сейчас.

Пока что идет лишь очень скромное признание роли поведенческой экономики в традиционных учебниках – например, в [20] (2014 год!) ей посвящено пять последних страниц из примерно 500. Ни о каком изменении привычных формальных схем рационального поведения нет и речи; она подается как некий кивок в сторону теоретически некрасивых, но, к сожалению, упорно наблюдающихся фактов. Мои беседы с двумя американскими профессорами экономики говорят о том же – они рассматривают подобные исследования как некое маргинальное занятие, отвлекающее от поиска «твердых законов экономической жизни». Тот факт, что экономическая экспертиза сплошь и рядом проваливается и в качестве предсказателя событий, и в качестве объяснителя мотивов человеческого поведения, на эту логику не влияет. Это надежный «вторичный» признак принадлежности данной области знаний к культуре-3, ибо в настоящей культуре-2 пересмотр теории после экспериментального опровержения следует незамедлительно.

Я лишь чуть-чуть задел вопрос о взаимосвязи психологии с категорией рационального; я опускаю вопрос о ее связи с категорией эмоционального (см. об этом в части 2). Каждый человек имеет десятки ассоциаций – от «психологического романа» до психоанализа, от психологии пропаганды до психологии толпы, от страстных текстов Ницше до интуитивизма Бергсона, и т.д. Во всем этом практически нет ничего ни «измеримого», ни «рационального» – но есть много «психологии». Так что само это слово, как и рассмотренное ранее неприятное слово «фашизм», остается одним из наиболее многозначных – но более позитивных – порождений человеческого разума, ярким пятном на пестром поле третьей культуры.

Спорт занимает очень своеобразное место на графике: в нем высокий уровень измерения результатов, причем в сильных шкалах – ранговой (как в велогонках), интервальной (баллы гимнастам или фигуристам) или относительной (метры, секунды и килограммы в легкой и тяжелой атлетике, плавании и др.). Но сам по себе спорт лишен какой-либо рациональности в смысле «построения непротиворечивой картины мира», которая имеется в виду на графике (за теми редкими исключениями, когда занятия спортом поставляют какую-то ценную информацию для медицины, биологии и пр.). Эмоции же спорт вызывает грандиозные, по крайней мере судя по телерејтингу Олимпиад, самому большому в мире.

В таком же духе можно рассмотреть любые другие зоны третьей культуры. Везде будут присутствовать огромные проблемы с измерением, с точностью определений, с большим затруднением относительно поиска истины.

Нет смысла продолжать разбирать отдельные виды деятельности: в лучшем случае, будет как с медициной, а в худшем – как с политикой, о которой А. Недель однажды достаточно емко заметил: «Политика имеет ту неоспоримую особенность, что всякий политический дискурс или даже разговор о политике превращается в ложь» [22]. Важнее обсудить вопрос, почему такая гигантская область человеческой деятельности, которая названа здесь культурой-3, не просто существует, но чрезвычайно часто мимикрирует под культуры-1 и 2 (последнее куда опаснее первого). Предлагается следующая гипотеза.

1. Весь мир, окружающий человека, и сам человек глубоко эволюционны. Биологическая эволюция, скорость которой куда ниже, чем скорость человеческой жизни, здесь имеется в виду в последнюю очередь (не говоря уже об эволюции космоса). Эволюция подразумевает развитие с плохо определенной целью, с еще хуже определенным направлением, с огромным элементом случайности при выборе направлений пути в каждый существенный момент. Наиболее детальное изложение эволюционного развития общества, главным образом экономики, насколько мне известно, дано в книге Е. Бейнхокера [23]. У эволюционного развития столь сложного механизма, как общество (а также, возможно, не менее сложного механизма человеческого мышления), есть одна фундаментальная особенность: оно чрезвычайно оппортунистично и поэтому в высшей степени непредсказуемо – как локально, так и глобально. Как невозможно предсказать, какие именно обстоятельства из гигантского числа потенциально осуществимых сложатся в некий будущий момент времени в определенном месте, – так нельзя предсказать, какие действия будут предприняты теми или иными участниками событий в это время и в этом месте.

2. Парадоксальным образом обилие информации почти не помогает решить проблему предсказания. Например, современные финансовые рынки, где объем доступной информации зашкаливает все мыслимые пределы, не в состоянии решить ни локальную проблему обогащения своих клиентов (мизерный процент финансовых фондов устойчиво работает лучше рынка), ни глобальную проблему, такую как периодические кризисы. Нелепо обвинять в этом самих игроков или их государственных регуляторов – просто системы очень сложны и не подлежат полному контролю ни при каких условиях; всегда будет стадный эффект, эффект подражания, эффект домино и прочие вещи, которые не дадут «жить нормально» при любом объеме информации [12]. Но обилие информации создает иллюзию контроля, и это чрезвычайно важно осознать, ибо иллюзии – это как раз то, к чему люди постоянно склонны (см. о когнитивных отклонениях в части 2).

3. Людям необходимо видеть мир в простых и понятных для интерпретации схемах. Масса экспериментов доказывает, что в

любом хаотическом образе человек всегда находит какие-то «закономерности». Эти закономерности он накладывает на мир и закрепляет в своем сознании, очень часто по принципу прайминга (*priming*, то есть первое, что попало как объяснение, таковым и считается, невзирая на дальнейшие опровержения практикой, – см. примеры выше о самообмане и др.). Идеи, чем-то противоречащие даже простейшим привычкам, с высокой вероятностью будут отвергнуты (как, скажем женщины – любительницы кофе куда чаще не верят, что кофе связано с раком груди, чем другие женщины [6]). В результате сложнейший эволюционно меняющийся мир оказывается покрытым огромной сетью примитивизирующих недоказанных концепций, представлений и заблуждений, которые выдаются за истину, не удовлетворяя никаким ее критериям. При этом я сознательно не задевал вопросы религии и философии, которые добавляют в эту паутину очень много прочных нитей.

Человеку мучительно больно признавать, что мир не поддается простой категоризации, которая миллионы лет тому назад была заложена в рефлексии его пращуров для выживания и доминирует до сих пор в глубинах нейронных сетей. Статистическое мышление, признание того, что все – лишь игра случая, не встроено в глубинное сознание человека – и он ищет обходные упрощающие пути, как прекрасно показано в [9]. И когда действительность ломает его ожидания, он все равно винит не себя, а ищет иные простые ложные схемы для замены старых. Вся эта сеть полужнаний-полупрактик и есть культура-3, неизбежное порождение человеческого разума, еще недостаточно мощного, чтобы до конца определиться в своих целях и средствах, но уже достаточно развившегося для создания «гумуса», из которого должны произрасти райские яблоки, если не произойдет вторичного изгнания из рая познания.

* * *

Все, что сказано в статье, было так или иначе сказано сотни раз до меня – может быть, в других комбинациях. Здесь нет новых выводов, новых данных или алгоритмов. У меня не было цели просто ввести новый термин. Единственный прикладной смысл всей работы таков: мы живем главным образом в культуре-3. Когда она выдает себя за культуру-2 – не берите в голову, но трезво давайте себе отчет в том, что никакой точности в ее завлекательных выводах нет и не будет. Когда она выдает себя за культуру-1 – не поддавайтесь, припадайте к дивным источникам искусства непосредственно. А уж если отвертеться никак нельзя – получайте эмоциональное удовольствие, не путайте его с чисто интеллектуальным от погружения в культуру-2 (если вы там, конечно, не проживаете).

И последнее. Культура-1 обращена практически ко всем людям, культура-2 – к несопоставимо меньшему количеству

интеллектуальной элиты. Хорошего никогда не бывает слишком много; природа скупа, что бы ни утверждали свободолюбивые либеральные политики. Сделать реальный вклад в культуру-2 чрезвычайно трудно, ибо там все проверяемо и измеряемо. Сказать «новое слово» в культуре-1 несравненно легче, ибо не проверяемо ничего. Но если в культуре-2 требуется убедить в новизне и важности иногда всего 5-10 человек, способных понять результат (как бывает в математике), то в культуре-1 само понятие успеха есть не что иное, как признание этого успеха большим количеством людей. Поэтому знаменитости обеих культур – люди, попавшие на общий раут абсолютно различными дорогами. Так что исходный разрыв двух культур, отмеченный Сноу, безусловно, никуда не делся. Писатель точно так же никогда не поймет физика, как не понимал полвека назад. А физик писателя поймет. В этой асимметричности заложен огромный потенциал. Иногда кажется, что вся культура-1, как некий эволюционный перво-механизм, и существует лишь для того, чтобы, эмоционально стимулируя своими лучшими достижениями творцов культуры-2, подстегивать развитие ими новых идей, которые, пройдя через серию технико-экономических трансформаций, сделают жизнь тех же «творцов прекрасного» (а заодно и остальное человечество, потребителей третьей культуры) лучше.

Литература

1. Snow C. (1963). *The Two Cultures: A Second Look*. Cambridge University Press, 2nd ed.
2. Brockman J. (1995). *The Third Culture: Beyond the Scientific Revolution*. Simon & Schuster.
3. Чесноков С. (1995). Два языка, две культуры: Проблема и ее составляющие. http://sergeichesnokov.files.wordpress.com/2014/03/01_twolangs-twocultures_1995.pdf.
4. Kelly K. (1998). *The Third Culture*. *Science*, 279, no. 5353, 992-993.
5. Мандель И. Социосистемика и третья культура: Sorokin-trip (в 4-х частях). <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13000>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13122>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13221>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13361>.
6. Damasio A. and Carvalho G. B. (2013). The nature of feelings: evolutionary and neurobiological origins. *Nature Reviews Neuroscience*, 14, 143-152.
7. Lövheim H. (2012). A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. *Med Hypotheses*, 78, 341-348.
8. Ortony, A. & Turner, T. J. (1990). What's basic about basic emotions? *Psychological Review*, 97, 315-331.

9. Kahneman D. (2011). *Thinking fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
10. Kruger J, (1999). Dunning D. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments. *J. Pers Soc Psychol.*, 77(6): 1121-1134.
11. Mijović-Prelec D., Prelec D. (2009). Self-deception as self-signalling: a model and experimental evidence. *Phil. Trans. R. Soc., B* 365, 227-240.
12. Mandel I. (2011). *Sociosystemics, statistics, decisions. Model Assisted Statistics and Applications*, 6, 163-217.
13. Velleman P., Wilkinson L. *Nominal, Ordinal, Interval, and Ratio Typologies are Misleading. The American Statistician*, 47:1, 65-72.
14. Мандель И. (2013). «Измеряй меня...» Осип Мандельштам: попытка измерения. <http://club.berkovich-zametki.com/?p=1687>.
15. Мандель И. (2014). Незабываемое как статистическая проблема. Анализ процессов забывания прочитанного на примере отдельной личности. <http://7iskusstv.com/2014/Nomer6/Mandel1.php>.
16. Мандель И., Оксенойт Г. (2014). Моделирование долговременного процесса забывания прочитанного на основе самоанализа. *Мир психологии*, 4 (80), 146-162.
17. Мандель И. (1975). К вопросу об унификации определений. *Философские науки*, 6, 133-138.
18. Schoenfeld J. and Ioannidis J. (2013). Is everything we eat associated with cancer? A systematic cookbook review. *American Journal of Clinical Nutrition*, 97(1), 127-134.
19. Arelly D. (2012). *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. 2d ed., HarperCollins.
20. Mankiw N. (2014). *Principles of Microeconomics*, 7th ed., South-Western College Pub.
21. Lieven D. (2010). *Russia against Napoleon*. Viking Penguin.
22. Юрис Л. (1994). Исход. М., Текст, Т.2.
23. Недель А. (2011). Манифест философии. *Зеркало*, 37, 2011. <http://zerkalo-litart.com/?p=4815>.
24. E. Beinhocker. (2006). *The origin of wealth. Evolyution, complexity, and the radical remaking of economics*. Harvard Business School Press.
25. Murray C. (2003). *Human accomplishments*. HarperCollins Publishers.
26. Kirkham R. L. (1997). *Theories of Truth: A Critical Introduction*. A Bradford Book.
27. Research article. (2015). Estimating the reproducibility of psychological science. *Science*, 28, Vol. 349, no. 6251, DOI: 10.1126/science.aac4716.

Александр Матлин -

инженер-строитель, специалист по морским портам и водным путям. В Москве писал сатирические рассказы и фельетоны и публиковал их в советской периодической печати. В начале семидесятых годов в популярной серии «Библиотека Крокодила» вышла его книжка «Выталкивающая сила». Гонорар за нее он истратил в 1974 году на отказ от советского гражданства и выездную визу. Он утверждает, что это были, как говорят в Америке, *“the best money he ever spent”*. В США продолжает проектировать причалы и писать рассказы и стихи, которые регулярно публикуются в американской русскоязычной прессе. Многие из них ходят по интернету, зачастую без имени автора. В 2010 году в Москве, в издательстве «Вагриус», вышла книга рассказов и стихов Матлина «На троих с ЦРУ». В 2014 году в Нью Йорке, в издательстве «MIR Collection», вышла его книга «2 = 1», в которую вошли рассказы по-русски и по-английски.

Рассказы*

Обыкновенные приключения Леонида Шпульмана в Москве

Теперь уже никто не помнит, что побудило Леню Шпульмана поехать в Россию. Не может вспомнить и сам Леня. Конечно, не ностальгия. И тем более не служебные обязанности: Леня работал клерком в небольшой бруклинской фирме, продававшей запчасти для холодильников. Скорее всего, это было любопытство, к которому подмешивалось затаенное желание побывать в среде, где все говорят по-русски.

Так или иначе, в один погожий день холодной ранней весной Леня Шпульман, невзрачный шатен среднего роста, вышел из самолета в аэропорту Шереметьево и осознал, что он находится в стране, где не был двадцать пять лет. Если учесть, что родители увезли Леню из этой страны в трехлетнем возрасте, то можно сказать, что никогда не был. Короче говоря, Леня был самым обычным, заурядным американцем.

Но по-русски он говорил. Он впитал этот язык с детства. Он вырос в доме, где говорили только по-русски, и не просто говорили: русский язык там был культом, фетишем, божеством. Его охраняли, как государственный золотой запас. Дома детям категорически не разрешалось говорить по-английски или вставлять в русскую речь английские слова. Исковерканные на русский манер англицизмы, вроде таких как «майлы», «паунды», «драйвать» и «шопать»,

* Рисунки Вальдемара Крюгера

считались уголовным преступлением.

Этот лингвистический террор продолжался до тех пор, пока Ленина мама не ушла от Лениного папы к своему боссу, нью-йоркскому адвокату с обаятельной улыбкой и крепкими политическими связями. Папа, в свою очередь, ушел, как полагается уходить папам, к секретарше. У секретарши не было политических связей, но зато были такие бедра, что любой папа ушел бы от любой мамы. Кто из Лениных родителей от кого ушел раньше, остается невыясненным, что, впрочем, не имеет никакого значения для нашего дальнейшего повествования.

К тому времени Леня уже вырос, и развод родителей не сильно его расстроил. Правда, общаться по-русски стало не с кем. Но, как известно, все, что мы постигаем в детстве, остается на всю жизнь. Так что Леня по-прежнему мог говорить на безупречном русском языке, без тени акцента. Что его и сгубило. Но об этом позже.

Пока что мы остановились на том, что он вышел из самолета и вскоре закружился в вихре бурной московской жизни при содействии всевозможных двоюродных родственников и их друзей, которые немедленно стали Лениными друзьями. Московская жизнь понравилась Лене. Все хотели с ним дружить. Все рвались показывать ему Москву. Все звали в гости. Девушки источали сексуальную целенаправленность. Леня купался в благостном тепле любви и внимания. Он никак не мог понять, почему его родители уехали из такой веселой, высококультурной страны, населенной такими милыми, доброжелательными молодыми людьми.

Особенно Лене нравилось, что он, наконец, нашел применение своему безупречному русскому языку. Он чувствовал себя своим среди своих. Так же, как все, он любил острить или рассказывать анекдоты по-русски, и это всегда встречалось восторженным ржанием. Сам он не всегда понимал шутки своих московских друзей; ему объясняли, почему это смешно, и он, поняв или сделав вид, что понял, хохотал громче всех.

В этой культурно-массовой эйфории было одно обстоятельство, которое огорчало Леню. Когда он оставался в городе один, без сопровождения своих чудесных друзей, его почему-то переставали принимать за своего. Есть американская поговорка: если нечто ходит, как утка, и крикает, как утка, значит, это и есть утка. Поговорка оказалась обманом. Леня одевался, как все, говорил, как все, но в нем все равно видели иностранца. Каждый раз при покупке билета в музей или театр повторялся примерно один и тот же диалог:

- Девушка, один билет, пожалуйста.
- Двести рублей.
- Почему двести, девушка? Билет стоит двадцать рублей.
- С иностранцев двести.
- Откуда вы знаете, что я иностранец? – обижался Леня.

На этот вопрос он ни разу не получил ответа. Девушка, глядя в сторону, говорила с холодным отворачиванием:

– Гражданин, будете брать билет или нет? Если не будете, отойдите от кассы и не мешайте другим. Следующий!

Мучимый непостижимой загадкой, Леня обратился за разъяснением к одному из своих двоюродных друзей, Митрофану Шварцману. Митрофан был вдумчивый матерщинник и философ, который не оставлял вопросов без ответа. Он подумал и сказал:

– Повтори точно, как ты просил билет.

– Девушка, один билет, пожалуйста, – повторил Леня.

– Все понятно: ты м***ло, – поставил диагноз двоюродный Митрофан. – Забудь эти свои «спасибо» и «пожалуйста». Наши люди так не говорят. Это всё – ваши американские лицемерные деепричастия.

– Не деепричастия, а вводные слова, – поправил Леня.

– Вводи их себе в ж***у, – посоветовал Митрофан. – А у нас говори, как все.

– Как? Просто сказать – «один билет», и все? Без «пожалуйста»?

– «Билет» тоже не надо говорить. Она и так знает, что ты покупаешь билет, а не гондон. Скажи коротко: «один». Понял?

В другой раз Леня последовал инструкции своего друга, но это не помогло. За исключением первой фразы, которая, по совету Митрофана, состояла из слова «один», весь диалог с кассиршей повторился слово в слово:

– Один.

– Двести рублей.

– Почему двести?

– С иностранцев двести.

И так далее. В отчаянии Леня снова позвонил Митрофану. На этот раз Митрофан думал еще дольше. Наконец, он сказал:

– Вспомни: ты улыбался, когда просил билет?

– Наверно, улыбался. Что она мне – враг?

– Ну конечно, – сказал Митрофан. – Я был прав: ты м***ло. Это известно, что пиндосы все время улыбаются своими фальшивыми улыбками. Но мы не пиндосы. У нас люди прямые и искренние. Они зря улыбаться не будут. Я, например, могу улыбнуться девушке, только если я собираюсь ее трахнуть.

Теперь, вооруженный знанием местных обычаев, Леня отправился в заветную Третьяковку. Он подошел к кассе, швырнул на прилавок двадцать рублей и сказал сквозь зубы, вкладывая в свои слова как можно больше ненависти:

– Один.

– Двести рублей, – сказала девушка. – С иностранцев двести.

– Что-о? – взревел вежливый Леня, для которого рушилась его

последняя надежда. – Я, б*я, покажу тебе, какой я иностранец!

Девушка побледнела.

– Ох, извините, пожалуйста, – замурлыкала она с милой улыбкой. – Знаете, мне показалось, что у вас взгляд какой-то такой... не наш. Теперь я вижу, что ошиблась. Двадцать рублей, пожалуйста.

Вечером Леня праздновал победу в кругу своих новых друзей.

– Ты молодец, – говорил пьяный Митрофан, хлопая Леню по затылку. – Ты наш. Хороший парень, хоть и пиндос. Давай еще по одной, под осетринку. Осетринка – класс, особенно с хреном. У вас в Америке такую хрен купишь.

На следующий день у Лени заболел живот. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. К вечеру стало совсем плохо. Всю ночь Леню рвало. Наутро Митрофан отвез его в поликлинику.

– Смотри не проболтайся, что ты иностранец, – по дороге наставлял он Леню. – Три шкуры сдерут. Дай им мой адрес, скажи, что забыл паспорт дома, и работай под своего, понял?

Унылая блондинка в регистратуре поликлиники задала Лене два десятка вопросов, на которые он ответил с безукоризненной точностью. Под конец она спросила:

– Какой у вас рост?

На что Леня гордо сказал:

– Пять футов семь дюймов.

Он был горд не своим ростом, а знанием настоящих русских слов. Не то что какой-нибудь полуграмотный иммигрант, который, конечно же, сказал бы «пять фитов и семь инчей», что сразу бы выдало в нем иностранца.

– Чего, чего? – переспросила регистраторша.

– Пять футов семь дюймов, – повторил Леня на правильном русском языке.

Лицо регистраторши выразило испуг и растерянность. Она сказала:

– Посидите минуточку.

Она ушла и вскоре вернулась в сопровождении крупного мужчины с руководящим лицом и при галстуке.

– Господин Шпульман? – сказал мужчина, обращаясь к Лене ласково, как к больному. – Очень приятно. Какое у вас постоянное место жительства?

– Москва, – соврал Леня и без запинки назвал адрес своего друга Митрофана.

– Ну хорошо, допустим. А какой у вас рост?

– Пять футов семь дюймов.

– Так, так. Посидите минуточку.

Руководящий мужчина вернулся к себе в кабинет, оставив Леню

в приемной ждать врача. Спустя десять минут в приемную вошли двое в форме полицейских. Ленин папа рассказывал, что в прежние времена они назывались милиционерами. Как они теперь называются, папа не знал, но советовал Лене на всякий случай держаться от них подальше.

- Этот? - спросил один из милиционеров, показывая на Леню.

- Этот, - подтвердила регистраторша.

- Ага. Ну, здравствуйте, гражданин Шпулькин.

- Здравствуйте, - сказал Леня, не понимая, почему в России людей лечит полиция.

- Попрошу с нами в отделение.

- У меня болит живот, - пожаловался Леня.

- Ничего, у нас быстро пройдет, - заверили милиционеры.

В отделении пахло человеческими испарениями и еще чем-то прелым, похожим на осетрину, которой угощал Леню Митрофан. Леню усадили на стул, обитый потрескавшейся черной кожей, из-под которой выбивалась вата. Один из милиционеров, тот, который постарше, сел за стол напротив и сказал:

- Покажь паспорт.

- Не покажь, а покажи, - грамотно поправил Леня. - Я его забыл дома.

- Ты, грамотей, по какому адресу проживаешь?

Леня назвал адрес Митрофана. Милиционер подвинул к себе телефон, куда-то позвонил и что-то записал.

- Значит, так, - сказал он, и в голосе его звучала гробовая тяжесть. - Никакой Шпулькин по этому адресу не прописан.

Говори, откуда приехал. Будешь врать – живым отсюда не выйдешь, понял?

От страха у Лени перехватило дыхание и прошла боль в животе. Он сказал сдавленно:

– Из Америки.

– Что ты делал в Америке?

– Жил, – сказал Леня и на всякий случай добавил дрожащим шепотом: – Я больше не буду!

– Ага! Американец, значит!

Милиционеры переглянулись и явно повеселели.

– Все ясно: шпион, – победно объявил старый.

– Ну да, шпион и есть, – с энтузиазмом поддержал его молодой.

– Я не шпион! – застонал Леня. – У меня болит живот!

– Сейчас передадим тебя куда следует, – заверил его старый, смакуя ситуацию. – Там быстро разберутся, что у тебя болит. Получишь десяточку строгого, чтоб впредь не шпионил против нашего народа.

Леня не знал, что такое «десяточка строгого», но догадался, что это должно быть нечто крайне непривлекательное. Эта догадка пронзила его воспаленный мозг, и он разрыдался, отчего ликование милиционеров достигло предела.

– Ну что, может, пожалеет? – сказал старый.

– Пожалеет, – согласился молодой.

– Правильно. Пусть платит штраф и валит в свою Америку. Сколько у нас за шпионаж полагается?

– Две тысячи рублей, – с готовностью ляпнул молодой. Он был еще слишком молод, чтобы постигнуть глубокий смысл денег.

– Правильно, – сказал старый. – Только не рублей, а долларов. Плюс пятьсот за то, что ходит без паспорта. В общем, так, Шпулькин: плати три тысячи и не беспокойся. Я выпишу квитанцию. У нас всё по закону, не то что в вашей Америке.

Размер штрафа слегка ошарашил Леню. Вся его поездка в Россию не стоила таких денег. Платить было нечем.

– Кредитную карточку возьмете? – заискивающе спросил он.

Старый милиционер пожал плечами.

– Давай, если не нужна. Но сначала заплати штраф.

– У меня нет таких денег, – заныл Леня.

– Звони своим родственникам, пусть привезут.

Леня позвонил Митрофану, которого к тому времени считал своим лучшим другом. Услышав про три тысячи долларов, Митрофан по дружбе обложил Леню таким матом, какого Леня никогда не слышал и не мог понять, несмотря на свое безупречное знание русского языка.

– Пиндос и есть пиндос, – подвел итог Митрофан. – Сам

заварил, сам и расхлебывай. А у меня нет денег.

- Я ничего не заваривал, - ныл Леня. - Они думают, что я шпион.

При слове «шпион» Митрофан испугался так, что от страха перестал материться. Он перешел на «вы», вежливо попросил Леню больше не звонить и повесил трубку. Леня попытался сделать еще несколько звонков своим новым московским друзьям, но это приводило к такому же результату.

- Ненадолго, займы! - взывал Леня. - Я вышлю, как только вернусь домой!

При упоминании о деньгах друзья грустнели и заводили разговор о живописи или драматическом искусстве. Когда Леня жаловался им, что его подозревают в шпионаже, они пугались и спешили закончить разговор. Потом друзья вообще перестали отвечать на Ленины звонки. Видимо, разошелся слух об их знакомом придурковатом американце, который оказался шпионом и при этом у всех вымогает деньги.

Леня остался в вакууме, если не считать двух милиционеров. Но и тем надоело воспитывать Леню; они занялись своими делами и перестали обращать на него внимание. Мучительно потекло время и тянулось до тех пор, пока в Нью-Йорке не наступило утро, и Леня смог, наконец, позвонить маме.

Узнав о Лениных приключениях, мама впала в истерику и немедленно задействовала своего политически влиятельного супруга. Супруг позвонил всем своим политически влиятельным знакомым. В результате пошел звонок из Госдепартамента США в американское посольство в Москве, а оттуда - далее, по должным российским каналам. Но к тому времени в Москве кончился рабочий день, должные каналы перестали отвечать на звонки, и бедный Леня застрял в отделении милиции до утра.

Не будем пытаться передать состояние нашего несчастного героя в течение этой жуткой ночи или описывать обстановку, в которой он провел эту ночь. Вы, мой дорогой искушенный читатель, даже если сами никогда не проводили ночь в московском отделении милиции, наверняка можете себе эту обстановку представить, и, стало быть, незачем зря тратить ваше время.

Утром вернулись на работу два знакомых Лене милиционера. Они поинтересовались, раздобыл ли их подопечный деньги на штраф, и снова занялись своими делами. И бедный Леня понял, что его песенка спета, и что он уже никогда отсюда не выйдет, и что пора подводить итоги своей глупой, непродолжительной жизни.

Но я должен успокоить вас, дорогой читатель. Не в моих правилах заканчивать рассказ на такой трагической ноте и тем портить вам настроение. Ленины мучения продолжались до тех пор, пока в отделении милиции не раздался спасительный телефонный звонок. Этот звонок завершил целую эстафету звонков, которая началась накануне вечером в американском посольстве и

пронеслась по Москве через несколько важных правительственных организаций, отвлекая важных людей от их важных дел. Никто из этих важных людей не мог понять, почему их важных абонентов интересует какой-то совершенно неприметный американский турист, и они поспешили от этого ничтожного туриста избавиться.

Коротко поговорив по телефону, старый милиционер положил перед Леней его кошелек с кредитной карточкой и водительскими правами штата Нью-Джерси.

- Можешь идти, грамотей, - сказал он, и Леня, не веря своему счастью, пулей вылетел на улицу.

В тот же день он успел на прямой рейс «Дельты» из Москвы в Нью-Йорк. Вдавившись в спинку кресла, он сидел в самолете с закрытыми глазами и боялся пошевелиться, пока самолет не выйдет на взлетную полосу.

- Что, первый раз летите в Америку? - услышал он приветливый голос сидевшей рядом блондинки.

Леня вздрогнул, и не открывая глаз, пробормотал:

- Sorry, I don't speak Russian.

Моя недолгая жизнь на театральных подмостках

Сейчас, дорогой читатель, я сделаю признание, которое человек может сделать только в преклонном возрасте. Я открою вам то, что скрывал всю жизнь: у меня нет никаких талантов. Я от рождения безнадежно бездарен. У меня нет способностей к живописи. У меня нет музыкального дара. Я не преуспел ни в поэзии, ни в прозе. Об искусстве танца вообще говорить нечего.

Но вот однажды, один-единственный раз в жизни, во мне ненадолго вспыхнул дар актера. Это было восхитительное, всепоглощающее чувство. Это был взрыв счастья - как невесомость, как парение в небе. Сегодня, много лет спустя, при воспоминании об этом мне хочется петь и танцевать, но я не могу этого сделать по

причине, изложенной выше: у меня нет таланта к пению и танцам.

Это произошло в Лос-Анджелесе вскоре после того, как я прибыл в Америку в качестве политического беженца из страны победившего социализма. Кого еще он победил, я не знаю, но надо мной этот славный социализм определенно одержал победу. Я спасся бегством. Промыкавшись в Лос-Анджелесе несколько месяцев без работы и без средств к существованию, я случайно узнал, что тут успешно функционирует русский театр. Я умел говорить по-русски, и это было, пожалуй, единственное, что я тогда мог делать в Америке. Я подумал, что в русском театре это может пригодиться.

Режиссер театра Николай Грызунов, он же его владелец и менеджер, принял меня дружелюбно. Он рассказал мне, что сейчас театр готовит к постановке монументально-эпохальную пьесу «Любовь зла», и они как раз набирают актеров. Подзаголовок пьесы, объяснил он, будет: «Полюбишь и козла». Актер на роль козла, то есть героя-любовника, у них уже есть, но не хватает актера на роль обманутого мужа. Потом, повнимательней приглядевшись ко мне, он помялся и добавил, что театр, вообще-то, русский, поэтому актеры должны иметь русскую внешность и русские фамилии. Тем не менее, сказал он, им также нужен суфлер, и он готов предложить мне эту должность. Он может заплатить мне двадцать долларов после того, как спектакль будет сыгран.

Я согласился с радостью. К тому времени я не заработал в Америке ни цента, и двадцать долларов выглядели как солидный куш.

Работа была простая. Я должен был стоять за кулисой и шепотом читать текст пьесы. Все искусство заключалось в том, чтобы вышептывать каждую реплику после того, как предыдущая была сказана со сцены. Кому принадлежала реплика, читать не следовало, актеры должны были сами это знать.

Роль обманутого мужа долгое время оставалась вакантной. В последний момент на нее нашли жилистого плотника Васю, человека угрюмого и далекого от искусства Мельпомены. Но выбора уже не было, до премьеры оставались считанные дни. Васина фамилия была Козлов, что хорошо гармонировало с названием пьесы. Вася Козлов говорил по-русски с необычным – то ли волжским, то ли уральским – акцентом, и в его устах все, кроме мата, звучало как-то неестественно. В каждую фразу он вставлял непонятное никому, кроме меня, вводное слово, которое звучало как «бёнтъ».

Начальные этапы репетиции пьесы – чтение и разводка – прошли без меня и без Васи. Я был пока не нужен, а Васю тогда еще не нашли. К тому времени, когда мы оба влились в труппу, спектакль был в цейтноте. До премьеры оставалась всего одна репетиция. Актеры нервничали. Грызунов психовал. Вася Козлов не успел выучить свою роль, поэтому вся надежда была на суфлера, то

есть на меня.

На репетиции я показал себя с хорошей стороны. Я правильно шептал тексты, как раз так, чтобы меня хорошо слышали актеры, но не слышала публика. Сложнее обстояло дело с Васей, игравшим обманутого мужа. Будучи красивым синеглазым блондином, он никак не мог войти в эту унижительную для него роль. Ему бы больше подошла роль любовника, но эта вышеупомянутая роль козла уже была отдана Мишке, двоюродному брату режиссера. Мишка, наоборот, был маленький, плюгавый мужичок, мало похожий на любовника. Что поделаешь, любовь зла, как изведало название пьесы. Кроме того, жена Мишки была на сносях, и он каждую минуту бросался к телефону, чтобы узнать, не начала ли она рожать.

Сюжет пьесы был примитивен, как сказка про курочку Рябу. В основе его лежал любовный треугольник. В последнем акте муж возвращался домой из командировки и находил в своем доме любовника жены. Это была кульминация. Разыгрывалась трагическая сцена, которая заканчивалась двойным убийством. Зрительской массе русского театра, состоявшей из иммигрантов первой и второй волн, нравились любовные драмы. Особенно им нравилось, когда дело кончалось убийством, так что билеты на спектакль были раскуплены.

Наступил день спектакля. Актеры нервничали. Грызунов дрожал от страха, опасаясь провала. Как ни странно, меньше всех волновался Вася Козлов. Перед началом спектакля он для храбрости принял двести пятьдесят, запил пивком, порозовел и теперь умиротворенно ждал своего выхода.

Первые два акта прошли гладко. Я шептал, актеры старательно выкрикивали за мной свои роли, а зрители терпеливо ждали трагической развязки, предвкушая убийство. Настал третий акт. Муж, то есть Вася Козлов, вернулся из командировки и постучал в дверь своего дома. На самом деле постучал режиссер Грызунов, который всегда лично исполнял закулисные звуки. Героиня заметалась по сцене.

– О Боже, это мой муж, – прошептал я.

– О Боже! Это мой муж! – закричала героиня, заламывая руки.

Грызунов постучал еще раз, вкладывая в стук максимум трагизма.

– Ах, он убьет меня, – прошептал я.

– Ах! Он убьет меня! – прокричала героиня еще громче.

Я бы на ее месте не стал кричать так громко, из опасения, что мужу за дверью все может быть слышно. Но давать героине советы не входило в мои обязанности. Я прошептал:

– Скорей сюда, в шкаф.

– Скорей! Сюда! В шкаф! – заорала героиня благим матом.

Настало время появления мужа.

– Вася, выходи, – прошептал Грызунов.

– Куда? – спросил Вася.

– Куда, куда – на сцену!

Васин выход был встречен аплодисментами. Публика оценила его яркую внешность и нетвердую походку. Видно было, как замечательно этот актер играет человека, уставшего с дороги. Вася остановился недалеко от меня и стал вглядываться в темный зал, пытаясь увидеть знакомые лица. Я выдержал положенную паузу и прошептал:

– Ты почему так долго не открывала.

– Ну ты, почему, бёнь, так долго не открывала? – членораздельно повторил Вася, продолжая глядеть в зал.

Грызунов подскочил ко мне и с мольбой прошептал мне в ухо:

– Зачем он говорит «бёнь»?

Это был шепот отчаяния, можно сказать, крик души перед ужасом надвигающейся катастрофы. Но я в тот момент был парализован чувством ответственности и воспринял шепот Грызунова как инструкцию.

– Вася, – прошептал я, – зачем ты говоришь «бёнь»?

Вася перестал вглядываться в зал и повернулся ко мне.

– А чего ж она, бёнь, не открывала? – сказал он с явной обидой.
– Оглохла, что ли?

– Вася, – сказал я звенящим шепотом, – не отвлекайся от роли. Повторяй только то, что я говорю.

– А я что делаю? – еще больше обиделся Вася.

Спектакль явно начинал сходить с рельсов. Я в растерянности оглянулся на Грызунова, не зная, что мне делать дальше. Но Грызунова не было. Позже выяснилось, что он, предвидя провал и

опасаясь мести разгневанных зрителей, бежал из театра и уехал к своему тестю в Редондо-Бич, где его не могли найти. Но тогда мне некогда было размышлять над тем, куда он делся. Я оставался один на один с пьяным Васей.

- Ты здесь кого-то прячешь, - прошептал я.

- Ты здесь кого-то прячешь, - монотонно повторил Вася, не глядя на героиню. Его игра мне не понравилась.

- Неправильно, - прошипел я. - Говори с выражением! Вот так.

И добавил, наполняя свой шепот театральной страстью:

- Ты здесь кого-то прячешь!

- Понятно! Ты здесь, бёнь, кого-то прячешь! - громогласно повторил Вася. На этот раз голос его звучал угрожающе. Он явно начинал входить в образ.

- Ах нет, милый. Здесь никого нет, - прошептал я.

Реплика относилась к героине, и она ее старательно выкрикнула. Но Вася не знал, кто что должен говорить, и добросовестно повторял все, что я нашепывал. В результате они оба прокричали в унисон:

- Ах, нет, милый! Здесь никого нет!

Это прозвучало бессмысленно, но весьма эффектно, как тщательно отрепетированный сценический прием. Я прошептал:

- Я знаю, он где-то здесь. Он где-то здесь.

- Слышу, можешь не повторять, - огрызнулся Вася. - Он, бёнь, где-то здесь!

Голос его звучал вполне трагично, но при этом Вася продолжал стоять на месте, глядя в зал.

- Ищи его, - прошипел я. - Он в шкафу.

Вася начал кружить по сцене, но далеко от меня не уходил, боясь не расслышать текста. И тут я понял просчет постановщика. Шкаф находился на противоположном, максимально удаленном от меня краю сцены, куда Вася не забредал. Положение становилось критическим. Время шло. Пора было убивать любовника, а Вася не мог его найти, и было ясно, что уже никогда не найдет.

Я с тоской подумал о двадцати долларах. Грызунов по-прежнему не появлялся, и тогда я решил взять спасение спектакля в свои руки. Я бросил тетрадь с текстом, который уже знал наизусть, выскочил на сцену, схватил Васю за рукав и подтащил его к шкафу.

- Наверно, он в шкафу, - прошептал я в Васино ухо. - Говори.

- Ага! Наверно, он, бёнь, в шкафу! - с облегчением заорал Вася, совершенно не удивляясь такому неожиданному повороту событий.

Он широким театральным движением распахнул шкаф и сделал зверское лицо, чтобы немедленно убить негодяя Мишку.

Но в шкафу никого не было. Он был предательски пуст. В нем не было даже задней стенки, вместо которой в полумраке закулисья виднелось какое-то безобразное нагромождение старых декораций.

Случилось самое ужасное: когда Мишка сидел в шкафу, ему сказали, что только что позвонила его жена и что из нее потекла вода. И Мишка сломя голову помчался домой, бросив на произвол судьбы тонущий спектакль и не дожидаясь своей преждевременной гибели от рук разгневанного Васи.

Еще не успев осознать всю нелепость сложившейся ситуации, я по инерции прошептал:

- Ага, вот ты где.

- Ага, вот ты где, падла! - заорал Вася.

Он начал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, к кому он обращается. Не найдя никого более подходящего, он схватил меня за шиворот и стал трясти, продолжая орать, что он меня сейчас убьет. Эту часть своей роли он то ли помнил, то ли импровизировал.

Тут я сообразил, что я уже не суфлер, а, наоборот, действующее лицо, притом одно из главных, и почувствовал, как в меня вселяется творческое вдохновение. Я закричал, заламывая руки:

- О, пощади меня!

Героиня тоже проявила сообразительность и заорала:

- О, пощади его!

- Я тебя, бёнь, пощадию! - сказал Вася и убил меня какой-то блестящей штуковиной, заранее припрятанной у него в кармане.

Я картинно упал, ударившись головой об пол. Но боли я не почувствовал - так я был захвачен своей трагической ролью. Расставаться с ней было жалко, и я от себя добавил то, чего не было в пьесе:

- Прощай, моя любимая! Я уже умираю!

Вася презрительно покосился на меня, и не мешкая более,

прирезал героиню тоже.

Дали занавес. Зал разразился бешеными овациями. Мы втроем, всем любовным треугольником, вышли на авансцену и раскланялись. А зал продолжал реветь. И мы много раз выходили и кланялись, выходили и кланялись. И я чувствовал, что летаю в облаках.

На этом закончилась моя артистическая карьера. Она была, как видите, непродолжительной, но успешной. Вместо обещанных двадцати долларов Грызунов заплатил мне сорок: двадцать за меня и двадцать за предателя Мишку. Правда, играть в театре он меня больше не приглашал.

А Васина карьера, как ни странно, только началась. Оказалось, что на наш спектакль пришел – в качестве чьего-то мужа или свекра – какой-то мелкий голливудский продюсер. По-русски он не понимал, но ему понравилась Васина внешность и неподдельно страстная игра, особенно то, с каким энтузиазмом он пришел меня и героиню. Продюсер представил его своим коллегам, и Васю стали снимать в кино в роли советского шпиона или подполковника советской армии.

Вскоре я потерял Васины следы. Говорят, что в Голливуде он стал своим человеком, разбогател, женился на Деми Мур, и теперь пламенно борется против изменения климата.

Юрий Окунев – ученый в области теоретической радиотехники. Окончил С.-Петербургский государственный университет телекоммуникаций. С 1993 года работает в телекоммуникационной индустрии США. В 2007 году Институт инженеров электроники (*IEEE*) присудил ему награду имени Чарльза Гирша за «выдающийся вклад в теорию фазовой модуляции и разработку мобильных систем радиосвязи». Юрий Окунев опубликовал несколько книг и большое число очерков на русском и английском языках. Книга «Ось

всемирной истории» в английском переводе получила награду *USA Book News – “The National 2008 Best Book Awards”*. Многочисленные очерки Юрия Окунева опубликованы в интернет-изданиях; его вебсайт: www.yuriokunev.com.

Загадка янтарных бусинок

*Повесть посвящается
моей дочери Ирине.*

Это дело, если судить о нем по газетам и телевидению, было отнюдь не самым сложным и запутанным в моей практике частного сыщика. Хотя бы потому, что оно завершилось полным и сравнительно быстрым раскрытием причин загадочного самоубийства профессора Берлекемпа. Однако в действительности все обстояло много сложнее, а информация, преднамеренно сброшенная в СМИ, не имела ничего общего с тем, что я раскопал на самом деле. Более того, если быть совсем откровенным, известная публике версия была сочинена мною совместно с вдовой профессора Алисой Берлекемп, в то время еще весьма интересной и вполне светской женщиной, а ныне – ревностной служительницей Бога в отдаленном монастыре на Среднем Западе. Истинная причина смерти профессора известна только мне и ей. Уже много лет наша фальсификация, основанная, впрочем, отнюдь не на корысти, тяготит меня. Дело в том, что открывшаяся нам с Алисой истина касается не только нас двоих – она чудовищна, фатальна и безысходна, и я не могу, да и, по-видимому, не имею права унести ее с собой. Я просто обязан раскрыть эту тайну, какой бы невероятной, фантастичной и даже, на первый взгляд, нелепой она ни представлялась...

* * *

Профессор Рэймонд Берлекемп убил себя выстрелом из личного пистолета примерно в шесть часов утра того рокового дня, в кабинете на втором этаже своего коттеджа в долине Пало-Альто в Калифорнии. Все это установила еще до меня нехитрая полицейская экспертиза. Она же вполне обоснованно отклонила

какую-либо возможность насильственной смерти, ибо покойный оставил предсмертную записку, написанную, несомненно, им самим, без всякого принуждения. Из записки следовало, что единственным виновником смерти профессора является он сам. Рэймонд просил никого другого в этом не винить и не подозревать, а полный текст записки широко не разглашать.

Я узнал о самоубийстве известного не только в научных кругах профессора Берлекемпа из газет, в которых с присущей широко вещательным средствам сенсационностью излагались «кровавые» подробности смерти «крупнейшего в мире ученого в области биологической кибернетики, стоявшего на пороге открытия тайн цивилизации, обаятельного и полного жизни 50-летнего мужчины, в недавнем прошлом – чемпиона Калифорнии по теннису». Признаться, в плане профессиональном меня это сообщение ничуть не заинтересовало, хотя к личности Рэймонда я, не будучи с ним знакомым, питал глубокое уважение и даже испытывал некое поклонение, как перед чем-то непонятным и мне лично недоступным. Тут же подумалось – вероятно, дело в какой-то банальной финансовой афере, в которую, как известно, подчас втягиваются талантливые ученые, испытывающие дефицит циничного прагматизма. Поэтому, когда президент Стэнфордского научного центра, в состав которого входила лаборатория Берлекемпа, вежливо, но настоятельно пригласил меня приехать для деловой беседы, я внутренне настроился отказать предложение расследовать самоубийство. Что таковое последует, я не сомневался, ибо для чего же еще президент всемирно известного калифорнийского научного центра приглашает к себе нью-йоркского сыщика на второй день после загадочной смерти своего знаменитого сотрудника.

Была середина августа. Я вылетел из Нью-Йорка в ужасающую влажную жару, но в Сан-Франциско было совсем не душно. Эти места между заливом и океаном в прекраснейшей прибрежной калифорнийской долине всегда были мне по душе. Много раз собирался я перебраться сюда навсегда, но мои безнадежно запутанные личные дела властно вынуждали оставаться в Новой Англии. Любуясь из окна лимузина своей несбыточной мечтой, я обдумывал предстоящую встречу. Судя по лимузину, присланному за мной в аэропорт вместе с иголки одетым, вежливым и молчаливым шофером, похожим больше на брокера с Уолл-Стрит, меня собирались брать весьма круто. Это дело становится совсем неинтересным, – прикидывал я, – но ведь и отказать будет нелегко...

* * *

Президент Дональд Граунхилл оказался довольно молодым человеком с быстрыми, но несуетливыми движениями уверенного в себе крупного научного менеджера. Аккуратно зачесанные назад

густые каштановые волосы с едва заметной, но безукоризненно симметричной сединой на висках создавали впечатление всеобщего порядка. По его лицу и губам скользила легкая, ни к чему не обязывающая улыбка – признак доброжелательного покровительства по отношению к посетителю. Отличный руководитель, – подумал я, – но, вероятно, прохвост. Проговорив положенные комплименты, он предложил мне провести неофициальное расследование по делу профессора Берлекемпа.

– Зачем вам такое расследование, ведь установлено отсутствие криминальных действий с чьей-либо стороны? – спросил я.

– Дело в том, – чуть помедлив, ответил президент, – что наш институт имеет безупречную репутацию. Безупречную во всех отношениях и во всем мире (в его голосе звучали патетические ноты). Смерть профессора Берлекемпа – это большой удар для нас. Многие, видите ли, полагают, что его самоубийство связано с неудачами в работе, с отношением к нему в институте. Мы не можем...

– Вы не согласны с подобным мнением? – перебил я президента.

– Конечно, нет! О какой неудаче может идти речь, если всего лишь год назад Берлекемп со своим помощником доктором Гусманом получил Нобелевскую премию за открытие клеточно-молекулярного механизма памяти... Скажу вам больше, – он встал и подошел к большому окну во всю стену кабинета с видом на долину Пало-Альто, – за несколько дней до смерти профессор, стоя у этого окна, сказал мне, что находится на пороге огромной важности открытия в области... Впрочем, профессор был человеком с непомерной фантазией, но говорить о его неудачах в науке просто смешно. А всевозможные предположения о работах института в «негуманных» сферах, равно как и о нравственной трагедии Берлекемпа-ученого, есть сплошной вымысел. Для него, – президент повысил голос, словно раздражаясь, – не было и не могло быть лучшего места работы, чем у нас...

– Вы хотите, – сказал я в полувопросительной форме, – чтобы мое расследование сняло с вашего института подозрения в причастности к самоубийству Берлекемпа.

– Да!

– Какова же ваша версия этого скорбного события?

– Я не хотел бы навязывать вам свою точку зрения, – ответил президент, ясно давая понять, что именно этого он хотел, – но глубоко убежден: в данном случае имела место семейная трагедия.

– Что вы имеете в виду? – спросил я, совсем теряя интерес к этому делу.

– Обычная история. Миссис Берлекемп – очень красивая и сравнительно молодая женщина. Она, вероятно, имела свои увлечения, о которых профессор, конечно, не подозревал. Нужно знать темперамент Берлекемпа, чтобы представить его реакцию,

когда он что-либо, может быть, случайно узнал.

Я понял, что меня твердо и настойчиво ведут в определенном направлении, и начал сопротивляться:

- У вас есть доказательства этой версии?

- Собирать доказательства - ваша задача, - отпарировал президент.

- Собирать доказательства, но не рыться в грязном белье, - сказал я, встал и приготовился отклонить сделанное мне предложение.

Но в этот момент, словно уберегая меня от опрометчивого поступка, мистер Граунхилл вынул из стола свою козырную карту. Это был сложенный вдвое листок бумаги с написанным от руки текстом.

- Вот письмо Берлекемпа... то предсмертное письмо. Не сочтете ли вы его доказательством моей версии?

Я взял в руки письмо - какое-то мрачно-торжественное предчувствие охватило меня, мне показалось, что я стою на пороге другого мира... Короткая записка потрясла меня, во-первых, своим загадочным содержанием, из которого следовало, что никакой ясности в этом деле нет и быть не может, и, во-вторых, необычностью словесных выражений. Это было похоже на трагический бред юродствующего фанатика, содержащий, тем не менее, скрытую, огромную интеллектуальную мощь... Вот полный текст записки, прочитав которую, я тотчас же понял, что не смогу уйти от этого дела:

«Пало-Альто, 12 августа, 6 часов утра...

В моей смерти никого не вините и причину не ищите - она во мне и только во мне самом. Я слишком много узнал, я узнал Богово, а Боги не простят этого ни мне, ни вам... Хотя мы все подобны простым подопытным кроликам, однако отличаемся от последних двумя качествами: во-первых, способностью понять, что мы «кролики», и, во-вторых, способностью самостоятельно и обдуманно покончить с собой. Последним я и позволю себе воспользоваться. Надеюсь, что наши дети, а может быть и внуки, проживут в счастливом неведении - да позволят им это Боги.

Рэй Берлекемп (подпись)

P.S. 1 час 30 минут от начала нашей новой истории - это мгновение я оставляю за собой, но, пожалуйста, широкой публике все это не разглашайте».

Я стоял с запиской в руках, не в силах проглотить застрявший в гортле комок. Неправильно истолковав мое молчание, президент снова пошел в наступление:

- Как видите, мистер Ньюэн, профессор прямо пишет - ему стало известно нечто, не оставляющее для него иных возможностей... Он, заметьте, надеется, что его дети останутся в неведении - явный намек на некие обстоятельства, порочащие их

мать, причем порочащие весьма серьезно. Кроме того, Рэймонд, заботясь о репутации семьи, просит все это не разглашать. Кажется, ясно, в чем дело...

- Предположим, что это так, - начал я, преодолевая оцепенение, - но при чем здесь «кролики»?

- Обычное профессорское философствование на абстрактную тему, - отрезал президент.

- Следовательно, вы полагаете, что за час и тридцать минут до самоубийства, то есть в половине пятого ночи, Рэймонд узнал об измене жены?

- Да, нечто в этом роде...

- И вы к тому же полагаете, - продолжал я издевательски, - что, судя по приписке, профессор счел это событие началом новой эры истории?

Президент не принял моего вызова и ответил совершенно спокойно и серьезно:

- Не придавайте особого значения той форме, в которую Рэймонд облакает свои мысли. Его и в жизни не всегда можно было понять. Полагаю, что за несколько минут до смерти человек имеет право немножко, простите за откровенность, поюродствовать...

- Хорошо, мистер президент, я принимаю ваше предложение и готов начать расследование при условии...

- Прекрасно! Все ваши условия принимаются без обсуждения.

- Тогда я хотел бы ознакомиться с лабораторией профессора Берлекемпа.

- Пожалуйста, хотя, поверьте, это мало продвинет вас по сути дела, - сказал президент, нажал одну из клавиш на пульте своего стола и, обратясь к большому видеомонитору на противоположной стене кабинета, попросил доктора Гусмана.

На светящемся экране появился худощавый брюнет лет сорока, с большими выразительными глазами.

- Я слушаю, шеф, - сказал человек на экране.

- Сол, - обратился к нему президент, - мистер Ньюэн, находящийся в данный момент у меня, будет проводить частное расследование по делу Берлекемпа. Ознакомь его с лабораторией и попроси Бланш зайти за ним в мой офис - пусть она по дороге введет мистера Ньюэна в курс дела, чтобы он не терял время понапрасну...

- Хорошо, шеф, будет сделано, - вяло ответил Сол Гусман, и презрительная гримаса передернула его лицо.

Я понял, что с этим человеком мне нелегко будет найти общий язык.

- Желаю удачи, - президент пожал мне руку и добавил: - учтите, Сол - ближайший ученик Рэймонда и тоже с характером... Впрочем, здесь все с характером, - сокрушенно заметил он и

впервые широко улыбнулся.

– Последний вопрос, – проговорил я уже с порога. – Правда ли, что профессор занимался проблемой существования внеземных цивилизаций?

– Нет, неправда! В нашем центре занимаются только реальными проблемами. Профессор Берлекемп работал со сложными биокибернетическими системами, и в первую очередь – над проблемой клеточно-молекулярного и молекулярно-генетического механизма памяти... Еще раз – удачи вам...

Я вышел из кабинета президента с чувством жгучего профессионального интереса и с мрачными предчувствиями. Итак, первая версия выдвинута: выдающийся ученый убил себя, потрясенный изменой жены. Эта вполне правдоподобная и понятная любому обывателю версия как будто косвенно подтверждается содержанием предсмертной записки, а главное – абсолютным отсутствием других версий. Я, однако, в эту, пока единственную, версию просто не верю. Более того – я не верю, что в нее верит президент института, а это значит, что есть другая, истинная причина самоубийства профессора. Она, эта причина, находится здесь, в этих стенах, и ее хотят от меня скрыть – это уже становится очень интересным...

* * *

Ощущение необыкновенного поворота в моей работе, а может быть и в жизни, теперь уже не оставляло меня. Проходя по коридорам Стэнфордского центра и по дорожкам его парка в лабораторию, я почти не замечал и едва слушал сопровождавшую меня ассистентку доктора Гусмана Бланш Стаурсон. Это потом я оценил, как молода и хороша она, несколько позже, когда Бланш сыграла ключевую роль в моем прозрении. А теперь, в парке института, она быстро рассказывала мне о Рэймонде Берлекемпе – каким великим ученым он был, как много сделал для Сола, для нее и всех других... Несмотря на отстраненность, вызванную шоком от предсмертного письма Берлекемпа, я профессионально фиксировал ключевые фразы Бланш – профессор был одинок, потому что не имел равных, жена не могла понять его, потому что была обыкновенной мещанкой... Промелькнула мысль – эта девушка, похоже, была серьезно влюблена в своего профессора...

Я, впрочем, думал тогда больше о своем, и преодолевая потрясение, начинал методично работать. Пока у меня было мало данных, однако из предсмертного письма Берлекемпа следовало два важных вывода. Во-первых, в течение нескольких ночных часов 12 августа он узнал нечто, отвратившее его от жизни. Во-вторых, упоминание о «подопытных кроликах», кажущееся штампом в устах столь нестандартно мыслящего человека, явно свидетельствует о том, что профессор счел себя и окружающих очень сильно зависимыми от кого-то или чего-то. По-видимому, он

внезапно узнал нечто ужасное и фатально неотвратимое именно об этой зависимости. Я упорно шагал дальше по лестнице логических рассуждений – от кого можно узнать нечто неожиданное ночью в своем доме, где помимо профессора были его жена, а также их дети – сын и дочь, школьники старших классов? Правдоподобных вариантов ответа не так уж много: профессору могли позвонить по телефону, у него мог быть разговор с женой и, наконец, он мог что-то прочитать или просчитать... Далее – что катастрофически ужасного он мог узнать из телефонного разговора, разговора с женой, равно как из внезапно прочитанного или рассчитанного? Здесь было больше вариантов: профессор мог узнать, что финансовая игра, в которую он был, к примеру, втянут, полностью проиграна, и он разорен; что результаты его многолетнего труда использованы в преступных, с его точки зрения, целях; что он фатально ошибся в своих исследованиях; что его близкие подло обманывают его, что жена ему изменяет, что его дети... – здесь можно бесплодно фантазировать до бесконечности, и это все надо проверять.

Мы с Бланш между тем приближались к лаборатории.

– Скажите, пожалуйста, мисс ... Стаурсон, вы звонили профессору Берлекемпу в ночь его смерти? – спросил я наугад, рассчитывая на неожиданность.

– Да, – быстро ответила она, отпрянув и побледнев.

– Простите, но по какому делу?

Бланш испуганно молчала, и я начал наступать:

– Короче говоря, что вы ему сообщили в ту ночь?

– Я ничего не сообщала... просто спросила, какую аппаратуру готовить к завтрашним опытам...

– Вы хотите, чтобы я поверил, что для этого стоило беспокоить профессора ночью?

– Профессор сам просил меня позвонить ему по этому вопросу попозже.

– Что значит «попозже»?

– Я звонила ему в полночь.

– Что же ответил вам профессор?

– Он сказал, что готовить аппаратуру не нужно.

– Он был в мрачном настроении?

– Наоборот, он шутил.

– Шутил? Каким образом?

– Он сказал, что аппаратура не нужна, так как он и без нее уже умеет говорить с Богом. Он так и сказал: «... умею говорить с Богом».

– Может быть, вы застали профессора за вечерней молитвой?

– О, это так не похоже на него – вечерняя молитва... – грустно ответила Бланш.

Я посмотрел на Бланш внимательно и наконец оценил, как она

хороша. Рабочий халат не мог скрыть идеальную гармонию форм... Чистый мрамор лица, обрамленного длинными темно-каштановыми волосами... Большие глаза, словно светящиеся голубым изнутри, такие, знаете, в которых сразу же тонешь... Для проверки одной из моих гипотез нужна была сильная реакция, и я спросил бесцеремонно: «Вы были близки с Рэймондом?» Она посмотрела как-то сквозь меня и неожиданно спокойно ответила: «Будем считать, что я не поняла вашего вопроса... Впрочем, уверяю вас – последние годы женщины интересовали Рэя меньше всего, он был слишком увлечен янтарными бусинками».

Как часто в жизни мы проходим мимо тропинки, ведущей к желанной цели, и долго потом бродим из тупика в тупик, принимая видный всем проселок за самый верный и короткий путь. Вот и я пренебрег тогда тропинкой, указанной мне этой милой женщиной, и высокомерно двинул по проселку в сторону от цели. «Что еще за бусинки? – буркнул я сердито. – У меня нет времени заниматься абстракциями или домовыми на чердаке». Бланш хотела что-то пояснить, но я оборвал ее, и пытаюсь загладить свою бестактность, предложил: «Давайте не будем тратить время попусту. Впрочем, буду вам весьма признателен, если вы подготовите мне подборку публикаций по поводу этих, как вы их назвали, ... бусинок». Мы вошли в лабораторию, и Бланш представила меня Солу Гусману.

* * *

Доктор Гусман совсем не походил на отрешенного от жизни ученого, переставшего следить за собой, он был высок, строен и мускулист... Меня поразило в нем сочетание спокойной медлительности, как бы исходившей из рационального стремления не делать ничего лишнего, и быстрой реакции. В последней я мог убедиться тотчас, как только задал первый вопрос. Доктор отвечал почти мгновенно, как бы не задумываясь, но всегда ясно и конкретно. В нем чувствовался оригинальный ум, и я поймал себя на том, что невольно представляю себе профессора Берлекемпа таким, каким явился мне его ученик доктор Гусман.

Входя в лабораторию, я уже отработывал свою первую гипотезу, однако Гусман сразу же вдребезги разбил ее. Я сказал, что для решения поставленной передо мной задачи чрезвычайно важно знать, кто последним звонил Берлекемпу в ночь его смерти. Далее я стал поучать Гусмана, как следует деликатно расспросить сотрудников об этом деле. Он внимательно, не перебивая, выслушал меня, а затем без всякой рисовки просто сказал:

– Расспрашивать никого не нужно, потому что я знаю, с кем последним говорил Рэй. Что же касается содержания разговора, то вряд ли вам помогут расспросы.

– С кем говорил? Почему не помогут расспросы? – от нетерпения я привстал со стула.

– Профессор Берлекемп перед смертью разговаривал по

телефону с компьютером, который вряд ли может быть допрошен, – невозмутимо пояснил Сол.

– Что это значит?

– В домашнем кабинете профессора установлен терминал компьютерной системы, терминал подключен к одной из больших вычислительных машин института с помощью обычной телефонной линии. Машина выполняет команды исследователя и по той же линии выдает ему результаты. Однако для диалога с компьютером профессор был вынужден отключить от линии свой телефонный аппарат. Вы понимаете меня?

– Пытаюсь понять, но меня совсем не интересуют диалоги с компьютером. Я хотел бы узнать, кто из людей последним говорил с профессором по телефону.

– Последним из людей... – Сол сделал акцент на этом слове, – из людей говорил я.

– Почему вы так считаете и когда это произошло?

– Я закончил короткий разговор с профессором примерно в четверть первого ночи. Он просил меня перенести серьезное обсуждение на завтра, так как собирался переключить линию на работу с компьютером.

– Но, может быть, он не исполнил своего намерения? – упорствовал я.

– Нет, исполнил, я пытался дозвониться ему в половине первого, но телефон уже был отключен.

– Если не секрет, что вы намеревались сообщить профессору в такое позднее время?

– Извольте, я собирался подтвердить свой последний результат – все известные нам генетические коды не имеют ничего общего с кодами объектов АВ.

– Объекты АВ? Вы полагаете убедительной подобную версию? – высказал свое сомнение я.

– А вы полагаете, что ученые работают с девяти до восемнадцати с часовым перерывом на обед? – жестко отбил мяч Сол.

Разговор принимал конфронтационную форму – я плохо понимал аргументацию Сола, а он не желал считаться с моей неосведомленностью. Чтобы снять возникшую напряженность, я попросил его провести меня по лаборатории. Как мне показалось, доктора обрадовал такой поворот, и он повел меня по лаборатории, объясняя назначение различных физических и электронных установок.

В лаборатории занимались исследованием клеточно-молекулярных запоминающих устройств. Гусман показал мне пластинки, покрытые тончайшим слоем блестящего желтоватого материала. Он давал пояснения, стараясь максимально приблизиться к возможностям моего дилетантского восприятия:

«На каждой пластинке с обеих сторон нанесено несколько слоев живых клеток. Последовательность молекулярных структур этих клеток с учетом их состава и конфигурации – то есть взаимного расположения элементов – образует сложный многопозиционный код. Каждая пластинка обладает огромной информационной емкостью. Например, вот эта, размером с четверть визитки, может вместить все тома "Британской энциклопедии". Однако главное вот в чем – клетки размножаются, поддерживая сохранность информации при повреждениях и обеспечивая высокую надежность памяти... Для аналогии можно привести пример кожи на пальцах рук: можно порезать палец, но кожа постепенно восстановится вместе с прежним рисунком. Так и наши клеточные покрытия – никакие локальные повреждения не разрушают записанную информацию».

«Да, но как можно прочесть такую клеточную книгу?» – спросил я. «О, это лучше всех делает Бланш», – ответил Сол, и мы подошли к ее столу, уставленному множеством приборов. Сол пояснял: «С помощью специальных электрохимических трансляторов-переводчиков и последующих декодирующих устройств молекулярно-клеточный код преобразуется в обычный цифровой код ЭВМ и вводится в компьютер – Бланш научила компьютер читать записи, сделанные клеточным кодом!»

Я обратил внимание на множество желтых томов на полках лаборатории. Они стояли в аккуратной последовательности под номерами – от 41 до 128, но профессиональный взгляд сыщика зафиксировал – отсутствовали тома 114 и 115. На каждом томе значились две яркие красные буквы АВ. «В этих томах результаты ваших работ?» – полюбопытствовал я. Впервые Сол ответил не сразу, мне показалось, что ему не хотелось углубляться в эту тему, как будто я коснулся чего-то очень личного. «Да, – наконец ответил он в не похожей на него задумчивой манере, – можно считать это результатами нашей работы ... работы Рэя, прежде всего...» Я полистал том под номером 41 – это были сплошные колонки многозначных цифр и... больше ничего.

– Что это означает? – в моем голосе звучало разочарование.

– Это перевод на машинный язык содержания клеточной записи в объекте АВ-41.

– Каково же это содержание?

– Расшифровка пока не сделана, и мы не знаем, есть ли в этих записях осмысленная информация.

– Зачем же тратить столько сил на то, что может оказаться бессмысленным?

– В науке нет других путей, – Сол как бы подвел черту и дал понять, что не намерен дискутировать со мной по этому вопросу.

Потом мы с доктором сидели в кафе у стеклянной стены с видом на парк института, обедали, пили кофе с коньяком и довольно мирно беседовали. Он рассказывал подробно о своей работе с

Берлекемпом, о большой удаче с клеточным кодом, о речи Рэймонда на церемонии вручения Нобелевской премии. Я, однако, чувствовал, что нечто самое важное Сол недоговаривает, не желает раскрыть это мне, противится моему неожиданному вторжению в мир идей и проблем, выстраданных им вместе с Рэймондом.

- Скажите, Сол, почему Рэй мог убить себя? - задал я, наконец, главный вопрос.

- Не знаю, - было ответом.

- Вы много лет работали с профессором, вы знаете его лучше всех. Если и вам неизвестны мотивы самоубийства, то моя работа обречена на провал, - настаивал я.

- Мне действительно это неизвестно, я говорю вам совершенно искренне.

- Давайте проанализируем факты, - попытался я втянуть доктора в обсуждение, - факты, которые нам стопроцентно известны. В начале первого часа ночи профессор разговаривал с Бланш и с вами. Он, совершенно определенно, не помышлял о самоубийстве. Далее, точно известно, что после половины первого ночи профессор отключил телефон. Следовательно, мы можем исключить какое-либо внешнее вмешательство. Остаются жена и компьютер...

- Оставьте Алису в покое, она святая... - вдруг резко прервал меня Сол, и я четко зафиксировал эту его неадекватную реакцию.

- Хорошо, согласен... Тогда займемся компьютером. Объясните, зачем нужно было работать с ЭВМ ночью?

- Вполне понятно. Берлекемп последнее время работал очень много и, по-видимому, успешно. Он был близок к получению важного результата и вообще не разделял сутки на день и ночь.

- Нельзя ли предположить, что профессор получил той роковой ночью отрицательный результат... ну, скажем, который перечеркивал его ключевую идею?

- Можно предположить и такое.

- Могло ли это вызвать у него состояние отчаяния или что-либо в этом роде?

- Совершенно исключено! Для Берлекемпа отрицательный результат столь же ценен, сколь и положительный. Такое могло только раззадорить его и вызвать массу новых идей, но отнюдь не отчаяние.

- Тогда возникает более общий вопрос - мог ли он в результате своих экспериментов с компьютером узнать нечто, приведшее его в состояние глубочайшего разочарования? - продолжал допытываться я.

- Не знаю и не смею допустить ничего подобного.

- Тогда версию с компьютером придется отбросить, - констатировал я. Но скажите, Сол, был ли Берлекемп религиозным человеком?

- Пожалуй, нет! К религиозным обрядам он вообще относился отрицательно, особенно если ему их навязывали.

- Чем же объяснить настойчивое упоминание Бога в предсмертной записке? Кроме того, он пошутил в разговоре с мисс Стаурсон, что, мол, умеет разговаривать с Богом. Что это все означает, по вашему мнению?

- Что сказано, то и означает.

- То есть?

Доктор Гусман вдруг встал и произнес почти торжественно: «Это означает, что в ту ужасную... нет... в ту великую ночь профессор Берлекемп поговорил с Богом!» Холодок ужаса пробежал по моей спине, и я едва выдавил из себя подобие остроты: «Как пророк Моисей на горе Синай?» Гусман все еще стоял, словно не воспринимая мой полуироничный тон: «Нет, не так! Я думаю, что Берлекемп узнал от Всевышнего нечто поважнее Десяти заповедей».

Вероятно, меня считают здесь идиотом, - с горечью подумал я, и едва сдержавшись, чтобы не наговорить резкостей, процедил сквозь зубы: «Доктор Гусман, я недостаточно хорошо вас знаю, и мне трудно понять, когда вы говорите всерьез, а когда шутите». Сол, наконец, сел, сжал голову руками, словно выдавливая из нее ненужное, потом протянул мне руку и сказал своим обычным, лишенным пафоса тоном: «Простите меня, Клайд. Я, конечно же, пошутил, я очень неудачно и даже скверно пошутил - простите меня».

* * *

Взволнованным и опустошенным покидал я лабораторию Берлекемпа и Стэнфордский научный центр. Порученное мне расследование пока не сулило ничего хорошего, у меня не было абсолютно никакой правдоподобной версии причин случившейся трагедии, у меня не было никакого четкого плана дальнейших шагов расследования. Моя гипотеза относительно ключевой роли таинственного ночного звонка рухнула. По-видимому, несостоятельна и версия о получении профессором неожиданного, может быть отрицательного, научного результата. На горизонте моего видения не просматривалось никаких реальных мотивов самоубийства. Оставалась слабая надежда, что какой-то свет прольет вдова профессора, впрочем, интуиция подсказывала - не стоит на это очень-то рассчитывать. Давно уже, со времен первых самостоятельных расследований, меня не охватывало такое обременительное чувство профессиональной беспомощности, к которому добавлялся неприятный осадок от посещения лаборатории. Гусман и, может быть, даже Стаурсон что-то недоговаривали, преднамеренно путали карты. И потом - это навязчивое упоминание о Боге и в письме Берлекемпа, и в разговорах его сотрудников, при том что он, на самом деле, не был религиозен. Меня, возможно, провоцируют на какую-то глупость...

Уводят, что ли, от истинной и страшно глубокой тайны?

Следующие два дня прошли в почти бесплодном обдумывании ситуации и в попытках добиться встречи с миссис Берлекемп. Вдова никого не принимала, и только содействие моего старого знакомого, редактора известного научно-популярного журнала, у которого, как оказалось, работала прежде Алиса Берлекемп, помогло мне. Слово «помогло», впрочем, не вполне уместно, потому что я пожалел о своей навязчивой настойчивости, как только попал в дом Берлекемпов. Этот дом-поместье с огромным холлом под куполообразным потолком, с множеством больших светлых комнат с окнами во всю стену, выходившими на обширные веранды и балконы, был теперь погружен в тяжелую, гнетущую скорбь. Мои расспросы несколько раз прерывались слезами и едва сдерживаемыми рыданиями несчастной вдовы профессора. Она была одета в строгий темный костюм с закрытым воротничком, ее коротко стриженные и, вероятно, подкрашенные волосы были идеально уложены, но лицо и глаза выглядели увядшими, как после тяжелой болезни. Красота и обаяние этой женщины позднебалзаковского возраста лишь угадывалась за пеленой внезапного увядания под ударами обрушившегося на нее горя.

Затруднительно передать связно наш разговор, который, как я уже упоминал, не раз прерывался из-за тяжелого состояния Алисы. Я тогда счел неуместным и бестактным включать карманный диктофон, и теперь могу пересказать полученные от нее сведения лишь в самых общих чертах по памяти – впрочем, эти сведения оказались малоинформативными.

Миссис Берлекемп рассказала, что Рэймонд был в те дни в необычайно возбужденном состоянии, что у него наблюдался как бы творческий взрыв. Он почти не спал и все время работал в своем кабинете, почти все время работал с компьютером. С женой Рэймонд говорил в те дни урывками, часто повторял, как заклинание, что нашел путь к какому-то очень важному открытию, которое вот-вот должен сделать... В ночь трагедии Алиса зашла перед сном в кабинет мужа, но он был так захвачен работой, что почти не слушал ее. Она потом проснулась от глухого звука выстрела и сначала подумала, что это ей померещилось... Она ничего не могла сказать о причине самоубийства – это было для нее полной и ужасной неожиданностью. С горькой самоотверженностью и готовностью принять возмездие Алиса винила во всем себя – она обязана была находиться рядом с мужем в ту ночь, она должна была предвидеть, что его невероятное возбуждение и перенапряжение могут закончиться таким ужасным срывом. После этих признаний ее захлестнули рыдания, и разговор пришлось прервать...

Затем я осмотрел кабинет Берлекемпа. На нескольких огромных столах помимо компьютерного терминала с массой сопутствующих приборов лежали в хаотическом, с моей точки зрения, состоянии рукописи и раскрытые книги, а на подставке

терминала выделялся ярко-желтый том с красными символами АВ-115... Все в комнате сохранилось таким, как в ту роковую ночь, здесь словно витало страшное напряжение, закончившееся выстрелом... Мне показалось неуместным и даже кощунственным вот так, сразу, начать рыться в бумагах покойного, и я попросил у сопровождавшей меня старшей сестры покойного Кэтрин разрешения зайти через пару дней.

Пожилая дама порекомендовала мне не торопиться и дать возможность Алисе хоть немного оправиться от потрясения. «Алиса никого не хочет видеть, она не захотела принять даже доктора Гусмана», – добавила она. Оказалось, что Сол уже несколько раз настойчиво просил свидания с миссис Берлекемп, но она столь же твердо отказывала ему. Сол ничего не сказал мне о своих неудачных попытках встретиться с Алисой, не предупредил меня, что она никого не принимает, и это показалось мне странным. Не является ли это зацепкой, которая позволит раскрутить всю странную историю? Ведь больше, откровенно говоря, ничего и нет... Расспрашивать об этом вдову было бы неоправданной бестактностью и жестокостью, и я решил попытаться немного сестру покойного:

– Кэтрин, вероятно, мой вопрос покажется вам бестактным, но я – частный детектив и должен выяснить все обстоятельства дела. Доктор Гусман проявлял интерес к Алисе? Может быть, у них был роман? Я понимаю, что это не ваша тайна, и вы можете не отвечать.

– На такие дела вам намекал Дональд Граунхилл? – проявила неожиданную осведомленность Кэтрин.

– Признаюсь, были подобные намеки с его стороны, хотя имя Сола не упоминалось.

– В этом весь Дональд, не может простить Алисе отказа.

– ?

– Алиса и Дональд учились на одном курсе, он хотел на ней жениться, но она отказывала ему, а сама все бегала на лекции профессора Берлекемпа, хотя они были совсем не по ее специальности.

– Значит, вы полагаете, что Дональд оговаривает Алису из мести?

– Не знаю... из чего, но ерунда это все – у Алисы была только одна любовь в жизни, с тех пор как она на лекциях Рэя заболела им... А Дональд болтает ерунду, не знаю зачем... Мало ли кто проявляет интерес к Алисе, он сам тоже проявлял...

Уходя, я задал сестре Берлекемпа свой ставший уже стандартным вопрос:

– Верил ли ваш брат в Бога?

– Он был безбожником, разве это не ясно, – ответила женщина и перекрестилась.

– Однако в своем последнем письме он, кажется, уповает на Бога

и поручает ему своих детей.

- Позднее раскаяние, – было мне ответом.

* * *

В автомобиле по дороге в гостиницу и потом, в номере с видом на залив, я подводил предварительные и неутешительные итоги своей работы. Ничего! Пусто! Ни одного реального просвета! Мне все это начинало казаться мистикой – здоровый, преуспевающий, самодостаточный и беспредельно уверенный в себе человек, у которого не было даже элементарных неприятностей, внезапно, в течение нескольких ночных часов, принимает ужасное, дикое решение и убивает себя, не дождавшись утреннего света. Кроме того, меня ставил в тупик едва ли не мгновенно поразивший профессора религиозный экстаз, эта необъяснимо вспыхнувшая вера в Бога. Профессор, казалось, уподоблялся апостолу Павлу, в течение одной ночи превратившемуся из яростного гонителя Христа в его самого верного служителя.

Нет, с первого наскока эта задача не решается, заключил я и со следующего утра начал кропотливые «раскопки на глубине». Начал без особой надежды на успех, но, тем не менее, с упорной уверенностью любого сыщика в том, что если «копать и копать», то непременно рано или поздно «раскопаешь». Нет никакого смысла рассказывать здесь подробности моих поисков. Это только в детективных фильмах с сыщиком случаются непрерывные интригующие приключения, погони на автомобилях и встречи с роковыми блондинками. В реальности – это нудная ежедневная работа.

Заручившись разрешениями прокуратуры, я нашел и опросил всех врачей, лечивших профессора Берлекемпа, – я искал какие-нибудь скрытые болезни или психические отклонения, так часто сопровождающие жизнь гениальных людей. Я проверил все каналы, по которым поступали или тратились деньги профессора. Я и мои агенты проверили всех из круга знакомых Берлекемпа и его жены, я выявил и проверил их связи, их любовниц, их финансовое положение, прошлое и настоящее. Я, наконец, установил наблюдение за домом профессора и за сотрудниками его лаборатории. Если бы моей целью было развлекать читателей, я бы, пожалуй, описал все это подробно – поверьте, я узнал немало любопытного. Однако в ворохе всех этих любопытных фактов и коллизий не оказалось ничего существенного по сути моего расследования. Итоги всех моих трудов можно было кратко определить одним словом – ничего! Я уже собирался позвонить президенту института профессору Граунхиллу, признаться, что данный случай, к сожалению, придется отнести к числу нераскрытых, сказать, что его подозрение относительно причастности к самоубийству профессора его жены Алисы Берлекемп необоснованно, сказать, что не претендую на полный

гонорар, и... уехать домой.

В этот критический момент неожиданно пришел пакет от Бланш Стаурсон. Я, признаться, совсем забыл о своей просьбе к этой прелестной молодой женщине, а она не забыла и, судя по объему пакета, немало поработала. В пакете была обширная, в хронологическом порядке, подборка материалов из газет, журналов и внутриинститутских изданий, освещавших события, связанные с деятельностью профессора Берлекемпа и его лаборатории на протяжении последних четырех лет. Красной нитью через все материалы проходили те пресловутые «янтарные бусинки», о которых мне говорила Бланш во время нашей первой встречи. Я бы, наверное, не стал читать всю эту «журналистскую дребедень», если бы меня внезапно не осенило – таинственные шифры АВ на томах отчетов в лаборатории Берлекемпа и в его смертном кабинете есть не что иное, как первые буквы английских слов *Amber Beads* – «янтарные бусинки». Почему сотрудники Берлекемпа не объяснили мне этого тогда, в лаборатории? Может быть, это и была их уловка с целью направить меня по ложному пути? Теперь материалы Бланш внезапно вплелись в канву жгучей научной тайны, приведшей к трагической катастрофе, – я стал читать их с нарастающим интересом. Вот несколько кратких извлечений из тех публикаций...

* * *

«По сообщению корреспондента ЮПИ из Аделаиды, Австралия, сегодня ночью в районе поселка Карнеги, в западной части пустыни Виктория, наблюдалось необычное явление, возродившее слухи о постоянном пребывании НЛО в этом районе. В 3 часа 28 минут по местному времени над пустыней появился объект розоватого цвета в форме эллипсоида. Некоторое время объект висел совершенно неподвижно, однако его форма постоянно слегка деформировалась – как бы дышала. Примерно через 5 минут после появления объект начал испускать в направлении Земли желтоватого цвета лучи. Наблюдавшие явление сотрудники экспедиции Австралийского зоологического общества утверждают, что это было похоже на кратковременный, не более 20–30 секунд, золотой дождь. Затем розовый объект начал быстро подниматься, слегка меняя свой цвет и форму, и вскоре скрылся за редкой в этих местах сплошной облачностью. Сотрудникам экспедиции по непонятным причинам не удалось зафиксировать явление на фотоаппарат. Однако при обследовании территории, подвергшейся облучению “золотым дождем”, им удалось обнаружить десятки плотных блестящих желтоватых шариков, похожих на бусинки из янтаря. Очевидцы утверждают, что “янтарные бусинки” как бы выстреливались из странного розового НЛО. В научных кругах, напротив, высказывается мнение, что “бусинки” не имеют никакого отношения к наблюдавшемуся в атмосфере над Карнеги явлению и что это – минералы, образовавшиеся в пустыне из песка под

влиянием солнца и ветра. В настоящее время образцы “бусинок” направлены для исследования в несколько научных центров...»

«На ежегодной научной сессии в Стэнфорде, Калифорния, профессор Р. Берлекемп, руководитель биокрибернетической лаборатории, сообщил об организации специальной экспедиции Стэнфордского научного института в Австралию. Цель экспедиции – изучение и сбор дополнительных образцов так называемых янтарных бусинок – минеральных образований неизвестного происхождения, найденных в пустыне Виктория в начале года. Профессор пояснил, что интерес к этим объектам вызван их необычной структурой, включающей кристаллообразную оболочку и внутреннее клеточноподобное ядро. Эта структура, возможно, послужит основой для создания нового типа биокрибернетических систем с клеточно-молекулярным запоминающим устройством. На вопрос нашего научного обозревателя о связи “янтарных бусинок” с “розовым НЛО”, якобы зафиксированным над поселком Карнеги, профессор ответил, что нет никаких фактов, подтверждающих такую связь, за исключением совпадения времени первых находок “бусинок” с временем первых сообщений о необычном явлении над Карнеги...»

«По сообщению агентства ЮПИ из Аделаиды, Австралия, экспедиция Стэнфордского научного центра сумела собрать более ста образцов “янтарных бусинок”, происхождение которых связывают с якобы наблюдавшимся в этих местах год тому назад полетом объекта внеземного происхождения. Большая часть “бусинок” приобретена у аборигенов, которые использовали их в качестве украшений и предметов культа... Ожидается, что ученые Стэнфорда наконец-то прольют свет на загадку этих необычных образований...»

«В ежегодном обзоре важнейших достижений науки и технологии отмечается работа руководимой профессором Р. Берлекемпом лаборатории биокрибернетики по исследованию механизма клеточно-молекулярной памяти. Представители ряда фирм выразили заинтересованность в приобретении лицензии на создание на базе этих результатов реальных запоминающих и кодирующих устройств для различных компьютерных систем. Однако руководство научного центра в Стэнфорде не считает работу завершенной. Циркулируют слухи, что разрабатываемые устройства памяти полностью копируют найденные в Австралии два года назад объекты, происхождение которых до сих пор не выяснено...»

«Президент Стэнфордского исследовательского института профессор Дональд Граунхилл дал интервью корреспонденту газеты “Лос-Анджелес Таймс”... На вопрос корреспондента, выяснено ли происхождение “янтарных бусинок”, профессор ответил, что хотя механизм образования подобных объектов в земных условиях еще не вполне ясен, структура “бусинок” раскрыта полностью, и на их основе профессором Берлекемпом и

его сотрудниками разработана новая теория клеточно-молекулярных кодов... Далее профессор Граунхилл категорически отверг гипотезу о вземном происхождении "янтарных бусинок". Он сказал, что слухи о какой-то информации об иной цивилизации, якобы содержащейся в бусинках, не имеют под собой никаких оснований...»

«Как сообщает агентство АП из Стокгольма, профессор Рэймонд Берлекемп в своей Нобелевской лекции заявил, что человечеству пора отбросить устаревшие представления о своем исключительном положении среди разумных существ во Вселенной. Наша цивилизация, – сказал он, – идет в технологический тупик. Мы можем еще увеличить производительность наших машин, скорость передвижения наземных и летающих объектов, но все это приведет к еще более интенсивной деградации окружающей среды, к дальнейшей деморализации индивидуумов, к еще большему отторжению человека от природы... Профессор призвал к поиску новых путей совершенствования человека как гармоничной части природы, к поиску контактов с другими мыслящими существами... Сенсационные высказывания Берлекемпа связывают с какими-то результатами исследований вземных цивилизаций, суть которых профессор пока не раскрывает. Тем не менее впервые ученый масштаба профессора Берлекемпа недвусмысленно упомянул о поиске связей с другими цивилизациями как о вполне реальной задаче современной науки...»

* * *

Я перевернул последнюю страницу материалов Бланш, и озноб пробежал по моей спине, как тогда в лаборатории, когда Сол сказал о разговоре Берлекемпа с Богом. Я сопоставлял прочитанное с тем, что уже знал и видел, и вдруг... невероятная, дикая догадка осенила меня. Воистину на меня снизошло озарение... Пришла идея, достаточно сумасшедшая, чтобы претендовать на кардинальный поворот всего дела, идея, мгновенно нанизавшая на общую нить и связавшая воедино весь этот конгломерат разрозненных и неправдоподобных фактов, фантазий, феерий и фикций: фантастический НЛО над австралийской пустыней, загадочные янтарные бусинки, специальная экспедиция за ними, открытие Берлекемпом молекулярного механизма памяти, изнурительная работа по расшифровке клеточного кода, сотня желтых томов под красным шифром АВ с тайной янтарных бусинок, намеки Берлекемпа на прорыв в проблеме связи с иными мирами, его нервное напряжение в предчувствии большого открытия, бессонные, почти безумные ночи с томами АВ у терминала ЭВМ, странные то ли юродства, то ли откровения на тему контакта с Богом, трагический финал с написанным словно в саркастической конвульсии предсмертным письмом...

Неужели, неужели?! Я не смел поверить, что нашел решение,

подлинный ключ к правде, дающий твердый стержень всему расследованию. В моем сыщицком ремесле очень важно нащупать этот стержень всего дела; без него – сплошное шатание и неопределенность типа броуновского движения, с ним – энергичный поиск, вектор которого направлен к ясной цели. Без стержня – унылое неверие в себя, с ним – радостное ощущение скорой победы.

Я бросился в работу и через час уже гнал свой любимый Шевролет-Каприз к дому Берлекемпа с драгоценным грузом на переднем сиденье – мисс Стаурсон сидела рядом со мной. Бланш была ошеломлена моим напором и только испуганно вскрикивала на поворотах, которые я проходил со скоростью под сто миль в час. Ей передались моя новая энергетика и радостное ощущение ясности бытия. Воспользовавшись этим, я завел с нею несколько фривольный разговор с некоторым, однако, серьезным подтекстом:

– Не томите меня, Бланш, раскройте секрет – Рэй ухаживал за вами?

– Вы думаете, что настоящий мужчина может устоять передо мной? – приняла она мою игру.

– Я так, конечно, не думаю, но поставим вопрос иначе – добился ли Рэй успеха?

– Не было случая, чтобы Рэй не добивался того, чего желал... Впрочем, это все было давно, в мои аспирантские годы, поэтому расслабьтесь, Клайд, – мою печальную любовную историю к делу подшить не удастся...

– Да, нерадостная история... Я знаю, Бланш, что Сол Гусман холост и одиноко живет в доме с престарелой матерью. Почему вы не выходите за него замуж?

– Я думала, что сыщики более проницательны ... Сол, сколько я его знаю, влюблен только в одну женщину – Алису Берлекемп. Неужели это не понятно?

– Тогда, может быть, вы выйдете замуж за меня?

– Однако, Клайд, вы – коварный соблазнитель...

Машину слегка занесло на последнем повороте, мы приближались к усадьбе Берлекемпа, и я сменил тему:

– Бланш, у нас сейчас, к сожалению, очень мало времени... Объясните мне, почему именно Берлекемп заинтересовался янтарными бусинками?

– Потому что он первым понял, что они живые.

– Как живые?

– Под оболочкой, которая придавала бусинкам сходство с янтарем, находился клубок живых клеток.

– Что значит «клубок»?

– Представьте себе крошечный плотный клубок очень тонкой нити, состоящей из цепочки взаимосвязанных клеток, – это и будет ядро янтарной бусинки.

- Вы научились разматывать этот клубок?
- Да, Рэй научил нас этому.
- Почему он считал возможным записать содержание этих клубков с помощью кода?
- Он увидел повторяющиеся молекулярные комбинации в последовательности клеток и предположил, что это какая-то информация, записанная определенным кодом.
- Вы хотите сказать - «неземная информация»?
- Не знаю... Во всяком случае, в ней не было ничего земного.
- Но ведь бусинки были земного происхождения?
- Из материалов, похожих на земные.
- Бланш, не увливайтесь от моего вопроса.
- Человек, я думаю, не мог их сделать ... никто, кроме Рэя.
- Всего было 142 бусинки?
- Да.
- Где они сейчас?
- К сожалению, доступный нам метод расшифровки кодов приводит к необратимому разрушению бусинок.
- Следовательно, янтарные бусинки остались лишь в виде переводов в желтых томах на полках вашей лаборатории? Почему тома начинаются с 41-го номера?
- Первые 40 бусинок мы разрушили, еще не научившись их расшифровывать.
- Какие тома профессор брал для работы домой?
- Том АВ-114 всегда находился у него дома, а АВ-115 он взял за два дня до...
- Чем отличались эти тома от остальных?
- АВ-115, кажется, ничем не отличался, он был составлен компьютером по нашей стандартной методике, но АВ-114 Рэй составлял сам, вручную.
- Почему?
- Я не смогла ввести данные 114-й бусинки в компьютер, там были совсем необычные молекулярно-клеточные сочетания - они были похожи на рисунки и не декодировались по нашей стандартной методике.
- И тогда Берлекемп начал разгадывать эти рисунки сам. Он преуспел в этом?
- Вероятно да, если появился том АВ-114.
- И что же там обнаружил Рэй?
- Он сказал, что расскажет об этом, когда закончит исследование и убедится в правильности своей гипотезы.
- Мы подъехали к воротам усадьбы Берлекемпов. Выходя из машины, Бланш спросила:
- Почему вы интересуетесь АВ-114 и АВ-115?

- Потому что они убили профессора Берлекемпа.
- Каким образом?
- Это мы с вами сейчас идем выяснять...

* * *

Миссис Берлекемп встретила нас в холле и проводила в кабинет мужа. Она смирилась с моим неожиданным набегом, ибо я уверил ее по телефону в своей готовности поставить точку в этом деле, да и звучал я убедительнее, чем прежде. Ей, как мне показалось, не понравилось появление в доме Бланш Стаурсон, но я придал этому визиту весьма деловую окраску, и все уладилось без осложнений. Алиса разрешила нам порыться в бумагах профессора и ушла.

Озираясь и сгорая от нетерпения, я высматривал желтый том АВ-114, в котором, по моей версии, был ключ к разгадке трагедии, но его нигде не было видно. Мы с Бланш перерыли все столы и шкафы, мы искали черновики или части этого тома, но ничего не нашли. АВ-115 по-прежнему лежал на подставке компьютерного терминала, но АВ-114 нигде не было. Отчаявшись, я попросил Алису вернуться в кабинет и помочь в наших поисках, но она сразу же рассеяла наши надежды – указывая на камин, Алиса сказала: «Я думаю, то, что вы ищете, находится там. Рэй сжег что-то в ту ночь...» Это было похоже на истину – испепеленные бумажные лоскутья покрывали поддон камина. Я был в отчаянии... «Миссис Берлекемп и мисс Стаурсон, – обратился я к моим невольным помощницам почти торжественно, – в желтом томе с красным шифром АВ-114 скрывался ключ к разгадке тайны смерти Рэя Берлекемпа, ключ к загадке янтарных бусинок и, опасаясь, еще одной тайны, которую нам никогда не удастся узнать, потому что этот ключ безвозвратно утерян».

Я не мог скрыть разочарования, но мне показалось, что обе женщины рады моей неудаче – они по-женски интуитивно опасались последствий раскрытия истины.

Мне не спалось в ту ночь. В моей совершенно безумной, но вполне аргументированной гипотезе недоставало одного звена, и этим звеном был исчезнувший том АВ-114. Почему Берлекемп выделил его из всех томов? Что он в нем обнаружил? Я мучительно искал какую-то подсказку – может быть, Сол Гусман даст мне ее. Решив завтра же встретиться с ним, я начал было засыпать, но в это время раздался телефонный звонок, заставивший меня вскочить с постели и, едва сполоснув глаза, выбежать из гостиницы, сесть за руль и помчаться в темноту, направляя события этой ночи по банальному детективному руслу.

Поднявший меня звонок был от моего агента, дежурившего в эту ночь у дома Берлекемпа. Он кратко сообщил, что около двух часов ночи к дому подъехала машина, из нее вышел высокий мужчина в джинсах, темной куртке и глубокой кепке, со складной лестницей в руках. Воспользовавшись лестницей, он бесшумно

проник в дом прямо через окно второго этажа... Около трех ночи я уже был на месте, отпустил своего агента, поставил автомобиль фарами в сторону машины незнакомца, который, я был уверен, таковым не окажется, выключил свет и стал ждать...

* * *

Вокруг была темнота и тишина, на безоблачном небе ясно выделялись знакомые созвездия и светился Млечный путь – красота и гармония Вселенной окружали меня. Бесконечная и непостижимая звездная бездна вокруг нас и столь же непостижимая совесть внутри нас – каким образом это все связано в едином замысле Создателя? Лихорадочное возбуждение этого дня и этой ночи обострили все мои чувства. Эта загадочная история с профессором Берлекемпом сейчас представлялась мне звеном, связующим нас, ничтожных мыслящих созданий природы, с огромным и всемогущим звездным миром. Мне теперь казалось, что путь звездных лучей прошел через кабинет Рэймонда Берлекемпа, через его непосильно нагруженный мозг, не выдержавший этого напряжения, и замкнулся на мне – случайном свидетеле, который пытается понять ему недоступное...

Прошло около часа, прежде чем мои философские размышления были прерваны звуком тихих шагов и появлением темной фигуры. Когда она приблизилась к стоявшему в нескольких десятках шагов от меня автомобилю, я включил яркий свет фар. Человек резко развернулся и от неожиданности пошатнулся...

– Доброе утро, мистер Гусман, – по-дружески приветствовал я Сола, выйдя из автомобиля. – Какая прекрасная погода, не правда ли? Не разрешите ли вы мне участвовать в вашей прелестной прогулке. Например, я бы мог помочь вам держать складную лестницу.

– Идите к черту! – ответил Сол и повернулся ко мне спиной, явно намереваясь сесть за руль.

Это меня ни в коей мере не устраивало, мне нужно было разозлить его так, чтобы вызвать на откровенность, хотя бы и грубую. Я подошел к Солу почти вплотную и быстро заговорил:

– Прежде чем вы уедете, я бы хотел поделиться с вами одной банальной и пошлой историей. Любимый ученик одного известного профессора соблазняет его любимую жену. Профессор случайно узнает об этом и кончает жизнь самоубийством. Вдова убита горем и никого не принимает, не делая исключения даже для любимого ученика своего обожаемого мужа. Тем не менее, по ночам она все же позволяет ему тайно посещать себя через окно второго этажа. Любимый же ученик покойного с удовольствием это продельвает, не пренебрегая возможностью закрепить за собой очарованную им даму вместе с доставшимся ей имуществом покойного. Случаются же в наше время романтические истории, не правда ли, Сол?

В предрассветных сумерках было видно, как передернулось лицо Сола – кажется, я достиг своей цели. Он буркнул: «Цыплячьи мозги!», резко откинулся и ударил меня кулаком в скулу. «Переборщил!» – подумал я, сначала падая, а затем быстро вставая, чтобы задержать доктора. Он, впрочем, не собирался бежать и по-рыцарски ждал моего ответа. Я без особого энтузиазма ударил его, и мы сцепились... Против профессионала Сол, конечно, не мог устоять, и вскоре мне удалось прижать его лопатками к земле.

– Отпустите, идиот, вы задушите меня, – прохрипел Сол.

– Не раньше, чем вы, показавший себя полным кретинном, расскажете, что искали в кабинете профессора.

– Вы все равно ничего не поймете.

– Тогда я сам расскажу – вы искали отчет АВ-114.

Доктор вдруг с неожиданной силой отбросил меня, и через мгновение я оказался прижатым к земле.

– Отчет у вас... вы украли его! – вскричал Сол, с какой-то звериной силой пытаюсь схватить меня за горло.

– Да... у меня, отпустите... – прохрипел я, вынужденный прибегнуть к обману.

– Не раньше, чем вы пообещаете немедленно вернуть его...

– Хорошо, – согласился я.

Слегка оправившись и отряхнув одежду, мы уселись на каменный парапет подъездной дороги и молча закурили. Драка как будто сблизила нас. Я был рад подтверждению своей догадки о ключевой роли АВ-114 в деле, а Сол, оценив это и поняв, что я не такой уж дурак, как ему представлялось прежде, начал проявлять ко мне определенный интерес. Мне легко удалось уговорить его немедленно поехать ко мне в гостиницу, где якобы находится том АВ-114. В обмен он обещал рассказать все известное об этом томе. Так и случилось, что два малознакомых человека оказались очень нужными друг другу и поэтому через полтора часа, сняв грязную и изодранную одежду, промыв и кое-как подлечив ссадины и синяки, полученные ими друг от друга, при свете неяркого утра сидели в моих халатах у низкого столика и снимали нервное напряжение с помощью французского коньяка. Сол выполнил свое обещание и рассказал об истории книги с шифром АВ-114...

* * *

Сол подтвердил, что объект АВ-114 отличался от всех остальных янтарных бусинок:

– Рэй специально искал АВ-114. Он считал, что для расшифровки информации, записанной в бусинках, нужна какая-то зацепка, какая-то аномалия в кодовом строении клеточного клубка. Когда Бланш сказала о невозможности использования стандартной методики для расшифровки АВ-114, Рэй буквально расцвел и после этого работал только с этим образцом. На

расшифровку АВ-114 у него ушло полгода.

- Что профессор хотел найти там?

- Он хотел... как вам сказать... он хотел прочитать, что там записано.

- Кем записано?

- Клайд, - впервые обратился ко мне по имени Сол, - вы помните сообщения о внезапном происхождении бусинок?

- Да, я читал какие-то домыслы на эту тему.

- Так вот, Клайд, это, по-видимому, не домыслы... Мы с Рэймондом доказали, что на Земле такие образования не могли появиться ни в естественных, ни в искусственных условиях. Вы понимаете, Клайд, что это значит?

- Это значит, что бусинки попали на Землю из Космоса.

- Нет, Клайд, это значит несравненно больше, но у нас с вами не хватает фантазии и размаха мысли, чтобы понять это «больше», а у Рэя всего этого было в избытке, и он первым понял: в бусинках - послание нам оттуда, - Сол указал вверх, - от тех, кто считает нас способными понять их... Покажите, Клайд, АВ-114, там должен быть ключ от двери в иной мир...

- Сол, скажите еще только одно... Почему вы с Берлекемпом скрывали от всех подлинную суть ваших работ?

- Почему? - лицо доктора Гусмана стало злым, он был взволнован и говорил словно с одышкой. - Потому что все только симулируют интерес к иному миру, а на самом деле... боятся этого «иного мира», боятся за свое спокойствие и незыблемость своих представлений о жизни и ее ценностях... Боятся, что там... у них... все устроено иначе, и может быть, не дай Бог, лучше, чем у нас. Наш президент - тоже мещанин в науке. Если бы он узнал, что Берлекемп готовится открыть дверь в другой мир, он помешал бы его работе... Он и сейчас боится правды о смерти Рэя, он нанял вас, чтобы скрыть правду... Впрочем, хватит разговоров, верните мне АВ-114...

- Сол, - я пытался смягчить удар, - простите меня за обман... за вынужденный обман: у меня нет АВ-114, Берлекемп сжег его в ночь самоубийства.

Сол вскрикнул, вскочил на ноги, как-то неестественно, захлебываясь, засмеялся, а потом тяжело опустился в кресло и обреченно затих. Мы долго молча сидели, переживая каждый по-своему случившееся.

- Я хочу сказать вам, Сол, про ту дверь, - прервал молчание я, - про дверь в другой мир. Я думаю, Берлекемп открыл ее той ночью...

- Вероятно, открыл, - согласился он, - но теперь она захлопнулась навсегда, для нас с вами реально навсегда захлопнулась.

- Может быть, это хорошо, что мы не можем туда заглянуть?

- Почему, Клайд?

- Потому что Рэй туда заглянул ... и умер, - сказал я и вытащил свою догадку. - Мне кажется, Сол, что Рэй не увидел за приоткрытой им дверью иного мира, он увидел совсем другое...

- Что же, по-вашему, он увидел?

- Я думаю, он увидел за дверью зеркало!

- Теперь я перестаю вас понимать, Клайд.

- Я думаю, он увидел за дверью ужасное зеркало, в котором отражались все мы, но это отражение было каким-то необычным, может быть чудовищным, таким, что его не способна выдержать психика человека. Это отражение как-то по-новому, возможно мрачно и оскорбительно, представило профессору истинное положение людей...

- Откуда вы это все взяли, Клайд?

- Я просто внимательно перечитал предсмертное письмо Рэя. Из него следует, что он действительно открыл, как вы говорите, дверь в иной мир, но не захотел рассказать, что там увидел, а, напротив, сжег ключ от той двери, а потом еще убил себя - единственного свидетеля...

- Я не уверен, что вы правы, - прервал меня Сол. - Думаю, Рэй столкнулся с чем-то, что он счел божественным, он упоминает в письме богов ...

- Это верно, но всемогущие боги не показали ему себя, они показали ему нас...

Мы опять долго молчали, привыкая к реальности сделанных догадок. Первым заговорил Сол:

- Теперь, когда вы поделились со мной своими догадками, я тоже хотел бы быть с вами совершенно откровенным. Дело вот в чем - я точно знаю, что было в АВ-114. Однажды - это было за несколько месяцев до трагедии - Рэй сказал мне, что АВ-114 есть Розеттский камень. Вы знаете что-нибудь о Розеттском камне?

- Помню смутно, - признался я.

- Ученые длительное время не могли расшифровать древнеегипетские надписи, сделанные иероглифами. Однако в 1799 году близ городка Розетта в Египте солдаты армии Наполеона случайно откопали каменную плиту, на которой один и тот же текст был воспроизведен египетскими иероглифами и алфавитным письмом на греческом языке. С помощью этих надписей французский филолог Шампильон расшифровал египетские иероглифы. Теперь вы понимаете, чем была бусинка АВ-114?

- Она была словарем для перевода с внеземного на земной язык! - воскликнул я.

- Да, вы ухватили главное: в ней нашим понятиям и словам, воспроизведенным в виде клеточных рисунков, соответствовали кодовые комбинации, отражающие аналогичные понятия оттуда...

Вот оно, последнее звено всей моей конструкции, - с восторгом подумал я. - Теперь полностью ясен смысл утверждений

Берлекемпа о том, что он умеет говорить с Богом.

День уже наступил, когда Сол Гусман собрался уходить. «Рад был познакомиться с вами поближе», – искренне сказал я, поглаживая разбитую скулу. «Взаимно», – ответил он, прикрывая ладонью синяк под глазом. Уже на пороге Сол обернулся и заключил: «Вы знаете, Клайд, может быть, это хорошо, что нам не дано заглянуть туда, куда проник Рэй, – жить надо легче! Впрочем, с нами ничего бы не случилось – у нас с вами не такая высокая организация души, как у Рэя, мы с вами толстокожие». Я промолчал...

* * *

Оставшись наконец один, я тут же подумал про Сола Гусмана: «Он отнюдь не “толстокожий”, и его ни в коем случае нельзя допускать к информации, которая убила Берлекемпа, – будет тот же результат!»

Я чувствовал страшную усталость – шли вторые сутки непрерывной работы, – но не мог заснуть. Мне непременно следует найти дверь, в которую заглянул Берлекемп, мне непременно следует выдержать все, что бы ни обнаружилось там. Я должен немедленно найти и прочитать материалы Берлекемпа, то, что перевел ему компьютер со страниц АВ-115 со словарем из АВ-114. Эта задача не является безнадежной, есть идея, как ее решить, но идея лежит на поверхности, и Сол Гусман, отоспавшись, сам дойдет до нее и сделает все сам раньше меня – такого развития событий нельзя допустить. Лихорадочное волнение открыло во мне второе дыхание. Немедленно за работу – либо я сегодня же узнаю, что случилось с Берлекемпом, либо это навсегда останется загадкой в ореоле фантастических предположений.

Первым делом я связался с Калифорнийским центром обслуживания региональной компьютерной системы. Соединившись с менеджером по эксплуатации, я предупредил, что оплачу консультацию в любом размере. Впрочем, мои вопросы, по-видимому, были столь элементарными, что центр в итоге вообще не взял с меня плату. Вот краткое изложение моего разговора со специалистом:

– Сохраняются ли в памяти центральной ЭВМ результаты пользователей, полученные ими при работе с домашних терминалов?

– Если пользователь не подал команду на стирание, полученные результаты автоматически переводятся в банк данных и хранятся там три месяца бесплатно, однако за хранение сверх трех месяцев взимается дополнительная плата.

– Каким образом можно запросить и получить информацию из банка данных?

– Это можно сделать только с терминала пользователя, набрав

на нем шифр терминала и шифр интересующего массива данных. После этого данные можно прочесть или распечатать.

– Как узнать шифры, если я их забыл?

– Шифры вашего терминала и всех команд связи с ЭВМ находятся в паспорте терминала, а шифры данных – в памяти терминала.

Получив эту консультацию, я снова помчался в дом Берлекемпа, чтобы просить у Алисы разрешения еще раз поработать в кабинете мужа. Свои шансы я расценивал так: один к десяти, что профессор, уничтожив АВ-114 и все распечатки машинного перевода информации из АВ-115, забыл стереть хотя бы что-нибудь в памяти ЭВМ. Алиса отнеслась к моей просьбе спокойно, почти безразлично, проводила меня в кабинет и оставила одного...

Два часа напряженной работы, в успех которой я едва ли смел верить, потребовалось для нахождения шифров команд, необходимых для вызова информации из памяти компьютерной системы. По этим шифрам и названиям программ, которыми пользовался Берлекемп в ту ночь, удалось установить, что в памяти ЭВМ должны сохраняться два массива данных. Один из них, довольно большой, судя по всему, был машинной копией АВ-114, а другой, поменьше, по-видимому, содержал фрагмент АВ-115 и результат его расшифровки. Разобравшись с этим, я выписал шифры необходимых мне команд, ввел вручную шифр поиска того массива, который соответствовал, по моим представлениям, содержанию книги АВ-114, и приготовился нажать клавишу «Ввод».

Я медлил, меня бил озноб и пальцы не слушались... С трудом прикурив от зажигалки, я отошел к окну и заставил себя не торопясь выкурить сигарету до конца. Затем, преодолевая мистический ужас, нажал «Ввод»... Мигнули сигнальные светодиоды, включился мотор вентилятора, щелкнуло печатающее устройство, на белой ленте бумаги появились шифры вызываемого массива данных, печатающее устройство еще раз щелкнуло и... замерло – на пульте загорелась надпись «Конец»... Следовательно, по данному шифру информация в памяти машины стерта, а это, в свою очередь, действительно означает конец – конец янтарной бусинки АВ-114, исчезнувшей навсегда...

Я нетерпеливо ввел новые команды, на поиск данных из АВ-115 – может быть, Берлекемп оставил их в памяти? Заново щелкнуло печатающее устройство, появились новые шифры, а затем без заметного перерыва на бумаге начали выстраиваться однообразные колонки цифр. У меня перехватило дыхание – Берлекемп забыл стереть фрагмент АВ-115, а значит... и его расшифровку, которая должна следовать сразу же за самим цифровым фрагментом, если только расшифровка состоялась...

Мне стало жутко... Вот сейчас, на выползающей из принтера бумаге, появится текст, который видел только Рэймонд Берлекемп. Я представил профессора у этого самого терминала после

нескольких бессонных ночей, одинокого и беззащитного перед тем, что сейчас выползет... Нет, мне не выдержать всего этого одному, рядом со мной должен быть живой человек, которого тогда рядом с профессором не было. Я выбежал из кабинета и едва не столкнулся с Алисой.

- У вас все в порядке, мистер Ньюэн, вы так долго не появляетесь? - обеспокоенно сказала она.

- Миссис Берлекемп, пожалуйста, побудьте со мной. Вероятно, это жестоко с моей стороны - беспокоить вас тяжелыми воспоминаниями, но я не могу и не имею права скрыть от вас то, что здесь происходит... Этот текст-убийца появится вскоре из принтера. Мы должны вместе увидеть его, мы с вами вдвоем должны решить, как поступить, что делать... с этим...

Алиса обхватила руками шею, словно пытаясь оторвать что-то душившее ее, но покорно пошла за мной... Из принтера по-прежнему струились однообразные колонки цифр, но внезапно ритм печати изменился, и машина начала буднично и монотонно выстукивать текст, который стал для Рэя Берлекемпа смертным приговором...

* * *

Поначалу довольно долго мы с Алисой просто ничего не понимали, ибо в тексте сухим, очень казенным и корявым языком, словно при плохом переводе с иностранного, да еще с большими пропусками, излагалось содержание некоего научного эксперимента с какими-то биороботами, завезенными на некую планету RQ-2468 из какой-то планетарной системы GS-07.

Постепенно, однако, жуткий смысл того, что печатает машина, начал доходить до нас. И хотя разум наш яростно противился этому смыслу, души наши, содрогаясь от горечи и цепenea от ужаса, жадно впитывали слова отравы. Это было отнюдь не послание нам, землянам, это был отчет тех, кто посетил RQ-2468, по-видимому, по заданию GS-07.

Теперь, по прошествии нескольких лет, я могу относительно спокойно, без излишних эмоций, пересказать содержание того отчета по своим записям, ибо тогда мы с Алисой немедленно уничтожили его и на бумаге, и в памяти машины - нам казалось невысказанным жить дальше, если существуют какие-то материальные следы открывшегося нам. Этот очень схематичный и упрощенный пересказ, конечно, отражает мой личный уровень понимания проблемы и воспроизводится в доступных мне терминах и словесных оборотах, потому что многие технические описания и мне, и Алисе были просто непонятны. Тем не менее основной смысл отчета мои записи, надеюсь, передают...

Сначала в отчете указывалось и довольно пространно объяснялось, что целью эксперимента на планете RQ-2468 является проверка возможности автономного развития цивилизации

самоорганизующихся биороботов, а также определение их способности к «позитивной эволюции от уровня самоорганизующихся до уровня превращающихся автоматов». Далее с массой подробностей описывались условия эксперимента: на планету было доставлено достаточное количество (число было пропущено) биороботов с незначительными внешними отличиями (в этом месте Берлекемпом были вставлены слова: цвет, размеры, черты лица, и т.д.), они были размещены среди развитого растительного и животного мира (давалось абсолютно непонятное описание того мира), были приняты строгие меры для предотвращения любых внешних, в том числе информационных, влияний на жизнь и совершенствование биороботов.

Затем описывалась история эволюции объектов исследования за довольно продолжительное время. Судя по моим записям, в этих описаниях внимание акцентировалось на двух факторах – отсутствии у роботов заметной тенденции к самосовершенствованию и их стремлении к взаимному уничтожению. Подчеркивалось, что последнее не было вызвано какой-либо естественной потребностью или условиями среды. В связи с этим подробно анализировались, честно говоря малопонятные мне, внутренние системы биороботов, «цепи управления и обратной связи», и делался вывод: несмотря на наличие отдельных конструктивных недостатков, в целом стремление биороботов к убийству себе подобных представляет собой непонятный и малоизученный феномен. Более определенно говорилось об отсутствии заметного самосовершенствования биороботов – здесь прямо указывались какие-то недостатки и даже ошибки в исходной конструкции. Вследствие этих конструктивных недоработок «развитие данной цивилизации биороботов пошло не по биологическому, а по технологическому пути», и вместо приспособления к окружающей среде, как было первоначально задумано, они упорно стремятся приспособить среду к себе. В результате не обнаружено ни малейших признаков движения от самоорганизующихся автоматов в направлении превращающихся существ. В качестве одного из примеров указывалось следующее: вместо совершенствования своей способности функционировать в любых условиях среды биороботы приспособились окружать себя замкнутыми конструкциями, в которых путем разрушения природных образований планеты поддерживаются необходимые температура и другие внешние параметры. В отчете было много других малопонятных негативных оценок процессов самосовершенствования биороботов – например, созданные ими технические средства передвижения оценивались крайне отрицательно, ибо, по мнению авторов, эти средства «полностью блокировали заложенный в первоначальную конструкцию потенциал перемещения на основе биоинформационных превращений»...

Большой раздел отчета был посвящен неоправданно быстрому

и неожиданному для создателей размножению биороботов, вследствие чего происходит «катастрофическое ухудшение и разрушение среды обитания». Здесь определенно указывалось на недостатки при программировании рефлексов и конструировании органов размножения. Я тогда не сумел понять суть этих недостатков, да к тому же они излагались с большими пропусками, по-видимому, на месте тех понятий, которым не нашлось земного эквивалента (пропуски были заполнены в основном абракадаброй, но иногда – короткими пометками Берлекемпа). В целом тут делался вывод об опасности дальнейшего размножения биороботов для существования животного и растительного мира, для всей среды обитания планеты.

Специальный раздел отчета описывал элементы общественной организации биороботов. Отмечалось их непредусмотренное замыслом стремление группироваться по непонятым признакам на ограниченных территориях («участках суши»), обособленных друг от друга во всех сферах жизнедеятельности, что приводило к агрессивной взаимной неприязни групп и стремлению подчинить или уничтожить друг друга. Внутри каждого «участка», в свою очередь, имело место подчинение большинства биороботов меньшинству, что объяснялось низким уровнем их «внутренней самодостаточности», вызванной... (далее с большими пропусками анализировались непонятные конструктивные погрешности биороботов). В моих записях сохранилось такое утверждение составителей отчета: не удалось найти ясных причин патологического стремления биороботов к массовому подчинению и преклонению перед отдельными особями, отличавшимися наиболее низким уровнем «внутренней организации» (интеллекта и нравственности – было дописано Берлекемпом).

В смежном разделе рассматривалась выходящая за рамки «программы самосовершенствования» значительная дифференциация биороботов по некоторому свойству «внутренней организации», названному каким-то непонятым термином и переведенному Берлекемпом как «креативный интеллект». Отмечались совершенно поразительные отклонения этого свойства у отдельных биороботов, приводившие к «мощным внепрограммным выбросам» («достижениям» – в переводе Берлекемпа) в направлениях, не «охваченных основным контуром биологического существования» («изобретения, наука, искусство» – в интерпретации Берлекемпа).

Под заголовком, который можно перевести как «Домыслы о происхождении», указывалось, что биороботы не догадываются о своем истинном происхождении. Большая часть полагает, что они сформировались путем естественной эволюции из других животных и являются высшим достижением этого процесса. Другие считают, что все создано неким высшим существом, которому следует поклоняться. Общепринятым является представление о себе как об уникальных созданиях природы самого высокого уровня

сложности.

В конце фрагмента из АВ-115, дешифрованного машиной, выдавалось нечто вроде выводов и рекомендаций. Вот их краткая формулировка.

Эксперимент с биороботами характеризовался в целом как неудачный – вследствие допущенных в проекте ошибок и упущений биороботы в условиях планеты RQ-2468 оказались неспособными к биологическому самосовершенствованию, а их внутренняя организация, определяющая мотивы поведения, подвергалась непрерывным колебаниям в позитивном и негативном направлениях с общей тенденцией к деградации. Дальнейшее продолжение эксперимента, с учетом овладения биороботами разрушительных средств достаточно большой силы, грозит уничтожением богатой и плодородной среды RQ-2468, а впоследствии и других ближайших планет. Поэтому предлагались для обсуждения три варианта решения.

Вариант первый – прекращение эксперимента и ликвидация цивилизации биороботов путем «дистанционного отключения регуляторов кодов», определяющих их функционирование, а также путем... (далее шел обширный пропуск, вызванный, по-видимому, отсутствием адекватных понятий).

Вариант второй – продолжение эксперимента без вмешательства и отсрочка принятия решения до появления дополнительных катастрофических признаков, таких как чрезмерное размножение биороботов, самоистребление биороботов с помощью усовершенствованных ими средств уничтожения, разрушение биороботами среды обитания сверх допустимых пределов.

Вариант третий – вмешательство в ход эксперимента с принудительным внесением необходимых системных изменений в конструкцию биороботов, в первую очередь в «области мозговых и половых регуляторов», с предпочтительным использованием метода «кодowego перепрограммирования», не исключая, однако, и более жесткие...

На этом отчет обрывался, и мы с Алисой так и не узнали окончательного приговора... Существовал ли он – окончательный приговор? Если да, то узнал ли его Берлекемп? И если узнал, то зачем стер, уничтожил соответствующий отрывок в дешифрованном материале?

«Быть или не быть – вот в чем вопрос». Вопрос без ответа... Рэймонд Берлекемп нашел для себя ответ...

* * *

Тайны самоубийства профессора Берлекемпа больше не существовало. Мы были потрясены той ценой, которую заплатил Рэй за раскрытие загадки янтарных бусинок, мы были подавлены и

сломлены открывшейся нам тайной нечеловеческого, космического масштаба, мы сжались и согнулись под грузом ответственности за наше невольное открытие. Алиса и я некоторое время безмолвствовали; обсуждать прочитанное было невозможно, у нас не было подходящих слов, хотелось заменить их отсутствием каким-то действием, движением, и мы не стовариваясь, молча и лихорадочно начали сжигать те ужасные листки бумаги в камине. Мы тогда сожгли всю распечатку и стерли текст в памяти машины – словно уничтожили следы преступления, словно очистились от скверны... Я не знал, что делать дальше и как объяснять все это президенту, сотрудникам Берлекемпа и жаждущей сенсации публике. Ведь Рэй не хотел разглашения своего открытия. Имею ли я право нарушить его негласный запрет? Поняв мое состояние, Алиса, тонкая и мудрая женщина, первой нарушила молчание и подсказала решение:

– Вам, Клайд, – она впервые назвала меня по имени, – нужно сказать президенту, что его версия оказалась правильной, что смерть профессора Берлекемпа – семейная драма с моим роковым участием...

– Никогда не позволю себе оговаривать вас, Алиса, лучше признаюсь в своей профессиональной несостоятельности.

– Не возражайте, Клайд! Версия «профессиональной несостоятельности» никого не убедит, напротив – вызовет подозрения в утаивании правды. Хочу признаться вам первому – я уйду в католический монастырь, уйду от светской жизни навсегда. Не пытайтесь отговаривать меня, я приняла такое решение еще до сегодняшнего прозрения. Это не жертва, это для меня единственное решение. А для вас единственное решение в данном положении – все свалить на меня, и я настаиваю на этом.

– Я не могу нанести вам такой предательский удар, это непорядочно. И потом – как я буду смотреть в глаза вашим детям?

– Не сомневаюсь, вы сможете сделать это в самом мягком и деликатном виде. Мое покаяние и уход в монастырь убедят всех в правильности вашего с президентом заключения. Поймите, Клайд, это единственная возможность закрыть вопрос и погасить нездоровый интерес к работе Рэя. Его уже не вернуть. Мы с вами обязаны выдать версию «семейной драмы» ради светлой памяти Рэя. А о моей репутации не беспокойтесь, детям я сумею все объяснить, они уже не маленькие, а мнение остальных меня не интересует.

Алиса словно сбросила давящий груз и как-то даже озорно заключила: «Когда мы с вами, Клайд, предстанем перед судом Всевышнего, вы, надеюсь, скажете нужные слова в мое оправдание...» Мы расстались друзьями-заговорщиками... Мне потребовалось два дня, чтобы оправиться от потрясения и морально подготовиться к своей фальсификаторской роли.

Президент Стэнфордского центра Дональд Граунхилл принял

меня настороженно, явно опасаясь, что я раскопал истину, которую он на самом деле не знал, но которой интуитивно и, признаться, небезосновательно опасался. Как мне хотелось раскрыть все карты и поставить его на место – усмири гордыню, шеф, ты просчитался, а я нашел истину, недоступную тебе, она глубока и величественна, держись крепче за подлокотники твоего кресла... Но я обещал Алисе другое и, смилив свою собственную гордыню и прикинувшись побитым ничтожеством, проблеял, что, мол, вы, шеф, оказались, как и следовало ожидать, правы – эта семейная драма произошла по вине миссис Берлекемп, она во всем призналась, но, дескать, не следует ее слишком строго судить, ибо она уже сама покаялась и, более того, отказавшись от светской жизни, решила уйти навсегда в католический монастырь... Я был себе самому противен, но иногда нужно иметь мужество быть самому себе отвратительным. Мистер Граунхилл, напротив, обрадовался такому повороту событий, оживился и попытался выведать у меня подробности, но здесь я оказался на высоте и твердо отказал ему – мол, подробности в данном случае не имеют никакого значения, не говоря уже о том, что они являются тайной частного сыска и не подлежат разглашению. В конце концов мы составили краткое официальное сообщение для прессы – казенную формулировку моего «блеяния» на тему о «семейной трагедии профессора Р. Берлекемпа». Я настоял, чтобы слово «измена» не фигурировало в тексте, и расставил акценты на «покаянии» и «католическом монастыре». Сообщение было составлено таким образом, чтобы раз и навсегда погасить интерес к делу профессора Берлекемпа. По-видимому, нам с Алисой это удалось, а Дональду больше ничего и видно не было...

Перед своим поспешным отъездом в Нью-Йорк я с огромным трудом добился свидания с Бланш. Наша встреча началась с того, что она влепила мне мощную пощечину и заявила: «Это вам, мерзавцу, от всей лаборатории Рэя!» Я не хотел выглядеть «мерзавцем», особенно в глазах Бланш, но и рассказать ей правду не был готов. Невероятных усилий стоило мне оправдаться перед Бланш, ничего по сути не объяснив и сославшись только на настоятельное требование Алисы Берлекемп. Бланш поверила мне – она тогда уже не хотела, чтобы я был мерзавцем...

* * *

Прошло несколько лет...

С Алисой Берлекемп мы регулярно переписываемся. Она живет жизнью религиозной отшельницы в отрогах Скалистых гор близ города Пуэбло в штате Колорадо, присылает мне поздравительные открытки на День Благодарения, Рождество и Пасху, обычно добавляя несколько слов о себе и детях. Дети, кстати, переехали на Восточное побережье и учатся в хороших тамошних университетах. Я не знаю, в каком виде она пересказала им суть нашего открытия,

но судя по всему, они ни в чем не винят ее.

Сол Гусман стал директором бывшей лаборатории Рэя Берлекемпа. Говорят, что он женился, но о его жене я ничего не знаю. После той истории с публикацией моего фальшивого заключения о причине самоубийства профессора Берлекемпа Сол написал мне резкое письмо с сожалениями, что пожимал мне руку, но не «успел дать по морде еще раз», и, кроме того, с настоятельной рекомендацией не появляться вблизи него «в радиусе одной мили».

Что касается меня самого, то я, наконец, переехал в Калифорнию, а главное – женился на Бланш Стаурсон. Мы были вынуждены принести жертвы ради этого брака: я пожертвовал неразглашаемостью своей тайны, а Бланш – своей работой в лаборатории у Гусмана. У нас растут дети – девочка и мальчик, и мы не уверены, что им в жизни пригодится знание тайны янтарных бусинок, раскрытой профессором Рэймондом Берлекемпом.

Впрочем, это все уже не имеет почти никакого отношения к рассказанной здесь истории...

*Июнь – сентябрь, 1978,
Усть-Нарва – Ленинград*

Зоя Полевая – родилась в Киеве.

Окончила Киевский институт инженеров гражданской авиации. По профессии авиаинженер. Работала на заводе в районе аэропорта Жуляны. Стихи писала с детства. В 90-е годы посещала поэтическую студию Леонида Николаевича Вышеславского «Зеркальная гостиная» и в течение двадцати лет была членом клуба «Экслибрис», руководимого Майей Марковной Потаповой, при Киевской городской библиотеке искусств. В 1999 году в Киеве вышел поэтический сборник «Отражение».

С сентября 1999 года живет в США. Печатается в литературных журналах на Украине и в зарубежье. В 2002 году, продолжая киевские традиции, организовала в Нью-Джерси литературный клуб, которым руководит и поныне. Мать двоих сыновей.

Стихотворения

Киев. Сентябрь 2014

Между аэропортами время,
Скользнув, упало на дно.
Разберут и разнесут по свету
Его почтальоны.
Послушайте, я хочу сказать:
Мне не все равно,
Кто населять будет завтра
Эти горы и склоны.

Мой город остановился и замер
Недалеко от войны.
Но его переулки и дворики
Еще подметают,
Продают горячие
Пирожки и блины.
И живут в этом городе те,
Кого мне так не хватает.

Возьмусь за горло,
И междометия заменят слова.
Захлебнется сердце,
Под ребром завозится остро.
Господи,
Только бы Вера была жива –
Моя тетя Верочка,
Мой непотопляемый остров.

И эта девочка –
 Не ведает, что творит – влюблена.
 Разве я ей советчик?
 Сама ломает и строит.
 И эта женщина –
 Неужели она
 Узнаёт меня
 И зовет сестрою?

Провожанье в предместье.
 Поздний вечер. Слух
 Доминирует
 Над беспомощным зрением.
 Мы идем вдвоем,
 Я считаю до двух,
 Перебирая
 Свои впечатления.

Был день,
 Неожиданный, как кино:
 Дворняги, река,
 Мой попутчик с посохом;
 И мысль:
 Увидимся ль, суждено
 Добраться сюда –
 По воде ли, посуху?

А после – аэропорт.
 И эти полдня
 Пуповиной оборванной
 Бессмысленно будут болтаться.
 Вроде я еще здесь,
 Только жизнь обтекает меня.
 Нелегко улететь,
 Но еще тяжелее остаться.

А дальше – время,
 Как в прорезь почтового ящика ускользнет,
 Когда, вспыхнув крыльями,
 Отражая солнце,
 Повиснет игрушкой
 Самолет
 В облаках –
 Белоснежных небесных соснах.

Сентябрь 2014, NJ

Я знала об этом в самом начале,
Когда даже сажа была бела,
Когда в ореоле чужой печали
Моя молодая любовь цвела.

Я знала всегда: и тогда, и после –
Неважно, сбудется ль наяву –
В дверях он появится поздним гостем,
И я до этого доживу.

Все едино: химерам ночным являться,
Иль ангелам лелеять рассвет, –
Жалеть ни к чему, ни к чему бояться –
Больше в будущем прошлого нет.

Пусть каждый из нас бредет по пустыне,
Натыкаясь на след свой из века в век, –
Встретимся, в это верю поныне,
Когда в черных пятнах мартовский снег.

10 марта 2014, NJ

М.Р.

Чертит дождь диагонали
И сползает со стекла.
За окном в оригинале
День без рода и числа.

Серо, сыро и туманно,
Свет двоится и косит.
Погруженный как в нирвану,
Город призраком висит.

Как непросто разобщаться,
Дождь в окне, в глазах, в груди.
Если хочешь распрощаться,
То сегодня уходи.

Серо, сыро и туманно,
Свет двоится и косит.
Погруженный как в нирвану,
Город призраком висит.

6 декабря 2014, NY

Юрий Солодкин

- родился и всю жизнь до отъезда в Америку прожил в Новосибирске. Прошел все ступени научного сотрудника - от аспиранта до доктора технических наук, профессора. В Америке с 1996 года. Работает в метрологической лаборатории в Ньюарке. Рифмованные строчки любил писать всегда, но только в Америке стал заниматься этим серьезно. В итоге, в России вышло семь поэтических сборников. Кроме того, в интернетных журналах

Берковича и в журнале "Время и Место" опубликованы несколько очерков и эссе.

Гаон

Он родился в местечке под Вильно в декабре 1922 года. По семейному преданию, услышанному от матери, они были потомками Виленского Гаона, одного из выдающихся духовных авторитетов ортодоксального иудаизма. Гаон в переводе с иврита означает гений. Не знаю, был или не был на самом деле знаменитый раввин его предком, но Семен Владимирович с гордостью показал мне портрет Гаона, висевший у него в кабинете. Сам он никогда не был религиозным человеком, но со временем удостоился газетной публикации, озаглавленной «Гений среди нас», что в обратном переводе на иврит прозвучало бы как «Гаон среди нас». Однако до этого «со временем» был долгий путь, полный удивительных событий и свершений.

Семья Скурковичей едва сводила концы с концами. Шесть детей, мал мала меньше, мать, с утра до вечера хлопотавшая по дому, и отец - сельский счетовод, получавший мизерную зарплату. Жили впроголодь, и когда представилась возможность по вызову родственника эмигрировать из буржуазной Литвы в новую страну под названием СССР, сулившую всем обездоленным счастливую жизнь, семья, ни минуты не раздумывая, переехала в Москву. Ютились в одной комнате в коммунальной квартире. Семен вспоминает, как в раннем детстве все время хотелось есть. Он подружился с соседским мальчишкой, и его мать иногда угощала супом худющего приятеля своего сына. Вкус этого супа Семен помнит всю жизнь и признаётся, что ничего более вкусного никогда не ел.

Нужда заставила отдать Семена и его старшего брата в детский дом.

- Это был еврейский детский дом, - сказал Семен Владимирович.

- Неужели детей делили на евреев и неевреев? - с недоумением спросил я и услышал удивительную историю.

Отмена черты оседлости, гражданская война и жилищные трудности в Москве вызвали волну еврейского переселения в Подмоскowie. Уникальное еврейское местечко образовалось в Малаховке, и там в 1919 году была организована трудовая школка-колония для беспризорных еврейских детей. Некоторое время в Малаховке жил Марк Шагал и преподавал рисование в школке-колонии. Об этом времени он вспоминает в книге «Моя жизнь»: «Несчастливые дети, сироты, забитые, запуганные погромами, ослепленные сверканием ножей, которыми резали их родителей, и вот их-то я учил живописи».

Таких детей оказалось довольно много, и для них выделили дополнительно в самой Москве старинный особняк, брошенный хозяевами после революции. В этом детском доме и оказался Семен Скуркович со старшим братом.

В большой гостиной, в которой играли дети, стоял рояль. Шестилетний Семен подошел к нему, поднял крышку и начал нажимать на черно-белые клавиши. Звуки заворжили его. Каждая клавиша звучала по-своему, а некоторая их последовательность напоминала мелодии слышанных песен. Семен каждую свободную минуту бежал к роялю. Не зная нот, не имея представления о диэзах и бемолях, Семен подбирал музыку, которую слышал. Пальцы послушно перебирали клавиши, а дети и воспитатели с изумлением слушали знакомые мелодии в исполнении малыша-самоучки. А малыш мог часами замороженно слушать фортепианные концерты великих композиторов. Особенно его восхищала музыка Бетховена, любовь к которой он сохранил на всю жизнь. В семь лет, вспоминает Семен Владимирович, он играл по слуху отрывки из Первого концерта Бетховена для фортепиано с оркестром.

В детском доме были в основном еврейские дети, и их нередко водили на спектакли в ГОСЕТ – Государственный Еврейский театр. Эти посещения врезались в мальчишескую память на всю жизнь. После спектакля к детям выходил сам Михоэлс и беседовал с ними. Ему представили талантливого малыша. Великий актер взял его на колени и спросил, кем он хочет быть. Малыш растерялся. «Музыкантом?» – помог ему Михоэлс. «Да!» – выпалил малыш, и Михоэлс, вспоминает Семен, что-то еще сказал про открытые перед ним все дороги и пожелал исполнения его мечты.

Семья потихоньку обустривалась. Отец теперь назывался не счетоводом, а бухгалтером. Мать тоже окончила бухгалтерские курсы и начала работать. Они забрали детей из детского дома. Семен к этому времени уже приобрел репутацию музыкального вундеркинда. Он выступал на детских праздниках, а однажды его даже пригласили в Радиокomitee, где он играл в какой-то музыкальной передаче. Редактором этой передачи оказалась ученица Елены Фабиановны Гнесиной, известной пианистки и не менее известного педагога, одной из знаменитых сестер Гнесиных. У редактора возникло желание показать одаренного мальчика своему педагогу.

Елена Фабиановна сыграла небольшой пассаж и попросила Семена повторить сыгранное. Тот без труда повторил. «Неплохо, – похвалила педагог. – А попробуй повторить еще такую композицию», – и она сыграла более сложную и длинную музыкальную пьесу. И ее Семен повторил, продемонстрировав не только удивительную музыкальную память, но и технику исполнения, которой его никто не обучал. Талант был несомненный, и Елена Фабиановна сказала, что мальчика необходимо учить музыке, что у него есть все данные для того, чтобы стать выдающимся музыкантом.

Сказать легко, но дома у них не было и быть не могло инструмента, а в школу надо было ездить на двух трамваях с пересадкой. Родителям пришлось смириться с тем, что нет возможности обучать сына у знаменитого педагога. Но в музыкальную школу неподалеку от дома он поступил и приходил туда не только на занятия, но и просто поиграть для души на школьном пианино, в чем ему, спасибо большое, не отказывали. А когда семья, наконец, смогла взять напрокат пианино с небольшой помесечной оплатой, счастьем мальчика не было предела.

Завод, на котором работали родители Семена, имел свой клуб с различными кружками художественной самодеятельности. Семена, о музыкальных способностях которого было хорошо известно, часто включали в концертные программы. Он исполнял популярную музыку на фортепиано и радовался бурным аплодисментам зала. Память сохранила, как в клубе в связи с каким-то событием принимали Председателя ВЦИК М.И. Калинина, и Семен сыграл для высокого гостя «Интернационал», чем до слез умилил «всесоюзного старосту».

В клубе был духовой оркестр. Семену почти в шутку предложили, не хочет ли он научиться играть на трубе. Семен попробовал. Ему понравилось, и он довольно быстро освоил трубу, став полноправным оркестрантом. Он не только играл туш при вручении наград и марши на демонстрациях, но и участвовал с оркестром в похоронных процессиях, за что получал небольшую плату. Подрабатывал он также в соседнем кинотеатре, куда его приглашали в качестве тапера, когда демонстрировали немые фильмы. Заработок хоть и небольшой, но все-таки вклад в худой семейный бюджет.

Наступила пора решать, куда пойти учиться после школы. Казалось бы, явные музыкальные способности – какие могут быть сомнения! Очень хотелось самому сочинять музыку, стать композитором. Но у Семена была еще одна мечта.

Однажды в журнале «Пионер» он прочитал популярную статью об ожоговой болезни. В ней говорилось о том, что после ожога в коже возникают ядовитые вещества – токсины, от которых, если ожоги значительные, человек погибает. И у Семена родилось честолюбивое желание найти, когда он вырастет, способ лечения ожогов, победить токсины и заслужить благодарность всего

человечества. Это желание не исчезло к моменту окончания средней школы. Некоторое время Семен колебался в выборе между музыкой и медициной. Но в итоге юное дарование самонадеянно решило, что композитором, не обучаясь специально, стать можно, а вот врачом наверняка нет.

Войну Семен встретил студентом Второго Московского медицинского института. Учился он неистово и отлично успевал по всем предметам. После занятий вместе с однокурсниками работал санитаром в госпитале, а ночью дежурил на крышах домов и тушил зажигательные бомбы, которыми немцы забрасывали столицу. Тогда Семен и получил свою первую награду – медаль «За оборону Москвы».

В 1943 году, закончив институт по ускоренной программе, лейтенант медицинской службы Скуркович получил назначение старшим врачом 366-го танкового полка 3-го Украинского фронта. «Старший врач» – это звучало условно, поскольку в ПМП (передвижном медицинском пункте) он был единственным врачом и в его подчинении было несколько санитаров.

Однажды Семен уговорил – отваги было через край – автоматчиков, сопровождавших танки, чтобы они взяли его с собой в атаку. Ему выдали автомат, и он вместе с другими автоматчиками ринулся в бой. Из боя вышел целым и невредимым, даже получил за этот бой орден Красной Звезды, но при этом – и строгий нагоняй от командира полка за nepозволительную самодеятельность. Как можно бросить ПМП? А раненые?

В танковом полку к Семену в ПМП после каждого боя приносили обожженных танкистов. Они выскакивали (если успевали) из горящих машин, объятые пламенем, и катались по земле, пытаясь затушить огонь. Они дико кричали от боли. Прикосновение к обгоревшей коже приводило к болевому шоку. Обгоревшие лица вызвали глубочайшее сострадание, а он бессилён был им помочь. Семен помнил, как в далеком детстве он мечтал найти способ лечения ожогов. Эта мечта привела его в медицину. Теперь она становилась осознанной целью. Он уже врач и многое понимает, но придется подождать, когда кончится война.

А что музыка? Оставила ли она, наконец, врача Семена Скурковича в покое?

– Музыка не оставляла меня ни на минуту, – признаётся он. – В голове постоянно звучали какие-то мелодии, услышанные или вдруг возникавшие как бы сами по себе.

– По ходу наступления, – продолжает вспоминать Семен, – мы часто останавливались в домах, где был рояль или пианино. О моем умении играть всем было известно, и меня тут же тащили к инструменту. Набивался полный дом, и я часами играл, импровизировал, аккомпанировал нестройному хору голосов, поощему полюбившиеся песни. Мои друзья Гоша Беленький и Миша Вилькин написали стихи, а я – музыку нашей полковой

песни «Гвардейское знамя».

Сейчас, когда я вспоминаю об этом на 92-м году жизни, мне очевидно, что слова и музыка очень примитивны, но в то время они отражали наши мысли и чувства.

Пожелтевший листок фронтовой газеты со словами песни сохранился в бумагах Семена Владимировича как память о прошлом, и он протянул его мне:

– Можете прочитать, но не судите строго.

Песня начиналась со строк:

Мы стояли насмерть за страну родную,
По приказу Сталина мы в атаку шли.

И заканчивалась на мажорной ноте словами о светлом послевоенном будущем:

На своих знаменах мы несем народам
Счастье и свободу, дружбу и любовь.
Оттремят, промчатся огневые годы,
Солнце мирной жизни засияет вновь.

Как эти слова были созвучны мыслям и надеждам однополчан! Песню пели, и Семен был этому по-авторски рад.

Скуркович дважды был ранен. Первый раз – на австро-венгерской границе. Снаряд разорвался рядом с ним. Его нашли на краю воронки, без сознания, присыпанного жуткой смесью земли и крови. Санитары отложили его в к убитым. Но неподалеку оказались два ангела-спасителя, два офицера – украинец и русский.

– Дывись-ка, у нього ще кров бижить струмком.

– Слушай, так если мертвый, кровь вроде бы не должна бежать.

Контузия была тяжелейшей, но обошлось без серьезных ран. Подлечившись в госпитале, Семен вернулся в свой полк.

Второе ранение случилось под Веной. На этот раз пуля пробилла мягкие ткани бедра, не задев кость. Повезло! Даже госпиталь не понадобился. Несколько перевязок, немного похромал – и все.

Кроме упомянутого ордена Красной Звезды военврач Семен Скуркович получил еще орден Отечественной войны II степени. К медали «За оборону Москвы» прибавились медали «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и, наконец, долгожданная медаль «За победу над Германией».

После окончания войны Семен – уже в чине капитана медицинской службы – почти два года прослужил в оккупационных войсках в румынском городе Констанца.

В 1947 году капитан Скуркович демобилизовался и вернулся в Москву, имея удостоверение инвалида войны. Москва произвела на него тяжелейшее впечатление. Она еще не оправилась от войны. Пенсии, которую он получил по инвалидности, едва хватало на полуголодное существование. Ему было трудно понять, почему в побежденной Румынии люди жили лучше, чем в победившей

России.

Еще не устроившись на работу, он решил написать письмо знаменитому композитору Сергею Прокофьеву. Музыка всегда звучала в нем. Он записывал ее с надеждой, что его музыку оценят профессионалы. И вот он пишет письмо признанному музыкальному авторитету, вкладывает в это письмо ноты сочиненной им скрипичной пьесы и с наивностью, свойственной творчески одаренным людям, ждет ответа маэстро с оценкой своего «шедевра».

Случилось почти невероятное – знаменитый композитор не просто ответил ему, а пригласил в гости. В назначенный день и час Семен явился по указанному адресу.

После взаимного «здравствуйте» Сергей Прокофьев без лишних слов предложил гостю пройти к роялю и сыграть что-то из его сочинений. Семен сыграл и с нетерпением ждал, что же скажет мастер. А тот, никак не выразив своего отношения, предложил выпить по чашке чая. На столе уже стояли красивые чайные чашки, а рядом – печенье, конфеты и еще какие-то сладости. После недолгой паузы Прокофьев отечески улыбнулся:

– Ну что ж, у вас явный музыкальный талант и вполне обоснованная тяга к сочинительству. А чем занимались до армии?

– Я врач, закончил Второй медицинский.

– Замечательная профессия. Но нельзя быть кем-то и еще композитором. Это требует полной самоотдачи. Более того, если вы долго не сочиняете музыку, дар сочинительства может ослабеть и даже совсем исчезнуть. Поэтому решайте. Но если выберете музыку, приходите, и я возьму вас в свои ученики.

Семену было очень лестно получить высокую оценку всемирно известного композитора, но медицина опять взяла верх. Однако Семена Скурковича не привлекала карьера практического врача. Он хотел заниматься только научно-исследовательской работой, но получить ее было не так просто. Еще не определившись, Семен много времени проводил в Медицинской научной библиотеке. Он следил за последними новинками в медицине, генерировал собственные идеи, и мысль найти такое место, где он придется ко двору со своими идеями, не оставляла его.

И... да здравствует Его Величество Случай! В большом фойе библиотеки, где на короткий отдых от изучения научной литературы собирались медики, Семен разговорился с молодым хирургом, бывшим фронтовиком.

В разговоре Семен поделился, что ищет работу, и новый знакомый сказал, что в Институте гематологии и переливания крови профессор Н. А. Федоров ищет молодых и перспективных сотрудников. Семен тут же вспомнил, что этот профессор был ассистентом кафедры, когда Семен, еще учась в институте, занимался на этой кафедре студенческой научной работой.

Профессор Н. А. Федоров принял Семена Скурковича очень

радушно. В его лаборатории трудились в основном пожилые женщины – прямое следствие войны, – и он нуждался в молодом энергичном сотруднике. Семен Скуркович начал работать врачом-лаборантом. Зарплата, конечно, – одно название, но плюс пенсия по инвалидности и пока отсутствие семьи позволяли вести относительно сносное существование. Главное – у него теперь интересная и увлекательная работа.

Через короткое время он получил тему кандидатской диссертации. Работая с утра до вечера с полной отдачей, он после успешной защиты диссертации в 1950 году становится кандидатом медицинских наук.

Интенсивная работа продолжается, и пять лет спустя (ему всего 33-й год) Семен Скуркович завершает работу над докторской диссертацией. Молодой и перспективный доктор наук получает звание профессора. Через некоторое время его группа выходит из-под крыла профессора Федорова и получает самостоятельный статус лаборатории иммунологии.

Известный рентгенолог, профессор Э.Новикова в автобиографической книге «Рентген моей жизни» тепло вспоминает «советы молодого, талантливого и очень смелого, искреннего, независимого ученого, проф. Скурковича Семена Владимировича». Один из таких советов последовал от него, когда она подыскивала сотрудника в свою группу: «Сотрудников надо выбирать очень осторожно, узнать все о них. С женой или мужем можно разойтись, если они не подошли друг другу, а от плохого, склочного сотрудника в условиях советской власти избавиться очень трудно».

Хорошо понимал Семен Владимирович окружающую действительность. Знал он и то, что отсутствие партбилета является серьезным препятствием для успешной карьеры. Тем не менее, каждый раз, когда ему предлагали вступить в партию, он искренне и убежденно объяснял, что очень серьезно к этому относится и должен еще работать над собой, чтобы быть достойным. Так и не стал никогда членом КПСС.

Что же это были за научные исследования, в которых Семен Скуркович получил выдающиеся результаты и мировое признание?

Помните вопрос, который мучил Семена еще в детстве? Почему при небольших ожогах организм справляется с бедой, а большие обожженные поверхности кожи приводят к гибели? Есть ли возможность помочь организму в борьбе за жизнь?

Семен Владимирович начинает меня просвещать:

– Охраной нашего здоровья занимается иммунная система. Она производит лимфоциты и некоторые другие клетки, которые циркулируют в крови и готовы сразиться с инфекцией в любом месте организма. Это врожденный иммунитет. После иммунизации антигеном...

– Стоп, – прерываю я, услышав новое для себя слово «антиген».

- Не забывайте, Семен Владимирович, что я не иммунолог и не врач, и мои познания в иммунологии носят самый общий характер.

- Поясню. Вы наверняка знаете про микробы, вирусы, грибки, опухолевые клетки. Добавим еще трансплантаты, которые сейчас сплошь и рядом пересаживают от одних людей к другим. Все это носители чужеродных для нашего организма веществ, названных антигенами. Попадая в наш организм, они вызывают иммунную реакцию. Если иммунная система побеждает, организм продолжает здравствовать, если нет - увы... Ясно?

- Пока да.

- Тогда продолжаю. После иммунизации чужеродным антигеном победившая иммунная система сохраняет о нем память. Это уже приобретенный иммунитет, и при повторной атаке тем же антигеном иммунная система уже имеет готовые антитела, чтобы отразить атаку без промедления. Болезнь может не возникнуть вообще или будет протекать не так тяжело.

Доктор Скуркович обратил внимание на то, что люди, перенесшие первый ожог, повторный переносят намного легче. Это означает, что после первого ожога возникает приобретенный иммунитет. Кровь уже содержит антитела послеожогового токсина. Если такую кровь использовать для приготовления сыворотки и вводить эту сыворотку больному, впервые получившему сильные ожоги, то следует ожидать лечебный эффект. Клиническая проверка показала, что все обстоит именно таким образом. Результаты были опубликованы и сразу привлекли внимание. Их повторили во многих ожоговых центрах, и сообщения об этом в медицинских журналах свидетельствовали о высокой эффективности сыворотки Скурковича.

В 1956 году профессор Н. А. Федоров полетел в США, в Бостон, на Всемирный ожоговый конгресс с докладом по иммунотерапии ожогов. У научного сотрудника его лаборатории Семена Скурковича и вопроса не возникало, почему не он летит на конгресс докладывать о результатах своей работы. Молодой, беспартийный, да еще с «пятой графой» в паспорте. Какая может быть заграница, тем более США!

Доклад Федорова вызвал восторженную реакцию коллег, и Семен Скуркович искренне радовался тому, что о его работе узнали ученые и врачи из разных стран.

Приведем один из ярких примеров успешного использования противоожоговой сыворотки. Семен Владимирович получил из Штатов отгиск статьи с описанием лечения детей, получивших ожоги во время пожара в детском приюте. В статье были фотографии обожженных детей до и после лечения. Лечебный эффект был убедителен, а ссылка на то, что это достижение советских ученых, вызывала законную гордость.

Сейчас, много лет спустя, Семен Владимирович говорит, что иммунотерапия ожогов имеет перспективы развития, так как

современные методы позволяют выделить ожоговый токсин, на его основе сделать вакцину и иммунизировать пожарных и всех тех, кто подвержен риску получения ожогов. Это значительно уменьшит потребность в антиожоговой сыворотке, получение которой от людей, перенесших ожоги, связано со многими трудностями. Свою работу по иммунотерапии ожогов Семен Владимирович считает незаконченной. Научные исследования должны быть, по его мнению, продолжены. Особенно это актуально в связи с возросшей опасностью лучевых ожогов.

- Исполнилась Ваша детская мечта помочь человечеству в борьбе с ожогами.

- Да, такое ощущение, что это было предначертано судьбой. После этого было много других научных исследований, но наиболее важным считаю создание препарата против стафилококков.

Главная идея все та же - лекарство должно помогать иммунной системе. Не конкурировать с ней - это безуспешное, а порой и вредное занятие, - а именно помогать.

После серьезных травм и ранений, после сложных хирургических операций, когда организм максимально ослаблен, самую большую опасность для него представляют микробы, называемые стафилококками. Они могут вызвать сепсис, известный в быту как заражение крови. Процесс лавинообразный, и если его не остановить, летальный исход неизбежен. А остановить его можно только быстрой и эффективной помощью иммунной системе. Одно время помогали антибиотики, но зловредные микробы, умеющие приспосабливаться, перестали на них реагировать.

Выдающимся достижением проф. С.В.Скурковича и его сотрудников явилось создание антистафилококковой плазмы и гамма-глобулина (иммуноглобулина).

Идея проста - больному необходимы препараты, приходящие на помощь иммунной системе и целенаправленно уничтожающие стафилококки. Откуда их взять? Произвести их может только сама иммунная система живого организма. Но не заражать же его специально и тем самым ставить жизнь под угрозу! Казалось бы, замкнутый круг. Но на то и ученые, чтобы найти выход.

Посеять и вырастить культуру стафилококков не проблема, но затем надо выделить из нее и удалить ядовитые и сильнодействующие токсины. После этого из микробов и токсинов нужно приготовить стафилококковую вакцину и иммунизировать здоровых доноров. В крови доноров вырабатываются защитные вещества - белки гамма-глобулины. Далее из крови доноров выделяются нужные фракции, и препарат готов.

За каждым шагом стоит сложный и тонкий технологический процесс, и доктор Скуркович с коллегами получил несколько авторских свидетельств на способы получения антистафилококкового гамма-глобулина.

Работа по созданию нового средства для борьбы со

стафилококками, нечувствительными к антибиотикам, завершилась в начале 60-х, а в конце тех же 60-х в СССР, особенно в Москве и ряде других городов, вспыхнула настолько сильная эпидемия стафилококковой инфекции, что ее назвали «стафилококковой чумой». Нечувствительные к антибиотикам стафилококки свирепствовали в родильных домах и больницах. Умиряли новорожденные, летальный исход после операций принял угрожающие размеры. Одни за другими закрывались родильные дома и больницы.

Министр здравоохранения СССР издал приказ об изготовлении препарата Скурковича, но производство раскручивалось очень медленно, а люди умирали и умирали. То и дело самому Семену Владимировичу приходилось принимать участие в спасении людей, используя наработанные в лаборатории препараты. Особенно он радовался, когда удавалось помочь детям.

В самой главной советской газете – «Правда» – появились одна за другой две статьи: «Атакующий микробы» и «Схватка с невидимками» – об успехах лаборатории проф. С. В. Скурковича. В Советском Союзе это означало высшую степень признания. Был снят научно-популярный фильм. О чудодейственном средстве узнала вся страна.

Семен Владимирович вспоминает пятимесячного Толика из Саранска. Профессор Скуркович получил телеграмму-мольбу от его родителей: «Спасите нашего ребенка!» Малыш погибал от пневмонии, вызванной стафилококковой инфекцией. Антибиотики не помогли. Медицина оказалась бессильна. Родители прилетели с ребенком в Москву. Его поместили в клинику и тут же сделали инъекцию нового препарата – желтоватой жидкости из пластикового мешочка. Эффект нельзя назвать иначе чем чудом. На следующий день после инъекции ребенок, изможденный болезнью, впервые спокойно уснул. Еще через день он начал улыбаться. Нетрудно представить, какие слова говорили Семену Владимировичу родители спасенного ребенка. Для них он был посланцем Бога, дарующим жизнь.

Помнит Семен Владимирович, как к нему однажды обратился бывший в то время Первым заместителем Председателя Совета министров СССР Н. А. Тихонов с личной просьбой помочь ребенку, у которого стафилококковый сепсис. Его родители, которых он хорошо знает, позвонили из Парижа, где находятся в командировке, и умоляют спасти их малыша. «Сделайте все возможное. Если что-то нужно Вам, обращайтесь, не стесняясь, к моему помощнику».

Ребенок был спасен, а Семен Владимирович по просьбе директора Института, решившего воспользоваться ситуацией, позвонил помощнику и пожаловался, что очень медленно строится новый корпус их Института. На следующий день по этому поводу было совещание в Моссовете, а еще через день множество людей и строительных машин заполнило стройплощадку.

Успех безусловный. Чувство удовлетворения научными результатами полное. Но жизнь – это не только работа. Говорят, что счастлив тот человек, который утром с удовольствием идет на работу, а вечером с удовольствием возвращается домой. Семен был таким счастливым человеком.

В 1950 году Семен раз и навсегда женился на Мине, врачевирологе из Института полиомиелита. Через год у них родилась дочь, а еще через четыре года – сын. Оба со временем, к радости родителей, стали врачами.

И музыка, как бы он ни был занят на работе, продолжала в нем звучать. Вот что он сам говорит об этом:

– С моей точки зрения, музыка и наука – это проявления одного и того же интеллекта. Я отношусь к музыке со страстью и любовью, а к науке – с любовью и страстью. Ибо счастье определяется не тем, что ты имеешь, а тем, как ты себя чувствуешь в этом положении. Однажды поделился этим со своей женой – может, лучше стал бы я композитором, писал бы оратории, симфонии, оперы, на которые, казалось, хватило бы сил, и был бы счастлив. И знаете, что мне сказала Мина? «Будь ты музыкантом, жалел бы, что не стал ученым!» Музыка способна лечить души, но не физические недуги.

Когда оставалось хоть немного свободного времени, музыка вступала в свои права. Сочиненный Семеном Скурковичем концерт для фортепиано с оркестром был с успехом исполнен в Московском Доме ученых в 1977 году пианисткой Л. Казанской и оркестром под управлением Л. Грина. Бурные аплодисменты, нескрываемое удивление и похвальные слова о музыке были очень приятны автору. Известный ученый, доктор наук, да еще и композитор!

Улыбаясь, Семен Владимирович вспоминает, что секретарь Союза композиторов Тихон Хренников лично распорядился ежегодно выделять С. В. Скурковичу путевку в Дом творчества композиторов «Руза», расположенный в одном из самых живописных уголков Подмосквья.

– Семен Владимирович, – возвращаю его к разговору о дальнейших иммунологических исследованиях. – Насколько мне известно, кроме успешной борьбы со стафилококками у Вас есть еще немало достижений, которыми можно гордиться. При этом многие исследования начались еще в Москве и были успешно продолжены в США.

– Невидимых врагов у живого организма великое множество, – продолжает рассказ о своих научных работах Семен Владимирович, – и приходится удивляться не только изощренному коварству агрессоров, но и изумительной стойкости и находчивости иммунной системы, спасающей жизнь. Но иммунитет, увы, начинает работать с задержкой во времени, которая может оказаться губительной для организма. Как помочь иммунной системе? Этот вопрос не оставлял меня всю жизнь. Со стафилококками более или менее понятно, а что делать с армией

вирусов, атакующих организм и вызывающих целый ряд серьезных заболеваний?

В первом приближении ситуация обстоит следующим образом. Вирусы устроены так, что могут размножаться только внутри живых клеток. Клетки после попадания в них вирусов начинают вырабатывать интерфероны – вещества с антивирусной активностью. Пораженные вирусом клетки могут погибнуть, но произведенные ими интерфероны, попавшие в организм, защищают здоровые клетки от проникновения вирусов.

Поначалу препарат, который так и назывался – интерферон, успешно применяли для лечения вирусного гриппа. Вместе с тем после вирусных инфекций часто возникало много тяжелых и порой необратимых осложнений. Всем известно, что не так страшен грипп, как осложнения после него. Почему они возникают?

Профессор Скуркович высказал гипотезу, что интерфероны могут быть наработаны с избытком, и оставаясь в организме в большом количестве, могут привести к таким страшным последствиям, как аутоиммунные заболевания – например, ревматоидный артрит. Если это так, то необходимо избыточный интерферон из организма удалить. И в лаборатории Скурковича по тому же принципу, по которому делались антистафилококковые препараты, изготовили препарат, содержащий противоинтерфероновые антитела.

Первое испытание нового препарата проводилось на шестнадцати тяжелых больных, страдающих ревматоидным артритом, который сопровождался невыносимыми болями в распухших суставах и их деформацией. В течение пяти дней больным дважды в день делались инъекции. Результат не вызывал сомнений. Весь персонал больницы сбегался посмотреть на вчерашних инвалидов, которые избавились от мук и радовались чуду. А Семен Владимирович не мог скрыть ликования и от того, что видел счастливые лица излеченных людей, и от того, что его гипотеза оказалась верной.

Статьи проф. Скурковича и его сотрудников стали печататься в самых авторитетных зарубежных научных журналах: *“Immunology”* в Англии, *“Ann. Allergy”* и *“Nature”* в США, в Трудах знаменитого Института им. Л. Пастера во Франции. Особо выделим журнал *“Nature”*, в котором публиковали свои работы Нобелевские лауреаты, прежде чем им присуждалась эта престижная премия. Дважды Семен Владимирович был удостоен чести быть опубликованным в *“Nature”*, что подтверждает высокий мировой уровень достижений лаборатории и ее руководителя.

Профессор Скуркович непрерывно генерирует новые идеи. Активная исследовательская работа не прекращается ни на один день. В его лаборатории по тому же принципу, по которому делались антиинтерфероновые препараты, изготавливают другие антицитокининовые лечебные средства.

При слове «антицитокиновые» мне снова приходится признаться в собственной безграмотности и просить Семена Владимировича пояснить, что это такое.

- Интерферон, о котором мы говорили, это один из многих известных к настоящему времени цитокинов – биологически активных белков, с помощью которых разнообразные клетки иммунной системы могут обмениваться друг с другом информацией и согласовывать свои действия.

- Тут нет преувеличения? Ведь обмен информацией – свойство разумных существ.

- Никакого преувеличения. Цитокиновая среда еще мало изучена, но уже ясно, что в ней взаимодействуют часто меняющиеся сложные сигналы. Их действия вызывают изумление. Цитокины объединяют в своих реакциях иммунную, эндокринную и нервную системы. Всякий биологический отклик организма связан с цитокинами. Нормальная работа цитокинов определяет нормальное функционирование всего организма. Любые сбои в работе цитокинов, их недостаток или перепроизводство, приводят к болезням, в первую очередь к аутоиммунным заболеваниям, причина которых отсу́тствует долгое время оставалась неясной и лечение практически отсутствовало.

Предположение, что причина кроется в нарушении синтеза цитокинов, впервые в мире было высказано Скурковичем. Это предположение нашло блестящее подтверждение и принесло Семену Владимировичу очередное международное признание. Он стал пионером в лечении, названном антицитокинотерапией, которое сегодня широко используется во всем мире. Не так просто произнести это длинное слово – антицитокинотерапия, но это только для непосвященных. Семен Владимирович произносит его с гордостью человека, совершившего открытие.

Зарубежные коллеги с огромным интересом относятся к работам уже ставшего всемирно известным профессора. В составе делегаций они посещают его лабораторию. Его приглашают с визитом в институты и центры для обмена опытом и с докладами на медицинские конференции. Но кто же его выпустит?! В страны Варшавского блока – еще куда ни шло, но в капиталистические?! По-прежнему беспартийный, все с тем же «пятым пунктом», да еще персонально, а не в составе делегации.

В 1969 году профессору С.В. Скурковичу удалось – не без поддержки высокопоставленного чиновника – получить разрешение на участие в конференции в США с докладом о новом подходе к лечению лейкозов. Американские коллеги приняли профессора Семена Скурковича по высшему разряду. Его доклад был выслушан с огромным вниманием и закончился аплодисментами. Он посетил клиники и лаборатории, увидел уникальное оборудование, которое ему и не снилось, услышал о больших деньгах, вкладываемых в медицину. Семен Владимирович

и раньше слышал об этом, но совсем иное дело – увидеть собственными глазами. Все это трудно было сравнивать с состоянием медицины и уровнем жизни медицинских работников в СССР.

В Национальном институте здоровья (НИИ) США Скурковичу предложили в любое удобное время приехать на более длительный срок, чтобы совместно поработать. Вежливо поблагодарив за приглашение, Семен Владимирович сказал, что это не так просто, хотя прекрасно понимал, что на самом деле это невозможно. До момента, когда он снова окажется в Национальном институте здоровья, пройдет десять лет.

Семен Владимирович рассказывает, что не ощущал на себе антисемитизма, и условия работы были у него, по советским меркам, замечательные. Его не тронули в годы разгула борьбы с «безродными космополитами», когда евреи в массовом порядке изгонялись с руководящих должностей. Не коснулся его лично и Дело врачей – «убийц в белых халатах». Московский горисполком выделил его семье прекрасную квартиру. В своей «раковине» он чувствовал себя вполне комфортно. Но все, что происходило с другими, он видел и понимал. И как можно быть уверенным, что в следующий раз это не коснется тебя и твоих детей? Однако не это, признаётся Семен Владимирович, стало главной мотивацией для отъезда за рубеж. Он прежде всего ученый, и возможности, которые ему виделись в США, притягивали с неимоверной силой.

В 1979 году, когда люди сидели в отказе по многу лет, когда ОВИРы цинично издевались над желающими уехать, семье профессора Скурковича удалось сравнительно легко выехать в Штаты. Отпускать или не отпускать – решали только «компетентные органы», и один из больших генералов, благодарный Скурковичу за спасение дочери, помог решить вопрос.

Семен Владимирович Скуркович эмигрировал с семьей в США, где его уже ждало место в Национальном институте здоровья. Почти сразу он получает грант от Американского онкологического центра для развития своих идей по лечению онкологических заболеваний. Ему всего 57, и он полон энтузиазма и новых идей по лечению иммунных заболеваний, связанных с нарушением синтеза цитокинов. Это, по предположению профессора Скурковича, и аутизм, и рассеянный склероз, и псориаз... остановим перечисление страшных людских недугов. Все эти заболевания, как показали дальнейшие исследования, связаны с перепроизводством в организме различного типа цитокинов – говоря по-научному, с гиперпродуцированием цитокинов.

Работы профессора Скурковича по созданию антицитокинов, уничтожающих этот избыток, как уже было сказано, явились революционными. Он впервые выявил те цитокины, которые участвуют в формировании воспалений в самых разных местах человеческого организма при ряде заболеваний, и предложил их

удалять. Клинические исследования показали высокую эффективность антицитоккинов в борьбе с воспалениями.

Упомянем о длившемся тридцать лет эксперименте, который начался еще в России, в Институте онкологии, и был продолжен в Америке. Лечению вакциной, созданной Скурковичем, подвергались 54 ребенка с острым лейкозом, для которых скорый летальный исход не вызывал сомнений. Выжили и благополучно росли восемь детей. Казалось бы, не так много, чуть больше 15%, но это при стопроцентной смертности, которая была прежде. Успех несомненный. Результаты эксперимента были доложены на Всемирном онкологическом конгрессе и получили восторженные отзывы.

В лаборатории С.В.Скурковича совместно с НИИ вакцин и сывороток им. И.И.Мечникова были созданы так называемые эшерихиозные вакцины (эшерихиа коли – кишечная палочка) против четырех типов антигенов кишечной палочки. Однако в патенте на это изобретение ученым было отказано. Почему?

– Рецензент дал отрицательный отзыв. Оказалось, что у него какие-то личные счёты с Институтом им. И.И.Мечникова. Конечно, можно было бороться, но не хотелось на это тратить время, да и смысла большого не было. Одним патентом больше, одним меньше – какое это имело значение? Гораздо важнее и интереснее было проверить лечебную эффективность нового средства.

Семен Владимирович вспоминает очень рискованный эпизод, когда в детской больнице им. Морозова – крупной московской больнице – заболела трехлетняя девочка. У нее был менингит, вызванный кишечной палочкой. Она умирала. Надежд на спасение не было, и доктор Скуркович предложил ввести в спинномозговой канал иммунную сыворотку против эшерихиозной бактерии. Сначала была тяжелая реакция ребенка и волнение врачей, но постепенно наступило улучшение, и через несколько дней девочка была практически здорова. Ее мама плакала от счастья.

Рисковать Семену Владимировичу приходилось не раз. На согласования не было времени, и он часто брал решения на себя. За это в Институте его прозвали «партизаном».

В 1984 году коллективу ученых была присуждена Государственная премия СССР за создание и внедрение антистафилококковых препаратов. Каково же было удивление Семена Скурковича, когда его, автора и руководителя работы, не оказалось в списках награжденных.

– Мне, – говорит Семен Владимирович во время нашей беседы, – не очень были нужны медаль лауреата и денежное вознаграждение. Сами понимаете, я зарабатывал гораздо больше, чем все мои бывшие коллеги, вместе взятые. Но где справедливость?

И он пишет письмо в Министерство здравоохранения, представившее работу к награде. Приведу цитату из ответного письма Минздрава:

«... Возможно, переезд в США и смена гражданства привели к тому, что Вы не попали в число лауреатов премии 1984 года. Несмотря на это, Вы ученый с мировым именем. Ваши заслуги как автора антистафилококковых препаратов и работ по антицитокинам общепризнаны...»

Хорошо, что хоть признают заслуги, но до сих пор Семен Владимирович не может простить обиду и клеймит российских бюрократов и чинуш.

В Штатах от него потребовалось не меньше сил и настойчивости для преодоления бюрократических барьеров, чем в Союзе. Но там он был только государственным служащим, а здесь у него появились совсем другие возможности, определяемые частной инициативой.

Семен Владимирович вспоминает разговор со знаменитым изобретателем вакцины от полиомиелита, доктором Джоном Солком, вскоре после эмиграции:

- Доктор Солк хорошо знал мои работы и дал им высокую оценку, но при этом добавил: «Америка не такая хорошая, как Вы думаете. Чтобы реализовать Ваши патенты, Вы должны найти честного и богатого инвестора».

Одна компания выделила 40 млн долларов на получение антистафилококковых иммунных препаратов. Однако отказ строго следовать патенту, на чем настаивал Семен Владимирович, привел к тому, что работа потерпела неудачу, и он был бессилен что-либо изменить. Прошло немало времени, пока антистафилококковые иммунные препараты, предложенные С. В. Скурковичем, начали широко использоваться во многих странах мира, включая Россию.

Наученный горьким опытом, Семен Владимирович решил организовать собственное дело. Поначалу все складывалось отлично. Ему помог адвокат, мистер Браун. Оформляя очередной патент профессора Скурковича, он сказал ему, что его идеи могут принести большие деньги, и они договорились создать компанию. Арендовали помещение, купили необходимое оборудование, пригласили в Совет директоров инвесторов и даже приобрели на ферме коз и овец, необходимых для получения препаратов. Так появилась компания *Advanced Biotherapy Concepts* во главе с президентом Семеном Скурковичем.

Планы были грандиозные – со временем превратить компанию в мощную международную корпорацию, включающую клиники и фармацевтические предприятия. К сожалению, Семен Владимирович не мог представить, в какую конкурентную борьбу он вступает.

Бизнес-история проф. Семена Скурковича – и грустная, и понятная. В Советском Союзе, приспособившись к советской бюрократии, Семен Скуркович страдал от невозможности развернуться в полную силу, от необходимости согласовывать все и вся, выпрашивать штаты и деньги, обосновывать покупку нужной

зарубежной аппаратуры. В Америке он надеялся уйти от этих проблем – и ушел. Но возникли другие, о которых он даже представления не имел.

– Теперь я вижу, каким я был наивным, – говорит мне Семен Владимирович. – Помните, что сказал Ян Гус, когда в Праге его сжигали на костре, про старушку, которая подбрасывала в огонь хворост? Святая простота!

Итак, есть фирма, есть авторитетные люди, сулящие успех. Нашлись бизнесмены, ничего не понимающие в медицине, но имеющие деньги и нюх на то, как их можно умножать. Были выпущены акции фирмы, часть которых досталась Скурковичу. По договору все патенты теперь принадлежали не автору, а фирме. Но разве это важно для ученого? Главное – как можно быстрее провести клинические исследования и сделать препараты доступными для больных.

Семен Владимирович работал как одержимый. Он был счастлив, но счастье было недолгим. На определенном этапе работы денег стало не хватать. Профессору Скурковичу, владевшему большим пакетом акций, было предложено их продать. Ему и в голову не пришло задуматься о последствиях. Чтобы получить деньги и продолжать исследования, Семен Владимирович продает свои акции. Обидно, больно, но и с этим Семен Владимирович готов был смириться. Лишь бы препараты скорее дошли до больных. У него же с детства, как вы помните, «одна, но пламенная страсть» – излечить человечество от тяжелых недугов. И тут Семена Владимировича ждало такое разочарование, что он до сих пор не может об этом спокойно говорить.

Мы слышаны о том, что частная инициатива способствует быстрому научно-техническому прогрессу. Это истина, но только относительная. Когда вступает в силу закон больших денег, прогресс тормозится или даже останавливается. Ни для кого сегодня не секрет, что крупные нефтяные компании чинят серьезные препятствия развитию альтернативных видов топлива, исключая нефтьпродукты. Они скупают патенты и кладут их под сукно, делая невозможным их дальнейшее развитие. Похожая ситуация имеет место в медицине. Идеи профессора Скурковича, раскрывающие глубинную роль иммунной системы в возникновении различных патологий и предлагающие абсолютно новый подход к излечению ряда болезней, неминуемо должны приводить к революционным изменениям в фармакологии. Но это совсем не нужно фармакологическим гигантам. На продаже лекарств они зарабатывают столько, что начинает действовать «закон больших денег».

Семен Владимирович горяч в оценках, он называет преступниками владельцев его патентов, но, увы, они действуют по правилам. Можно сколько угодно возмущаться, что это аморально. Можно звать к любви, к человеколюбию. Тщетно: Закон Больших Денег!

Напоминаю разгорячившемуся Семену Владимировичу известные слова Эрнста Неизвестного: «Рая на земле нет. Но если выбирать лучший из адов, то это Америка». – Хоть и ад, но все-таки лучший! – заключаю я.

– Лучший из адов, худший из раев – можно сколько угодно жонглировать словами. Кстати, в русском языке и ад, и рай, по моему, не имеют множественного числа. Назовите как хотите, но черное – всегда черное, а белое – белое. Положить под сукно мои патенты – это преступление, и никаких оправданий и утешений тут быть не может.

В распоряжении компании, которая больше не принадлежала Семену Скурковичу, оказались патенты на препараты для лечения диабета первого типа, псориаза, рассеянного склероза, для остановки отторжения трансплантатов и некоторые другие. Профессор Скуркович был автором, научным руководителем, главной движущей силой экспериментальных исследований, но в бизнесе у него не было никаких прав. С горечью Семен Владимирович говорит:

– Больше всего я переживаю за больных детей, которые страдают от диабета первого типа. В Америке 1,5 миллиона таких детей, которым необходимо вводить инсулин по 7-8 раз в день. Этот тип диабета так и называется – «детский диабет». Я знал, как помочь этим детям, и не мог использовать для этого свои патенты. Человек, владеющий акциями компании, делал вид, что пытается реализовать патенты, но это было не больше чем желание на какое-то время меня успокоить. Поняв это, я попросил его перепродать мне мои патенты, которые он купил за бесценок, но он запросил такую крупную сумму, что я онемел. У меня и близко не было таких денег. Я не могу сказать, что я бедный человек, но из богатого человека, которым некоторое время был, я превратился в человека, у которого нет денег даже на то, чтобы симфонический оркестр и хор исполнили мой «Холокост».

Прежде чем рассказать о «Холокосте», необходимо вернуться к музыкальной стороне жизни Семена Владимировича. Даже став знаменитым ученым-иммунологом, он продолжал не только самозабвенно слушать классическую музыку, но и сочинять свою собственную. Его музыкальная эрудиция поражает. Он не только знает всю классику, но и на слух может определить, какой дирижер управляет оркестром.

В Штатах ему повезло встретиться с великим скрипачом Исааком Штерном. Они говорили между собой по-русски, хотя Штерн эмигрировал с родителями в младенческом возрасте в начале двадцатых годов минувшего века. Семен был всего на два года младше, и они быстро перешли на «ты». Семену запомнилась шутка Штерна по поводу культурного обмена между Штатами и Союзом: они нам посылают своих музыкантов из Одессы, мы им посылаем своих музыкантов из Одессы. Семен дал послушать фрагменты магнитофонной записи своего концерта для

фортепьяно с оркестром.

- Замечательно, - похвалил скрипач. - А для скрипки ничего нет?

Из музыкальных сочинений, написанных Семеном Скурковичем, больше всего ему удалось, как он считает, симфоническая поэма в четырех частях для двух голосов, хора и оркестра, посвященная Холокосту. Видевший лагеря смерти собственными глазами, он не мог забыть немыслимое зверство человекоподобных. Люди должны помнить об этом. Его музыка - о любви двоих, обреченных на смерть и бессмертных.

С этой симфонической поэмой связано наше знакомство с Семеном Владимировичем, перешедшее, к большой моей радости, в дружбу. Он увидел и услышал меня в литературной передаче русского телевизионного канала RTN с ведущим Ильей Граковским. Ему понравились мои стихи, и он спросил, не соглашусь ли я написать строчки к его музыке, посвященной Холокосту. Я еще представления не имел, кто такой Семен Скуркович и что за музыку он написал, но согласился попробовать, и Семен Владимирович прислал мне ноты.

Мои друзья-музыканты нашли музыку оригинальной и интересной, а мне она просто понравилась. И я начал сочинять слова, которые, в моем понимании, музыке соответствовали.

Для общего представления о том, что получилось, приведу небольшие фрагменты. Хор начинает со строк:

Судьба на муки обрекла Народ.
В небеса руки он простер.
Где Ты, Бог? Разве Ты не видишь нас?
Стоны наши услышь...

Затем вступают сопрано и тенор, она и он, которые успели полюбить друг друга, но не судьба была им стоять под хупой. Они в одном концлагере, но женские и мужские бараки разделены, и нет возможности им видеть друг друга. Они поют о любви, о трагедии, выпавшей на их долю, о том, что вместе они смогут быть разве что после смерти.

Продолжает хор:

Где ты, Ха-Шем?
Видишь ли ты этих двоих?
Метры пути не одолеть,
Вмиг разорвут псы.
Ближе до звезд этим двоим,
Ближе до неба.
Там обретут вечный покой,
Будут сиять рядом.

И тенор и сопрано вторят друг другу:

Свадьбу сыграть не судьба на Земле.
Будет хупою нам звездное небо.

В заключительной части хор поет, обращаясь к Богу:

На смерть, на муки Ты обрек Народ.
 Как палач, с маху бьешь кнутом.
 Наказать жестоко Ты задумал нас.
 Слышишь стоны?
 Прости.
 Не можем мы целовать, Господь,
 Кнут, которым бьешь...

Симфоническая поэма символично заканчивается несколькими тактами израильского гимна «Хатиква» («Надежда»). Да, мы были, есть и будем. Народ вечен.

Семен Владимирович мечтает, чтобы его поэма была исполнена большим симфоническим оркестром и многоголосым хором. Для этого нужны немалые деньги. Он пытается найти поддержку в еврейских общественных организациях, пишет письма, обращаясь с просьбой помочь к выдающимся людям: Стивену Спилбергу, Барбаре Стрейзанд, Эли Вайзелю – Нобелевскому лауреату, пережившему Холокост. Ему кажется, что еврейская кровь этих знаменитостей вызовет их интерес к его «Холокосту», и они поспешат прийти на помощь. Но в ответ – молчание или вежливые холодные отписки.

Сегодня, когда я пишу о нем, Семен Владимирович продолжает остро переживать свою неудачу в бизнесе, но не потому, что не заработал больших денег, а потому, что не смог и до сих пор не может помочь тяжело больным людям, страдающим от практически неизлечимых болезней. Есть выдающиеся научные результаты, есть международное признание коллег, но разве все это сравнимо с благодарными и счастливыми глазами излеченных людей. Видеть эти глаза было самой большой радостью в жизни Семена Владимировича Скурковича.

Ему почти 93, но он продолжает изумлять своей творческой активностью. В последнее время он получил патенты, в которых предлагается гемодиализ, производимый машиной, заменить инъекцией антител, которую может делать сам больной. Не надо быть специалистом, чтобы понять, как это жизненно важно для больных, у которых отказывают почки. Только в Штатах семьсот тысяч таких людей, и инъекции антител могут кардинально изменить их жизнь и значительно снизить смертность от этой тяжелой болезни.

Как всякой творческой личности, Семену Владимировичу свойственно здоровое честолюбие, и он уверен, что благодарное человечество со временем оценит по достоинству его вклад в борьбу с тяжелейшими заболеваниями. Он сделал все, что мог. Он продолжает делать все, что может. Ему есть чем отчитаться перед Богом и перед людьми.

Семен Владимирович показал мне монографию «Биологическая терапия в ревматологии», написанную заслуженным деятелем

науки России, проф. Я. А. Сигидиным и д.м.н. Г. В. Лукиной. Сначала я прочитал автограф: «Дорогому Семену Владимировичу Скурковичу с искренней благодарностью, наилучшими пожеланиями и восхищением его выдающимся талантом и научным предвидением, от авторов. 4 февр. 2008 г.» и обе авторские подписи. А в самой монографии написано следующее – цитирую дословно:

«Наиболее широкое признание среди методов биологического лечения ревматоидного артрита в наши дни нашла антицитокиновая терапия. Пионером этого принципа лечения является профессор С. В. Скуркович, который в 1974 году теоретически обосновал использование антител для лечения аутоиммунных заболеваний и впервые применил соответствующий препарат в терапии ревматоидного артрита. Это революционное направление в ревматологии в то время не было должным образом оценено, и лишь через 30 лет началось его бурное возрождение».

Что еще можно к этому добавить? Признание коллег он ощутил в полной мере. Журналистских славословий тоже было достаточно. Многочисленные благодарности излеченных от тяжелых недугов людей делали его счастливым. За достижения в иммунологии он получил диплом "*Great Mind of the 21-st Century*". С девяностолетием его поздравила президентская чета Соединенных Штатов.

Семен Скуркович не только радуется своим достижениям, но и переживает из-за того, что многие из них до сих пор не начали работать на благо человечества. На то он и Гаон!

Александр Углов – родился и вырос в Ленинграде. Получил инженерное образование. Проектировал мосты. В 1991 году переехал в Америку, где продолжал работать в той же области, пока не решил всерьез заняться драматургией. Его пьесы "Билет в один конец" и "Лондонский треугольник" ставились в Москве, Екатеринбурге, Риге и других городах.

Формула Кардано

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

Джироламо Кардано, за сорок.

Лучия, жена Кардано, за тридцать.

Фацио, старик, отец Джироламо Кардано.

Андриано, пятнадцати лет, внук Джироламо Кардано.

Луиджи Феррари, двадцати лет, ученик Кардано.

Энрико, слуга Кардано.

Франческо Сондрато, сенатор.

Никколо Тарталья, математик.

Легат, в одном лице прокурор и нотариус Милана.

Граждане Рима, Милана и Члены коллегии врачей

Действие происходит в Риме в 1576 году и в виде воспоминаний – в Милане, в период с 1520-го по 1560 год.

Действие первое

Кабинет Кардано в Риме. Полки с книгами. Учебная доска. На столе поднос с едой. Кардано в старом халате и шапочке сидит за столом, голова опущена. Впечатление, что он спит. Появляются граждане Рима.

Третий. Вот его дом.

Первый. Эй! Есть тут кто-нибудь?

Появляется Энрико.

Энрико. Что надо?

Первый. Мы почитатели синьора Кардано. Как он себя чувствует?

Энрико. Хозяин плох.

Первый. Бедняжка.

Энрико уходит.

Старый плут! Неужели ему это удастся?

Второй. Еще только утро. Подождем до вечера.

Третий. Что удастся?

Первый. Умереть.

Третий. Умереть? Что это значит?

Первый. Кардано составил гороскоп. Свой собственный. В нем вычислен день смерти. Двадцать первое сентября 1576 года.

Третий. Так это же сегодня!

Второй. Вот именно. Весь Рим гудит – помрет иль не помрет.

Первый. Ходят слухи: он голодает, чтобы скончаться в срок. Подгонка под ответ.

Третий. С какой целью?

Первый. Мечтает о титуле «Лучший астролог шестнадцатого века».

Второй. На надгробном камне.

Общий смех.

Третий. Кардано знаменит. Есть даже «формула Кардано». Куда уж больше славы?

Первый. А ему мало. И «формула Кардано» не его. Он ее украл.

Третий. Неужели?

Второй. Я тоже слышал нечто в этом роде.

Первый. Тщеславен до безумия.

Кардано. Энрико! На улице шумят.

Появляется Энрико.

Энрико. Уходите!

Первый. Передайте вашему хозяину наши искренние пожелания скорейшего выздоровления.

Энрико уходит.

Готов поспорить: дня не пройдет, как синьор астролог отправится туда. (Показывает пальцем вверх.)

Второй. Спорим! Кардано гений. Он выкарабкается из болезни.

Первый. Проигравший ставит выпивку ценой в один дукат.

Второй. Согласен. Вернемся к ночи и проверим, кто прав.

Т р е т и й. К ночи сюда придет весь Рим.

Граждане уходят. Кардано поднимает голову. Он выглядит стариком.

К а р д а н о (зрителям). Я ничего не крал! Это сплетня. Глупая сплетня. Она таскается за мной тридцать лет, порочит мое имя. Ей даже название придумали – “*Grande controversy*”. «Великая контроверза». Мы, итальянцы, любим преувеличивать. *Grande! Maggiore! Incredible!* Просто «научный спор» нас не устраивает. Нам подавай “*grande*”. Мне казалось – сплетня умрет сама собой. А она жива! И будет мазать мое имя дальше! Писать опровержение поздно. Я на краю могилы. И что ни напишу – все толку мало. Начнут злорадствовать: а! хочешь оправдаться!.. Что делать? Обратиться напрямую? (*Встает и выходит на авансцену.*) Уважаемые потомки! Дамы и господа! Дайте вас разглядеть. (*Вглядывается.*) Темно. Эй! Не жалейте свеч!

Свет в зале увеличивается.

Так лучше. Теперь я вижу вас отчетливо и ясно. Ваши манеры, прически, наряды. Тут нету чуда. Век великих открытий на дворе. Компас. Пушка. Книгопечатание. Во всех университетах студенты изучают астрологию. Мы верим в силу звезд. Мы обожаем предсказывать будущее. А еще лучше – заглядывать в него. Меня с четырех лет посещают видения. Живые объемные картины. Замки, дома, базары. Они приходят во сне и днем, когда я занимаюсь. Милостивые дамы и господа! Я обращаюсь к вам через пятьсот лет. Граждане двадцать первого века! Будьте моими судьями. На чашу весов брошены моя честь и мое имя. Запомните его. Я Джироламо Кардано. Я написал две сотни книг по девяти наукам.

Входит Лучия.

Л у ч и я. Расхвастался! «Две сотни книг. По девяти наукам». Боже, какая пылица! Грязь! (*Берет тряпку и протирает полки.*)

К а р д а н о (зрителям). Это моя жена Лучия. Она давно уж там. (*Показывает пальцем вверх.*) В другом мире. Но иногда приходит. Пусть вас это не смущает. В наше время души умерших часто приходят к живым. А призраки, духи, черти – вообще не переводятся. Бродят в каждом доме.

Входит Энрико с подносом с едой.

Э н р и к о. Супчик из фасоли. Ваш любимый.

К а р д а н о (зрителям). Это мой слуга Энрико. Зануда хуже нет.

Э н р и к о. Опять ничего не съели. Так вас надолго не хватит.

К а р д а н о. Уйди. Мешаешь. (*Зрителям.*) Милостивые дамы и господа! Род Кардано известен древностью и благородством.

Энрико. С кем это вы беседуете, хозяин?

Кардано (*указывает на зрителей*). С будущими поколениями.

Энрико (*про себя*). Совсем свихнулся. Болтает сам с собой.

Слышна флейта.

Кардано (*зрителям*). Слышите?! Это мой внук Андриано. Когда-то я сам неплохо играл на флейте. Но Андриано куда как лучше. (*Садится в кресло.*)

Энрико. Хозяин, одну ложечку супа. Я вам помогу. (*Протягивает ложку.*)

Кардано (*бьет по ложке*). Надоел!

Ложка летит на пол.

Энрико. Как желаете. Мое дело приготовить да подать. (*Поднимает ложку.*)

Кардано. Он что-то разыгрался. Позови его.

Энрико уходит.

Энрико (*за сценой*). Андриано!

Музыка обрывается.

Лучия. Он любит музыку. Не мешай ему.

Кардано. Я знаю лучше, что ему любить.

Входит Андриано с флейтой.

Кардано. Мой дорогой внук, мы договорились: сначала математика, потом музыка. Оставь здесь флейту.

Андриано кладет флейту и уходит.

(*Зрителям.*) Единственное, о чем жалею, – я умру и не увижу его триумфа.

Лучия. Джироламо, ты не имеешь права умереть сегодня. Слышишь? Ты не имеешь права умереть и бросить внука одного. Бедный мальчик. Он слишком молод.

Кардано. Андриано разумен и сметлив. Он справится один.

Лучия. Я знаю, почему ты так спешишь? Где гороскоп? (*Подходит к столу и берет гороскоп.*) «Я, Джироламо Кардано, родился под знаком Весов. По моим расчетам, оба главных светила заходили под углами. В зените стоял злой Нептун. Черная Луна попала в пятый дом. В шестом доме оказалось Солнце и Белая Луна...».

Кардано. Прекрати! Свой гороскоп я знаю наизусть.

Лучия. Я ему не верю. Ты нагадал себе смерть в сорок лет. И

ошибся.

К а р д а н о. Подумаешь! Я часто ошибался. Папа Павел Третий пережил предсказанную мной кончину на восемь лет. Но в этот раз я не промахнулся. *(Радостно перечисляет.)* Жуткое сердцебиение. Тупые боли. Резь в животе. Безмерная апатия и слабость. Я мешок костей, готовый к погребенью.

Л у ч и я. Ты сам себя настроил на болезнь.

К а р д а н о. Болезнь реальна.

Л у ч и я. Ты с ней не борешься! Ты десять дней не ешь!

К а р д а н о. Я не ем, чтоб облегчить страдания.

Л у ч и я. Облегчить? *(Поднимает стакан.)* А это что? Что здесь?

К а р д а н о. Порошок из толченого жемчуга. Лекарство.

Л у ч и я. Лекарство или яд?

К а р д а н о. Зависит от болезни. Вечером я приму его. Мой организм ослаблен долгим воздержанием от пищи. Хороший шанс покинуть мир без мук. Мне все равно, что скажут болтуны. Факт за меня: он предсказал и умер. Достижение скромное, а репутацию поддержит. И за что бороться? Ну, протяну еще год. Что это изменит? Для творчества я слишком стар и глуп. Для созерцания капризен и угрюм. Зачем мне продлевать страдания дальше?

Л у ч и я. Ты ради славы готов на все.

К а р д а н о. Что значит «на все»? Ты подпеваешь моим врагам. Мой путь был прям и честен.

Л у ч и я. А где твой сын?

К а р д а н о. Мне некогда болтать. Я занят. Уходи.

Лучия уходит.

(Зрителям). Рассуждая отстраненно, Лучия кое в чем права. Мечта о славе вела меня по жизни. Не вижу в этом ничего дурного. Естественное чувство. Цезарь, Вергилий, Рафаэль – все страстно желали славы, прежде чем ее достигли. «Звездною болезнью» я заболел еще подростком.

Где-то вдалеке слышна флейта.

В нашем доме жил мой кузен Сильвио. Круглый сирота. Он научил меня играть на флейте. Один раз он сильно простудился и вскоре умер. На кладбище впервые в жизни я увидел, как тело умершего опускают в землю. Я представил себе, как Сильвио лежит в могиле и его едят черви. И очень испугался.

Музыка пропадает. Появляется Фацио в халате и шапочке. В руках у него открытая книга.

(Зрителям.) Это мой отец Фацио. В старости он носил халат и шапочку. И читал Евклида. А теперь такой халат и шапочку ношу я.

Фаццо (*отрывается от книги*). Что тебя тревожит?

Кардано. Отец, ответь мне честно. Сильвио умер и больше никогда не вернется?

Фаццо. Да, это так. Но пока мы помним о нем, он жив. Он живет в нашей памяти.

Кардано. Его уже забыли! Все забыли! А ведь Сильвио умер совсем недавно. Получается, он как бы и не жил.

Фаццо. Память человека ненадежна.

Кардано. Значит, меня похоронят и тоже забудут? И я умру?

Фаццо. Чего ты хочешь?

Кардано. Отец, что я должен сделать, чтобы меня помнили всегда?

Фаццо. Как это «всегда»?

Кардано. До конца времен.

Фаццо. В этом томе изложена вся геометрия Евклида. (*Кладет книгу на стол.*) Если через два месяца ты в ней не разберешься, я спущу с тебя шкуру. «До конца времен» – не знаю, но мою порку ты будешь помнить долго.

Кардано. Два месяца! Так быстро?

Фаццо. Тебе уже тринадцать лет. Спешу. Жизнь коротка. (*Уходит.*)

Кардано (*зрителям*). Вот так в меня вселилась жажда славы. Не жалкого сиюминутного успеха, а вечной славы. Жажда бессмертия. (*Встает.*) Сидя в кресле, историю не рассказать. Уважаемые потомки! Дамы и господа! Представьте себе мой любимый город Милан начала шестнадцатого века.

Кардано снимает с себя халат и шапочку и превращается в молодого человека в костюме горожанина начала шестнадцатого века.

Я уезжаю в университет в Падую. (*Засовывает за пояс кинжал, прицепляет шпагу.*) Беру с собой Евклида, флейту, шахматы, карты, кости. (*Складывает книги и вещи в саквояж.*)

Входит Фаццо.

Кардано. Я собрался.

Фаццо. Что ты решил?

Кардано. Я хочу быть врачом.

Фаццо. Далась тебе медицина. Я выбрал юриспруденцию и счастлив. С дипломом юриста ты будешь получать гонорары за сделки, завешания, долговые расписки.

Кардано. Я хочу стать врачом.

Фаццо. Чем врач лучше юриста?

Кардано. Юристов никто не знает. Законы меняются от места к месту. Ты уважаем в Милане, беспомощен в Венецианском

королевстве и никому не известен в Риме. Врач имеет дело с людьми. Человек един. Господь Бог создал его по своему образу и подобию. Посему медицина пригодна для всего света и для всех времен.

Ф а ц и о. Я начинаю раскаиваться, что учил тебя логике.

К а р д а н о. Я давно хотел спросить тебя, отец. Ты написал трактат о треугольниках, но не стал публиковать его. Почему?

Ф а ц и о. Геометрия – моя забава.

К а р д а н о. Публикуя труд, ты прославляешь свое имя.

Ф а ц и о. Я не тщеславен, Джироламо.

К а р д а н о. Я стану врачом, напишу великие книги и мое имя сохранится в веках.

Ф а ц и о. Твои предки были талантливее и крепче тебя. И никто не стал знаменитым.

К а р д а н о. У них не было цели. У меня она есть. Почему ты плачешь, отец?

Ф а ц и о. Я плачу и молюсь, чтобы судьба не обманула твоих ожиданий. (*Уходит.*)

К а р д а н о (*зрителям*). Я прибыл в Падую. Студенческая жизнь подхватила меня. И закружила. Лекции, пирушки, диспуты. Пять лет учебы пролетели как один миг. Я стал врачом и отправился в деревню Сакко рядом с Венецией. (*Ставит саквояж и отцепляет шпату.*)

Слышится задорная мелодия флейты.

О, это было лучшее время в моей жизни! Мечты о славе ушли куда-то. Я лечил больных, играл в карты, ловил рыбу. И философствовал с друзьями. Больные платили мало, но я был счастлив. И тут пришло письмо из дома.

Появляется Лучия в белом платье.

Л у ч и я. Ты забыл обо мне!

Музыка обрывается.

За два года до письма мы встретились и поженились.

К а р д а н о. Ну и что? Я излагаю историю «великой контroversы». Мой вклад в науку. Семья здесь ни при чем.

Л у ч и я. Ты никогда не любил меня, Джироламо.

К а р д а н о. Неправда, я любил тебя.

Л у ч и я. Расскажи о нашей встрече. Только о встрече. Ну, пожалуйста, миленький Джироламчик.

К а р д а н о. Ладно. (*Зрителям.*) В малых дозах подобные сведения полезны. Наука не делается в пустоте. Хотим мы или нет, семья влияет.

Л у ч и я. Ой, как я рада! *(Зрителям.)* Это было нечто!

Снова слышна мелодия флейты, на этот раз лирическая.

К а р д а н о *(зрителям, скороговоркой)*. Однажды мне приснился сон. Я нахожусь в саду. Тут калитка в сад открывается...

Л у ч и я. Не спеши! *(Зрителям.)* Это был не какой-то старый запущенный сад. А чудный прелестный свежий сад, полный необыкновенных цветов и фруктовых деревьев. В нем все было так упоительно, что никакой поэт, даже Петрарка, не в состоянии такое передать. *(Кардано.)* Ты так сказал. Я помню.

К а р д а н о. Ну, сказал. Поехали дальше. Калитка в сад открывается, и я вижу девушку в белой одежде.

Л у ч и я. Это была я! Он увидел меня! Он захотел подойти ко мне, но я исчезла.

Музыка обрывается.

И ты проснулся в слезах.

К а р д а н о. В слезах?

Л у ч и я. Ты так сказал.

К а р д а н о *(зрителям)*. Короче, через три дня я заметил на улице девушку, как две капли воды похожую на ту, во сне.

Л у ч и я. И в том же белом платье! Он опять увидел меня!

К а р д а н о. Девушку в белом платье звали Лучия Бандарини. Я сделал ей предложение. Мы поженились. *(Лучии.)* Довольна?

Л у ч и я *(зрителям)*. А через девять месяцев у нас родился сын Батиста. Он был такой сладкий добрый мальчик.

К а р д а н о. Ни слова дальше! Ты просила рассказать о встрече. Я рассказал.

Лучия уходит.

(Зрителям.) И тут пришло письмо из дома. *(Открывает письмо.)* Черная лента! «Дорогой сыночек, твой отец скончался. Вернись в Милан, мне тяжело одной». Судьба дала мне знак. Но только позже я понял, что он значит.

Зал миланского сената. Заседание коллегии врачей.

П е р в ы й. Внимание, синьоры! Рассматривается прошение Джироламо Кардано о принятии его в коллегию врачей города Милана. Слово легату.

Л е г а т *(перелистывает бумаги)*. Синьор Кардано окончил университет в Падуе. Получил диплом. Три года практиковал в деревне Сакко. Бумаги соискателя в порядке.

П е р в ы й. Для проверки моральных качеств претендента нами был отправлен специальный агент в Падую. Вот его отчет. *(Читает.)*

«Ежедневно играл в азартные игры». Синьор Кардано, объяснитесь.

Кардано. Я играл, чтобы заработать деньги на учебу. (Зрителям.) Я умолчал, что страсть к игре сидит во мне с рождения.

Первый. «Участвовал в студенческих попойках, драках». Ходит слух, вы нанесли рану патрицию Томазо Верепелло. Это правда?

Кардано. Я играл с ним в карты всю ночь и много проиграл. И только под утро заметил, что карты крапленые. Кровь ударила мне в голову. Я выхватил шпагу и сделал маленькую отметину на его шулерском лбу.

Второй. Картежник! Кутила! Хулиган!

Третий. Какой из него врач?

Кардано. Бойтесь, больные пойдут ко мне, и ваши доходы уменьшатся?

Первый. Внимание! Мнение попечителя коллегии, сенатора Сфондрато! Ваше сиятельство, прошу.

Третий подходит к Первому и дает ему письмо.

Сфондрато. Недостатки претендента – свойства молодости. Я не возражаю, принимайте.

Первый. Маленький вопросик. Синьор Кардано, назовите коллегии год своего рождения.

Кардано. Я родился в 1501 году.

Первый (*машет бумагой*). Ваш отец Фацио Кардано женился на вашей матери Кларе Микери двадцать лет спустя. Вот документ. Вы родились вне брака!

Кардано. Мои родители жили вместе с моего рождения.

Третий. Синьор легат, что сказано в уставе коллегии?

Легат (*читает*). «Лица, рожденные вне законного брака, не имеют права практиковать искусство врачевания в Милане».

Кардано. Это несправедливо! У меня семья. На что мне жить?

Легат. Устав позволяет вам практиковать под руководством члена коллегии.

Первый. Мы будем брать на себя ответственность за результаты лечения...

Второй. ... и половину гонорара. Согласны?

Третий. Согласны?

Слышны звуки флейты.

Кардано (*зрителям*). Тут со мной что-то случилось. Забытые мечты о славе вдруг снова вспыхнули и заглушили голос рассудка.

Первый. Синьор Кардано, вы согласны?

Музыка обрывается.

К а р д а н о. Я не буду прикрываться чужим именем, когда у меня есть свое – Джироламо Кардано.

Л е г а т. Чудак! Вам будет на что жить.

К а р д а н о. Ваше сиятельство!

С ф о н д р а т о. Закон есть закон.

К а р д а н о. Я требую, чтобы пригласили мою мать. Она все разьяснит.

С ф о н д р а т о. Я не возражаю. Приглашайте.

В зал сената входит Энрико.

Э н р и к о. Беда, хозяин, беда! Ваша мать скончалась.

Ночлежка. Кругом лежат рукописи.

К а р д а н о (*зрителям*). Лечить больных нельзя. Прекрасно! Я свободен. Судьба дала мне знак. Я бросился в науки. Математика, физика, философия. Я стал писать. Вот первые труды. (*Перебирает рукописи.*) «Комментарии к Элементарам Евклида». «Основы астрологии». «Критика географии Птоломея».

Входит Лучия. На ней простое платье.

Л у ч и я. Джироламо!

К а р д а н о (*не замечает ее*). Трактат по этике. Поэма – подражание Петrarке.

Л у ч и я. Джироламо!

К а р д а н о. Ну что тебе?

Л у ч и я. Нашему сыну нужно молоко. У меня нет денег.

К а р д а н о. Продай что-нибудь.

Л у ч и я. Я продала все, что у меня было – ожерелье, серьги, платье. Я продала нашу дубовую кровать. Ты даже не заметил.

К а р д а н о. Я не слепой. Завтра я получу жалование.

Л у ч и я. Два дуката! Я должна торговцу молочной лавки полтора. Через неделю у нас опять не будет денег. Батиста еще такой маленький. Ему надо хорошо питаться.

К а р д а н о. Лечить больных мне запрещено. Я преподаю астрономию в школе.

Л у ч и я. Это школа для бедных. Они платят гроши. Найди другую работу.

К а р д а н о. Я работаю круглые сутки.

Л у ч и я. Я вижу: кругом одни бумажки. За них не платят.

К а р д а н о. Потерпи. Я напишу великие труды. Прославлюсь. И мы разбогатеет.

Лу ч и я. Сумасшедший. На что ты надеешься?
Ка р д а н о. На судьбу.
Лу ч и я. А мне что делать? Плакать или смеяться?

Входит Энрико.

Э н р и к о. Гонец от сенатора Сфондрато! Вас ждет карета, хозяин.

Комната в доме сенатора Сфондрато. Присутствуют члены коллегии врачей. Кардано склоняется над люлькой.

Ка р д а н о. Сколько ему?

С ф о н д р а т о. Десять месяцев. Третий день он горит. А вчера перестал есть.

Ка р д а н о. Зачем меня позвали?

С ф о н д р а т о. Аптекарь Ланца сказал – он кашлял кровью. Вы вылечили его.

Ка р д а н о. Я не имею права практиковать в Милане. Случится худшее – кто спасет меня от вашего гнева?

С ф о н д р а т о. Клянусь, я не буду преследовать вас.

Ка р д а н о. А где гарантии? Член коллегии имеет право на ошибку, он губит только имя. Я ошибусь – и окажусь в тюрьме.

П е р в ы й. Ваше сиятельство, мы назначили лечение.

С ф о н д р а т о. И с каждым часом ему все хуже. Я хочу, чтобы лечил он!

Ка р д а н о. Шесть лет я подаю прошение в коллегию врачей. И шесть лет получаю отказ.

П е р в ы й. Согласно уставу...

С ф о н д р а т о. Мой сын умирает! Моя жена от горя вот-вот сойдет с ума! Я, Франческо Сфондрато, верховный судья и личный посланник папы. Я выступлю в сенате! Здоровье граждан Милана в опасности. Вы саботируете прием новых членов. Вы будете гнить в тюрьме, слышите? Гнить в тюрьме! Если успеете в ней спрятаться! Иначе возмущенная толпа изрубит вас так, что самым большим куском от вас останутся ваши уши!

П е р в ы й. Что мы можем сделать?

С ф о н д р а т о. Изменить устав своей паршивой коллегии, болван!

П е р в ы й. Господа, высшие интересы науки и общества требуют от нас решительных действий. Кто за то, чтобы принимать в коллегию лиц, рожденных вне брака?

Члены коллегии поднимают руки.

(Кардано.) Поздравляю! Вы приняты.

С ф о н д р а т о. Спасите моего сына!

Кабинет Кардано в Милане (копия римского кабинета). Горы рукописей. В глубине проход в каморку, где будет жить Феррари.

К а р д а н о (*зрителям*). Я вылечил сенаторского сына, снял дом и стал практиковать. Но без размаха. На еду хватало. Все остальное время я продолжал писать. Рукописей прибывало. Одна беда – никто не соглашался их печатать. Но я не унывал. Я решил заняться арифметикой.

Ф е р р а р и (*за сценой*). Синьор Кардано дома?

К а р д а н о (*зрителям*). Это Луиджи Феррари. Язык без костей, но изумительный талант. Судьба послала мне его в подмогу. Вы спросите – почему судьба? Она дала мне знак.

Появляется Энрико.

Э н р и к о. Хозяин! Чудо! Я стал ломать прутья на растопку, а из них посыпались огненные искры! Каково?

Ф е р р а р и (*за сценой*). Синьор Кардано дома?

Э н р и к о (*убегает, за сценой*). Синьор Кардано занят. Куда? Он занят!

Входит грязный, одетый в тряпье Феррари.

Ф е р р а р и. Зато я свободен. Меня зовут Луиджи Феррари из Бергамо. Аптекарь Ланца сказал: вы пишете трактат по математике. Я люблю математику. Возьмите меня.

К а р д а н о. Мне нечем платить.

Ф е р р а р и. Мне не нужны деньги. Я хочу учиться. Вы будете учить меня, а я буду помогать вам. Выгодная сделка. Зуб даю.

К а р д а н о. Помогать мне? Вот тебе задача, Луиджи. Три старухи отправляются в Рим. У каждой по три осла, каждый осел несет по три мешка, в каждом мешке по три хлеба, в каждом хлебе по три ножа. Сколько всего предметов, считая все вместе – старух, ослов, мешки, хлеба, ножи?.. Ну?

Ф е р р а р и. Триста шестьдесят три предмета.

К а р д а н о. Нешлохо, Луиджи. Ты первый, кто смог так быстро решить задачу. Умеешь играть в шахматы? В карты? В кости?

Ф е р р а р и. Не умею.

К а р д а н о. Я научу тебя. Шахматы – искусство. Карты – искусство и случай. Кости – чистый случай. (*Достаёт карты.*) Игра трапшпола. (*Раздаёт карты.*) Ты смотришь и решаешь – делать ставку или пасовать.

Входит Лучия.

Л у ч и я. Джироламо! Нам нужны дрова, а у меня нет денег. Кто этот оборванец?

К а р д а н о (*закрывает карты*). Мой новый ученик Луиджи

Феррари. Надежда итальянской арифметики.

Лучия. На что его кормить? Твои писульки не приносят денег.

Кардано. Возможно, в этот раз нас ждет удача. Я нашел издателя. Лучия, ты рада?

Лучия (*замечает карты*). Карты! Ты развлекаешь своих учеников! На сына у тебя нет времени.

Феррари (*вскакивает*). Я не просил синьора играть со мной! Мне и без вас известно: в карты играют бездельники и проходимцы.

Кардано хохочет.

Лучия. Ты сможешь терпеть этого типа? (*Уходит.*)

Феррари. Синьор, простите! Так говорил мой отец. Зуб даю. А лично я считаю: карты развивают реакцию и память.

Кардано. Устраивайся там. (*Машет рукой.*) И думай, прежде чем откроешь рот.

Феррари уходит к себе в каморку.

Кардано (*зрителям*). Прошло пять лет. Я завершил трактат по арифметике. И в первый раз столкнулся с великою загадкой.

Из каморки появляется прилично одетый Феррари. В руках у него рукопись.

Феррари. Синьор учитель, я все проверил. Диаграммы и таблицы в порядке. Ошибок нет. (*Кладет рукопись на стол.*)

Кардано. "*Feci quod potui, faciant meliora potentes*". Я сделал все, что мог. Кто может, пусть сделает лучше. Энрико!

Входит Энрико.

Отвези эту рукопись издателю.

Энрико кладет рукопись в мешок и уходит.

Труд завершен. Пора передохнуть. (*Вынимает игры.*) Шахматы, карты, кости. Выбериай.

Энрико возвращается.

Энрико! Ты не уехал?

Энрико. Как ехать, хозяин? Гляньте на улицу! Свиньи и утки сбились в одну кучу! И визжат как резаные!

Феррари убегает.

Мой осел их слышал, хвостом дергает, дрожит.

Феррари возвращается.

Ф е р р а р и. Собрались и верещат без перерыва. Хрю-хрю! Кря-кря!

К а р д а н о. Это знак судьбы. Что он означает?

Э н р и к о. Все равно никуда не поеду. И не просите. *(Кладет мешок и уходит.)*

Ф е р р а р и. Я догадался! *(Достает из мешка рукопись.)* Вы забыли дать книге эпиграф на латыни! Издатель требует.

К а р д а н о. Верно!

Ф е р р а р и. Эпиграф уже есть! «Я сделал все, что мог. Кто может, пусть сделает лучше».

К а р д а н о. Неправда. Все, что мог, я еще не сделал. Мне в голову пришла одна идея. *(Садится за стол и что-то пишет.)*

Ф е р р а р и. А можно вас спросить – что вы задумали, синьор учитель?

К а р д а н о. Весь мир состоит из вещей – естественных и сверхъестественных. Я напишу энциклопедию «О природе вещей». Сто томов. Я дам ответы на все вопросы.

Ф е р р а р и. Прямо на все?! Почему собаки лают на луну? Ответите?

К а р д а н о. Отвечу.

Ф е р р а р и. Что такое вулкан? Ответите?

К а р д а н о. Отвечу.

Входит Лучия.

Л у ч и я. Джироламо, Батиста меня не слушает. *(Надсадно кашляет.)*

К а р д а н о. Что с тобой?

Л у ч и я. В доме холод. Боже, какая пылица! Грязь! *(Берет тряпку и начинает протирать полки.)*

Ф е р р а р и. А что такое молния – ответите?

К а р д а н о. Отвечу. И даже как уменьшить тряску в карете.

Ф е р р а р и. Да ну!

К а р д а н о. В моей энциклопедии лишь один вопрос останется без ответа: за какие заслуги я получил в жены самую прелестную девушку Сакко?

Л у ч и я. Не надо заговаривать мне зубы.

К а р д а н о *(Лучии)*. Увидишь: придет день, мою энциклопедию будет читать весь христианский мир, от крестьянина до короля.

Л у ч и я *(ехидно)*. И мы разбогатеем! *(Кашляет.)*

Феррари уходит. Кардано подходит к Лучии и прикладывает ухо к ее груди.

К а р д а н о. Ничего не слышу. Ну что с тобой?

Л у ч и я. Сплю плохо. Быстро устаю. Работаю медленней, чем раньше. А на служанку денег нет.

К а р д а н о. Я дам тебе микстуру. Кашель пройдет.

Л у ч и я. Меня волнует не кашель, а Батиста.

К а р д а н о. Я представляю им (*указывает на зрителей*) историю великой загадки. Семейные сцены отвлекают.

Л у ч и я. Ты хочешь вычеркнуть нас из своего рассказа?

К а р д а н о. Хорошо, давай расскажем, но только быстро.

Л у ч и я. В тот день мы говорили о Батисте. (*Входит в роль.*) Батиста играет в карты. Сам с собой. Ты научил его этой заразе!

К а р д а н о. Я научил его играть на флейте. Я написал ему целую книгу наставлений.

Л у ч и я. Ты написал ее для сына или для славы?

К а р д а н о. Прославляя себя, я прославляю свою семью. Тебя ждет бессмертие, Лучия.

Л у ч и я. Оно мне ни к чему. Мое бессмертие в моем сыне.

Слышны неуверенные звуки флейты.

К а р д а н о. Вот видишь. Он бросил карты.

Л у ч и я. Батиста меня пугает. Он добрый мальчик. Но иногда становится буйным и никого не слышит. Что из него выйдет?

Феррари возвращается.

Ф е р р а р и. А из чего состоит воздух – ответите?

Л у ч и я. Как ты посмел встревать в наш разговор, Луиджи Феррари! Выйди вон!

Феррари уходит.

Л у ч и я (*вслед*). Наглец! (*Кардано.*) Ты подобрал этого босяка на улице, а теперь он ведет себя как равный.

К а р д а н о. Он и есть равный. Без Луиджи я все еще писал бы эту книгу. (*Указывает на рукопись.*)

Л у ч и я. Ты ее закончил. Слава богу! У тебя будет время лечить больных.

К а р д а н о. Я лечу больных.

Л у ч и я. Два дня в неделю. И зарабатываешь пятьдесят дукатов в год! Как можно жить на эти деньги? А ведь ты можешь получать тысячи! Ты лучший врач в Милане.

К а р д а н о. Бросить занятия? Это невозможно!

Л у ч и я. Ты лечишь других, но ты сам болен. Твоя болезнь – книги. А твои развлечения – кости, карты, флейта. Где я и Батиста в этом списке? В самом низу листа.

К а р д а н о. Неправда!

Лучия. Посмотри на наш убогий дом, на темную каморку, в которой живет наш сын, на мою одежду. Я экономлю на всем, даже на фасоли. Мы сменили нищету на бедность.

Кардано. Потерпи, дорогая. Еще совсем немного.

Лучия. Я терплю много лет, Джироламо. Но мы не вечны. Годы уходят. А с ними уходят красота и силы. Когда мы поженились, у меня была мечта. Я мечтала, что ты подаришь мне ожерелье со светло-синим сапфиром. Я надену его вместе с моим любимым сиреневым платьем. И мы пойдем на воскресную службу. И весь Милан будет нами любоваться и говорить: вот идет доктор Кардано со своей очаровательной женой. Но у меня нет сапфира, мое сиреневое платье давно продано, а мой муж сидит в своем кабинете и не замечает, как его жена стареет.

Кардано *(зрителям)*. И тут на меня что-то нашло. Я схватил бумагу...

Лучия. Подожди. Ты сказал: «Я люблю тебя, мой воробушек».

Кардано. Извини, пропустил. «Я люблю тебя, мой воробушек. И скоро настанет день, я куплю тебе сапфир и дюжину красивых платьев. И мы вместе с Батистой пойдем на воскресную службу». *(Зрителям.)* Я схватил бумагу. *(Берет лист бумаги и что-то пишет.)* Луиджи!

Появляется Феррари.

Вот новое расписание приема. Напиши красиво и повесь на доску при входе в дом. Я буду принимать больных шесть дней в неделю. Лучия, скоро у тебя будут деньги на служанку.

Лучия. Наконец-то, прозрел!

Феррари. А как наши занятия?

Лучия. Луиджи, синьор Кардано ждет расписания.

Феррари уходит. Флейта замолкает.

Батиста перестал играть. Что он затеял? *(Уходит.)*

Кардано *(зрителям)*. Весь эпизод с Лучией был неуместен. Забудьте про него. А вот теперь внимание.

Входит Энрико.

Энрико. Вам письмо. *(Уходит.)*

Кардано *(берет письмо)*. От Джованни Макони из Вероны. *(Читает письмо.)* Нет! Нет! Нет! Не может быть!

Кардано подходит к доске, вытирает ее и выводит мелом:

$$x^3 + bx = a$$

Входит Феррари с новым расписанием.

Ф е р р а р и. Синьор учитель, насчет кареты, признайтесь, вы пошутили. Уменьшить тряску в карете невозможно.

Кардано не реагирует.

Синьор учитель!

К а р д а н о. Видишь, что я написал на доске?

Ф е р р а р и (*смотрит на доску*). Куб плюс вещь равны числу.

К а р д а н о. Имеет ли эта задача решение?

Ф е р р а р и. Не имеет.

К а р д а н о. Откуда ты знаешь?

Ф е р р а р и. Так написано в вашей рукописи. (*Открывает рукопись.*) Вот. «Решения уравнения куба не существует».

К а р д а н о. Я написал очевидное. Две тысячи лет математики решают уравнения первой и второй степени. Решения уравнения куба нет.

Ф е р р а р и. Его не существует.

К а р д а н о. Не существует.

Ф е р р а р и. Ну да, не существует. В чем вопрос, синьор учитель?

К а р д а н о (*поднимает письмо*). Мой друг пишет: на открытом диспуте в Вероне некто заявил, что решил уравнение куба.

Ф е р р а р и. Кто этот новый Пифагор?

К а р д а н о (*читает*). «Никколо Тарталья. Учитель арифметики из Брешии. Самоучка. Отец содержал лошадей и доставлял письма знатных синьоров».

Ф е р р а р и. Сын почтальона?

К а р д а н о. Твой отец тоже не граф. Или я ошибаюсь?

Ф е р р а р и. Самоучка из Брешии брешет!

Входит Энрико.

Э н р и к о. Гонец от синьора издателя! Синьор издатель требует рукопись.

Кардано берет лист рукописи и вычеркивает абзац.

Ф е р р а р и. Что вы делаете, синьор учитель?

К а р д а н о. Убираю утверждение, что уравнение куба не имеет решения.

Ф е р р а р и. Но это не ваше утверждение. Так пишут все.

К а р д а н о. Это моя книга. В ней не должно быть утверждений, в которых я сомневаюсь. А я стал сомневаться. (*Протягивает рукопись Энрико.*) Отдай гонцу.

Ф е р р а р и. А эпитафия? Опять забыли?

Пауза.

К а р д а н о (*нишет*). *“In patria natus non est propheta vocatus”*. Нет пророка в своем отечестве.

Энрико берет рукопись и уходит.

Мне грустно, Луиджи. В то время как настоящие герои атакуют горные вершины, мы ползаем на брюхе по темным ущельям.

Ф е р р а р и. Неправда, синьор учитель! Вы написали замечательную книгу. Арифметика, основы алгебры, астрономия, банковские ставки, проценты. Все купят ее – купцы, ремесленники, банкиры. Зуб даю.

К а р д а н о. Я счастлив, Луиджи. И сколько проживет моя «замечательная книга»?

Ф е р р а р и. Эта книга сделает вас знаменитым на всю Европу.

К а р д а н о. Я спросил тебя: сколько проживет моя «замечательная книга»? Как долго ее будут читать?

Ф е р р а р и. Я не знаю, синьор учитель.

К а р д а н о. Не скромничай, Луиджи. Ты молод, но уже один из лучших математиков Италии. Скажи честно, не бойся.

Ф е р р а р и. Ваша книга – удобный справочник, синьор учитель. В ней много остроумных задач, оригинальных решений, полезных таблиц. Но... в ней нет новых открытий.

К а р д а н о. Вот это правда! Нет новых открытий. Через десять лет кто-то напишет справочник получше. И мою «замечательную книгу» забудут.

Ф е р р а р и. Ну и что?

К а р д а н о. Аристотель писал свои книги за триста лет до Иисуса Христа. И их читают до сих пор!

Ф е р р а р и. Аристотель не знает об этом.

К а р д а н о. Его душа радуется на небесах.

Ф е р р а р и. Если она существует.

К а р д а н о. Не богохульствуй, Луиджи!

Ф е р р а р и. Вас тоже будут читать. Вас ждет слава.

К а р д а н о. Слава быстротечна. Только великие подвиги останутся в веках. Я хочу решить эту задачу. (*Указывает на доску.*) Я хочу решить ее. Если это получилось у простого учителя арифметики из Брешии, это получится у нас.

Ф е р р а р и. Разве не проще попросить у господина из Брешии его формулу?

Входит Лучия. Ее не замечают.

К а р д а н о. Нет! Я сам найду формулу.

Ф е р р а р и. А если сын почтальона ошибся? И формулы не

существует?

К а р д а н о. Она есть! Я чувствую: решение куба открывает ворота в сад изумительных открытий! Путь в новую алгебру!

Ф е р р а р и. А как же ваша энциклопедия «О природе вещей»?

К а р д а н о. Потом когда-нибудь.

Ф е р р а р и. Новая алгебра! Это приключение по мне. А ваше расписание? (*Машет расписанием.*) У вас не будет времени для занятий.

К а р д а н о. Я буду принимать больных два дня. Или один. Все к черту! Больные! Развлечения! Сон! (*Хватает расписание и рвет его.*)

Л у ч и я. Опомнись, Джироламо! Что с нами будет?

К а р д а н о. Свињи и утки визжали не просто так. Это был знак. Я думал – знак беды. Но я ошибся. Пришло письмо. Судьба зовет меня!

Действие второе

Кабинет Кардано в Риме. Кардано в халате и шапочке стоит перед доской, на которой написано уравнение куба.

К а р д а н о (*зрителям*). Я принялся разгадывать загадку. Решение не давалось. Я продолжал искать. Испробовал различные подходы. Тупик. Я стал сходить с ума. Что у меня не так? Я не способен? Дефект в мозгу? Я сделал гороскоп. Свой собственный. И тут меня постиг удар ужасной силы. Звезды утверждали: я должен умереть до сорока! Мне было тридцать девять. Я пришел в отчаяние. Потом остыл. Чего тогда страдать?

Входит Лучия. Кардано не обращает на нее внимания.

Время утекает! Надо успеть вкусить земных утех. Список старый: карты, вино, женщины. Интересно, в вашем веке список все тот же или изменился?

Л у ч и я. Твое безумие длилось почти полгода.

К а р д а н о. Еще немного, и я бы превратился в тупую жалкую скотину. И ничего бы не создал в жизни... Рассуждая отстраненно, Лучия спасла меня. (*Снимает халат и шапочку и уходит.*)

Комната в доме сенатора Сфондрато. Сфондрато расставляет шахматные фигуры на доске. Входит Лучия.

Л у ч и я. Простите, ваше сиятельство. Меня зовут Лучия Кардано. Я жена доктора Кардано. Он здесь?

С ф о н д р а т о. Его здесь нет, но скоро должен быть. А что случилось?

Л у ч и я. Кардано изменился. Он сам не свой. Дома не ночует. Или приходит пьяный. Зачем он ходит к вам? Что он здесь делает?

С ф о н д р а т о. Мы играем. (*Указывает на доску.*)

Л у ч и я. И вы даете ему деньги. Не отпирайтесь.

С ф о н д р а т о. Что значит «даю»? У нас уговор: проигравший партию платит один дукат. К сожалению, ваш муж выигрывает чаще, чем мне бы хотелось.

Л у ч и я. От вас он идет в кабак, играет с жуликами в карты. Потом идет домой, играет с учеником в кости. Больных забросил. Не хочет видеть меня и сына. Ученик сказал: причина в том, что он не может «решить задачу».

С ф о н д р а т о. Какую задачу?

Л у ч и я. Не знаю. Эта проклятая игра его погубит. Синьор сенатор, мой муж спас вашего сына. Поклонитесь сыном, что вы больше не сядете с ним за эту доску! *(Плачет.)*

С ф о н д р а т о. Ну перестань, моя милая. Я не выношу женских слез.

Л у ч и я. А ваша жена? Она довольна?

С ф о н д р а т о. Куда там! Тоже плачет. Но к ее слезам я привык.

Л у ч и я. Умоляю, ваше сиятельство!

С ф о н д р а т о. Ну хорошо, хорошо. Признаться, я тоже сам не свой. Каждый день даю себе слово: одна партия – и точка. А как начнем играть, затягивает – нет сил остановиться. Два раза пропустил прием у герцога. Папе на письмо не ответил. Сплю дурно. Закрою глаза – ладьи с пешками пляшут.

Входит Кардано.

К а р д а н о. Доброе утро, ваше сиятельство. Лучия! Ты что здесь делаешь?

Л у ч и я. Мне плохо.

К а р д а н о. Плохо? *(Подходит к Лучии и щупает ей пульс.)*

Л у ч и я. Пойдем домой. Батиста капризничает. Луиджи слоняется без дела. Дом без тебя пустой и скучный.

К а р д а н о. Пульс в порядке. Я не могу. Я обещал его сиятельству сыграть с ним. *(Сфондрато.)* Приступим? Мои белые. *(Двигает пешку.)*

С ф о н д р а т о. Дорогой Джироламо, я полагаю, нам пора прекратить наши турниры.

К а р д а н о. Вот те раз.

С ф о н д р а т о. Пора. Давно пора.

Л у ч и я. Джироламо, тебя ждут твои книги. А я буду молиться, чтобы Бог помог тебе решить твою задачу.

К а р д а н о. Не утруждай себя молитвами, Лучия. Звезды против меня.

Л у ч и я. Почему?

С ф о н д р а т о. Действительно, Джироламо, почему?

К а р д а н о. Я работал сутками. А результат ничтожный. Решил два частных случая – и все.

Л у ч и я. Попробуй еще раз.

К а р д а н о. Звезды говорят: мой срок идет к концу.

Л у ч и я. Не верю!

К а р д а н о. Молчи, женщина! Я скоро умру. Это факт. Ваше сиятельство, одну партию.

С ф о н д р а т о. Нет. (*Опрокидывает шахматную доску.*)

К а р д а н о (*достает карты*). Тогда в картишки?

С ф о н д р а т о. Финита! Я всегда рад видеть тебя как гостя, уважаемый Джиролоамо. Ибо нет никого в Милане, кто мог бы состязаться с тобой в уме и эрудиции. Но ты должен обещать мне: ты никогда не переступишь порог моего дома с мыслью об игре.

Пауза.

К а р д а н о (*зрителям*). Веселье кончилось. Мы поплелись домой.

Кабинет Кардано в Милане. Луиджи сидит за столом и читает книгу. Учебная доска исписана математическими символами. Входят Кардано и Лучия.

Ф е р р а р и (*вскакивает*). Ой! Синьор учитель! Так рано?

К а р д а н о. Что нового в Италии и в мире?

Ф е р р а р и. Больные постоянно стучатся в дверь и спрашивают вас.

К а р д а н о. Я завтра начну прием. Что еще?

Ф е р р а р и. Письмо от издателя Петреуса.

К а р д а н о. Прочти.

Ф е р р а р и (*читает*). «Синьор Кардано, ваша книга “Практика общей арифметики” успешно раскупается в Германии, Франции, Англии и странах Севера. Я готов к сотрудничеству на любых условиях».

К а р д а н о. Отправь ему все рукописи. И напиши: новых сочинений не будет. Я пуст, как скорлупа разбитого яйца. (*Достает карты.*) Сыграем?

Ф е р р а р и. У меня нет денег.

К а р д а н о. Где они? Я проиграл тебе целое состояние, Луиджи.

Л у ч и я. Луиджи отдает все деньги мне. Мы на них живем.

К а р д а н о (*Феррари*). И себе ничего не оставляешь?

Ф е р р а р и. Все, что имел, я дал Энрико. Он поехал в книжную лавку.

К а р д а н о. Зачем?

Ф е р р а р и. Хозяин лавки прислал гонца. Тарталья издал

новый труд.

К а р д а н о. Проклятье! Он опубликовал формулу!

Л у ч и я. Слава Богу!

К а р д а н о. Что ты сказала?

Л у ч и я. Батиста! Твой папочка вернулся домой и хочет тебя видеть. (*Уходит.*)

К а р д а н о. Это конец. Битва проиграна.

Входит Энрико с мешком.

Э н р и к о (*достает книгу*). Научили Луиджи читать на мою голову. Теперь ему книги покупай. (*Уходит.*)

К а р д а н о (*хватает книгу*). «Никколо Тарталья. Искусство артиллерии». (*Листает.*) «Механика». «Баллистика». «Топография». Формулы нет!

Ф е р р а р и. Ее нет в природе.

К а р д а н о. Есть. Тарталья умен. Смотри. Он решил задачу – под каким углом направить пушку, чтобы снаряд летел дальше.

Ф е р р а р и. И какой ответ? (*Смотрит в книгу.*) Сорок пять градусов. Похоже.

К а р д а н о. Я сойду с ума.

Ф е р р а р и. Синьор учитель! Что толку мучиться? Вы скоро нас покинете. Сыграем напоследок? Шахматы, карты, кости. Выбирайте.

К а р д а н о (*достает кинжал*). Издеваться?

Ф е р р а р и (*отскакивает*). Синьор учитель, а как же ваш гороскоп!? Вы сами заявили: «мои дни сочтены». Кстати, насчет гороскопов. Предположим, в бою погибло десять тысяч воинов. Получается, они имели один и тот же гороскоп. В такой толпе Козерог, Овен и Телец так столкнутся рогами, что все смешается. Водолей выплеснет всю воду. Дева лишится невинности. Рак попятится назад. Весы испортятся.

К а р д а н о. Замолчи! Я смерти не боюсь. Пусть приходит. Я проиграл, Луиджи. Я думал: Бог назначил мне особую судьбу. Я избран им и должен быть достоин этой чести. Теперь я вижу: я ошибся. Я такой, как все. Нет, хуже всех: бездарный и порочный. Но я еще живой.

Ф е р р а р и. Еще как живой. Слегка опухли от пьянства.

Кардано смотрит на Феррари.

Молчу.

К а р д а н о. И пока я жив, я хочу увидеть формулу.

Ф е р р а р и. Зачем? Она не ваша.

К а р д а н о. Плевать! Мне интересно! Я обращаюсь к Тарталье напрямую. (*Зрителям.*) Я был готов на все, чтобы узнать секрет.

Употребить любые средства. Обманывать, лукавить, пресмыкаться. Я понял, я готов убить. (*Феррари.*) Садись. Пиши.

Феррари садится за стол и берет перо.

«Досточтимый синьор Никколо, меня зовут Джироламо Кардано. Я врач и философ. До меня дошли слухи, что на открытом диспуте в Вероне вы заявили, что знаете ответ уравнения “куб плюс вещь равно числу”...»

На другом конце сцены появляются Тарталья и Энрико.

Т а р т а л ь я (*читает письмо*). «... Любезно прошу вас переслать мне найденное вами решение. Я готов опубликовать ваш результат в своей новой книге. Разумеется, под вашим именем. Прилагаю краткий перечень трудов: “О причинах болезней”. “Тайна астрологии”. “Законы диалектики”. “Состав воздуха”. “Руководство по врачеванию”. “Афоризмы”. “Теория музыки”. “О рождении на седьмом месяце”. Изобретения: “Масляный светильник”. “Замок с секретом”. “Часовой механизм”. “Метод шифровки писем”». Твой хозяин весьма плодovit.

Э н р и к о. Мой хозяин – большой ученый.

Т а р т а л ь я. Плодовит, как кролик. Передай своему хозяину, чтобы он простил меня великодушно: если я захочу опубликовать мое открытие, то я сделаю это в своей собственной книге, а не в книге другого.

Э н р и к о. Мой хозяин просит вас оказать любезность: решить вот эти задачи и передать ему ответы. (*Протягивает лист.*)

Т а р т а л ь я (*читает*). «Два человека создали банк. Их прибыль равна кубу одной десятой их капитала. Каков их капитал...» (*Просматривает лист.*) Задачи сводятся к уравнению «куб плюс вещь равно числу». Ваш хозяин хитер. Ответы подскажут решение. Но ему не обдурить Тарталью. Я не буду их решать. (*Бросает лист.*) Но в знак особого уважения к твоему хозяину я готов передать ему вот это. (*Протягивает свой лист.*)

Э н р и к о. Что это?

Т а р т а л ь я. Задачи моего противника на диспуте в Вероне. Я решил их и желаю доктору Кардано проделать то же самое.

Тарталья передает лист Энрико и уходит. Энрико берет лист, пересекает сцену и передает его Кардано.

К а р д а н о. Это всё?

Э н р и к о. Всё.

К а р д а н о. Наглый хвостун! (*Феррари.*) Садись. Пиши: «Я очень удивлен, мой дорогой синьор Никколо, тому нелюбезному ответу, который вы сочли уместным дать моему слуге. Я хочу вам напомнить, что в математике вы значительно ближе к заболоченной

долине, чем к горной вершине».

Ф е р р а р и. Так вы ничего не добьетесь, синьор учитель.

К а р д а н о. Молчи и пиши!

Появляются Тарталья и Энрико.

Т а р т а л ь я (*читает*). «Тем не менее, позвольте заверить вас, что я отношусь к вам с великим уважением, и как только появилась ваша прекрасная книга “Искусство артиллерии”, я немедленно купил ее. Она мне так понравилась, что я намереваюсь преподнести ее герцогу Милана. Я знаком с ним лично. Поздравляю! У вас отличная возможность получить пост советника по вооружению при дворе герцога». Советник по вооружению! Недурно. Как этого достичь?

Энрико пересекает сцену.

Э н р и к о. «Советник по вооружению. Недурно. Как этого достичь?»

К а р д а н о (*Феррари*). Пиши: «Я дам вам рекомендацию. Герцог ценит талантливых людей и одаривает их столь щедро, что все счастливы находиться у него в услужении. Приезжайте без промедлений. И пусть Христос оградит вас от беды».

Энрико пересекает сцену и передает письмо Тарталье. Тот читает.

Лишь бы он клонул. Клянусь, мы узнаем его тайну!

Т а р т а л ь я. Ехать не хочется ужасно. Но если я не поеду, герцог решит, что я ненадежный человек. (*Энрико.*) Передай своему хозяину, я завтра выезжаю. (*Уходит.*)

Энрико пересекает сцену.

Э н р и к о. Синьор Тарталья уже в пути.

К а р д а н о. Он едет!

Ф е р р а р и. Он едет!

К а р д а н о. Лучия!

Входит Лучия.

Дорогая! К нам прибывает важный гость. Подай козий сыр, хлеб, вино.

Л у ч и я. У меня припасена бутылка тосканского.

К а р д а н о. Превосходно. Неси.

Лучия и Энрико уходят.

Ф е р р а р и. Тосканское! Синьор учитель, давайте позовем

публичных девок. Они его закрутят. Тарталья размякнет и откроет тайну. Зуб даю. Я бы раскололся.

К а р д а н о. Формулу за девку? Смеешься?! Нет в мире девы, прелести которой способны перевесить прелесть формулы для куба. Я чувствую Тарталью. По вкусам мы похожи.

Ф е р р а р и. Скорей, по возрасту.

К а р д а н о. Прекрати болтать. Напиши великую загадку.

Феррари вытирает доску и пишет:

$$x^3 + bx = a$$

Поставь доску вот сюда. Я не хочу пугать его раньше времени.

Ф е р р а р и. Он не выдаст вам секрет, синьор учитель. Даже если вы достанете кинжал. Зуб даю.

К а р д а н о. Забавная идея. *(Достает кинжал.)*

Ф е р р а р и *(испуганно)*. Что вы задумали, синьор учитель?

К а р д а н о. Я готов на все.

Входит Энрико.

Э н р и к о. Ваше сиятельство, к вам прибыл синьор Тарталья.

К а р д а н о *(прячет кинжал)*. Проси.

Феррари уходит к себе в каморку. Входит Тарталья.

К а р д а н о. Бесконечно рад приветствовать в моем доме выдающегося инженера Никколо Тарталью!

Т а р т а л ь я. Бесконечно счастлив видеть знаменитого доктора Кардано!

К а р д а н о. Я с превеликим удовольствием прочел ваш труд «Искусство артиллерии».

Т а р т а л ь я. А в наших краях все хвалят вашу книгу «Практика общей арифметики». Вы собирались написать мне рекомендацию. Где она?

К а р д а н о. Куда спешить? Давайте сначала перекусим.

Входит Лучия с подносом с вином и закусками.

Знакомьтесь! Моя жена Лучия. А это мой высокий гость, синьор Тарталья.

Л у ч и я. Я очень рада. Прошу к столу.

Слышны звуки флейты.

Т а р т а л ь я *(садится за стол)*. Благостные звуки.

Л у ч и я. Это наш сын Батиста. Я попросила его сыграть для вас.

Т а р т а л ь я. Премного благодарен.

Л у ч и я. Батиста скоро уезжает в Падую учиться на врача. Я уже скучаю и плачу.

К а р д а н о (Лучии). Довольно, не мешай.

Лучия уходит. Кардано разливает вино.

Т а р т а л ь я. Судьба благоволит вам, синьор Кардано, – у вас красивая жена и умный сын.

К а р д а н о. И замечательный друг Никколо Тарталья! За ваше здоровье!

Т а р т а л ь я. За ваше процветание!

Выпивают. Кардано еще раз разливает вино.

К а р д а н о. Хочу поднять отдельный тост за вас – за истинного служителя науки!

Т а р т а л ь я. Не преувеличивайте. «Я в знаниях значительно ближе к заболоченной долине, чем к горной вершине».

К а р д а н о. Не придирайтесь, дорогой Никколо. Я оценил ваш талант, когда услышал о вашей победе на диспуте в Вероне. По когтям узнают льва.

Т а р т а л ь я. Не стоит похвал, дорогой Джироламо. Мой противник Антонио Фиори оказался ничтожным болтуном. Мы обменялись десятью задачами. Я решил его задачи за два часа. А он не решил ни одной.

К а р д а н о. Десять задач за два часа? Вы можете гордиться.

Ф е р р а р и (высовывается). Если задачи на квадраты, то это – раз плюнуть. Зуб даю.

Т а р т а л ь я (не замечает, чей это голос). Эй, полегче. Пять задач сводились к кубу.

К а р д а н о. Вот к этому. (Указывает на доску.)

Тарталья видит запись на доске.

Т а р т а л ь я. Именно к нему.

К а р д а н о. И как вы поступили?

Т а р т а л ь я. Я очень испугался. Диспуты в Вероне известны всей Италии. Испортить репутацию легко, а вот вернуть ее... Я понял: я пропал. Без общей формулы мне эти задачи не решить. Я сел и за одну ночь вывел ее.

К а р д а н о. За одну ночь? Великий подвиг. За это стоит выпить. За формулу Никколо Тарталья!

Выпивают.

Дорогой Никколо, я предлагаю дружеский обмен: я даю вам рекомендацию герцогу, а вы даете мне свою формулу.

Т а р т а л ь я. Лучше деньгами. Назовите цену.

К а р д а н о. Мне деньги не нужны. Дайте мне формулу. И мы в расчете.

Т а р т а л ь я. Все что угодно, только не формулу.

К а р д а н о. Но почему?

Т а р т а л ь я. Вы прекрасный математик, дорогой Джироламо. Зная эту формулу, вы сделаете другие открытия.

К а р д а н о. Так сделайте их сами. Формула у вас в руках.

Т а р т а л ь я. Я пробовал. Никак.

К а р д а н о. Давайте соединим усилия.

Т а р т а л ь я. Извините, но я привык один.

К а р д а н о (*зрителям*). Презренный эгоист. (*Тарталье.*) У вас не получилось. Значит, и у меня не выйдет.

Т а р т а л ь я. А может, выйдет.

К а р д а н о (*зрителям*). Жалкий скупердяй! (*Тарталье.*) Скорей, не выйдет.

Т а р т а л ь я. А вдруг выйдет?

К а р д а н о. Я обещаю не печатать ее без вашего согласия.

Т а р т а л ь я. Как я могу вам верить?

К а р д а н о. Где Библия? (*Берет Библию.*) Я, Джироламо Кардано из Милана, клянусь святым Евангелием Бога нашего Иисуса Христа никогда и никому не открывать формулу Никколо Тартальи из Брешии и хранить сие открытие в зашифрованном виде так, чтобы и после моей смерти никто не смог бы расшифровать написанное. И да будет эта клятва тому порукой. Аминь.

Пауза.

Т а р т а л ь я. Простите, уважаемый Джироламо. Формула – моя собственность. Она не продается. Надеюсь, я вас не очень обидел.

К а р д а н о. Ну что вы, несколько. Вас созерцать – большая честь и радость.

Т а р т а л ь я. А где моя рекомендация?

К а р д а н о. Рекомендация есть выражение доверия. Как мне доверять вам, если вы не доверяете мне?

Т а р т а л ь я. Я так и знал! Отбросьте казуистику! Вы дали обещание, а теперь уходите в кусты.

К а р д а н о. Я лгун? (*Хватается за кинжал.*) Я никогда в жизни не нарушал своего слова!

Т а р т а л ь я. Вы, вы угрожаете мне силой?

К а р д а н о. Хватит говорить! Пару минут придется потерпеть. Сейчас я отрежу вам уши, расковыряю голову и выну формулу.

Т а р т а л ь я. Он сумасшедший! Спасите!

К а р д а н о. Ха-ха-ха! *(Бросает кинжал.)* Разве можно добиться бессмертия, грабя чужие головы?

Т а р т а л ь я. Подайте мою лошадь! Я уезжаю! Немедленно!

К а р д а н о. Подождите. *(Садится. Пишет.)* «Герцогу Милана Франческо Сфорца Второму. Ваша светлость, податель сего письма Никколо Тарталья – искусный инженер. Он сделал блестящие открытия в математике и баллистике. Лучшего советника по вооружению вам не найти. Преданный вам, доктор Джироламо Кардано». *(Протягивает ему письмо.)* Вот рекомендация. Убирайтесь.

Т а р т а л ь я *(берет письмо)*. Вы лучше, чем я думал. *(Уходит. Останавливается.)* Получается, если я не верю клятве, произнесенной на Библии, я безбожник?

К а р д а н о. Вам виднее. Верно сказал Данте:

«Ум, знание, вежество, широкий взгляд,
Искусство, слава, равнодушие к лести,
Отвага, красота и верность чести
И деньги – далеко не полный ряд
Достоинств, что способны
Безумство победить.
Но плачь:
Какое бы ты средство ни привлек,
Ты проиграешь битву, будь уверен».

Т а р т а л ь я. Я тоже балуюсь стишками. И положил на них мою формулу:

«Когда куб рядом с вещью
Вместе равны числу любому,
Задай два неизвестных,
На него разнящихся.
И допусти
Простое правило, что их произведение
Должно равняться трети числа при вещи.
Возьми от них кубы
И верно вычти их.
Остаток даст тебе искомое значение».

Не забудьте, вы дали клятву. *(Уходит.)*

Кардано вскакивает. Появляется Феррари. Наперебой пишут на доске.

К а р д а н о. «Когда куб (x^3) рядом с вещью (bx) вместе равны числу любому (a), задай два неизвестных, на него разнящихся» ($U - V = x$).

Ф е р р а р и. «И допусти простое правило, что их произведение должно равняться трети числа при вещи» ($UV = b/3$). Подставляем в уравнение. Вычеркиваем. Упрощаем.

К а р д а н о. «И верно вычти их. Остаток даст тебе искомое

значение».

$$x = \sqrt[3]{a/2 + \sqrt{(a^2/4 + a^3/27)}} + \sqrt[3]{-a/2 - \sqrt{(a^2/4 + a^3/27)}}$$

Ф е р р а р и. Вот она, формула!

Феррари уходит.

К а р д а н о (*зрителям*). Решение Тартальи развязало мой ум. Открыло широкую дорогу. Я двинулся по ней. Прошло пять лет. Книга «Великое искусство. Правила алгебры» была готова. Но ее судьба повисла в воздухе. (*Садится за стол.*)

Входит Феррари с пачкой листов.

Ф е р р а р и. Я все проверил еще раз. Вычисления, текст, таблицы. Ошибок нет. (*Кладет перед Кардано рукопись.*)

К а р д а н о. Спасибо. (*Отдвигает рукопись.*)

Ф е р р а р и. Рукопись готова.

К а р д а н о. Не мешай.

Ф е р р а р и. Отошлем издателю?

К а р д а н о. Отстань.

Ф е р р а р и. Синьор учитель!

К а р д а н о. Я работаю над энциклопедией «О природе вещей».

Ф е р р а р и. А как же эта книга? (*Указывает на рукопись.*)

К а р д а н о. Тарталья не разрешает печатать формулу. А без нее вся книга теряет смысл.

Пауза.

Ф е р р а р и. А если?

К а р д а н о. Никаких «если». Я на глазах Тартальи дал клятву Богу. И Всевышний помог мне написать эту книгу.

Ф е р р а р и. Тарталья будет сидеть своей толстой задницей на своей формуле, пока не содохнет. Зуб даю.

К а р д а н о. Возможно, так, а может быть, и нет.

Ф е р р а р и. Вы говорите загадками, синьор учитель.

К а р д а н о. Убирайся.

Ф е р р а р и. Куда вы отправили Энрико, синьор учитель? Синьор учитель!

К а р д а н о. Я вспомнил диспут в Вероне, где победил Тарталья. И подумал: зачем Антонио Фиоре задал Тарталье задачи на куб, не зная ответа?

Ф е р р а р и. Фиоре блефовал.

К а р д а н о. А может быть, он знал ответ.

Ф е р р а р и. Он знал формулу? Откуда? Фиоре дубина. Бездарь.

К а р д а н о. Не спеши. Фиоре учился в Болонье у знаменитого профессора дель Ферро. Возможно, он вывел что-то у своего учителя.

Ф е р р а р и. Надо спросить дель Ферро напрямую.

К а р д а н о. Дель Ферро нет в живых. Я послал Энрико с письмом к его дочери.

Входит Энрико, таща за собой мешок.

Э н р и к о. Вот вам бумаги синьора дель Ферро, царство ему небесное. Дочка, славная женщина, все отдала. *(Уходит.)*

Кардано и Феррари набрасываются на привезенные бумаги.

Ф е р р а р и. «Эллипсы. Тетраэдры. Конусы».

К а р д а н о. «Переводы Демокрита».

Ф е р р а р и. «Лекции по логике».

К а р д а н о. «О дробях». Больше ничего?

Ф е р р а р и. Еще одна папка. «Алгебра»... Вот она! *(Поднимает лист.)*

К а р д а н о *(берет лист)*. Она! Формула уравнения куба! Дата. «Тысяча пятьсот двадцать пятый год».

Ф е р р а р и. Тарталья не был первым, кто открыл формулу! Первым был дель Ферро!

К а р д а н о. А вот дель Ферро я ничего не обещал.

Ф е р р а р и *(берет в руки рукопись)*. В печать?

К а р д а н о. В печать!

Ф е р р а р и. Ура-а! Я поехал.

К а р д а н о. Подожди. Я должен всех упомянуть.

Ф е р р а р и. Зачем?

К а р д а н о. Скрыть правду перед вечностью? Невозможно. Садись. Пиши. «Предисловие. Несравненный математик дель Ферро открыл решение уравнения куб плюс вещь равно числу. Позже наш друг Никколо Тарталья...»

Ф е р р а р и. Какой он друг!

К а р д а н о. Пиши! «Позже наш друг Никколо Тарталья решил ту же самую проблему и после долгих просьб передал эту формулу мне. Дальнейшее я открыл сам или с моим учеником Луиджи Феррари». Все. Конец.

Феррари берет рукопись и уходит.

(Зрителям.) «Великое искусство» вышло в свет. Тарталья прочел мой труд. Жутко обозлился. И ответил трактатом под названием

«Вопросы науки».

Появляется Тарталья, размахивая книгой.

Т а р т а л ь я. Уважаемые синьоры!

Все, кто страстно желает новых открытий,
Не краденных у Евклида с Демокритом,
Читайте мою книгу.
Заодно
Вы познакомитесь с одним миланцем,
Мошенником по имени Кардано.

К а р д а н о (*зрителям*). Я решил не унижаться до глупой свары.

Т а р т а л ь я. Кардано невежа в математике. Тривиально мыслит. Вульгарен в обращении. Его книги полны фантазий, достойных осмеяния.

К а р д а н о (*зрителям*). Тарталья не унимался. Я продолжал молчать. Не выдержал Феррари.

Появляется Феррари.

Ф е р р а р и (*Тарталье*). Мне попала на глаза ваша книга. Вы имели наглость утверждать, что синьор Кардано не смыслит в математике. И прочую дребедень. Положение его сиятельства (*указывает на Кардано*) не позволяет ему отвечать вам, сыну почтальона. За него это сделаю я. Ведь я – его создание. Я вызываю вас на публичный диспут по геометрии, арифметике, астрономии, архитектуре и перспективе.

Т а р т а л ь я. А! Ученик невежи! Очень славно. Я принимаю вызов. Захватите учителя на диспут. Я буду счастлив намылить шеи вам обоим. Да так отменно, как это не сделает ни один миланский брадобрей.

Тарталья и Феррари уходят.

К а р д а н о (*зрителям*). Диспут был назначен в церкви Святой Марии дель Жиардано. Я объявил, что уезжаю по делам. Но не поехал. И спрятался в толпе. (*Надевает шляпу и плащ.*)

Публичный диспут. Жюри. Председательствует Сфондрато.

С ф о н д р а т о. Мы начинаем публичный диспут. Синьоры, прошу вас представиться по форме.

Т а р т а л ь я. Меня зовут Никколо Тарталья из Брешии. Я математик и инженер.

Ф е р р а р и. Меня зовут Луиджи Феррари из Бергамо. Я ученик доктора Кардано.

С ф о н д р а т о. Синьор Тарталья, вам слово.

Т а р т а л ь я. Граждане Милана! Перед тем как начать диспут,

позвольте заявить: его учитель – человек без совести и чести. Он украл мою формулу!

Шум в толпе.

Сфондрато. Спокойней, синьор Тарталья. Что он у вас украл?

Тарталья. Формулу уравнения куба.

Сфондрато. Я знаю, как крадут деньги и лошадей. А как крадут формулы? Если я напишу вашу формулу на клочке бумаге, я ее украду?

Смех в толпе.

Тарталья. Ваша честь, представьте, что вы сочинили поэму, а я ее перепису, а потом присвою.

Феррари. Неправда! Вы сочинили не поэму, а лишь введение к ней. Поэму написал синьор Кардано. Он создал теорию решения уравнений. Ввел линейные преобразования. Нашел их общие свойства...

Сфондрато. Жюри не интересуют подобные детали.

Тарталья. Щенок! Ты будешь читать мне лекции? Я открыл прекрасную формулу. А Кардано заманил меня к себе в дом, хитростью выманил формулу и напечатал ее в своей книге. Она продается по всей Европе! *(Показывает книгу.)* Кардано вор!

Сфондрато. И как вы пострадали от этой кражи?

Тарталья. Раньше строители и банкиры составляли уравнения и обращались ко мне. Теперь я им не нужен. Они могут решать уравнения сами. Он украл мой заработок! *(Кладет раскрытую книгу перед Сфондрато.)*

Сфондрато. Ваш учитель украл эту формулу?

Феррари. Тарталья сам дал ее синьору Кардано.

Тарталья. Он поклялся на Библии, что не опубликует ее! Он клятвопреступник!

Первый. Кардано безбожник!

Второй. Позор!

Третий. Судить его!

Феррари. Граждане Милана! Я слышал весь разговор учителя с этим синьором.

Сфондрато. Дал ли синьор Кардано клятву на Библии не публиковать эту формулу?

Феррари. Да, он дал клятву и строго держал ее. А после мы узнали, что покойный профессор дель Ферро первым открыл формулу. И никаких запретов не оставил. *(Поднимает книгу.)* Смотрите! Кардано в предисловии все сказал. *(Тарталье.)* Он сделал ваше имя известным всему миру.

Тарталья. Что толку! Все зовут эту формулу формулой Кардано. Он украл мою славу!

Феррари. Кто в этом виноват? Вы сами скрыли формулу от мира, а теперь жалуетесь, что мир вас не признает.

Сфондрато. Хватит прений! Жюри отклоняет претензии синьора Тартальи к синьору Кардано. Начинаем диспут.

Кардано (*зрителям*). Тарталья проиграл. И в тот же день уехал. (*Феррари.*) Спасибо, Луиджи.

Феррари. «Я сделал все, что мог. Кто может, пусть сделает лучше».

Сфондрато. Синьор Феррари, я поражен вашими познаниями в науках. Мы ищем человека возглавить налоговое ведомство Милана. Вы готовы?

Феррари. Давайте подходящую зарплату, и мы договоримся. Зуб даю.

Все, кроме Кардано, уходят. Кабинет Кардано в Риме. Кардано надевает халат и шапочку.

Кардано (*зрителям*). Вот так закончилась история «великой контрроверзы». Мои книги разлетелись по свету. Пришла слава. Я побывал в десятках дальних мест. Больные искали моего совета. Ученые искали моей компании. Короли устраивали приемы в мою честь. Это был триумф. Домой я вернулся с репутацией великого мыслителя и лучшего врача Европы.

Входит Лучия.

Лучия. Ты ничего не сказал про меня, Джироламо. Я умерла до твоего триумфа.

Кардано. Я рассказал им суть (*машет рукой в зал*). Все остальное – семейные детали.

Лучия. Ты никогда не любил меня.

Кардано. Неправда. Я любил тебя. Я подарил тебе сапфир. (*Берет со стола камень.*) Светло-синий. Кристально чистый.

Лучия. Ты подарил его за три месяца до моей смерти. Я даже не успела его оправить. Ты бросил меня больную и уехал читать лекции о своей «великой книге». Ты спешил к славе.

Кардано. У тебя был жар. Легкий жар. И больше ничего. Я прописал отвар и выехал.

Лучия. И пропустил начало воспаления. Жар перешел в горячку. И я сгорела, «лучший врач Европы».

Кардано. Ты зачем пришла? Рвать мне сердце?

Лучия. Наш внук. Он вырос сиротой. Он рано или поздно узнает правду. Пусть лучше от тебя. Начни вот так: «Твой отец Батиста был честен, добр, но чересчур доверчив. Он стал врачом. И сразу же женился на твоей матери Брандонии Серони. Ее родные

его не уважали».

К а р д а н о. Скажи прямо: издевались! Бездельники и плуты!

Л у ч и я. А ты? Чем ты помог Батисте? Ты отказал ему от дома!

К а р д а н о. Он женился за моей спиной. Без моего благословения. Я умолял его порвать с семьей Серони. Готов был выслать деньги.

Л у ч и я. Батиста тебе не доверял. Ты был далек от сына. Ты думал о своем успехе! И больше ни о чем! *(Хочет уйти.)*

К а р д а н о. Лучия! Прощу! Не уходи!

Лучия останавливается. Слышна задорная мелодия флейты.

Помнишь наше путешествие на озеро? Был теплый яркий день. Мы с Батистой катались на лодке, а ты собирала цветы. Потом мы бегали наперегонки, валялись на траве, шутили. У нас была корзина с едой. Вино, хлеб, сыр. Скажи, ты была счастлива тогда?

Л у ч и я. Поторопись. Твой путь идет к концу.

Музыка обрывается. Лучия уходит.

К а р д а н о. Я старался спасти его! Я сделал все, что мог!

Загорается луч света. В освещенном кругу появляются Сфондрато и Легат.

С ф о н д р а т о. Суд города Милана слушает дело об отравлении гражданином Батистой Кардано своей жены Брандонии.

Л е г а т *(читает)*. «Следствием установлено: обвиняемый попросил аптекаря изготовить яд в лечебных целях. Затем он подговорил своего слугу положить яд в домашний торт. Семья Серони отравилась, но выздоровела. Брандония умерла. Ее организм был ослаблен после родов. Обвиняемый признал свою вину». Вот протокол допроса.

С ф о н д р а т о. Открываем дебаты. Кто желает выступить в защиту Батисты Кардано? Никто?

Появляется Кардано.

К а р д а н о. Я хочу выступить.

С ф о н д р а т о. Представьтесь суду официально.

К а р д а н о. Меня зовут Джироламо Кардано. Я врач и гражданин Милана.

С ф о н д р а т о. Говорите.

К а р д а н о *(читает)*. «Мой сын Батиста Кардано совершил преступление. Злодейское по сути. Безумное по исполнению. Злодеем и безумцем Батисту сделала его жена Брандония Серони. До замужества она была распутницей. Весь город это знает.

Изменилась ли она после замужества? Нет. Она прилюдно хвасталась, что имеет любовников. Она заявила, что Батиста не отец ребенка. Вот список свидетелей. (*Поднимает лист.*) Представьте себе юношу, пораженного величайшим позором, испуганного за будущее сына. Одержимый гневом и отчаянием, он решился на преступление. Батиста виновен! Изгоните его из Милана! Но не убивайте его!».

С ф о н д р а т о. Ваше время истекло.

К а р д а н о. Если вам нужна жизнь, возьмите мою! Я виноват! Я был плохим отцом!

С ф о н д р а т о. Суд удаляется на совещание.

Сфондрато и Легат уходят.

К а р д а н о (*зрителям*). Я верил в положительный исход. Я знал всех судей. Лечил их жен, детей.

В освещенном кругу появляется Сфондрато.

С ф о н д р а т о. Внимание! Суд города Милана рассмотрел дело Батисты Кардано. Его вина доказана. Этот человек убил мать десятидневного младенца. Любые аргументы в его защиту бледнеют перед этим злодеянием. Суд постановил казнить преступника. (*Уходит.*)

Луч света гаснет.

К а р д а н о (*зрителям*). После казни я уехал в Рим. Я был раздавлен. Мысль о сыне не уходила. Что только я не делал, чтоб забыть! Носился на лошади. Бил себя розгами. Кусал себе плечо. Пытался плакать. Играть на флейте. Боль не стихала. Я понял – я схожу с ума. Я стал молить Бога послать мне смерть. И первый раз уснул. Во сне явился некто. Он повелел взять этот сапфир в рот. (*Поднимает сапфир.*) И случилось чудо: я все забыл! Теперь, как подступают плохие мысли, я его – раз! (*Кладет сапфир в рот.*)

Входит Энрико.

Э н р и к о. Скоро ночь. Последний раз спрашиваю: есть будете?

К а р д а н о (*вынимает сапфир изо рта*). Позови Андриано. И принеси воды. Я должен принять лекарство.

Энрико уходит. Входит Андриано.

Садись, мой мальчик.

Андриано садится. Входит Энрико, ставит кружку и уходит.

Я стар и плох. Возможно, скоро я тебя покину. Не плачь. Ведь ты мужчина. Вот завещание. Дом, вещи, деньги, книги перейдут к тебе. Ты не будешь нуждаться, как в юности нуждался я. Пора всерьез

подумать о карьере. Музыка прекрасна. Я сам играл когда-то. Ты играешь лучше. У тебя есть дар. Но игрой на флейте ты вряд ли что-то достигнешь. Имей в виду: жизнь коротка, искусство вечно, наука необъятна.

Кардано продолжает говорить, не замечая, как Андриано встает, берет флейту и уходит.

Ты можешь высоко подняться. Прославиться в веках. И я хотел того же. Я много совершил. И многого лишился. Я потерял жену и сына. Твоего отца.

Слышна флейта.

(Оглядывается.) Андриано! Ушел! Я не сказал, что должен. Как он играет! Он хочет быть счастливым. А слава не означает счастья. Может быть, он прав. Что есть слава? Блеск имени? Но если душа бессмертна, к чему ей блеск имени? Тешить себя в холодном пустом пространстве? А если душа не бессмертна? Если все поколения должны иметь конец и все погибнет? И в конце останутся лишь кролики и белки? Чушь! Не верю! Бог нас сотворил и наградил талантом не для пустой забавы. Нет. Бог ждет от нас стремления к совершенству. Я делал то, чего желал Господь! *(Приподнимается.)* Я вижу формулу! Формулу для счастья! Он должен ее знать. Андриано! Не слышит. Надо дожить до завтра. Энрико! Дай мне поесть! Энрико! *(Падает.)*

Пауза. Входит Энрико.

Э н р и к о. Опять затеял дудеть. Как с ним сладить? Упрямей моего осла. Хозяин! Что с вами? Пресвятая дева, спаси и сохрани! Андриано! Иди сюда! Андриано!

Музыка обрывается. Вбегает Андриано. Энрико и Андриано застывают над умершим Кардано. На авансцене появляются граждане Рима.

П е р в ы й. В его теориях я смыслю мало. А вот энциклопедию читал не отрываясь.

В т о р о й. Там много занятных штучек. Взять эту – как уменьшить тряску в карете. Ее прозвали «подвеска Кардано». Или карданный вал.

П е р в ы й. Да, штука остроумная.

Т р е т ь и й. Пора проверить – астролог еще здесь или убыл в лучший мир.

П е р в ы й. Он там. *(Показывает вверх.)*

В т о р о й. Он здесь.

Т р е т ь и й. Мне все равно, кто выиграл, лишь бы выпить.

Конец.

Бен-Эф – по жизни Ёся Коган, родился и всю жизнь прожил в Москве, пока в 1992 г. не переехал в Штаты. По образованию математик, кончил мехмат МГУ и позже защитил кандидатскую диссертацию. Приехав в Нью-Йорк, читал вводные курсы лекций по статистике в Курантовском институте, потом работал в Чикагском и Иллинойском университетах, а затем – статистиком в фармацевтических компаниях. Участвовал в двух сборниках «Страницы Миллбурнского клуба».

Стихотворения

Страх поколений

Страх поколений – в моих коленях.

С виду казаться хочу молодцом –
Всосан Гулаг был с грудным молоком.

Вечером слышу над озером гром –
Дед пережил Кишиневский погром.

41-й, 37-й
Ночью приходят в Чикаго за мной.

Я – сумасшедший, безумный старик:
Имя сменил, здесь – другой материк.

Дверь запираю на десять замков –
Вдруг с того света примчится Ежов!

Сын или внук мои будут смелей –
Межпоколенный весь высохнет клей.

Не обижай...

Не обижай ни кошек, ни собак,
ни женщин, ни детей, ни попугаев –
пускай они всё делают не так
и видят в нас с тобою негодяев...

Но не кричи – тебя не так поймут:
поменьше слов – побольше поцелуев...
Они с тобою до конца пойдут,
воскликнув в миг последний: Аллилуйя!

Твой Zoo

Ты с черной пантерой дружишь,
ты с рыжею кошкой знаком,
что рысью по комнате кружит,
с зеленою выдрой из лужи
и с мышкою с серым хвостом,

с коварной змеею гремучей,
что свилась на шее клубком,
и с нежностью и холодком
могильным, глазеночки пучит –
жизнь в горле торчит, будто ком...

Как с мышкою серенькой шустрой, –
чтоб было всем змеям пусто,
всем кошкам! – тебе хорошо,
и все оживают чуйства,
и страх этот липкий прошел.

К животной природе привязан
невидимым поводком, –
запуганным дикобразом,
с иголками, вставшими разом,
в свой Zoo ты вползаешь – твой дом!

Меж женщин

Среди женщин полусумасшедших
мое детство, молодость прошла –
ставших мной и от меня ушедших,
душу мне спаливших всю дотла.

Мой сыночек полусумасшедший –
дома революция, война –
мною не ставший, от меня ушедший,
мамки чьей? – моя теперь вина.

От Богов держаться бы подальше,
чтобы не сгореть от их огня;
от Богинь... Где глупенький мой мальчик?
С ними мы, с тобой – одна родня.

